

СТОСАКУ ЭНАО МОЛСАНХЕ, САМУРАЙ

СТОСАКУ
ЭНАО

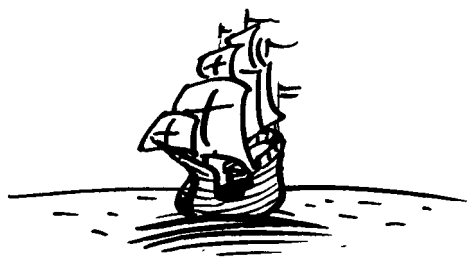
МОЛСАНХЕ
—
САМУРАЙ

Москва
«РАДУГА»
1989

沈
默·
侍

СЮСАКУ ЭНДО

МОЛЧАНИЕ
—
САМУРАЙ

РОМАНЫ

Перевод с японского

ББК 84.5Я
Э61

Перевод И. Львовой, Г. Дуткиной, В. Гривнина

Послесловие Л. Громковской

Эндо Сюсаку. Молчание. Самурай: Романы; Пер.
Э61 с япон. / Послесл. Л. Громковской. — М.: Радуга,
1989. — 448 с.

Сюсаку Эндо, член японской Академии изящных искусств, — писатель, широко известный как в Японии, так и во всем мире.

Роман «Молчание» раскрывает драматическую страницу японской истории — начало ее самоизоляции, когда власти, искореняя новую религию, начали жесточайшие гонения на христиан.

Роман «Самурай», удостоенный высокой литературной премии Нома, повествует о трагической судьбе посланной в Европу японской торгово-дипломатической миссии.

Э 4703020100-317 49-89
030(01)-89

ISBN 5-05-00-22-48-7

© Перевод на русский язык и
послесловие издательство «Радуга»,
1989

Произведение, отмеченное в
содержании знаком *, издано на
языке оригинала до 1973 г.

沈
默

МОЛЧАНИЕ

Перевод И. Львовой и Г. Дуткиной

ПРОЛОГ

Римская курия получила поразительное сообщение: посланец португальского ордена иезуитов Кростован Феррейра отрекся от веры после пытки «ямой» в Нагасаки. Тридцать три года он прожил в Японии, возглавляя иезуитскую общину, вдохновляя своим примером священников и верующих мирян. Выдающийся богослов, Феррейра сумел в самый разгар гонений на христиан проникнуть в край Камигата, чтобы нести туда Слово Божие. Письма его всегда дышали неколебимой верой и мужеством. Немыслимо, чтобы такой человек стал отступником, предал Церковь. А потому и в Риме и в Лиссабоне сочли сообщение ложью, гнусным наветом еретиков-голландцев и японцев.

Разумеется, из посланий миссионеров в Риме было известно, как обстоит дело с распространением христианства в Японии. Начиная с 1587 года Хидэёси, верховный правитель Японии, ранее поощрявший христианство, принялся искоренять веру Христову: в Нагасаки сожгли на костре двадцать шесть мучеников — католических миссионеров и верующих японцев. По всей стране христиан изгоняли из жилищ, пытали, предавали мучительной казни. Гонения продолжил сёгун Токугава¹, в 1614 году издавший указ об изгнании за пределы страны всех христианских священников.

По сообщениям миссионеров, в течение двух дней — шестого и седьмого октября означенного года — в местечко Кибати на острове Кюсю свезли более семидесяти священнослужителей, в том числе японцев, и, силой затолкав их в семь китайских джонок, отплывавших в Макао и Манилу, навсегда выслали из страны. Лил дождь, серое море было беспокойно; джонки покинули бухту и, обогнув мыс, скрылись за горизонтом.

Но, несмотря на указ, тридцать семь миссионеров,

¹ Токугава, Иэясу (годы правления: 1603—1616). Сёгуном назывался военный правитель Японии. — *Здесь и далее прим. ред.*

не в силах бросить свою паству на произвол судьбы, тайно остались в Японии. В их числе был и Феррейра. В своих донесениях, которые он по-прежнему часто посылал отцам ордена, Феррейра сообщал о новых и новых казнях оставшихся миссионеров. Сохранилось его послание, отправленное из Нагасаки двадцать второго марта 1632 года апостолическому делегаторию Андреасу Бармейро. В нем содержится исчерпывающее описание обстановки в Японии в те годы.

«В предыдущем послании к Вашему преосвященству я обрисовал тяжелое положение здешней христианской общины. Теперь пишу Вам о последующих событиях — это новые гонения, притеснения, страдания. Сперва поведаю о судьбе, постигшей Бартоломео Гутьерреса, Франсиско де Хесуса, Висенте де Сан-Антонио (все трое — братья ордена святого Августина), а также Антонио Исиду, брата нашего ордена иезуитов, и Габриэля де Санта-Маддалена, францисканца. Губернатор города Нагасаки, Унэмэ Такэнака, пытался принудить их отречься от веры, дабы надругаться над нашим святым учением и тем самым подорвать мужество верующих. Однако вскоре он понял, что уговорами невозможно поколебать стойкость святых отцов. Тогда он решил прибегнуть к другому средству — а именно подвергнуть их пытке в кипящем серном источнике на вулкане Ундзэн.

Доставив всех пятерых к вершине Ундзэн, он приказал пытать их до тех пор, пока они не отрекутся от веры Христовой, но ни в коем случае не замучить до смерти. Кроме этих пятерых пытке подлежали также Беатриса да Коста, жена Антонио да Силва, и ее дочь Мария — за то, что тоже отказались отречься, хотя к этому их принуждали уже долгое время.

Третьего декабря несчастных отправили из Нагасаки к горе Ундзэн. Женщин несли в паланкинах, мужчины ехали верхом. Так распростились они с миром.

По прибытии в гавань Хими, близ Нагасаки, им связали руки, набили на ноги колодки и крепко-накрепко привязали к бортам лодки. К вечеру прибыли в Кохаму — что у самого подножия вулкана Ундзэн, — и на другой же день они поднялись на вершину. Всех семерых заперли в тесной хижине. Днем и ночью они сидели связанные, в колодках; хижину окружала стража. У Такэнаки хватает людей, однако местный правитель тоже

прислал охрану, так что с узников не спускали глаз. По всем дорогам, ведущим к Ундзэн, стояла стража, и без особого разрешения, подписанного властями, никто не смог бы туда проникнуть.

Наутро началась пытка. Каждого из семерых обреченных поодиночке подводили к впадине, заполненной вырывающейся из недр кипящей водой, и, указывая на жгучие брызги, уговаривали добровольно отречься от христианской веры, прежде чем крутой кипяток причинит им невыносимые муки. Было холодно, и пар бурлил над поверхностью озера с неистовой силой; если б не Божья помощь, от одного этого зрелища можно было бы лишиться чувств. Но все семеро, укрепившись духом по милости Господа нашего, отвечали, что готовы вытерпеть пытку, но от веры не отрекутся. Услышав столь решительный ответ, чиновники приказали узникам снять одежды, затем снова связали по рукам и ногам и, зачерпнув черпаком добрые полведра, принялись поливать кипятком жертвы. Причем выливали его не разом: в черпаке были проделаны отверстия, дабы продлить мученья.

Мученики веры мужественно терпели пытку. Только юная Мария упала на землю, не в силах вынести нечеловеческую муку. «Отрекась! Отрекась!» — закричали чиновники, отнесли девушку в хижину и на другой день отправили в Нагасаки. Мария протестовала, твердила, что вовсе не отрекалась, умоляла подвернуть ее пытке, как мать и прочих узников, но ее не послушали.

Остальных продержали на вершине Ундзэн тридцать три дня. Антонио и Франсиско, а также Беатрису пытали шесть раз, Висенте — четырежды, Бартоломео и Габриэля — дважды; добавлю, что во время пыток никто из них не издал ни единого стога.

Больше других мучили Антонио и Франсиско, а также Беатрису. Ей пришлось особенно тяжело; женщину принуждали отречься, но, несмотря на все угрозы и пытки, она проявила мужество, которое украсило бы любого мужчину, а посему, помимо пытки кипящей водой, ее еще заставляли часами стоять неподвижно на крохотном камушке, под градом угроз и насмешек. Но чем больше свирепствовали чиновники, тем крепче становился ее дух.

Остальные трое были больны и слабы, так что их не терзали слишком жестоко — губернатор добивался не смерти, а отречения. По той же причине власти прислали врача, чтобы лечить их раны.

Наконец Такэнака понял, что никакими пытками уз-

ников не сломить, напротив, ему доложили, что скорее иссякнут источники на вершине Ундзэн, чем удастся заставить их отречься от веры, — и губернатор приказал вернуть мучеников в Нагасаки. Пятого января Беатриса да Коста поместили в непотребное заведение, а святых отцов заточили в темницу, где они томятся и по сей день. Жестокий тиран был посрамлен. Так завершилась эта борьба, вселившая мужество в верующие души, и это послужило лишь еще большему распространению в народе нашего Святого учения».

В Риме не допускали и мысли, чтобы Феррейра, при-
славший такое письмо, мог предать Бога и Церковь и по-
кориться язычникам, как бы жестоки ни были пытки.

* * *

1635 год, Рим. Четверо священников во главе с пре-
подобным Рубино твердо решили достигнуть Японии,
чтобы очистить Святую Церковь от позорящих ее слухов
об отступничестве Феррейры и продолжить в Японии
тайную проповедь Христианства. Поначалу этот на пер-
вый взгляд безрассудный план не встретил одобрения
отцов Церкви. Конечно, подобный душевный пыл и ре-
лигиозное рвение внушали симпатию, но Церковь не ре-
шалась послать новых миссионеров в языческую страну,
где их подстерегала смертельная опасность. Вместе с тем
добрые семена христианства, посеянные некогда Фран-
циском Ксавье¹, дали в этой стране обильные всходы,
и невозможно было лишить японских верующих духов-
ных пастырей, это было чревато гибелью веры. Мало то-
го, в те времена отречение падре Феррейры в крошечной
и далекой Японии, находившейся на самом краю земли,
не было просто предательством отдельного человека —
то было бы позорным крушением веры, посрамлением
всей Европы. Последнее соображение взяло верх —
падре Рубино и его единомышленники получили раз-
решение отбыть в Японию.

Независимо от них трое молодых португальских свя-
щенников тоже задумали, хотя и по несколько иным

¹ Франциск Ксавье (Хавьер, Франсиско: 1506—1552 гг.) — испан-
ский иезуит, друг и ученик Игнасио де Лойолы, один из первых миссио-
неров ордена иезуитов на востоке Азии и в Японии. Занимался миссио-
нерской деятельностью в Латинской Америке. Причислен католической
церковью к лику святых.

причинам, тайно пробраться в Японию. В прошлом все они были учениками Феррейры, читавшего курс богословия в семинарии при старинном монастыре Кампо-Лидо. Все трое — Франсиско Гаррпе, Жоан де Санта-Марта и Себастьян Родригес — готовы были смириться с мыслью, что их наставник Феррейра принял мученическую кончину, но чтобы он, как жалкий пес, пресмыкался перед язычниками — этому они отказывались поверить. Их твердую убежденность разделяло все португальское духовенство. Юноши стремились в Японию, чтобы выявить истинное положение вещей. В Португалии, так же как и в Италии, отцы Церкви после некоторых сомнений и колебаний все-таки покорились решимости молодых людей и дали согласие на это опасное предприятие. Это было в 1637 году.

Трое друзей стали немедленно готовиться к долгому путешествию. В те времена португальские миссионеры обычно отправлялись на Восток из Лиссабона с караваном судов, плывших в Индию. Проводы каравана были событием, будоражившим весь Лиссабон. Далекая восточная «Зипангу», находившаяся, как казалось раньше, на самом краю света, обретала теперь для них живые краски. Разворачивая карту, они видели далеко за Африкой португальские владения в Индии, еще дальше тянулась россыпь островов и разные азиатские страны. Япония, крохотная, похожая на гусеницу, помещалась на самом восточном краю карты. Чтобы попасть туда, нужно было сперва добраться до Гоа в Индии, со времен Франциска Ксавье служившего для миссионеров воротами на Восток; оттуда еще предстояло плыть — долгие дни и месяцы — по морям и океанам. В Гоа было две духовные семинарии, где обучались юноши из многих восточных стран, а европейцы-миссионеры получали знания о тех странах, куда им предстояло затем отбыть. Нередко ждать попутного корабля приходилось полгода, а то и год.

Трое путешественников тоже не теряли времени, стараясь как можно больше узнать о Японии. К счастью, еще со времен Луиша Фроиша португальские миссионеры регулярно присылали из Японии подробные донесения. Из них следовало, что новый правитель Японии, сёгун Иэмицу¹, преследует христиан с еще большей жестокостью, чем его дед и отец. Особой свирепостью отлича-

¹ Токугава, Иэмицу (годы правления: 1623—1651) — третий сёгун из дома Токугава.

ется губернатор города Нагасаки, Унэмэ Такэнака: требуя отречения от христианской веры и возвращения к буддизму, он подвергает верующих нечеловеческим истязаниям. Случается, за один день в Нагасаки казнят по семьдесят человек. Достоверность этих сообщений не внушала сомнений, сам Феррейра тоже присылал на родину письма такого же содержания. Во всяком случае, с самого начала следовало быть готовыми к тому, что после долгого и трудного плавания в Японии их ожидают испытания, быть может еще более тяжкие, чем этот путь.

Себастьян Родригес родился в 1610 году в небольшом, известном своими рудниками городке Таско и семнадцати лет посвятил себя служению Богу. Жоан де Санта-Марта и Франсиско Гарпе, оба уроженцы Лиссабона, сблизились с Родригесом в семинарии при монастыре Кампо-Лидо. С самого первого дня они сидели бок о бок на семинарской скамье и хорошо знали учителя Феррейру, читавшего им богословие.

Сейчас Феррейра находился где-то там, в Японии... Изменились ли после пыток его ясные голубые глаза, его лицо, излучавшее сияние доброты? Родригес с друзьями часто задумывались над этим. Но допустить, чтобы это лицо исказила тень унижения, — нет, этого представить себе они не могли. Невозможно было поверить, чтобы их учитель отринул Бога, отрекся от истины... Родригес с товарищами стремились во что бы то ни стало добраться до Японии, чтобы узнать, жив ли падре Феррейра, узнать, какова его участь.

* * *

Двадцать пятого марта 1638 года, под гром пушек крепости Белен, Индийская флотилия покинула устье реки Тежо. Получив благословение епископа Жоана Даско, Родригес с друзьями поднялся на борт флагманского корабля «Санта-Изабелла». Вот уже позади остались желтые воды устья, корабль заскользил по ярко-синему, озаренному полуденным солнцем морю, а они, опершись о поручни, еще долго смотрели на горы, купавшиеся в солнечном свете. Красноватые стены сельских хижин, церкви... Ветер доносил колокольный звон, провожавший флотилию.

В те времена, чтобы попасть в Вест-Индию, нужно было обогнуть Африку. У западных ее берегов на флотилию обрушился ураган.

Второго апреля прибыли на остров Порту-Санту, затем на Мадейру, шестого апреля — на Канарские острова, после этого при лившем непрерывно дожде начался полный штиль. Течением корабли отнесло назад, к северу.

При полном штиле стояла мучительная жара. На кораблях появилось много больных. Только на «Санта-Изабелле» более сотни больных лежало на палубе и в каютах, стелая от боли. Родригес и его спутники вместе с матросами ухаживали за больными, помогали делать кровопускание.

Двадцать пятого июля, в день святого Иакова, корабли обогнули мыс Доброй Надежды. В тот день опять налетел сокрушительный ураган. На «Санта-Изабелле» сломалась грот-мачта, с громким треском рухнув на палубу. С трудом удалось убрать паруса, чтоб уберечь их от гибели, для чего пришлось призвать на помощь не только Родригеса с товарищами, но и всех больных. Вслед за тем судно наскочило на риф. Не приди на выручку другие суда, возможно, «Санта-Изабелла» пошла бы ко дну.

После шторма снова начался штиль. Паруса бессильно свисали с мачт, отбрасывая не дающую прохлады, бесполезную мрачную тень на больных, неподвижно, как мертвецы, лежавших на палубе. День за днем под раскаленным солнцем сверкала ровная морская гладь без малейших признаков ряби. Стала ощущаться нехватка продовольствия и пресной воды. В таком плачевном состоянии девятого октября флотилия наконец-то достигла Гоа.

В Гоа друзьям удалось получить гораздо более точные сведения о Японии: в январе того года, когда они покинули Португалию, в Симабаре вспыхнуло восстание христиан, в котором участвовало тридцать пять тысяч человек, но после тяжелых боев с правительственными войсками восставшие, мужчины и женщины, юноши и старики, были беспощадно истреблены, так что в результате Симабара, район восстания, почти полностью обезлюдела, а уцелевшие христиане подвергаются поголовным гонениям. Но самым тяжелым ударом было известие, что после этой войны Япония прервала торговлю с Португалией, запретив португальским судам появляться в японских водах.

Узнав, что кораблей, плывущих в Японию, отныне не будет, друзья, близкие к отчаянию, все же добрались до Макао. В стремлении Португалии на Восток этот го-

род служил ей опорным пунктом, базой для торговли с Японией и Китаем. Друзья прибыли сюда в надежде, что счастливый случай поможет им пробраться в Японию, но услышали недвусмысленное предостережение апостольского делегатора падре Валиньяно. «Отныне миссионерская деятельность в Японии безнадежна, — сказал он, — мы не считаем возможным отправлять миссионеров в Японию, это слишком опасно».

Десять лет назад Валиньяно создал в Макао академию для подготовки миссионеров, отправляющихся в Японию и Китай. После того как в Японии начались гонения на христиан, ему было доверено руководство японской иезуитской общиной.

О Феррейре Валиньяно тоже сообщил некоторые сведения: с 1633 года от оставшихся в Японии проповедников перестали приходить письма, но от голландских купцов, прибывших из Нагасаки, он слышал, будто Феррейру схватили и подвергли пытке в «яме»; дальнейшая же его судьба неизвестна, выяснить, что с ним случилось, не удалось, потому что голландское судно покинуло порт Нагасаки как раз в тот день, когда Феррейру только начали пытать. Известно лишь, что допрос Феррейры лично вел вновь назначенный губернатор Иноуэ, правитель Тикуго. «Во всяком случае, при нынешнем положении недопустимо отправлять миссионеров в Японию», — решительно объявил Валиньяно молодым священникам.

В наши дни есть возможность познакомиться с содержанием нескольких писем Себастьяна Родригеса, хранящихся в португальском Институте истории Заморских владений. Первое из этих писем начинается с рассказа о том, как Родригес с друзьями узнали от падре Валиньяно об отчаянном положении христиан в Японии.

ГЛАВА I

ПИСЬМО СЕБАСТЬЯНА РОДРИГЕСА

Рах Christi ¹! Слава Христу!

Как я уже писал Вашему преосвященству, девятого октября прошлого года мы прибыли в Гоа, а первого мая сего года — в Макао, но в трудном плавании товарищ

¹ Мир во Христе (лат.).

наш Жоан де Санта-Марта занемог и страдает от частых приступов лихорадки, так что только мы двое — Гаррпе и я — удостоились радушного приема в здешней академии, приема, который помог нам снова воспрянуть духом.

Прискорбно лишь, что ректор академии падре Валиньяно, живущий здесь уже десять лет, сначала решительно воспротивился нашему стремлению отбыть в Японию. Беседуя с нами в своем кабинете, из окон которого открывается вид на гавань, он сказал:

— Отныне нужно отказаться от посылки миссионеров в Японию. Для португальских кораблей плавание теперь крайне затруднено: на пути в Японию их подстерегают бесчисленные опасности.

Он прав. После 1637 года японское правительство, заподозрив португальцев в содействии смуте в Симабаре, полностью прекратило торговлю с нашей страной. Больше того, от Макао до японских прибрежных вод в море встречаются корабли реформатов — англичан и голландцев; они обстреливают наши суда из пушек.

— Но если мы отправимся скрытно, наше плавание может увенчаться успехом... Господь поможет нам! — с жаром возразил Жоан де Санта-Марта. — Христиане в Японии сейчас подобны овцам, лишенным пастыря. Кто-то непременно должен поехать, чтобы вселить в них мужество и не дать угаснуть пламени веры...

При этих словах ректор Валиньяно нахмурился и некоторое время молчал. Можно не сомневаться, он и сам давно страдал душой при мысли о скорбной участи гонимых христиан, а также памятуя о своем долге главы здешней иезуитской общины. Облокотившись о стол и прикрыв глаза рукой, падре Валиньяно долго безмолвствовал.

В лучах заходящего солнца море, видневшееся из окна, казалось кроваво-красным; по нему черными зернышками были разбросаны китайские джонки.

— Нам предстоит выполнить еще одну задачу. Мы должны узнать, что случилось с нашим учителем, падре Феррейрой...

— Его судьба нам не известна. Сведения, которыми мы располагаем, крайне туманны. Но сейчас у нас нет возможности хотя бы проверить их достоверность.

— Значит, он жив?

— Даже этого мы не знаем. — Тяжело вздохнув, Его преосвященство взглянул на нас. — От него уже давно не было писем. С 1633 года. Кто может сказать — заболел ли он и, не приведи Бог, скончался, или томится в тем-

нице, или, как вы склонны предполагать, принял мученический венец... А может быть, он все еще жив и хотел бы послать восточку, да нет возможности...

Падре Валиньяно ни разу не обмолвился о слухах, будто учитель Феррейра, не выдержав пыток, изменил вере; очевидно, так же, как мы, не хотел оскорбить старую дружбу даже малейшим подозрением.

— И вот еще что... — задумчиво проговорил он. — С недавних пор в Японии объявился человек, весьма опасный для христиан. Это некий Иноуэ.

Иноуэ... Мы впервые услышали тогда это имя. По словам падре Валиньяно, по сравнению с этим Иноуэ прежний губернатор Нагасаки, Такэнака, — просто-напросто грубый, невежественный мужлан.

И-но-у-э... Мы несколько раз повторили про себя непривычное имя, чтобы хорошенько его запомнить, ибо в Японии нам, возможно, доведется встретиться с этим человеком.

В последнем сообщении, присланном христианами — жителями острова Кюсю, содержались кое-какие сведения о новом губернаторе. Там сообщалось, что после восстания в Симабаре Иноуэ возглавил преследование христиан. Он действует совершенно иначе, нежели его предшественник Такэнака. Со змеиным коварством он принуждает отречься многих и многих — даже тех, кого ранее не могли сломить никакие пытки или угрозы.

— Но в особенности прискорбно, — заключил падре Валиньяно, — что в прошлом он тоже исповедовал нашу веру и даже принял крещение...

Возможно, в будущем мне еще доведется писать Вашему преосвященству об этом гонителе христиан... Как бы то ни было, падре Валиньяно, человек весьма осторожный — хотя бы по причине своего высокого положения в Ордене, — все же не смог противостоять нашему воодушевлению, в особенности страстной убежденности Гаррпе, и дал согласие на наш отъезд в Японию. Итак, жребий брошен... Во всяком случае, пока нам уже удалось во славу Господа и ради спасения души японцев добраться на Восток. Возможно, впереди нас ждут трудности и опасности куда страшнее тех, что довелось испытать во время плавания вокруг Африки. Но не даром в Писании сказано: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой». В душе моей звучат слова Апокалипсиса: «Достоин Ты, Господи, приять славу и честь и силу; ибо ты сотворил все и *все* по Твоей воле существует и сотворено».

Когда я вспоминаю эти строки, все прочее представляется попросту недостойным внимания.

Как я уже писал Вашему преосвященству, Макао лежит в дельте большой реки, на многочисленных островах. Как все города на Востоке, он не имеет крепостных стен, поэтому непонятно, где кончается город; это скопище убогих лачуг китайцев, сложенных из засохшей серо-коричневой глины. Во всяком случае, ни один город или селение у нас в Португалии не похож на Макао, так что вряд ли Ваше преосвященство может составить себе хоть какое-то представление о здешних местах. Говорят, будто в Макао проживает около двадцати тысяч человек, но эта цифра никак не может быть точной. Единственное, что напоминает здесь о нашей родине, так это дворец губернатора в центре города, здание торговой фактории в португальском стиле и одна-единственная мощенная камнем улица. Пушки повернуты к гавани, но, к счастью, их еще ни разу не пришлось пускать в дело.

Китайцы в подавляющем большинстве своем равнодушны к нашей религии. В этом отношении Япония поистине предрасположена к восприятию христианской веры более, чем любая другая страна Востока; это отмечал еще святой Франциск Ксавье. Но вот ирония судьбы: с тех пор как японское правительство запретило своим судам покидать пределы страны, вся торговля шелком-сырцом сосредоточилась в руках португальских купцов в Макао, так что, как говорят, вывоз шелка из гавани Макао в этом году значительно возрастет — до четырехсот тысяч золотых против ста тысяч в прошлом и позапрошлом годах.

* * *

Сегодня я могу сообщить Вашему преосвященству счастливую весть. Вчера нам наконец-то удалось свести знакомство с одним японцем. Говорят, что раньше в Макао было довольно много японцев — купцов, монахов, но после злополучного указа о закрытии страны японцы перестали сюда приезжать, а потом и последние, что еще остались здесь, тоже вернулись на родину. Сам падре Валиньяно, хорошо знающий здешнюю обстановку, уверил нас, что в городе нет ни одного японца, как вдруг счастливый случай позволил нам узнать, что некий японец живет здесь среди китайцев!

Вчера мы под дождем отправились в китайский город подыскивать судно, которое могло бы доставить нас

в Японию. С трудом удалось отыскать подходящую джонку; теперь следовало нанять матросов и шкипера. В дождливую погоду этот несчастный городишко выглядит еще более жалким. Улицы, море — все кругом сплошь серого цвета. Китайцы попрятались по своим лачугам, похожим скорее на хлев, чем на человеческое жилье; на раскисших дорогах ни души. Сам не знаю почему, эти дороги навели меня на мысль о тяготах человеческой жизни, и в сердце закралась грусть.

Заглянув к знакомому китайцу, мы рассказали ему о нашем деле, и тот сразу же ответил, что здесь, в Макао, живет японец, который мечтает вернуться на родину. По нашей настоятельной просьбе сын хозяина тотчас же побежал за этим японцем.

Затрудняюсь описать вам этого первого в моей жизни японца. В комнату вошел оборванный подвыпивший человек. Зовут его Китидзиро, на вид ему лет сорок. Отвечая на наши расспросы, он мало-помалу разговорился: по его словам, он рыбак из провинции Хидзэн (это близ Нагасаки); попал сюда еще до восстания в Симабаре — сбившись с курса, заблудился в море, но был спасен португальским судном. Даже во хмелю выражение лица у него хитроватое. Разговаривая с нами, он смотрел в сторону, избегая встречаться взглядом.

— Вы христианин? — спросил Гаррпе. При этом вопросе Китидзиро вдруг умолк. По правде сказать, не пойму, почему вопрос Гаррпе смутил его. Сперва он казался не слишком словоохотливым, но постепенно стал разговорчивее и рассказал о преследованиях христиан на острове Кюсю. Говорит, будто сам видел, как в провинции Хидзэн, в деревне Курасаки, по приказу местного князя казнили на «водяных крестах» свыше двадцати христиан. Вот что такое «водяной крест»: у побережья в морское дно вбивают деревянный столб с перекладиной и привязывают к нему обреченного. Когда наступает время прилива, вода доходит до пояса. Жертва постепенно слабеет и примерно через неделю испускает дух в страшных муках. Пожалуй, даже римский император Нерон не додумался до такой чудовищной казни...

Странное дело: шепотом рассказывая нам об этом жутком зрелище, Китидзиро внезапно умолк, а потом вдруг замахал руками, будто отгонял от себя эти воспоминания. Возможно, среди тех мучеников были его друзья или близкие, и мы, сами того не ведая, вложили персты в открытые раны.

— Так, значит, вы все-таки христианин? — опять настойчиво спросил Гаррпе.

— Нет, нет! — замотал головой Китидзиро. — Что вы...

— Но вы хотите вернуться в Японию. А мы, по счастью, присмотрели суденышко, и у нас есть деньги, чтобы нанять матросов. Так что, если вы хотите отправиться вместе с нами...

В мутных от хмеля желтоватых глазах Китидзиро блеснула хитринка; обхватив колени руками, он принялся уверять нас, точно оправдываясь, что просто хочет увидеть родителей, сестер и братьев — вот единственное его желание.

Мы тотчас же начали договариваться с этим нерешительным, робким японцем. В темной грязноватой комнатухе с нудным жужжанием роились мухи, пол был усеян пустыми бутылочками из-под вина. Но что нам оставалось — ведь, высадившись в Японии, мы очутимся в совершенно незнакомом нам месте. Нужно будет отыскать христиан, которые укрыли бы нас и помогли хотя бы на первых порах. Чтобы найти их, нам не обойтись без этого человека.

Прежде чем согласиться, Китидзиро долго раздумывал, отвернувшись лицом к стене, но в конце концов ответил утвердительно. Конечно, для него это довольно рискованное предприятие, но все же он решился — как видно, понял, что, упустив такой случай, может быть, уже никогда больше не увидит Японии.

* * *

При содействии падре Валиньяно нам, кажется, удастся заполучить большую джонку. Но как неверны и обманчивы людские расчеты! Сегодня нам сообщили, что лодка сильно источена белыми муравьями. А здесь так трудно достать смолу и жезь!

* * *

Каждый день я понемножку пишу это письмо, и оно становится похожим на дневник, только что не проставлены даты... Запаситесь терпением и читайте... Неделю назад я писал, что белые муравьи сильно повредили приобретенное нами судно, но, к счастью, с Божьей помощью удалось справиться с этой бедой. Джонку обшили изнутри досками; мы собираемся достичь в ней Формозы и, если

суденышко наше выдержит плавание, оттуда напрямик отправимся в Японию. Молим Господа лишь о том, чтобы в Китайском море не попасть в шторм.

* * *

Теперь перехожу к горестному известию. Я уже писал Вам, что Санта-Марта, совсем ослабевший за время долгого, изнурительного плавания, в довершение всех бед заболел малярией. Сейчас он лежит пластом с новым приступом лихорадки, у него то жар, то озноб. Вы представить себе не можете, какой он худой, изможденный — а ведь раньше был крепким, сильным мужчиной. Глаза налиты кровью, мокрая салфетка, которую кладут ему на лоб, чтобы облегчить страдания, в одно мгновение становится такой горячей, будто ее окунули в кипяток. Не может быть и речи о том, чтобы везти больного в Японию. Падре Валиньяно тоже сказал, что не даст разрешения на отъезд, если мы вознамеримся взять с собой Санта-Марту.

— Мы отправимся вперед, — утешал Гаррпе больного, — и все устроим к твоему приезду, только выздоравливай...

Но кто предскажет, доживет ли он до этого часа, и кто знает, не попадем ли мы в плен к язычникам, подобно другим христианам?

Санта-Марта оброс бородой, щеки ввалились. Он молча смотрел в окно, сквозь которое видно было, как солнце, похожее на красный стеклянный шар, постепенно погружается в море. О чем думал наш товарищ в эти минуты? Ваше преосвященство хорошо его знает и, наверное, догадывается, о чем... О том дне, когда, благословляемый Вами и Его преосвященством Даско, он взшел на корабль... О долгом и трудном плавании... О страданиях из-за болезни и жажды... Во имя чего мы вынесли это? Зачем приплыли сюда, на край света, в этот жалкий городишко на Востоке?.. Мы, священнослужители, несчастное племя, мы родились лишь затем, чтобы всецело посвятить себя служению людям, но священник, лишенный этой возможности, несчастен вдвойне. В особенности такой, как наш Санта-Марта. В Гоа он стал еще более ревностным почитателем святого Франциска Ксавье, он каждый день посещал могилу этого праведника, окончившего свои дни в Индии, и усердно молился о благополучном исходе нашего путешествия.

Каждый день мы возносим молитвы во исцеление больного, но покамест состояние его не улучшается. Впрочем, что ни делается, все к лучшему; неисповедимы пути Господни, их не постичь разуму человеческому... Приближается время нашего отплытия, через две недели мы выходим в море. Верую, что Господь сотворит чудо и все завершится благополучно.

Ремонт купленной джонки продвигается довольно успешно, места, поврежденные муравьями, законопачены и обшиты досками, так что судно совершенно преобразилось. Двадцать пять моряков-китайцев, которых с помощью падре Валиньяно нам удалось нанять, так худы, что походят на больных после нескольких месяцев голодовки. Однако мышцы их жилистых рук напоминают мотки железной проволоки и обладают удивительной силой. Этими руками они играючи поднимают самые тяжелые ящики с провиантом. Не руки, а просто железные клещи... Теперь нам осталось ждать лишь попутного ветра.

Что до японца Китидзиро, так он тоже трудится вместе с китайцами, таскает ящики, помогает чинить паруса, а мы стараемся получше присмотреться к этому человеку, которому вручаем, быть может, свою судьбу. Пока нам удалось уяснить только то, что личность он довольно изворотливая, хитрая, но, судя по всему, свойства эти проистекают из присущей ему слабости духа.

Недавно мы стали свидетелями неприглядной сцены: в присутствии китайца-надсмотрщика Китидзиро старается работать весьма усердно, но стоит тому отлучиться, как Китидзиро сразу начинает отлынивать, так что китайцы, сперва молча смотревшие на его проделки, в конце концов потеряли терпение и задали ему хорошую взбучку. Все это не заслуживало бы упоминания, но нас поразило другое: стоило матросам повалить его на землю и пнуть разок, как японец, бледный от страха, стал ползать на коленях, униженно прося прощения. В таком поведении нет ничего общего с христианским смирением, это просто-напросто низменное малодушие труса. Подняв к китайцам перепачканную физиономию, он что-то кричал по-японски: изо рта текла струйка грязной слюны. И я вдруг догадался, отчего он так внезапно умолк, когда при нашей первой встрече речь зашла о японских христианах, — наверное, испугался собственной откровенности.

Как бы то ни было, мы поспешили вмешаться, уладили ссору; с тех пор Китидзиро встречает нас подобострастной улыбкой.

— Скажите, вы в самом деле японец? — спросил его Гаррпе.

— Конечно!.. — изумленно ответил Китидзиро. Неудивительно, что Гаррпе задал такой вопрос. Дело в том, что мой товарищ слишком уж уверовал в героизм японцев, о которых многие миссионеры писали, будто это «народ, не боящийся даже смерти». В самом деле, есть же японцы, в течение многих суток выносящие пытку на «водяном кресте» и не предающие свою веру. Но вместе с тем, очевидно, встречаются и такие, как Китидзиро, — нестойкие, слабые духом. И от подобного человека будет зависеть наша судьба в Японии! Правда, он обещал, что сведет нас с христианами, которые согласятся приютить нас. Но теперь, уж право, не знаю, насколько можно верить его посулам.

Тем не менее сомнения мои не означают, что наша решимость поколебалась. Напротив, становится даже весело при мысли, что наши судьбы будут отныне зависеть от такого субъекта, как этот Китидзиро. В самом деле, ведь даже Господь наш вручал свою жизнь недостойным доверия людям. В любом случае выбора у нас нет, остается лишь положиться на Китидзиро: стало быть, так и поступим...

Вот только скверно, что он питает неодолимое пристрастие к вину. Похоже, он тратит на выпивку все деньги, что получает вечером от надсмотрщика. И когда напьется — зрелище угнетающее; кажется, он пьянствует, чтобы прогнать какие-то воспоминания, погребенные на дне души.

* * *

Ночь в Макао начинается под долгое, заунывное пение труб — это трубят солдаты Королевского форта. Здесь, в монастыре — как и у нас в Португалии, — после вечерней трапезы монахи идут на молитву в часовню, после чего братья со свечами в руках расходится по кельям. Вот только что по вымошенному камнем двору прошло несколько послушников... В комнатах, отведенных Гаррпе и Санта-Марте, свечи уже погашены. Да, поистине мы находимся на краю земли...

Я сижу, опустив руки на колени. Горит свеча. Я весь во власти сознания, что нахожусь сейчас далеко, на самом краю света, в неведомом Вашему преосвященству месте, где Вам никогда не доведется побывать... Странное, почти

мучительное, трудно объяснимое ощущение... В памяти всплывает и бескрайнее, невыразимо страшное море, и бесчисленные гавани, которые мы посетили. Сердце сжимается при этом воспоминании. Уж не сон ли это? Но нет, это явь. Хочется громко воскликнуть — чудо!.. Неужели я и впрямь здесь, в Макао?! Я все еще не в силах поверить этому до конца...

Тишину ночи нарушает лишь легкое сухое шуршание — по стене ползет большой таракан.

«Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари.

Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» — так говорил воскресший Иисус возлежавшим на вечере ученикам своим. Ныне я следую указанным им путем и мысленно представляю себе облик Господа. Какое у Него было лицо? В Священном писании об этом не говорится. Как известно Вашему преосвященству, на заре христианства Христа изображали в образе пастуха. В тунике и коротком плаще, он одной рукой придерживает за ножки перекинутого через плечо ягненка, другой — сжимает посох. Это привычный нашему взору облик юноши, какой можно повсюду увидеть в наших селениях. Образ ласковый, мягкий. Восточная Византийская церковь создала иной образ — большой нос с горбинкой, кудрявые волосы, черная борода... Лицо с восточными чертами. А средневековые живописцы придали его облику величавость королей. Но сегодня ночью перед моим мысленным взором встал Иисус, которого я видел на фресках монастыря Борго-Сан-Сепульхеро. Тогда я только-только поступил в семинарию, и это изображение навсегда запечатлелось в моей памяти. Одной ногой Христос попирает гробы, а в правой руке держит крест. Взор Его устремлен прямо на нас, лик исполнен божественной силы — как в ту минуту, у моря Тивериадского, когда, обращаясь к ученику своему Симону Петру, он трижды призывал: «Паси агнцев моих. Паси овец моих. Паси овец моих». Я люблю этот лик. Он притягивает меня к себе, как лицо возлюбленной притягивает взор юноши.

* * *

До отъезда остается всего пять дней. У нас нет даров для Японии, кроме жара наших сердец, и потому сейчас мы всецело поглощены заботой о наших душах. О Санта-Марте больше писать не буду. Господь не утешил нас,

даровав исцеление нашему бедному другу. Но все, что ни творит Господь, — благо. Наверное, провидение уготовило ему иное предназначение, исполнить которое предстоит ему в будущем.

ГЛАВА II

ПИСЬМО СЕБАСТЬЯНА РОДРИГЕСА

Paх Christi! Слава Христу!

Не знаю, как рассказать Вам на нескольких листках бумаги обо всем, что случилось с нами за эти два месяца. К тому же положение таково, что неизвестно, попадет ли в конечном итоге это письмо в руки Вашего преосвященства. И все же не могу не писать, чувствую, что просто обязан это сделать.

После отплытия нам благоприятствовала на редкость хорошая погода. Небо было ясным и чистым, над волнами мелькали стайки летучих рыбок, сверкавшие серебром. Каждое утро мы с Гарпе благодарили Господа за спокойное плавание. Но вскоре налетел первый шторм. Это случилось в ночь на шестое мая. Подул юго-восточный ветер. Опытные матросы убрали все паруса, кроме одного. Ночью однако пришлось опустить и его, вверив нашу джонку ветру и волнам, но вскоре в носовой части образовалась течь, сквозь которую стала проникать вода. Почти до рассвета все трудились не покладая рук — затыкали щель парусиной, вычерпывали воду.

На рассвете буря наконец улеглась. Все — и матросы, и мы с Гарпе — совершенно без сил неподвижно лежали между ящиками с провиантом, устремив глаза в небо, по которому плыли на восток темные, набухшие влагой тучи. В эти минуты мне вспомнился святой Франциск Ксавье, восемьдесят лет назад плывший в Японию, преодолевая неизмеримо большие трудности. Наверное, он, как и мы, смотрел после шторма в такое же мутное, белое как молоко, предрасветное небо. И не только он... Многие годы сотни миссионеров, обогнув Африку, миновав берега Индии, пересекали это море, чтобы посеять семена нашей веры в Японии. Епископ Серкейра, падре Балинья, Органтино, Гомес, Памелио, Лопес, Грегорио... — всех не перечесть. Немало из их числа погибло уже у самых берегов Японии, упокоившись на дне морском вместе с затонувшим судном, как, например, преподобный Жиль де ла

Матта. Что вело их вперед, через такие мучения? Что вдохнуло в их душу страстную волю? Теперь я их понимаю. Все они вглядывались в такое же мутное небо, в плывущие на восток темные тучи. О чем они думали в те минуты? И это я знаю отныне...

Из-за тюков донеслись жалобные стоны Китидзиро. Этот ленивый трус почти не помогал матросам во время шторма; бледный до синевы, он трясся от страха, забившись в щель между ящиками. Его беспрерывно рвало, и он, валяясь в отвратительно пахнущей луже, что-то шептал по-японски.

Сперва мы с Гаррпе, так же, как все матросы, с презрением наблюдали столь малодушное поведение. Мы были слишком измучены, чтобы прислушиваться к нему. Но вдруг мое ухо уловило среди невнятного бормотания слова «граса»¹ и «Санта Мария». Валяясь, словно свинья, в омерзительной луже, этот человек совершенно явственно произнес «Санта Мария».

Мы с Гаррпе переглянулись. Возможно ли, что этот трус, все время не только не помогавший, но, скорее, даже мешавший в сем, — возможно ль, чтобы он был одной с нами веры? Нет, нет! Истинно верующий не может быть таким малодушным.

— Ты христианин? — спросил его Гаррпе.

Китидзиро, приподняв голову, бросил на меня страдальческий взгляд — вся физиономия у него была перепачкана в блевотине. Затем, хитря и притворяясь, будто не расслышал вопроса, улыбнулся своей жалкой, трусливой, заискивающей улыбкой. Такая уж у него привычка — всегда угодливо улыбаться, будто старается всех задобрить... Что до меня, так я уже научился не обращать внимания, но Гаррпе неизменно бесит эта улыбка. А уж неподкупный, суровый Санта-Марта — тот наверняка вспылит бы...

— Я все слышал, — нахмурился Гаррпе. — Говори на чистоту! Значит, ты христианин, да?

Китидзиро отрицательно затряс головой. Матросы-китайцы подсматривали из-за ящиков, с презрением и любопытством наблюдая за этой сценой. Если он верующий, непонятно, почему он скрывает это даже от нас, священников? Уж не вообразил ли он, что по прибытии в Японию мы донесем на него чиновникам? А если он не верит в Господа нашего Иисуса, почему в смертельном страхе

¹ Благодатная (*порт.*).

твердил «благодатная», «Пресвятая Мария»? Как бы то ни было, этот молодчик пробудил во мне любопытство. Думаю, что вскоре мы разберемся, что у него на уме.

Вплоть до этого дня мы не видели суши — ни одного, даже крохотного, островка. Над нами простиралось серое небо; временами сквозь тучи проглядывало тусклое солнце, лучи которого тяжело ложились на закрытые веки. Мы с горечью смотрели на холодное море, где волны скалились пенистыми, похожими на белые клыки, зубцами. И все же Господь не оставил нас...

Вдруг матрос, лежавший на корме как мертвец, вскочил с громким воплем. Вдалеке от темной линии горизонта — куда указывал его палец — летела в нашу сторону птичка. Сложив крылья, она опустилась на мачту, с которой свисали потрепанные минувшей бурей паруса... А по волнам уже плыли бесчисленные сучья, ветви деревьев. Это был верный признак, что суша близко. Но радость мгновенно сменилась тревогой. Если это Япония, нельзя допустить, чтобы нас заметила даже рыбацья лодка. Рыбаки тотчас сообщат властям о неизвестной дрейфующей джонке с чужеземцами.

До самого наступления темноты мы с Гаррпе, прижавшись друг к другу, прятались между ящиков с грузом. Матросы, подняв нижний парус на мачте, старались держаться поодаль от видневшейся темной точки — то был, по-видимому, главный остров.

Глубокой ночью наша лодка вновь ускорила ход, бесшумно скользя по волнам. По счастью, безлунное небо было черным-черно, и нам удалось приблизиться незаметно. Высокая зубчатая стена суши неотвратно надвигалась. Мы поняли, что вошли в бухту, окруженную крутыми горами. На берегу, в глубине, виднелось скопление приземистых домишек.

Первым спрыгнул на мелководье Китидзиро, за ним окунулся в холодную воду я, вслед за мной — Гаррпе. В Японии ли мы? Или это остров, принадлежащий другой стране? По правде сказать, никто из нас не имел ни малейшего представления.

Укрывшись в ложбинке на берегу, мы с Гаррпе терпеливо ждали. Внезапно мы услышали шаги по песку — они приближались. Мимо прошла, не заметив нас, старуха с корзиной за плечами. Когда звук ее шагов замер вдали, нас снова объяла тишина.

— Он не вернется, он не вернется! — чуть не плача, проговорил Гаррпе. — Он сбежал, этот трус!

Но мне представлялась худшая участь. Он не сбежал. Он пошел, чтобы предать нас, как Иуда, и вскоре приведет сюда стражников.

— «Итак, Иуда, взяв отряд *воинов*... приходит туда с фонарями и светильниками и оружием... — начал читать Гаррпе строки Писания, — Иисус же, зная все, что с ним будет...»

Да, в эти минуты нам надлежало думать о Господе, вверившем себя людям. Сердце готово было разорваться — так невыносимо долго тянулось для меня время. Признаться, мне было страшно. Пот струился по лбу, заливая глаза. Вдруг послышались шаги стражников. В темноте приближалось зловещее пламя факелов.

Кто-то поднял факел повыше, и черно-красное пламя озарило уродливое морщинистое лицо; рядом со стариком стояли два молодых парня, в растерянности глядевших на нас.

— Падре, падре!.. — крестясь, прошептал старик, и голос его звучал ласково и приветливо. Услышать здесь, в такую минуту родное португальское слово! Такое мне и во сне не снилось!.. Разумеется, кроме «падре», старик не знал ни единого слова по-португальски. Но на наших глазах он сотворил крестное знамение! Это были японские христиане. Я с трудом поднялся на ноги и встал на песке. Наконец-то я стоял на японской земле. Я отчетливо осознал это в ту минуту.

Китидзиро, подобострастно улыбаясь, выглядывал из-за спин пришедших — точь-в-точь мышь, готовая шмыгнуть в нору при малейшей опасности. Меня пронзил жгучий стыд. Господь вверял свою жизнь любому и каждому, потому что любил людей. А я усомнился даже в одном-единственном человеке — в этом Китидзиро...

— Скорее, скорее, идемте... — торопил нас старик. — Нельзя, чтобы язычники увидели нас...

Японцы знали слово «язычники»! Их научили миссионеры, побывавшие здесь до нас. Это они впервые вонзили мотыгу в иссохшую почву, удобрили ее и вырастили обильный урожай... Какое великое, трудное дело они свершили! Но коль скоро посеянные некогда семена дали прекрасные всходы, ухаживать за этим полем — поистине великая миссия, и мы с Гаррпе обязаны ее выполнить.

Этой ночью они спрятали нас у себя, в тесной, низенькой хижине. Рядом был хлев, оттуда исходило зловоние, но даже здесь, сказали нам, оставаться опасно. Язычники назначили награду — триста серебряных монет за поимку

священника, поэтому мы не должны доверять никому из посторонних...

Но как удалось Китидзиро так быстро отыскать христиан?

* * *

Наутро, еще затемно, мы с Гарпе, переодетые в грубые крестьянские платья, поднялись в сопровождении вчерашних молодых парней на гору за поселком. Христиане пояснили, что хотят спрятать нас в более надежном месте — в хижине углежогов. Густой туман полностью скрыл лес и тропинку; вскоре начал моросить мелкий нудный дождь.

В горной хижине нам рассказали, куда мы попали: мы высадились на берегу рыбацкой деревушки Томоги, в шестнадцати лигах от Нагасаки. В деревушке не наберется и двух сотен домов, но зато в прошлом все ее обитатели приняли крещение.

— А как обстоят дела сейчас?

— Ох, падре... — Молодой парень по имени Мокити оглянулся на товарища. — Плохи сейчас дела... Если станет известно, что мы христиане, нам конец.

Нет слов передать их радость, когда мы подарили им свои нательные крестики. Оба парня прижали их ко лбу и долго кланялись нам земным поклоном. По их словам, они уже давно не имели даже такой малости.

— Здесь есть священник?

Стиснув руки, Мокити отрицательно покачал головой.

— А монахи?

...Вот уже шесть лет, как сюда не заходил ни один монах, не говоря уж о священниках. Прежде священник-японец Мигель Мацуда и брат ордена иезуитов Матео де Корос поддерживали тайные сношения с местными христианами, но в октябре 1633 года оба они скончались от невыносимых тягот и изнурения.

— Как же вы жили эти шесть лет? Кто свершал христианские таинства?

Ничто не могло бы так взволновать наши сердца, как рассказ, который мы услышали. Непременно доведите до сведения отцов ордена то, о чем я Вам сообщу. Нет, не только до них — обязательно перешлите это послание в Рим... Я слушал и вспоминал Евангелие от Марка: иные семена, пав на благодатную почву, дают колосья и рождают сам-тридцать, другие — сам-шестьдесят, а третьи — сам-сто... Здесь нет ни священников, ни монахов, но

в условиях жесточайших гонений люди все же сумели создать тайную христианскую общину.

Вот устройство общины деревни Томоги: из числа верующих избирают старейшину, который как бы исполняет роль приходского священника... Опишу все так, как рассказал мне Мокити.

Старик, встретивший нас вчера на берегу, и есть «старейшина»; это человек безупречного образа жизни. Когда в деревне рождается ребенок, он свершает обряд крещения. Под его началом находятя так называемые «отцы», они читают верующим молитвы и объясняют догматы веры. Остальные жители именуются «учениками». Все ревностно поддерживают огонек веры, не давая ему угаснуть.

— Но такие общины есть, пожалуй, не только в Томоги? — спросил я, воодушевленный этим рассказом.

Но Мокити покачал головой. Впоследствии я усвоил, что в этой стране исключительно важное значение придается кровному родству. Все жители каждого поселка связаны между собой родственными узами и относятся к жителям других селений настороженно, даже враждебно, как к чужакам.

— Да, падре, мы доверяем только своим. Если в другом поселке узнают про нашу общину, тотчас же донесут властям. Чиновники обходят с проверкой все деревни...

И все же я попросил жителей Томоги разузнать, нет ли верующих и в других поселках? Нужно как можно скорее оповестить всех, что на эту забытую всеми землю снова пришли священники, несущие животворящий крест.

А теперь опишу наш образ жизни. Мессу мы служим глубокой ночью, совсем как в эпоху римских катакомб, а на рассвете ожидаем верующих, тайно приходящих к нам в горы. Каждый день нам приносят весьма скудную пищу; мы исповедуем, наставляем, учим, толкуем догматы веры. Днем мы крепко-накрепко запираем дверь нашей хижины, стараемся сидеть тихо как мыши, чтобы случайный прохожий не услышал ни малейшего звука. Разводить огонь в очаге, разумеется, немислимо — дым будет заметен издаലെка. На случай крайней опасности Мокити с товарищами устроили в хижине глубокий подпол.

Думаю, и в других селеньях к западу от Томоги тоже остались христиане, но в нынешнем нашем положении мы не можем даже выйти на свет божий. Все же надеюсь, что в скором времени удастся что-нибудь придумать. Наш долг — отыскать все эти заброшенные, лишенные духовных пастырей общины.

ГЛАВА III

ПИСЬМО СЕБАСТЬЯНА РОДРИГЕСА

Японцы сказали, что в июне здесь начнется дождливый сезон. Целый месяц непрерывно льет дождь. Говорят, что с началом дождей правительственный надзор немного ослабевает, и мы намерены использовать это время, чтобы обойти окрестности в поисках христиан. Хочется, чтобы они узнали, что церковь не забыла японских верующих.

Никогда еще я не сознавал столь отчетливо, какого высокого смысла исполнена миссия проповедника — смысла, ради которого стоит жить на этом свете. Японские христиане подобны сейчас судну, носящемуся без руля и без ветрил по бурному морю. Лишенные пастырей, что вдохнули бы мужество в их души, они, совсем отчаявшись, блуждают во мраке.

Вчера опять целый день лил дождь, хотя сезон дождей еще не наступил. С утра и до вечера мы слушаем унылый шелест дождя в листве деревьев. Время от времени деревья содрогаются, шумно стряхивая с себя воду, и всякий раз при этом мы с Гарпе испуганно приникаем к маленькой щелке в двери — но нет, это всего лишь ветер. В душах наших рождается чувство, похожее на гнев: как долго будет продолжаться такая жизнь?.. Да, нервы наши напряжены до предела. Мы сделали нетерпимыми друг к другу, и любой пустяковый промах товарища невольно вызывает раздражение.

Расскажу подробнее о христианах деревни Томоги. Это бедные крестьяне, которые едва сводят концы с концами, выращивая на крохотных полях батат и пшеницу. Рисовых заливных полей здесь нет. При виде обработанных амфитеатром участков, нависающих над пропастями, испытываешь не столько восторг перед трудолюбием этих несчастных тружеников, сколько мучительную жалость и сострадание к их горестной, полуголодной жизни. И при такой нищете губернатор Нагасаки взимает с них невыносимо жестокую подать. На протяжении веков эти крестьяне трудились поистине словно рабочий скот — и как скот умирали. И если вера наша распространилась в этом краю столь же быстро, сколь влага впитывается в пересохшую почву, то лишь потому, что она даровала истерзанному народу теплоту сострадания и участия. Доброта наших миссионеров растопила лед их сердец.

Я еще не успел познакомиться со всеми христианами

деревни Томоги. Из страха перед властями они пробираются к нам в хижину глубокой ночью и только по двое. Когда я слышу из уст этих темных, неграмотных людей слова «дэусу», «пеато», «ансё»¹, то не могу сдержать невольной улыбки. Таинство исповеди они называют тоже на ломаном португальском — «конфисан», рай — «параисо», ад — «инхэрно»²... Вот только плохо, что никак не могу запомнить их имена, да и лица. Итидзо мы принимаем за Сэйскэ, женщину по имени О-Мацу путаем с другой, которую зовут Саки.

О Мокити я уже Вам писал. Напишу теперь о двух других. Итидзо, японец лет пятидесяти, приходит к нам по ночам. Выражение лица у него вечно сердитое. Во время мессы, да и потом, он почти все время молчит. Но на самом деле он вовсе не сердится, просто у него такое лицо. Очень любопытен, не отрываясь следит своими узенькими, как щелки, глазами за каждым нашим движением.

О-Мацу — старшая сестра этого Итидзо, давно уже вдова. Это она дважды приносила нам в корзинке еду — вместе со своей племянницей Сэн. Она весьма любознательна, как и ее брат Итидзо. Вдвоем с племянницей они не спускают с нас глаз, пока мы управляемся с едой. По правде сказать, пища наша столь скудна, что Вашему преосвященству даже трудно это себе представить — несколько печеных бататов и сырая вода. Глядя, как мы с Гаррпе поглощаем эти бататы, О-Мацу довольно улыбается.

Однажды Гаррпе не выдержал.

— Неужели настолько странное зрелище? — с раздражением спросил он.

Японки ничего не поняли, но заулыбались, отчего лица их сморщились, как листы бумаги.

Сообщаю Вам еще некоторые подробности распорядка жизни тайной общины. Как я уже писал, в общине есть «старейшина» и «отцы». «Старейшина» отправляет таинство крещения, «отцы» читают молитвы и толкуют догматы веры. Кроме того, на них также лежит обязанность сверяться с церковным календарем, чтобы оповещать верующих о христианских праздниках. По словам крестьян, Рождество, Пасху и другие праздники отмечают по их указанию. Разумеется, поскольку священника здесь нет, по-настоящему отслужить праздничную литургию они

¹ *Искаж.* от Deus, beato, angelo — Бог, блаженный, ангел (*порт.*).

² Confesão, paraíso, inferno (*порт.*).

не могут и ограничиваются тем, что, собравшись у кого-нибудь в доме, все вместе возносят молитвы перед святым образом. В перерывах между молитвами болтают о всякой всячине, чтобы, если внезапно нагрянут чиновники, все это сошло за обычную сходку.

Власти назначили награду за выдачу чужеземных падре — таких, как мы, — триста серебряных монет, за монаха — двести, за любого верующего мирянина — сто. Подумайте, каким соблазном является такая огромная сумма для этих нищих крестьян! Вот потому-то христиане не доверяют жителям соседних селений.

Я, кажется, уже писал Вам, что лица у Мокити, Итидзо или у того старика, который встречал нас на берегу, совершенно бесстрастны. Люди здесь не смеют проявлять ни отчаяния, ни даже радости. Долгая необходимость таить чувства превратила их лица в настоящие маски. Скорбная участь! Я не могу постичь, зачем Господь посылает им такие страдания...

О судьбе падре Феррейры и об Иноуэ (помните, падре Валиньяно назвал его самым страшным человеком в Японии?) напишу в следующий раз. Передайте, прошу Вас, декану семинарии падре Луисио де Санктису мой нижайший поклон.

* * *

Сегодня опять льет дождь. Лежа на соломе, заменяющей нам постель, мы с Гаррпе непрерывно почесываемся. По голове, по спине ползают крохотные насекомые, так что уснуть почти невозможно. Днем вши утихают, зато с наступлением ночи оживляются и нахально разгуливают по всему телу.

В такую дождливую ночь никто не придет, значит, можно дать передышку не только онемевшим членам, но и натянутым до предела нервам. Прислушиваясь, как шелестят под дождем кусты и деревья, я думал о нашем учителе Феррейре.

Крестьяне Томоги ничего не знают о его судьбе. Но вплоть до 1633 года учитель находился в Нагасаки, в шестнадцати лигах отсюда, это доподлинный факт — как и то, что переписка между ним и падре Валиньяно в Макао оборвалась в том же году. Может быть, его уже нет в живых? Или, как ходят слухи, он отрекся от всего, чему посвятил свою жизнь? А если жив, то где же он, о чем размышляет сейчас, вслушиваясь в гнетуще унылый шорох дождя?

— Послушай, — окликнул я Гарппе, занятого войной со вшами. — Если добраться до Нагасаки, как знать, возможно, нам удалось бы найти христиан, встречавшихся с падре Феррейрой...

Возня в темноте прекратилась.

— Но если мы попадемся, это конец, — тихонько откашлявшись, отозвался Гарппе. — Дело не только в нас двоих. Крестьянам, что укрывают нас, тоже не миновать беды. Во всяком случае, мы обязаны помнить, что мы с тобой — последний оплот христианства в этой стране.

Я невольно вздохнул. Гарппе приподнялся на своем соломенном ложе, и я почувствовал, что он пристально смотрит на меня. Перед моим мысленным взором промелькнули лица Итидзо, Мокити, тех деревенских парней... Что, если не мы, а кто-то из них отправится в Нагасаки? Нет, и это невозможно. У каждого есть семья, они кормильцы. Их жизнь устроена совсем иначе, чем у нас, священников, не имеющих ни жен, ни детей.

— Может быть, попросить Китидзиро?

Гарппе тихонько рассмеялся. Мне тоже вспомнилось, как Китидзиро валялся в луже блевотины на корабле, как на коленях молил китайских матросов о снисхождении.

— Не говори глупостей! — резко ответил мне мой товарищ. — Разве на него можно положиться?

Мы оба долго молчали. Дождь монотонно шуршал по крыше хижины — точь-в-точь как песок в песочных часах. Ночь нераздельна здесь с одиночеством.

— Неужели нас тоже когда-нибудь схватят, как падре Феррейру?

Гарппе опять засмеялся.

— Сейчас меня гораздо больше беспокоят эти проклятые вши!

С самого первого дня в Японии Гарппе неизменно бодр и уверен в себе. А может быть, он только притворялся оживленным, чтобы приободрить меня, а заодно и себя самого? Но, по правде сказать, мне тоже не хочется думать о том, что нас схватят. Удивительное создание человек — всегда в нем живет надежда, что уж его-то судьба пощадит. Подобно тому, как в пасмурный день воображение смутно рисует далекий, озаренный слабым солнечным светом холм...

Вот и я никак не могу представить себе, как японцы хватают меня, и вообще вообразить всю эту сцену... Да, в этой убогой хижине мы отчего-то чувствуем себя в полной безопасности. Странно, не правда ли?

Дождь, ливший три дня, наконец прекратился. Мы поняли это, когда сквозь щель в двери проник луч солнца.

— Выйдем на минутку? — предложил я, и Гаррпе, радостно улыбнувшись, кивнул в знак согласия. Мы открыли набухшую дверь, и сразу же, как бурлящий родник, из леса хлынуло щебетание птиц. Я и не знал, какое же это счастье — жить!

Мы уселись у порога хижины, сбросив с себя одежду. Вши, словно белая пыль, покрывали внутренние швы, мы давили их камушками, испытывая при этом невыразимое удовольствие.

В лесу еще клубились клочья туманной дымки, но в просветах между деревьями виднелось голубое небо и далекое море. На побережье устрицей прилепился поселок — очевидно, Томоги. Истомившиеся по солнцу и свету за долгие дни заточения, мы, оставив в покое вшей, буквально пожирали глазами этот мир, где живут люди.

— Чудесно, правда? — блеснув белыми зубами, улыбнулся Гаррпе, с наслаждением подставляя солнечным лучам обнаженную грудь, покрытую блестящими в солнечном свете золотистыми волосками. — Похоже, мы чересчур осторожничали. Надо хоть иногда доставлять себе удовольствие — погреться на солнышке!

Потянулись погожие дни, и мы, расхрабрившись, стали выходить на прогулки по редкому лесочку, полному ароматов молодой листвы и мокрой земли. Гаррпе прозвал нашу лачугу «обителью». Нагулявшись вволю, он потешал меня, говоря:

— Ну, теперь назад, в обитель... Отведем там теплого хлеба и жирного наваристого супа. Но японцам об этом — молчок!

Мы вспоминали свою жизнь в Лиссабоне — в монастыре святого Ксавье. Само собой, здесь неоткуда взять ни рюмки вина, ни куска говядины. Пища наша — печеные бататы и вареные овощи, которые приносят нам жители Томоги. Но зато все идет хорошо. Господь хранит нас — уверенность в этом крепла день ото дня.

Однажды вечером мы, как обычно, беседовали, расположившись на камне возле нашей лачуги. Лучи заходящего солнца проникали сквозь листву. Какая-то большая птица, прочертив дугу в предзакатном небе, скрылась за дальним холмом.

— За нами следят, — негромко, отрывисто произнес Гаррпе. — Не двигайся, сиди как сидишь!

За лесом, на озаренной слабым вечерним светом возвышенности, куда секунду назад улетела птица, стояли двое мужчин и смотрели в нашу сторону. Было ясно, что они не из Томоги. Мы застыли неподвижно, как изваяния, молясь, чтобы тусклое заходящее солнце не слишком высвечивало наши лица.

— Эге-гей!.. Кто это там? — донесся громкий крик с холма. — Кто такие?

Мы колебались — отвечать или нет? — но промолчали, опасаясь выдать себя.

— Они спускаются и идут сюда, — не поднимаясь, тихо сказал Гаррпе. — Нет, я ошибся. Они уходят.

Вдалеке мелькали крохотные фигурки, спускавшиеся в долину. Было, однако, неясно, удалось ли незнакомцам разглядеть нас с освещенной солнцем вершины.

Этой ночью к нам пришел Итидзо с еще одним человеком по имени Магоити из разряда «отцов». Когда мы рассказали о том, что случилось сегодня вечером, Итидзо молча уставился куда-то в пространство глазами-щелками, затем встал, что-то коротко приказал Магоити, и оба принялись отдирать доски пола. Сняв висевшие на двери мотыги, Итидзо с товарищем принялись копать землю. Вокруг плававшего в рыбьем жиру фитиля роились москиты. На стене отражались тени двух людей, взмахивающих мотыгами. Углубив яму настолько, чтобы мы с Гаррпе могли поместиться вдвоем, они постелили на дно солому, а сверху прикрыли яму досками, пояснив, что отныне в случае опасности это будет наше убежище.

* * *

С того дня мы стали осторожнее и старались не выходить из хижины, а ночью не зажигать огня.

События начали развиваться пять дней спустя. В ту ночь мы крестили двоих мужчин из разряда «отцов» и младенца, которого принесла на гору О-Мацу. Это был первый обряд крещения, совершаемый нами на японской земле. В хижине углежогов не было ни органа, ни свечей, ни даже купели, чашей для святой воды служила маленькая надтреснутая пиала. Но ни в одном самом богатом храме, на самой торжественной службе я не испытывал такой радости, как здесь, в этой жалкой лачуге, где О-Мацу укачивала плачущего младенца; один из мужчин стоял на

страже за дверью, а Гаррпе торжественно произносил подбаюющие молитвы. Наверное, только проповеднику-мисионеру, живущему в языческой стране, дано изведать такое счастье. Когда младенца окропили святой водой, он сморщился и заплакал. Головка маленькая, глазки узенькие — широкоскулое лицо крестьянского сына, который вскоре станет поож на всех жителей Томоги. Пройдет время, и этот ребенок, так же как дед и отец его, будет гнуть спину на этой скудной земле у мрачного моря, трудясь словно рабочий скот, и умрет на ней, словно рабочий скот. Но ведь Иисус принял смерть не ради красивых и добродетельных. Нетрудно умереть ради чистых и совершенных, трудно отдать жизнь за жалких и безобразных — вот что отчетливо понял я в те минуты.

Когда они ушли, мы зарылись в солому. В хижине еще пахло рыбим жиром, который принесли с собой христиане. Вши снова принялись донимать нас. Сколько времени мы проспали? Гаррпе, как обычно, громко всхрапнул во сне, и я проснулся. Мне показалось, будто кто-то тихонько стучится в дверь — так тихо, что поначалу я подумал, что это трясет дверь ветер, долетая сюда с низины. Я выбрался из соломы и во тьме нащупал доски пола. Там, внизу, был подпол, вырытый Итидзо с Магоити.

Стук прекратился.

— Па-а-дре... Па-а-дре... — послышался тихий, жалобный мужской голос.

Это не был условный сигнал, о котором мы договорились с крестьянами Томоги, — трижды постучать в дверь. Гаррпе, еще наполовину во власти сна, неподвижно, напряженно вслушивался.

— Падре... — снова прозвучал жалобный голос. — Падре... Мы не предатели...

Мы молчали затаив дыхание. На такую уловку способны даже самые тупоголовые стражники.

— Не верите?.. Мы из деревни Фукадзава. Мы уже давно-давно не видели падре... Мы хотим исповедаться.

Человек, словно смирившись с тем, что мы не отвечаем, оставил дверь в покое. Послышались унылые удаляющиеся шаги. Я взялся за задвижку. Пусть это ловушка, подумал я. Но если это и вправду верующие?

Тебе не совестно? — услышал я голос, и голос этот оказался сильнее страха. Ведь я священник, жизнь дана мне затем, чтобы служить. Позорно пренебречь долгом, поддавшись низменному страху.

— Оставь... — сурово произнес Гаррпе. — Глупец!

— Пусть я глупец!.. Совесть не позволяет.

Я открыл дверь. Каким бледно-голубым сиянием заливал лунный свет в ту ночь лес и всю землю!

Два человека, оборванные как бродяги, сидели скорчившись на земле.

— Падре, вы нам не верите? — обернулись они ко мне.

Я заметил, что у одного из них кровь на ногах. Верно, взбираясь на гору, поранил ноги о корневища. Оба едва не падали от усталости.

Оно и неудивительно. Двое суток они добирались сюда, с островов Гото, что в двадцати лигах отсюда.

— Мы уже давно здесь. Пять дней назад мы видели вас вон с той вершины... — Один из незнакомцев указал на холм, возвышавшийся перед хижиной. Это были те двое, что следили за нами тогда, на закате.

Мы впустили их в хижину, дали им бататов, что принес Итидзо; они набросились на угощение со звериной жадностью. Было ясно, что у них давно маковой росинки во рту не было. Наконец они вновь обрели способность говорить. От кого они узнали о нашем существовании? Это нам хотелось выяснить прежде всего.

— Нам рассказал наш деревенский, христианин Китидзиро...

— Китидзиро?!

— Да, падре...

Они сидели, освещенные огоньком масляного светильника, съевшись и набив бататами рты. Один из них улыбался, точно ребенок, открывая два уцелевших зуба. Второй сидел неподвижно и напряженно, явно робея перед чужеземцами.

— Но ведь Китидзиро не христианин?..

— Нет, нет, падре. Он христианин.

Мало-помалу все разъяснилось. Так и есть, Китидзиро — христианин, но отрекся от веры. Восемь лет назад, по доносу соседа, ненавидевшего его семью, Китидзиро с братьями и сестрами схватили. Им приказали топтать ногами икону с изображением Господа, но они отказались, и только Китидзиро проявил малодушие. Стоило чиновникам пригрозить, как он сразу начал кричать, что готов отречься... Его братьев и сестер бросили в темницу, а его отпустили, но в деревню он не вернулся.

Говорили, что его видели в толпе, окружавшей костер в день казни, — грязного, оборванного; он не смог вынести страшного зрелища и сразу куда-то исчез.

Услышали мы и другое, не менее удивительное сообщение. Оказывается, в их поселке все до единого тайно исповедуют христианскую веру. И не только там: в окрестных селениях — в Мияхаре, Тоодзаки, Эгами — есть много тайных христиан, только притворяющихся буддистами. Они давно ждут не дождутся, когда из-за моря приплывут к ним священники, неся благодать.

— Падре, мы много лет не ходили к мессе, не исповодовались. Мы только читали молитвы... — сказал человек с окровавленными ногами. — Поскорее приезжайте в нашу деревню. Мы даже маленьких детей учим молиться; они мечтают увидеть падре...

Товарищ его одобрительно кивнул, обнажив в улыбке два желтых зуба. В плоске с жиром с треском горел фитиль. Разве могли мы с Гаррпе ответить отказом? Мы и так слишком долго таились. Да, по сравнению с этими японскими крестьянами, что пришли к нам, ночуя под открытым небом в горах, до крови натрудив ноги, мы были слишком трусливы!

Небо посветлело, в хижину стал просачиваться прохладный утренний свет. Как мы ни уговаривали крестьян, они не согласились лечь на солому — так и уснули сидя, обхватив колени руками. И вот утренние лучи озарили хижину, проникая в щель между досками.

Через два дня я держал совет с христианами деревни Томоги относительно поездки на острова Гото. В конце концов было решено, что Гаррпе останется здесь, а я пробуду на Гото дней пять, общаясь с верующими. Наши покровители были не слишком в большом восторге от этого замысла. Некоторые даже высказывали опасение, не ловушка ли это?

В условленный час, глухой ночью, люди с островов Гото тайно прибыли за мной в Томоги. Мокити с товарищами усадил меня в лодку. Луны не было, море казалось черным как смоль, слышался только ритмичный плеск весел. Человек, сидевший на веслах, за все время не проронил ни слова. Когда лодка вышла в открытое море, качка заметно усилилась.

Меня вдруг охватил страх. В душу закралось сомнение. Что, если, как того опасались крестьяне Томоги, этот гребец всего лишь предатель и выдаст меня властям? Почему не приехал тот, с окровавленными ногами, и второй, беззубый? В такие минуты в непроницаемых японских чертах, похожих на лик Будды, есть что-то жуткое. Съежившись на корме, я дрожал не от холода,

а от страха. И все-таки надо ехать, я должен! — говорил я себе.

Кругом чернело безбрежное море, звезд не видно было на небе. Примерно в течение двух часов мы плыли мимо таившейся во мраке черной громады острова. «Этот остров Кабасима...» — наконец промолвил сидевший на веслах человек.

Когда мы вошли в бухту, голова у меня кружилась от качки, усталости и нервного напряжения. Среди троих ожидавших нас рыбаков я заметил давно уже запропастившегося куда-то Китидзиро; он улыбался трусливой, заискивающей улыбкой. Огней в поселке не было, где-то на окраине неистово заливалась собака.

* * *

Беззубый не солгал: рыбаки и крестьяне островов Гото ожидали священника со страстным нетерпением. Просто непостижимо, как я сумел управиться со всеми делами. Даже выпасться не удавалось. Они приходили в дом, где я укрывался, один за другим, словно презрев закон, запрещающий христианство. Я крестил детей. Исповедовал взрослых. День клонился к вечеру, а я и половины того, что следовало, сделать не успевал. Времени на всех не хватало. Они буквально опустошали меня — словно караван, наконец-то набредший в пустыне на оазис с водой. Люди набивались в тесную хижину, заменявшую церковь, и, придвинувшись ко мне, каялись в грехах. Приползали даже больные.

— Выслушайте меня, падре...

— Падре, послушайте мою исповедь... Падре!

Забавно, но Китидзиро держался с важностью, как герой, а деревенские относились к нему с величайшим почтением. Впрочем, что ни говори, если бы не он, мне не удалось бы сюда попасть. Так что неудивительно, что он так задирает нос. В итоге как-то само собой получилось, что все его прошлые прегрешения теперь полностью забыты. Наверное, этот пьянчужка так красочно расписал Макао и наше морское путешествие, что представил наше прибытие в Японию как свою личную заслугу.

Но мне не хотелось его бранить. Правда, легкомысленная болтовня Китидзиро иногда повергает меня в смущение, но все же я не могу отрицать, что в долгу перед ним. Я посоветовал ему исповедоваться, и он послушно признался во всех своих прошлых грехах.

Я повелел ему никогда не забывать наставление Господа: «Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным».

Китидзиро, припав к земле, как провинившийся пес, стал биться головой о землю. Он слаб духом, и от него никак нельзя ожидать душевного мужества. Я строго сказал ему, что от природы он человек поистине добрый, хороший, но исцелить его от малодушия может не сакэ, к которому он так привержен, а единственно сила веры.

Я не ошибся в своих представлениях. Чего жаждали, чего хотели от меня японские крестьяне? Ученье Христово помогло этим людям, живущим и умирающим словно скотина, впервые обрести надежду. Ведь буддийские бонзы всегда держат сторону тех, кто обращается с ними как с животными. За долгое время крестьяне привыкли к мысли, что жизнь дана человеку, чтобы терпеть.

Сегодня я окрестил тридцать человек — детей и взрослых. И не только местных жителей — верующие украдкой приходят ко мне через горы из Мияхары, Кудзусимы, Харадзуки. Я выслушал более пятидесяти исповедей. В день отдыха, после мессы, я впервые говорил с ними на японском языке. Крестьяне смотрели на меня глазами, полными любопытства. Пока я говорил, перед моим мысленным взором возникал образ нашего Господа, произносящего Нагорную проповедь, я видел с жадностью внимающих ему людей... Почему мне так часто представляется Его облик? Наверное, потому, что в Писании ничего не говорится об этом, и потому каждый волен сам представлять себе Его. Еще в детские годы я создал себе свой образ Господа...

Однако я отдаю себе отчет, сколь опасны подобные сборища. Рано или поздно власти дознаются о происходящем.

О Феррейре здесь тоже никто ничего не знает. Я встретил двух стариков, которые якобы видели учителя. Из их рассказа удалось узнать только то, что падре Феррейра устроил для страждущих и брошенных матерями младенцев странноприимный дом в Нагасаки... Разумеется, это было до поры гонений на христиан. Я сразу представил себе нашего учителя. Каштановая борода, глубоко посаженные глаза... Он протягивал этим несчастным руку помощи и участия — как некогда нам, своим ученикам.

— А что, этот падре, — нарочно спросил я у стариков, — он был сердитый, страшный?

Те отрицательно затрясли головами. Нет, словно хотели они сказать, такого доброго человека они еще не встречали.

Перед отъездом я посоветовал жителям этого поселка создать у себя такую же общину, как в деревне Томоги, то есть выбрать «старейшину», назначить «отцов» — с тем чтоб светоч веры не угас. В нынешних условиях не остается ничего другого. Здешние жители выказали интерес к моим словам, но, когда дело дошло до выборов «старейшины» и «отцов», они начали спорить — точь-в-точь как спорят выборщики у нас в Лиссабоне. Особенно упорно добивался избрания Китидзиро.

Хочу обратить Ваше внимание еще на одно обстоятельство. Здесь тоже, как в деревне Томоги, крестьяне беспрерывно просили у меня крестики, иконки, ладанки... И когда я говорил им, что у меня нет с собой священных предметов, они выглядели ужасно разочарованными. Пришлось разорвать мои четки и раздать всем по бусине. То, что японские христиане относятся с благоговением к подобным предметам, не так уж плохо, но меня это почему-то немного тревожит. Уж не заблуждаются ли они в чем-то?

На шестую ночь меня снова украдкой усадили в лодку, и мы поплыли по окутанному мраком ночному морю. Слышался однообразный скрип уключин и плеск волн, ударяющих о борт лодки. Сидевший на носу Китидзиро тихонько напевал. Мне вспомнился безотчетный страх, охвативший меня на пути сюда, пять дней назад. Я улыбнулся. Все идет как нельзя более удачно.

С тех пор как мы прибыли в Японию, обстоятельства складываются благоприятнее, чем можно было предполагать. Не подвергаясь чрезмерной опасности, нам удалось отыскать две общины верующих, и власти пока не прознали об этом. Я даже подумал, уж не преувеличивает ли падре Валиньяно опасность положения? Грудь сжалась от какого-то неизъяснимого, радостного чувства — то была радость от сознания, что я полезен. В этой неведомой Вам стране на краю света я приношу пользу людям.

Возможно, поэтому обратный путь не показался мне таким долгим. Я даже удивился, когда лодка заскребла дном по песку и замерла, словно наткнувшись на препятствие, — неужели мы уже вернулись в Томоги?

Притаившись на берегу, я остался ждать Мокити с товарищами, которые должны были меня встретить. Даже эти предосторожности, пожалуй, излишни... — подумал я, с удовлетворением вспоминая ту ночь, когда мы с Гаррпе впервые ступили на берег Томоги.

Послышались шаги.

— Па-адре...

Обрадованный, я вскочил и протянул перепачканную в песке руку.

— Бегите! Скорее бегите! — быстро проговорил Мокити, подталкивая меня вперед. — В деревне чиновники...

— Чиновники?!

— Да, падре. Они выследили нас.

— И нас тоже?..

Мокити поспешно покачал головой: о том, что крестьяне укрывают священников, власти еще не знают.

Мокити и Китидзиро потянули меня за рукав, увлекая за собой, и мы побежали прочь от деревни. Прячась в пшеничных колосьях, мы пробирались в горы, к нашей хижине. Заморосил мелкий, как водяная пыль, дождь. Начался наконец японский дождливый сезон.

ГЛАВА IV

ПИСЬМО СЕБАСТЬЯНА РОДРИГЕСА

Сегодня опять, кажется, появилась возможность написать Вам. Как я уже сообщал в предыдущем письме, когда я вернулся с Гото, власти проводили в деревне обыск, но мы с Гаррпе по-прежнему целы и невредимы — при мысли об этом не могу от всего сердца не возблагодарить Господа.

К счастью, еще до прибытия чиновников «отцы» распорядились спрятать все иконы, распятия и тому подобные предметы. Вот когда показала себя их община! Все крестьяне с невозмутимым видом работали в поле, а наш знакомый «старейшина» невразумительно отвечал на вопросы, притворяясь совершеннейшим дураком. Крестьянская смекалка научила его прикидываться простофилей перед притеснителями. После долгих препирательств чиновники, отчаявшись и убедившись, что толку все равно не добьются, покинули деревню.

Рассказывая нам об этом, Итидзо и О-Мацу гордо улыбались. В их лицах была хитринка, свойственная людям, привычным к постоянному гнету.

Вот только до сих пор не могу понять, кто донес властям о нашем существовании? Вряд ли это кто-нибудь из крестьян Томоги, хотя сами крестьяне мало-помалу начинают относиться друг к другу с подозрением. Боюсь, не повредит ли это их спаянности.

Но, за исключением этого неприятного эпизода, в деревне по-прежнему все спокойно. К нам в хижину доносится пение петухов. Склоны гор покрыты ковром алых цветов.

* * *

После возвращения в Томоги Китидзиро стал здесь настоящим героем. Ловко используя обстоятельства к своей выгоде, он ходит из дома в дом и, как говорят, хвастает напрапалу, рассказывая о том, что происходило на Гото. Говоря о теплом приеме, оказанном мне островитянами, он не забывает упомянуть и собственную персону. Он разглагольствует, а крестьяне ставят перед ним угощение, иногда даже подносят чарочку.

Как-то раз Китидзиро явился к нам сильно навеселе; с ним пришло несколько молодых парней. «Слушайте, что я вам скажу, падре! — шмыгая носом и потирая побуревшее от выпитого сакэ лицо, сказал он. — Здесь с вами я. А раз так, значит, можете быть спокойны!» Парни взирали на него с почтением, и он, все больше воодушевляясь, затянул песню, а допев, повторил: «Да, раз я с вами, можете ни о чем не тревожиться!», после чего без стеснения растянулся на полу и уснул. Не знаю, хороший ли он человек или просто умест ловко приспособиться к обстановке, но что-то в нем есть такое, что всерьез сердиться на него невозможно.

* * *

Напишу Вам немного о жизни японцев. Разумеется, я сообщаю лишь то, что наблюдал в деревне Томоги и о чем они сами мне рассказывали, так что эти сведения никак не могут дать представления о Японии в целом.

Прежде всего знайте, что здешние крестьяне гораздо беднее самых нищих крестьян, каких можно встретить где-нибудь в глухом углу Португалии. Даже самые зажиточные едят рис — пищу богачей — всего лишь два

раза в год. Обычная же еда их — батат, редька и другие овощи, а пьют они обычную подогретую воду. Еще они выкапывают корни растений и тоже употребляют их в пищу. Сидят они весьма своеобразно, совсем не так, как мы. Колени прижаты к земле или к полу, и сидят они на собственных пятках. Для них это отдых, но мы с Гаррпе очень мучились, пока не привыкли.

Почти все дома крыты соломой, зловонные, грязные. Из всей деревни Томоги только две семьи имеют вола или лошадь.

Местный князь обладает неограниченной властью над своими вассалами, и власть эта превосходит могущество королей в христианских странах. Подати взимаются с исключительной строгостью, должников, беспощадно наказывают. Причина смуты в Симабаре — невыносимые условия жизни крестьян. Так, например, мне рассказали, что пять лет назад в деревне Томоги у некоего Модзаэмона, не сумевшего собрать властям пять мешков риса, взяли в заложники жену и детей и бросили их в «водяную тюрьму»¹. Крестьяне находятся в кабале у самураев, но над всеми стоит князь. Самураи придают очень большое значение оружию, все они, независимо от ранга, с тринадцати-четырнадцати лет носят два меча — короткий и длинный. Власть князя безгранична, и если он пожелает, то может убить любого из своих вассалов, а имущество конфисковать.

Ни летом, ни зимой японцы не покрывают головы и носят такую одежду, которая вовсе не защищает от холода. Волосы на голове выщипывают щипчиками, так что голова кажется лысой, только на висках и на затылке волосы оставляют и связывают в пучок. Священники-бонзы бреют всю голову. Но говорят, что даже самураи и вообще те, кто удалился от дел, тоже бреют себе голову...

* * *

Прерываю рассказ, потому что хочу как можно более точно описать Вам все, что случилось пятого июня, хотя, может быть, придется ограничиться коротким отчетом. Ибо обстановка изменилась так резко и так внезапно, что опасность подстерегает нас каждую минуту и писать обстоятельно никак невозможно.

¹ Средневековая пытка: пол в тюрьме был залит водой — с тем чтобы узник не имел возможности спать.

Пятого числа, около полудня, нам показалось, что внизу, в деревне, происходит что-то странное. Из-за леса доносился непрерывный собачий лай. В тихие погожие дни мы часто слышали в отдалении пение петухов, лай собак, и поэтому в самих этих звуках не было ничего необычайного, напротив, они даже в какой-то степени утешали нас в нашем уединении; но сегодня это почему-то внушало нам безотчетную тревогу. Охваченные неприятным предчувствием, мы вышли к опушке леса на восточном склоне, откуда сравнительно хорошо просматривалась деревня.

Прежде всего нам бросились в глаза клубы пыли на идущей вдоль побережья дороге. Что это значит? Вдруг из деревни вылетела расседланная лошадь и помчалась во весь опор...

У въезда в деревню стояло человек пять, явно не крестьян, — они загораживали дорогу, чтобы никто не мог ускользнуть.

Мы сразу поняли, что это чиновники явились с обыском, опрометью бросились назад, в хижину, и попрятали в подпол все, что могло бы выдать наше присутствие. Покончив с этим, мы снова, набравшись храбрости, решили подойти поближе, чтобы лучше разглядеть, что творится в деревне.

Там царило безмолвие. Белое полуденное солнце озарило поселок, от убогих домишек вдоль дороги ложились на землю резкие тени. Улицы были пустынные; даже собачий лай разом смолк — казалось, Томоги внезапно словно вымерла. Тем не менее я кожей чувствовал зловещую опасность, нависшую над деревней. Я с жаром молился. Да, я помнил, я прекрасно знал, что молитвы возносят не ради счастья и благоденствия, но все же не мог не молиться о том, чтобы как можно скорее разорвалась эта ужасающая тишина среди бела дня.

Снова залаяли собаки, на дорогу выбежали люди, сторожившие выход из деревни, и среди них мы увидели связанного веревками «старейшину». Сидевший на коне самурай в черной широкополой шляпе что-то крикнул, стражники выстроились за стариком, и вся процессия двинулась вперед. Всадник помчался, вздымая белую пыль, — но вдруг, осадив коня, оглянулся. Я и сейчас как будто вижу перед собой эту картину — поднимающуюся на дыбы лошадь и спотыкающуюся фигуру старика, увлекаемого стражниками. Похожие на муравьев фигурки долго виднелись на освещенной солнцем дороге, все умень-

шаясь и уменьшаясь, пока наконец совсем не исчезли из виду.

Ночью я узнал подробности от Мокити — он пришел к нам вместе с Китидзиро. Стражники явились в деревню еще до полудня. На сей раз их приход явился неожиданностью для крестьян. Люди метались в растерянности, самурай скакал из конца в конец деревни, подбадривая стражников грозными окриками.

Зная наперед, что ни в одном доме не найдется доказательств, уличающих в принадлежности к христианству, чиновники тем не менее на сей раз не желали мириться с неудачей.

Самурай, согнав крестьян, объявил, что, если они не сознаются сами, он заберет заложника. И все-таки все молчали, никто не произнес ни слова.

— Мы всегда исправно платим подать. И от государственных работ не отлыниваем, — с жаром твердил «старейшина» самураю. — И усопших хороним по буддийским обрядам...

Не удостоив его ответом, самурай молча указал на него кончиком своего хлыста. В ту же секунду стражники в один миг связали старика веревками.

— Смотрите, смотрите хорошенько! Хватит болтать языком!.. Мы не намерены проводить здесь расследование. Нам сообщили, что с недавнего времени среди вас объявились тайные приверженцы христианской ереси. Кто честно укажет виновных, получит в награду сто монет серебром! А не сознаетесь — возьмем заложников, ясно? Так что советую подумать!

Крестьяне слушали молча. Молчали мужчины, женщины, дети. Долгие годы они вот так, молчаливо, сопротивлялись своим врагам. Очевидно, мы смотрели на деревню именно в те минуты, когда повисла эта страшная тишина.

Самурай поворотил коня, взмахнул хлыстом и ускакал. Привязанный к лошади «старейшина» упал, поднялся и снова упал — конь потащил его. Стражники поставили старика на ноги...

Вот что поведали нам Китидзиро и Мокити.

— Падре, мы ни словечка им о вас не сказали, — чинно сложив на коленях руки, сказал Мокити. — И если они опять приедут, мы все равно ничего не скажем. Пусть делают что хотят — вас мы не выдадим.

Уж не потому ли произнес он эти слова, что заметил на наших лицах тревогу? Если так, то мне стыдно. Но надо ли удивляться, что даже Гаррпе, всегда сохранявший

присутствие духа, смотрел теперь на Мокити страдальческим взглядом?

— Но ведь так всех вас могут забрать в заложники...

— Да, падре, и такое может случиться. Но мы все равно будем молчать.

— Нет, мы не можем этого допустить. Лучше мы сами уйдем отсюда. — Гаррпе повернулся к перепуганному Китидзиро. — Что, если нам, к примеру, укрыться на острове, где твоя родная деревня?

Китидзиро молчал, вид у него был жалкий. Ясно было, что при таком повороте событий этот робкий, слабый духом человек терзается из-за того, что вообще привез нас сюда и сам теперь попал из-за этого в переплет. Он лихорадочно размышлял над тем, как сохранить совесть христианина и в то же время спасти свою шкуру. Потирая руки и поблескивая хитрыми глазками, он повел речь о том, что жители Гото тоже вряд ли избегнут такой же участи. Лучше бежать подальше и скрыться. В каком-нибудь глухом уголке. Так ничего и не решив в ту ночь, оба крадучись спустились в долину.

Наутро в настроениях крестьян наметились разногласия. По словам Мокити, мнения разделились: одни считали, что лучше переправить нас куда-нибудь в другое место, тогда как другие настаивали на том, чтобы до последней возможности прятать нас у себя. Некоторые как будто даже говорили во всеуслышание, что это мы с Гаррпе навлекли беду на деревню. Но Мокити, Итидзо и О-Мацу выказали твердость сверх всякого ожидания. По их мнению, падре нужно оберегать, чего бы это ни стоило.

Вот на этот раскол и рассчитывали власти. Восьмого числа снова прибыли стражники — на этот раз с ними был не тот свирепый самурай, а пожилой чиновник. Он с сочувственной улыбкой принялся втолковывать крестьянам, в чем их выгода, что они могут приобрести и что потерять. На сей раз он посулил, что тому, кто честно укажет виновных, будет позволено вносить меньшую подать. Какой соблазн для этих нищих крестьян! И все-таки они сумели побороть искушение.

— Ну, раз вы отвергаете такие выгодные условия, значит, мне остается только поверить в а м, — с улыбкой сказал самурай, оглядываясь на спутников. — Однако я должен посоветоваться, кто из вас говорит правду: вы или наш осведомитель? Только тогда мы вернем вам ваших заложников... Пусть трое из вас завтра придут

в Нагасаки. Ничего плохого мы им не сделаем, можете не тревожиться.

Ни в интонации, ни в самих словах его не ощущалось угрозы, но именно потому крестьянам стало ясно, что это западня. Ночью деревенские долго обсуждали, кому отправиться завтра в управу Нагасаки. Те, кому предстояло стать заложниками, может быть, уже никогда не вернуться назад. При мысли об этом даже так называемые «отцы» невольно готовы были пойти на пятую... Сгрудившись в темной хижине, крестьяне вглядывались в лица друг друга, и каждый молился в душе, чтобы его миновала горькая чаша.

Наверное, по этой причине выбор пал на Китидзиро. Ведь он был чужак, из другой деревни, да и к тому же из-за него стряслась беда — таково было, пожалуй, общее мнение. Оказавшись в роли козла отпущения, бедняга совсем пал духом, на глазах у него выступили слезы. Он разразился бранью, но крестьяне твердили свое: «Ради всего святого... У всех жены, дети, а ты — человек посторонний, чиновники, пожалуй, строго с тебя не спросят».

По свойственной ему слабости он не смог решительно отказать.

— Я тоже пойду, — внезапно сказал Итидзо. Все были поражены, услышав это от молчаливого угрюмого Итидзо. Тут и Мокити заявил, что тоже желает присоединиться.

Девятого числа день выдался пасмурный, с утра моросило, сквозь пелену дождя смутно виднелся лес перед хижинкой. Трое будущих заложников поднялись к нам, на гору. Мокити казался немного взволнованным, Итидзо, по обыкновению чуть прищурился, угрюмо молчал. За ними, как побитый пес, плелся Китидзиро, глядевший на нас с укором и болью.

— Падре, нас заставят топтать ногами образ Христа... — потупясь, прошептал Мокити, будто разговаривал сам с собой. — Если мы откажемся, так не только нас, но всех деревенских подвергнут такой же проверке... Ох, как нам быть?

Острая жалость пронзила меня, и я ответил словами, которых, пожалуй, ни один португальский священник никогда бы не произнес. Мне вспомнился падре Габриэль. Когда во время пытки на вершине Ундзэн ему приказали попать Святой образ, он ответил: «Лучше отрубите мне ноги — я не сделаю этого!» Я знал, что многие

японцы — и священники, и верующие миряне — с равным благоговением относились к священному образу. Но могли я требовать того же от этих троих несчастных?

— Топчите, топчите, я разрешаю вам это! — невольно вырвалось у меня, и только тогда я спохватился, что сказал нечто неподобающее священнику. Гаррпе взглянул на меня с укором.

У Китидзиро глаза все еще были полны слез.

— Почему Господь посылает нам такие страдания? Падре, ведь мы не сделали ничего дурного...

Мы молчали. Итидзо и Мокити тоже молча смотрели куда-то вдаль. На прощание мы с Гаррпе прочитали молитву. После этого трое спустились вниз, в деревню. Мы долго следили, как постепенно растворялись в тумане их бледные тени. Теперь я знаю, что видел тогда Итидзо и Мокити в последний раз.

* * *

Я опять не писал Вам долгое время. О том, что стражники явились в Томоги, я уже сообщал в предыдущем письме, но о судьбе тех троих, что отправились на дознание в Нагасаки, ничего не было известно до сегодняшнего дня. Как мы молились об их благополучном возвращении! О том же каждую ночь возносили молитвы все обитатели деревушки.

Я верю, что это испытание, ниспосланное нам Господом, имеет свой тайный смысл. Все, что ни творит Господь, — благо. Обязательно придет день, когда мы поймем, почему нам были уготованы эти страдания. И если Я пишу об этом, то лишь потому, что слова, которые В то утро, потупившись, обронил Китидзиро, тяжким бременем лежат у меня на душе.

«Почему Господь посылает нам такие страдания? Падре, ведь мы не сделали ничего дурного...»

Почему, казалось бы недостойная жалоба малодушного человека острой иглой вонзилась мне в сердце? Почему Господь посылает этим японцам, этим нищим крестьянам такие жестокие испытания?

Нет, Китидзиро имел в виду нечто другое — куда более страшное. Он говорил о молчании Господа. Уже двадцать лет здесь преследуют христиан. По всей стране слышны стоны тысяч верующих, земля напиталась алой кровью священнослужителей, рушатся христианские храмы — но Бог молча взирает на это. Вот что

хотел сказать Китидзиро — эта мысль преследует меня неотвязно...

Но сейчас расскажу лишь о постигшей заложников участи. После того как все трое явились в Нагасаки, их двое суток продержали в темнице при управе, и только тогда наконец началось дознание. Вначале допрос носил на удивление формальный характер.

— Известно ли вам, что христианство — зловредная ересь?

В ответ на это Мокити, выражая общее мнение, утвердительно кивнул, тогда последовал новый вопрос:

— Нам сообщили, что вы христиане. Что скажете в оправдание?

Все трое ответили, что они — ревностные буддисты и следуют наставлениям монахов местного храма. Тогда им приказали топтать Святой образ.

Принесли доску с изображением Пречистой Девы с младенцем. Первым, следуя моему совету, наступил на нее Китидзиро, за ним — Итидзо с Мокити. Но надежды, что после этого их отпустят, оказались тщетными. Наблюдавшие за ними чиновники усмехнулись. Они следили не столько за самим обрядом «топтанья», сколько за выражением лиц заложников.

— Вы что же, вообразили, что можете нас одурачить? — сказал старый чиновник. Только тогда несчастные признали в нем того самого самурая, что приезжал к ним в Томоги. — Я все видел: вы чуть не задохнулись от горя...

— Нет, мы совершенно спокойны!.. — в отчаянии закричал Мокити. — Мы не христиане!

— Тогда сделайте то, что я сейчас прикажу... — Последовал приказ плюнуть на икону, а Пресвятую Деву назвать распутной девкой. Это испытание придумал тот самый Иноуэ (об этом мы узнали впоследствии), о котором рассказывал падре Валиньяно. В прошлом он сам принял крещение ради продвижения по службе и прекрасно знал, что бедняки-крестьяне превыше всех святых почитают Деву Марию. Да я и сам, пожив в деревне Томоги, к немалому смущению, убедился в этом: крестьяне почитали Пречистую Деву даже больше, чем самого Спасителя.

— Что, отказываетесь плюнуть? Не хотите сказать, как велено? — В руки Итидзо насильно сунули икону; стражники подталкивали его сзади. Но, как он ни старался, ничего не получилось, слюны во рту не было.

Китидзиро тоже стоял неподвижно, с опущенной головой.

— Ну а ты?

Светлая слеза скатилась по щеке Мокити. Итидзо тоже с усилием покачал головой. Всем своим поведением они выдали свою веру. Только Китидзиро, утраившись угроз, произнес, задыхаясь, святотатственные слова.

— А теперь плюнь! — последовал приказ, и на икону упал плевок — печать унижения и несмываемого позора.

* * *

После окончания допроса Итидзо и Мокити еще дней десять держали в темнице на улице Сакура. Почему только двоих? Да потому, что выпустили — вернее сказать, прогнали — только отступника Китидзиро, и с той минуты он бесследно исчез. Разумеется, до сих пор в деревню он не вернулся — наверное, не хватило духа.

Дождливый сезон еще продолжался. Каждый день моросил мелкий дождь. Я понял, как безысходно мрачно сто дождливое время: кажется, все кругом сгниет до корней. Поселок выглядел безжизненным, мертвым.

Все понимали, какая судьба ожидает заложников. Все трепетали от страха при мысли, что скоро и остальных тоже постигнет такая же участь, так что почти никто не выходил на полевые работы. За обезлюдевшими полями виднелось мрачное море.

Двадцатого числа в деревню опять прискакали, нахлестывая коней, чиновники-самураи для оглашения приговора: Итидзо и Мокити с позором провезут по улицам Нагасаки, а затем они будут распяты на «водяном кресте» здесь, у деревни.

Двадцать второго числа крестьяне увидели на серой дороге под проливным дождем вереницу путников, походивших издаലെка на рассыпанные горошины. Они двигались по направлению к деревне. Постепенно фигуры людей обрели отчетливые очертания. В центре процессии на лошадях сидели, понурившись, связанные Итидзо и Мокити. Крестьяне укрылись в домах, в страхе заперев двери. За стражниками плелись жители поселков, лежащих вдоль дороги из Нагасаки. Из нашей хижины было хорошо видно это шествие.

На берегу чиновники приказали разжечь костер и разрешили погреться у огня вымокшим под дождем Мокити и Итидзо. Как нам рассказали потом, в виде особой ми-

лости им поднесли по чарочке сакэ. Мне вспомнилось, что умирающему Иисусу поднесли смоченную в уксусе губку...

Два столба, связанные в форме креста, водрузили у самой воды. К перекладинам привязали Итидзо и Мокити. С наступлением ночи, когда начнется прилив, вода поднимется до самого подбородка. Смерть наступит не сразу, пытка будет продолжаться несколько суток, пока жертвы окончательно не ослабнут душой и телом и только тогда, наконец, испустят дух. Чиновники заставляют крестьян смотреть на их страдания, чтобы в другой раз тем было неповадно даже близко подходить к христианам.

Итидзо и Мокити привязали к столбам после полудня; оставив четырех стражников, чиновники снова сели на лошадей и уехали. Зрители, вначале толпившиеся на берегу, из-за холода и дождя тоже постепенно разошлись.

Начался прилив. Фигуры мучеников были неподвижны. Волны с однообразным шумом набегали на погружающийся в сумерки берег, постепенно заливая им ноги, бедра, потом достигли груди — с тем же однообразным шумом откатываясь назад.

С наступлением темноты О-Мацу с племянницей принесли угощение караульным и попросили разрешения дать поесть осужденным. Получив согласие, они в утлой лодчонке подплыли к крестам.

— Мокити! Мокити! — окликнула О-Мацу.

— Да... — отозвался Мокити.

Тогда она окликнула Итидзо, но у того уже не было сил отвечать. Однако он был еще жив и потому время от времени чуть покачивал головой.

— Тяжко вам... Но терпите! Оба падре и все мы молимся за вас. Мы верим, что вам уготован райсо... — старалась ободрить их О-Мацу, но, когда она попыталась вложить в рот Мокити кусочек батата, он отрицательно покачал головой — наверное, хотел, раз все равно уж смерти не миновать, скорее избавиться от страданий.

— Отдайте еду Итидзо, тетушка... — прошептал он. — Дайте ему поесть. А я уже больше не могу терпеть эту муку...

О-Мацу с племянницей, заливаясь слезами, возвратились на берег, так и не сумев хоть сколько-нибудь облегчить участь несчастных. На берегу они все еще продолжали громко плакать под проливным дождем.

Наступила ночь. Красное пламя костра, у которого грелись стражники, смутно виднелось из нашей хижины.

А на морском берегу толпились жители Томоги, тщетно вглядываясь в окутанное тьмой море. И небо, и море то-нули во мраке, так что не видно было ни Мокити, ни Итидзо. Невозможно было разглядеть даже, живы они или уже мертвы. Плача, мы беззвучно молились. И вдруг все услышали голос — кажется, это был голос Мокити. Чтобы укрепиться духом, он прерывающимся голосом пел христианский гимн:

Мы пойдем, мы придем
В храм параисо,
В дивный храм параисо,
Прекрасный храм...

Люди в молчании слушали его пение. Стражники тоже слушали. Сливаясь с шумом волн, голос то прерывался, то доносился снова.

Двадцать четвертого числа целый день опять моросил мелкий, похожий на водяную пыль, дождь. Деревенские, сбившись в кучку, смотрели на видневшиеся вдали столбы С привязанными к ним жертвами. Изогнутое дугой побережье бухты было пустынно, шел дождь, «язычники» из чужих деревень, приходившие поглазеть на казнь, сегодня не явились. Наступил отлив, вдали виднелись два одиноко торчащих столба. Невозможно было разглядеть распятые на столбах фигуры. Как будто Мокити и Итидзо сами обратились в кресты. Только доносившиеся время от времени тяжкие стоны — это стонал Мокити — свидетельствовали, что несчастные еще живы.

Иногда стоны смолкали. У Мокити уже не было сил петь, как вчера. Но спустя некоторое время ветер снова доносил его голос до берега, и всякий раз, когда слух улавливал его стон, напоминавший мычанье, крестьяне плакали, содрогаясь всем телом. В полдень снова наступило время прилива, одна за другой набегали мрачные, темные волны, постепенно поглощая столбы. Иногда валы, окаймленные белыми гребнями пены, перекатывались поверх столбов и разбивались о берег. Над водой пролетела птица и скрылась в морской дали. На этом все было кончено.

То была мученическая кончина. Но какая! Долгое время я совсем иначе рисовал себе мученичество. В Житиях святых рассказывалось о кончине славной, прекрасной — как в минуту, когда душа мученика взмывала К небу, трубили ангелы и небеса озарялись неземным сиянием. Но кончина японцев, которую я описал Вам, вовсе не была прекрасной — они умерли мучительной,

жалкой смертью. А дождь все льет и льет, и море, сгубившее их, по-прежнему упорно и зловеще молчит...

Вечером опять приехал чиновник. По его указанию стражники собрали мокрые сучья и обломки деревьев, чтобы предать сожжению снятые со столбов тела Итидзо и Мокити. Это было сделано для того, чтобы христиане не унесли их тела для погребения. Трупы сожгут, и пепел выбросят в море. Черно-красное пламя костра изгибалось на ветру, над побережьем плыл дым. Жители деревни, не шевелясь, отрешенно следили, как плывет в воздухе этот дым... Когда все было кончено, люди понуро, волоча ноги, разбрелись по домам.

Сегодня я пишу Вам это письмо и время от времени выхожу за дверь хижины — взглянуть на раскинувшееся внизу море, — море, ставшее могилой для этих японских крестьян, так веривших нам. Но море молчит, безбрежное, черное, мрачное. Даже птиц не видно под свинцовыми тучами.

Ничто не изменилось. Вы, наверное, скажете: «Нет, не напрасной была их смерть! То были камни, которые лягут в фундамент Храма». И еще Вы скажете, что Господь никогда не посылает испытаний, превышающих наши силы... что Мокити с Итидзо обрели сейчас вечное блаженство, так же как многие погибшие до них японские мученики... Разумеется, я тоже не сомневаюсь в этом. Но почему же сердце мое полно скорби? Почему, терзая душу, звучит в ушах гимн, что, задыхаясь, пел привязанный к столбу Мокити?

Мы пойдем, мы придем
в храм параисо...

От крестьян Томоги я слышал, что этот гимн пели многие христиане, когда их вели на казнь. Мелодия исполнена бесконечной грусти. Слишком мучительна для этих людей жизнь на земле. Так мучительна, что остается только надежда на «храм параисо». И песня эта выражает их скорбь.

Что я хочу сказать этими рассуждениями? Сам хорошо не знаю. Скажу лишь, что мне невыносимо тяжело видеть, как и сегодня с однообразным шумом все грызет и грызет песчаный берег это темное море, в котором стонали, мучились и погибли Итидзо и Мокити. В зловещем спокойствии моря мне чудится молчание самого Господа — точно это Всевышний молчит, бесстрастно внимая горестным людским стонам...

Вероятно, это будет мое последнее послание к Вам. Сегодня утром нам сказали, что власти намерены пригнать стражников и прочесать каждую горку. Прежде чем начнется облава, нужно привести в порядок хижину, уничтожив следы нашего пребывания здесь. Ни я, ни Гаррпе еще не решили, куда нам отправиться далее. Мы долго спорили, что лучше: скрываться вместе или, расставшись, поодиночке искать убежища? В конце концов решили расстаться — с тем чтобы, если кто-то из нас попадетс язычникам, другой уцелел бы. Что означает это «уцелел»? Не для того мы огибали раскаленную Африку, пересекали Индийский океан, добирались из Макао сюда, в Японию, чтобы прятаться да перебегать с места на место! Не для того, чтобы таиться в горах, как крысы, безвылазно сидя в хижине углежогов, отнимать последние крохи у нищих крестьян и не иметь возможности общаться с христианами! Неужели мы отказались от былых мечтаний и планов? Главное — чтобы хоть один священник оставался в Японии, подобно светильнику в римских катакомбах, горящему перед алтарем. Поэтому мы с Гаррпе поклялись друг другу, что будем стараться выжить до последней возможности.

Вот почему, даже если впредь Вы не получите от меня ни одного послания (правда, я не уверен, что все мои предыдущие письма благополучно попали к Вам), не думайте, что нас обоих уже нет в живых. Ибо наш долг — сохранить хотя бы один заступ, способный взрыхлить эту иссохшую почву.

В ночном мраке не различить, где кончается море, где начинается скрытая в темноте суша. Далеко ли до острова — разглядеть невозможно. Слышно только дыхание юноши, сидящего на веслах позади меня, скрип уключин да плеск волн о борт лодки — единственное свидетельство того, что мы в море.

Час назад я расстался с Гаррпе. Мы оба покинули деревню Томоги в утлых суденышках, уносивших нас в разные стороны. Лодка Гаррпе, скрипя уключинами, скрылась ни мраке в направлении Хирадо. Во тьме я не мог различить его фигуры, и не было времени сказать хотя бы слово прощания.

Я дрожал всем телом. Я солгал бы, если бы утверждал, что не испытывал страха. Как бы ни крепка была вера, страх

подчиняет себе плоть независимо от сознания и воли. Вдвоем мы могли делить этот страх, как делят хлеб, теперь же, когда я остался один, приходится терпеть все в одиночку — мрак, холод и одиночество. Познали ли это чувство другие миссионеры, побывавшие в этой стране? В памяти почему-то всплыла мышиная мордочка Китидзиро, этого малодушного труса, поправшего Святой образ, а после стигнувшего бесследно... Впрочем, как знать, не будь на мне сана, возможно, и я затаился бы, пережидая опасность. Только достоинство человека и долг проповедника гонят меня вперед в этом мраке.

Я попросил у гребца воды — напиться, но он не ответил. После мученической кончины Итидзо и Мокити крестьяне деревни Томоги стали относиться к нам с опаской, как к чужеземцам, навлекшим несчастье на их деревню. Вот и этот юноша тоже был бы, наверное, рад избавиться от меня. Чтобы обмануть жажду, я принялся сосать пальцы, окуная их в морскую воду — и вспоминая при этом об укусе, поднесенном распятому Христу.

Лодка понемногу изменила направление, слева слышался шум прибоя, разбивающегося о скалы. Однажды я уже слышал этот звук черных волн, похожий на глухой барабанный рокот, — совсем недавно, когда приезжал на этот остров. Море образует здесь глубокий залив с песчаными берегами. Но сейчас остров погружен в непроглядный мрак, и в какой стороне поселок — разглядеть невозможно.

Сколько проповедников приплывало на этот остров... Но им повезло больше. То было время, когда удача улыбалась миссионерам. Их не подстерегали опасности, их везде ждал надежный кров, под которым можно было спокойно уснуть, и верующие встречали их с ликованием. Владетельные князья, пусть не из истинной веры, а ради торговых выгод, оказывали им покровительство, и, пользуясь этим, миссионеры распространяли в Японии христианство. Мне почему-то вдруг вспомнилось, как падре Валиниано рассказывал нам в Макао: «В те времена мы, проповедники, серьезно спорили о том, какую сутану следует носить в Японии — из шелка или из хлопчатой бумаги?»

Я тихонько рассмеялся. Не поймите меня превратно. Я вовсе не отношусь с презрением к прежним миссионерам. Просто мне вдруг стало смешно при мысли, что человек в рваной крестьянской одежде (подарок Мокити), сидящий в этой утлой, кишашей мокрицами лодке, тоже священник, такой же, как и они.

Черные скалы надвигались. С берега повеяло запахом

гниющих водорослей, днище начало царапать песок. Юноша выскочил на мелководье и, ступая по воде, стал подталкивать лодку, упираясь в корму руками. Я тоже спрыгнул и, глубоко вдыхая пахнувший солью морской воздух, выбрался на сушу.

— Спасибо. Поселок наверху?

— Падре, я . . . — Мне не видно было его лица, но по голосу я почувствовал, что парень хочет как можно скорее отделаться от меня. Я махнул ему на прощание, и он, с облегчением вздохнув, поспешил назад, к морю, и вскочил в лодку. Звук прыжка гулко разнесся в темноте.

«Где-то сейчас Гаррпе? — подумал я, прислушиваясь к постепенно замирающему скрипу уключин. — Чего я боюсь?» Шагая по холодному песку побережья, я уговаривал себя, как мать успокаивает дитя. Дорогу я знал. Если идти прямо, выйдешь к поселку, где совсем недавно так радушно меня встречали. Вдалеке послышались какие-то истошные звуки — это мяукала кошка. Но в те минуты я думал лишь о том, что скоро смогу отдохнуть и утолить голод.

Когда я подошел ближе, кошачье мяуканье стало слышно отчетливей. Порывы ветра доносили тошнотворную вонь протухшей рыбы. В поселке царил жуткая тишина, и я понял, что там нет ни души.

Я увидел не запустение, а настоящий разгром — словно здесь недавно происходило какое-то побоище. Правда, дома не были сожжены, но все двери были выбиты из пазов и валялись на земле, а в стенах зияли дыры. Кошки бесцеремонно шныряли по опустевшим жилищам и выскакивали на улицу, держа в зубах что-то невыразимо мерзкое.

Я долго стоял неподвижно посреди улицы. Странное дело, я не чувствовал ни тревоги, ни страха. Только в голове неотвязно вертелся вопрос: что это значит?.. Что это значит?..

Я прошел поселок из конца в конец, стараясь ступать как можно тише. Повсюду бродили одичавшие кошки — и откуда их столько взялось? Они спокойно пробирались прямо у меня под ногами или, усевшись, следили за мной сверкавшими в темноте глазами. Измученный голодом и жаждой, я зашел в один дом в поисках пищи, но мне удалось найти лишь горшок с водой.

Здесь меня свалила накопившаяся за день усталость. Прислонившись к стене, я уснул стоя, как верблюд. Кошки бродили вокруг меня в поисках тухлой рыбы — я слышал это сквозь забытие. Иногда я открывал глаза — в дверном проеме виднелось черное, беззвездное небо.

От холодного утреннего воздуха я закашлялся. Небо посветлело, за поселком смутно виднелись горы. Оставаться здесь дальше было опасно. Я вышел на улицу. На дороге в беспорядке валялись чашки, миски, одежда.

Куда идти? Во всяком случае, решил я, чем идти вдоль берега, где меня могут заметить, лучше углубиться в горы. Должен же здесь быть еще какой-нибудь поселок, где тоже живут христиане, как жили всего месяц назад в этой деревне. Отыщу их, узнаю обо всем, что случилось, и тогда уж решу, как быть дальше... И опять я внезапно подумал: что сейчас с Гарпе?

Я обошел один за другим все дома и в этом разгроме и беспорядке, таком, что некуда было ступить ноге, с трудом отыскал горстку сухого риса, завязал его в какую-то тряпицу и направился в горы.

Увязая во влажной от ночной росы земле, я стал взбираться по уступам полей-террас на ближайшую возвышенность. Эти тщательно обработанные и разделенные старыми каменными стенками поля — красноречивое свидетельство нищеты здешних христиан. Узкая полоска земли, окаймляющая побережье, не способна ни прокормить их самих, ни родить урожай, достаточный, чтоб уплатить подать. На полях, поросших чахлой пшеницей и просом, стоит вонь удобрений. Мухи, слетаясь на этот запах, лезли в лицо. На посветлевшем небе видны далекие силуэты островерхих горных вершин, похожих на острие мечей, на фоне мутно-белых облаков кружатся стаи ворон, оглашая хриплым карканьем всю округу...

Взобравшись на склон, я остановился и оглянулся на лежавший внизу поселок, где, как комья засохшей грязи, лепились одна к другой хижины. Прислонившись к дереву, я смотрел на клубившуюся в долине туманную дымку. Только море было прекрасным — оно сверкало игольчатым блеском в утренних лучах солнца. По его поверхности было разбросано множество маленьких островков. Волны, окаймленные белой пеной, разбивались о берег. По этому морю пролегал путь Кабраля, Валиньяно и других миссионеров; сам святой Ксавье проплывал мимо этих мест, направляясь в Хирадо. Можно не сомневаться, что и Глава всех миссий в Японии, Его Высокопреосвященство Торрес, тоже не раз бывал здесь. Но всюду их приветствовали и оберегали верующие, у них были пусть небольшие, но красивые, утопающие в цветах храмы. Им не было нужды прятаться и таиться, скитаясь в горах. Эта мысль отчего-то изрядно развеселила меня.

Небо было опять затянуто облаками, чувствовалось, что день будет душный и жаркий. Над головой, описывая круги, упорно кружилась стая ворон. Когда я останавливался, их мрачное, гнетущее душу карканье смолкало, когда же я снова принимался шагать, они неслись за мной следом. Иногда какая-нибудь ворона, усевшись поблизости на ветку, разглядывала меня, хлопая крыльями. Несколько раз я швырял камнем в этих проклятых птиц.

К полудню я добрался до подножия остроконечной горы. Я старался выбрать дорогу так, чтобы не терять из виду море, и все вглядывался в даль, надеясь увидеть на берегу какое-нибудь селение. По пасмурному небу медленно, как флотилия кораблей, плыли темные, набухшие дождем тучи. Я опустился на траву и принялся за жалкую трапезу — сухой рис и огурец, на который я случайно набрел в поле. Сочная зелень немного подкрепила и освежила меня. По травянистой лужайке проносился ветер. Я закрыл глаза и вдруг уловил запах гари. Я встал.

Да, то был след костра. Кто-то недавно проходил здесь и жег костер. Я погрузил пальцы в золу — угли еще хранили слабое тепло.

* * *

Я долго колебался: вернуться или идти дальше? Всего лишь день я блуждал в одиночестве, не встретив ни единой живой души, по безлюдному поселку и горам, но, как видно, совсем пал духом. Лишь бы встретить живую душу — все равно кого... Я разрывался между желанием догнать неизвестного и сознанием опасности, которой чревата такая встреча. Соблазн оказался велик. Ведь сам Христос не мог выдержать такого искуса, он спустился с горы в поисках человеческого общения... — говорил я себе.

Куда направился сидевший у костра человек, сообразить было не трудно. Дорога здесь одна. Несомненно, он брел по склону в направлении, обратному тому, откуда шел я. Взглянув на небо, я увидел белое солнце, сверкавшее среди мутных облаков; с хриплым карканьем взлетела стая ворон.

Я ускорил шаги, озираясь по сторонам. Среди высокой травы возвышались дубы, камфарные деревья, иногда похожие на человеческие фигуры, — и я испуганно останавливался. К тому же зловещее карканье гнавшихся за мной ворон рождало в душе какое-то тягостное предчувствие. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, я на ходу старался определить вид встречавшихся мне деревьев. Я с детства любил науку о растениях, так что, очутившись в Японии, мог

узнать многие породы. Железное дерево, гранат... Иные растения Господь даровал любой стране, но здесь встречались совсем незнакомые мне кусты и деревья.

К полудню небо очистилось. В лужах отражалось голубое небо и маленькие белые облачка.

Я опустил на корточках, чтобы ополоснуть вспотевшую шею, и размешал рукой эти облака. Облака исчезли, и на их месте появилось отражение измученного мужского лица. Почему именно в такие минуты я представляю себе Его лик? На протяжении многих веков бесчисленные художники рисовали Распятого на кресте, и, хотя никто из них никогда не видел Его, они вкладывали в свои творения извечные человеческие мечты, изображая Его прекрасным, святым. И все же я думаю, что Он был еще прекраснее, еще возвышеннее. А из лужи на меня смотрело безобразное, грязное, заросшее бородой лицо загнанного человека, до неузнаваемости искаженное усталостью и тревогой. Замечали ли вы, что в такие минуты человека часто охватывает безудержный смех? Нагнувшись над водой, я растягивал губы, тарашил глаза, корчил дурацкие рожи, как слабоумный. (Почему я делал такие глупости? Такие глупости!)

В лесу среди тишины глухо, надтреснутыми голосами застрекотали цикады. Солнце уже потускнело, небо снова заволкло тучи. Тени стали длиннее, и я уж потерял надежду догнать человека, разжегшего костер.

Я снова зашагал, бормоча вспомнившиеся мне строки Писания. «Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется... Все вещи в труде... Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться...»

Я вспомнил вдруг шум прибоя, к которому мы с Гаррпе прислушивались ночами, этот мрачный шум волн, похожий на барабанный бой, доносившийся в темноте. Всю ночь бездумно, бессмысленно накатывали и отступали назад эти волны. Они равнодушно омывали мертвые тела Итидзо и Мокити и, поглотив их, по-прежнему шумели так же бесстрастно. Господь тоже молчал, как это море. Он безмолвствует до сих пор.

Нет, я не прав... Чтобы прогнать эти мысли, я потрянул головой. Если Бога не существует, разве смог бы человек вынести это жуткое равнодушие, это жестокое бесчувствие моря?

И все же — что, если?.. «О, конечно, всего лишь «если»... — прошептал вкрадчивый голос. — Если бы вдруг оказалось, что Бога нет...»

То была страшная мысль. Какой трагикомедией оказалась бы тогда вся моя жизнь. А смерть Итидзо и Мокити!.. А подвиг миссионеров, пересекавших моря и океаны, тративших годы, чтобы добраться до этой земли... И я сам, блуждающий сейчас в этих горах, — какими нелепыми выглядели бы все мои поступки.

К горлу подступил комок. Борясь с тошнотой, я срывал и ожесточенно жевал траву. Конечно, я знал, что сомнение — самый великий грех. Но почему Всевышний молчит? Этого я не мог постичь. Господь спас праведника из пламени, пожравшего пять городов... Но и сейчас, когда над опустошенной землей еще клубится дым пожара, а на деревьях висят плоды, которым так и не суждено созреть, Он мог бы сказать хоть слово. Но Он молчит.

Я почти скатился со склона, потом опять замедлил шаги, но страшные эти мысли всплывали в моем сознании, как пузыри на воде. Мне было жутко. Чего стоит тогда вся моя жизнь?

На щеку упала дождевая капля. Я взглянул на небо. Черная туча огромной пятерней медленно накрывала мутное небо. Капли падали все чаще, и вот уже над всей равниной повисла завеса водяных струй, похожих на струны огромной арфы. Мимо пронеслась в поисках убежища стайка маленьких птичек. Капли барабанили по листьям дуба, под которым я укрылся, стуча, как камушки по крыше. Мои жалкие лохмотья промокли насквозь. Верхушки деревьев качались в серебряных струях дождя, словно водоросли. И вдруг среди качающейся листвы я заметил покосившуюся хижину. Наверное, это местные крестьяне соорудили ее для дровосеков.

Дождь, обрушившийся внезапно, кончился так же быстро. Снова осветлела равнина, зачирикали, точно пробудившись, птицы. С деревьев с плеском падали капли. Отирая с лица воду, я подошел к хижине. Я ощутил неприятный запах. У входа роились мухи: мое появление испугнуло их с кучки человеческих экскрементов.

Стало ясно, что кто-то совсем недавно побывал здесь. Человек отдохнул и ушел. По правде говоря, меня возмутило, что он напакостил в этом единственном здесь убежище, но и в то же время показалось мне настолько забавным, что я не мог удержаться от смеха. Во всяком

случае, это обстоятельство в какой-то мере развеяло мои смутные опасения.

Когда я вошел, очаг еще дымился. По счастью, в углях еще оставались слабенькие язычки огня, так что я не торопясь, тщательно просушил вымокшую до нитки одежду. Это заняло много времени, но я подумал, что незнакомец тоже не торопился, и догнать его будет не так уж трудно.

Когда я покинул хижину, равнина и деревья, под которыми я прятался от дождя, искрились золотом, шест просохшей листвы напоминал шуршание песка. Я подобрал сухой сук и сделал из него посох; вскоре я снова вышел к месту, откуда ясно виднелась линия побережья.

Море все так же лениво искрилось игольчатым блеском, омывая изогнутое, как лук, побережье. Часть берега была песчаной отмелью, светлой, как молоко; за ней громоздились, образуя заливчик, темные валуны. У пристани сушились на берегу лодки, по-видимому рыбацьи. А к западу среди деревьев виднелся поселок. С самого утра это было первое человеческое жилище, которое я увидел.

Я сел на землю и, обхватив колени руками, жадно, словно бездомный пес, долго смотрел на деревушку. Человек, разжигавший очаг, наверное, спустился в это селение. Я тоже смогу добежать туда, спустившись по склону. Но есть ли там христиане? Я поискал глазами крест или церковь.

Падре Валиньяно и другие миссионеры в Макао предупреждали нас: церкви в Японии совсем не похожи на португальские. В Японии могущественные князья отдавали миссионерам под церкви усадьбы или буддийские храмы, ничего в них не перестраивая. Из-за этого обстоятельства крестьяне часто не понимали разницы между учением Христа и буддизмом. Даже у святого Ксавье случались досадные недоразумения из-за неточностей в переводе, едва не приведшие к полному краху. Японцы, слушавшие его проповеди, принимали Господа нашего за божество Солнца, которому издревле поклонялись в этой стране.

Стало быть, отсутствие шпиля или креста вовсе не означало, что здесь не было церкви. Возможно, церковь находилась в одной из хижин, слепленных из глины и досок. И может быть, подобно тому как изголодавшийся алчет пищи, эти нищие христиане ждут не дождутся священника, который даст им Святое причастие, исповедует их и окрестит младенцев. Я один сейчас в этой

пустыне, откуда изгнаны священнослужители и миссионеры, — и только я могу принести этим людям живую воду. Да, только я, сидящий на голой земле в грязных крестьянских обносках... Господи, все, что творишь Ты, — благо. Прекрасна Твоя обитель!

От волнения меня бросило в жар. Опираясь на посох, оскользаясь на еще влажном от дождя склоне, я поспешил к своему приходу — ибо то был вверенный мне Всевышним приход, — как вдруг с околицы окруженного соснами поселка донесся какой-то грохот, истошные крики — не то проклятья, не то рыдания. Я остановился, опираясь на посох, и увидел, как к небу взметнулся дым и красно-черное пламя.

Инстинктивно осознав опасность, я опрометью бросился бежать — теперь уже вверх по склону, по которому только что так поспешно спускался. И тут я увидел, что впереди бежит человек, одетый, как и я, в крестьянское платье. Заметив меня, он, пораженный, остановился. Я увидел его лицо, искаженное страхом и удивлением.

— Падре!.. — махнув рукой, крикнул он. Продолжая что-то вопить, он указывал на охваченный огнем поселок, давая мне знак, чтоб я схоронился. Я побежал что было сил по скользкой траве и, тяжело дыша, точно загнанный зверь, укрылся в расщелине между скал. Послышались шаги, и из-за соседнего валуна выглянула маленькая, мышинная мордочка Китидзиро.

Мне показалось, что у меня вспотели ладони, но, взглянув, я увидел, что это кровь. Очевидно, я оцарапал руки, уцепившись за камень, когда вскочил в эту расщелину.

— Падре... — Узенькие глазки следили за мной из-за скалы. — Здравствуйте, падре... — На заросшем щетиной лице появилась трусливая, заискивающая улыбка. — Здесь вам опасно... Но я буду оберегать вас.

Я молча смотрел на него, и Китидзиро отвел взгляд, как нашкодившая собака.

— Подождли... Ужас-то какой... — Глядя вниз на поселок, он сорвал какую-то травинку и пожевал ее желтыми зубами. Наконец я догадался, кто разжигал костер и нагадил в хижине. Но почему он блуждает по этим горам так же, как я? Ведь он согласился попрать икону, значит, его уже не должны преследовать власти?

— Падре, зачем вы приехали на этот остров? Здесь то-

же теперь опасно. Но я знаю другой поселок, где еще можно спрятаться.

Я продолжал молчать. Все деревни, где ступала нога этого человека, постигла жестокая расправа. Давнее познание снова закралось мне в душу. Возможно, Китидзиро — осведомитель властей. Мне говорили, что чиновники часто используют отступников. Чтобы оправдать в своих глазах собственный грех и душевные раны, отступники стараются заманить, увлечь на тропу предательства хотя бы еще одного христианина. Как падший ангел старается совратить, вовлечь во грех верных слуг Божиих...

Вечерняя мгла окутала окрестности. Подожженная с околицы деревня горела уже во многих местах, огонь перекинулся на соседние соломенные крыши; в вечерней дымке черно-красное пламя извивалось, словно живое существо. Стояла мертвая тишина. Казалось, жители поселка молча, без единой жалобы приемлют горькую участь. Слишком долго они страдали; может быть, поэтому уже даже не плакали, не стонали.

Снова брести куда-то было так же мучительно, как содрать корку с едва затянувшейся раны. «Трус... Малодушный...» — шептал голос в моей душе, но в то же время другой голос подсказывал, что нельзя поддаваться эмоциям и страстям. Ведь, кроме меня и Гаррпе, в Японии, наверное, не осталось священников... Если меня не станет, вместе со мной погибнет и Церковь! Какие бы унижения и страдания ни выпали на нашу долю, мы оба просто обязаны жить...

...Я ищу оправдания собственной слабости — такая мысль тоже пришла мне на ум. Мне вдруг вспомнилась одна история, которую я слышал в Макао. Некий священник-францисканец перестал скрываться и самолично явился в замок князя, владельца Омуры, объявив, что он священник. Всем известно, какие последствия это имело для миссионерской деятельности и сколько христиан пострадало из-за его необдуманного поступка.

Нет, не для мученической кончины явились в эту страну священники — они обязаны жить, чтобы светильник веры не угас в эпоху гонений!

Китидзиро плелся следом, как приبلудившийся пес. Когда я замедлил шаг, он тоже останавливался.

— Не шагайте так быстро... Я болен... — заныл он, едва волоча ноги. — Ну куда вы идете? Вы же не знаете здеш-

них мест... За выдачу падре чиновники обещают триста монет серебром...

— Значит, моя цена — триста сребреников? — с горечью усмехнулся я, впервые нарушив молчание. Иуда продал Христа за тридцать сребреников. Мою голову оценили в десять раз выше.

— Одному вам идти опасно... — Он догнал меня и зашагал рядом, на ходу обивая веткой кусты при дороге. В сумерках разносились птичьи голоса.

— Падре, я знаю место, где живут христиане. Там безопасно. Пойдемте туда! Сегодня заночуем здесь, а завтра, когда рассветет, пойдем... — Не дожидаясь моего ответа, он присел на корточки и стал проворно собирать сухие, не подмоченные дождем сучья и ветки, потом, вынудив из-за пазухи огниво, развел огонь.

— Вы, наверно, голодны? — Он вытащил из сумки несколько вяленых рыбин. Я смотрел на рыбу голодными глазами, рот наполнился слюной. С самого утра я ничего не ел, кроме сухого риса и огурца; угощение Китидзиро было для меня недолимым соблазном. От рыбин, поджаривавшихся на разгоревшемся огне, поплыл восхитительный аромат.

— Ешьте...

Я с жадностью впился зубами в рыбину. Один кусок — и в душе я уже примирился с Китидзиро. Он смотрел, как я ем, с довольным и в то же время чуть презрительным видом, продолжая жевать траву, точно то были табачные листья.

Мир погрузился во мрак. В горах посвежело, холод пробирал до костей, и я прилег у огня, притворившись, будто уснул. Спать нельзя. Когда я усну, Китидзиро, конечно же, улизнет. Он наверняка задумал предать меня, как предал своих товарищей, и, возможно, сегодня же ночью. Каким соблазном являются триста сребреников для этого оборванца! Я закрыл глаза, и перед мысленным взором возник пейзаж, который я видел сегодня, блуждая по травянистому горному плато: море, сверкающее тысячами блестящих иголок, и разбросанные по нему маленькие островки...

Некогда по этому морю приплывали миссионеры, церкви украшались цветами и верующие приходили молиться, принося в дар рыбу и рис. Здесь, в Японии, открывались семинарии, и семинаристы, как мы когда-то, распевали на латыни гимны и даже играли на музыкальных инструментах,

напоминающих орган или арфу, приводя в умиление своих князей...

— Вы спите, падре?

Не отвечая, я чуть приоткрыл глаза, наблюдая за Китидзиро. Если он уйдет, можно не сомневаться, что приведет сюда стражу.

Прислушиваясь к моему дыханию, Китидзиро начал потихоньку удаляться, стараясь ступать неслышно, как зверь; вскоре из-за кустов послышалось журчание — он мочился. Я думал, что он уйдет, но — странное дело — Китидзиро вернулся к огню, вздохнул, подбросил в прогоревший костер хворосту и протянул руки к огню, все продолжая вздыхать. Пламя освещало его лицо с ввалившимися щеками. Накопившаяся за день усталость взяла свое, и я уснул. Иногда я просыпался и всякий раз видел, что Китидзиро неподвижно сидит у огня.

На следующий день мы опять шли по свирепой жаре. После дождя, прошедшего накануне, над мокрой землей клубились белые испарения, вдали за горными вершинами ослепительно сверкали облака. Я уже давно страдал от головной боли и жажды — в горле у меня пересохло. Китидзиро, казалось, не замечая муки, написанной у меня на лице, то и дело кидался в сторону от дороги и, заметив в кустах змею, прижимал ее палкой и бросал в свою грязную сумку.

— Мы, крестьяне, делаем лекарство из этих змей... — сказал он, обнажая в кривой усмешке желтые зубы. «Почему ты не продал меня вчера ночью за триста сребреников?» — подумал я, вспоминая самую трагичную сцену Евангелия, когда на Тайной вечере Христос обратился к Иуде: «Ступай... Что делаешь, делай скорее».

Даже сделавшись священником, я по-прежнему не мог постичь смысла этих слов. Бредя рядом с Китидзиро, я размышлял над этой важнейшей фразой. Какие чувства владели Христом, когда он отослал человека, что продаст его за тридцать сребреников? Гнев? Ненависть? Или любовь? Если гнев, значит, Христос лишил Иуду даже надежды на спасение — единственного из всех смертных. Господь отвернулся от этого человека, не простив ему грех. Значит, Господь все же покинул его, и Иуда навеки останется грешником?

Но этого же не может быть! Христос хотел спасти даже Иуду, в противном случае Он не сделал бы его своим учеником. Но тогда почему же Он позволил Иуде отступить?..

Я спрашивал об этом многих священников — еще в семинарии. Несомненно, я задавал тот же вопрос и Феррейре. Не помню, что он ответил. А раз не помню, значит, ответ его не рассеял моих сомнений.

«Иисусом владели не ненависть и не гнев, — сказал мне кто-то. — Слова эти вызваны отвращением». — «Учитель! Но как понимать отвращение к самой личности Иуды? Значит, в то время Христос уже не любил Иуду?» — «Нет, почему же... Представь себе, например, мужа, которого обманула жена. Он еще продолжает любить ее, но обмана простить не может. Представь себе чувства мужа, который, любя жену, тем не менее испытывает отвращение к ее поступку... Вероятно, Иисус питал сходное чувство к Иуде...»

В те дни совсем еще юноша, я все-таки не мог принять столь банального объяснения. Я и поныне не могу с этим согласиться. Если Дозволено мне высказать свое святотатственное суждение, по-моему, Иуда — просто несчастная кукла, марионетка, которой отведена особая роль в драме жизни и смерти Христа...

Но я не сказал Китидзиро: «Ступай!.. Что делаешь, делай скорее!», во-первых, прежде всего потому, что стремился любой ценой сохранить себе жизнь; а во-вторых, еще потому, что как священник я не желал, чтобы тот отягощал свой грех новым предательством.

— Узкая тропинка, вам, наверно, трудно идти...

— Нет ли здесь какой-нибудь речки? — Жажда мучила меня все сильнее.

Усмехнувшись, Китидзиро бросил на меня внимательный взгляд.

— Пить хотите? Вы съели слишком много вяленой рыбы...

Так же, как вчера, над головой чертили круги вороны. Небо сверкало так ослепительно, что у меня рябило в глазах. Облизывая пересохшие губы, я раскаивался в своей слабости. Ради куска вяленой рыбы я совершил непоправимую ошибку.

Я искал хотя бы болотце, но напрасно. В траве пронзительно, словно задыхаясь, стрекотали цикады. С мо-

ря дул теплый, влажный ветер, несущий запах сырой земли.

— Нет ли здесь речки? Речки!..

— Здесь нет даже горного ручейка. Потерпите! — Не дожидаясь моего ответа, Китидзиро стал спускаться по склону.

Когда он скрылся за скалами, кругом внезапно наступила тишина. Было слышно, как цикады потирают с сухим шуршанием сложенные крылышки. Пугливая ящерица осторожно взобралась на камень и тут же проворно скрылась. Ее озаренная солнцем мордочка напомнила мне физиономию Китидзиро.

В самом ли деле он отправился искать воду? Или, может быть, пошел донести?

Я снова двинулся вперед, опираясь на посох. Жажда мучила все сильнее, теперь было ясно, что он нарочно накормил меня этой рыбой. «Иисус, зная, что все уже совершилось, говорит: жажду... — вспомнилось мне. — Тут стоял сосуд, полный уксуса. *Воины*, напоив уксусом губку и наложив на исоп, поднесли к устам Его...» Мне почудился вкус уксуса во рту, к горлу подступила тошнота, глаза закрылись...

— Па-адре! Па-адре! — донесся издали зовущий меня голос. Волоча ноги, появился Китидзиро. В руках он держал колено полого бамбукового ствола. — Почему вы убежали? — Он смотрел на меня гноящимися, как у зверя, глазами. Я вырвал у него протянутый сосуд и, позабыв стыд, стал жадно пить, проливая воду себе на грудь.

— Почему вы убежали? Падре тоже не верит мне?

— Не обижайся. Я устал. Послушай, теперь оставь меня одного...

— Одного? Но куда вы пойдете? Ведь здесь опасно! Я знаю поселок, где живут тайные христиане... Там есть и церковь. И живет падре...

— Священник?! — Я невольно повысил голос. Мне в голову не могло прийти, что на этом острове есть священник кроме меня. Я с недоверием взглянул на Китидзиро.

— Да, там есть падре. И не японец. Так я слышал...

— Не может быть!..

— Падре не верит мне... — обрывая траву, уныло прошептал он. — Теперь никто мне больше не верит...

— Зато ты сумел уцелеть. А Итидзо и Мокити канули в море, как камни...

— Мокити — сильный. Крестьяне похожи на выносливую рассаду, которую сажают в поле. Но бывает и слабая рассада, ее как ни удобряй, как ни ухаживай, толку не будет... Падре, я такая вот слабенькая рассада...

Как видно, ему показалось, что я его упрекаю, и он попятился прочь от меня, словно побитый пес. Но я не осуждал, а скорее скорбел. Да, Китидзиро сказал правду — не всем дано родиться святыми и героями. В другое время им не пришлось бы выбирать между мученичеством и предательством; они могли бы прожить жизнь спокойно, как добрые христиане. Но эти крестьяне были обычными смертными, и плотский страх оказывался сильнее.

— Теперь мне некуда пойти... Оттого я и блуждаю в этих горах...

Сострадание сжало мне сердце. Я велел ему опуститься на колени, и Китидзиро послушно и робко опустился на землю.

— Сын мой, покайся — ради Итидзо и Мокити!

Да, люди делятся на сильных и слабых. На святых и обычных смертных. Героев и трусов. В жестокие времена сильные умирают в море, сгорают на кострах — за веру. Слабые же, такие, как этот Китидзиро, скитаются по горам. А каков ты сам? — спросил я себя. Если бы не долг и честь священника, быть может, ты тоже попрал бы Священный образ?..

— Господи наш, распятый на кресте...

— Господи наш, распятый на кресте... — Китидзиро повторял за мной каждое слово, совсем как ребенок, повторяющий слова матери.

— Господи наш, увенчанный терновым венцом...

— Господи наш, увенчанный терновым венцом...

На белый камень снова взобралась ящерица. В это время сзади послышались шаги многих ног. Из кустов появились люди, они быстро приближались.

— Падре, простите меня! — плачущим голосом закричал Китидзиро, не поднимаясь с земли. — Я слабый. Я не могу стать таким сильным, как Итидзо и Мокити!

Руки стражников схватили меня, приподняв с земли. Один из них с презрением бросил перед самым носом все еще стоявшего на коленях Китидзиро несколько серебряных монет.

Стражники молча подтолкнули меня вперед. Спотыкаясь, я зашагал по каменистой дороге. Один раз я оглянулся — вдали виднелась физиономия предавшего меня Китидзиро, похожая на мордочку перепуганной ящерицы...

ГЛАВА V

Солнце светило ярко, но деревня казалась удивительно мрачной. Когда его вели по улице, одетые в лохмотья дети и взрослые стояли возле крытых тростником хижин — для защиты от ураганных ветров на крышах лежали камни, — и молча пялили на него по-звериному блестящие глаза.

Может быть, они тоже христиане, подумал он и попытался изобразить на лице улыбку, но никто не улыбнулся в ответ. Только какой-то совершенно голый малыш, ковыляя на крошечных ножках, приблизился к процессии. В тот же миг откуда-то выскочила растрепанная, простоволосая мать, схватила ребенка и, прижав его к груди, кинулась прочь. Стараясь унять дрожь, Родригес напрягал все душевные силы, чтобы думать о Том, кого в ту роковую ночь вели из Гефсиманского сада во дворец первосвященника Каиафы.

За околицей у него закружилась голова от ослепительного солнечного света. Ощувив дурноту, он невольно замедлил шаг, но шедший сзади стражник, пробормотав что-то, подтолкнул его вперед. С трудом улыбнувшись, он попросил позволения передохнуть, но стражник с суровым видом отрицательно покачал головой. Над залитыми солнцем полями стоял запах навоза, в небе звонко и весело распевали жаворонки. Какое-то незнакомое Родригесу дерево, растущее при дороге, приятно шелестя листвою, отбрасывало влекущую к себе тень. Пересекавшая поля дорога постепенно сузилась в тропинку, они вступили в холмистую местность; там, уже у подножия гор, чуть в стороне от дороги стояла в лощине сплетенная из сучьев и ветвей хижина. На желтой глинистой земле чернела ее резкая тень. Возле хижины на земле сидело несколько человек в грубой крестьянской одежде. Руки их были связаны. Пленники о чем-то переговаривались, но, заметив священника, в изумлении умолкли.

Доставив Родригеса на место, стражники вздохнули с облегчением и принялись весело болтать с видом людей, благополучно завершивших работу. Казалось, их ничуть не заботит, сбегут их пленники или нет. Священник опустил ся на землю — и пятеро узников почтительно поклонились ему.

Некоторое время он молчал. Мухи липли к потному лбу, упорно роились над головой. Рассеянно вслушиваясь в их гудение, он подставил спину теплым лучам, и постепенно

его охватило нечто вроде приятной истомы. Он сознавал, конечно, что пришел и его черед, но природа дышала таким безмятежным покоем, что невольно казалось — уж не пригрезилось ли ему все это? «Помни день субботний...» — он сам не мог бы сказать, почему в памяти вдруг всплыли эти слова. Стражники беззаботно болтали, даже смеялись. Яркое солнце освещало маленькую хижину. Думал ли он, что этот день, который он ожидал с тревогой и страхом, окажется таким спокойным и мирным? Это рождало в душе какую-то странную досаду, почти разочарование — ничего героического, ничего трагического не было в этом дне, все было не так, как у мучеников, как у Христа.

— Падре, — пошевелив затекшими руками, обратился к нему сидевший рядом крестьянин с бельмом на глазу, — как же это с вами случилось?

Остальные разом подняли головы, с нескрываемым любопытством ожидая ответа. Казалось, все они совершенно не помышляют об ожидавшей их участи. Родригес ответил, что его схватили в горах, но одноглазый, по-видимому не разобрав, переспросил, приложив руку к уху. Наконец они поняли — и у всех разом вырвался вздох сочувствия.

— Как он по-нашему говорить-то научился! — с детской восторженностью воскликнула женщина. — Вот молодец!..

Стражники тоже улыбались, не пытаясь прервать беседу окриком или бранью. Больше того, когда одноглазый с самым дружеским видом что-то сказал одному из них, тот ответил тоже с улыбкой.

— Кто эти люди? — тихо спросил Родригес у сидевшей рядом женщины. — Почему они их схватили?

— Мы все христиане, падре, а те стражники — нет. Они язычники... — ответила она так спокойно, словно это различие не имело значения. — Вот, поешьте... — Связанными руками она с трудом достала из-за пазухи два маленьких кабачка, от одного откусила сама, второй подала священнику. Впившись в него зубами, он ощутил ароматную свежесть. «С самого первого дня в этой стране я только и делал, что причислял беспокойство беднякам-христианам...» — думал Родригес, вгрызаясь в подаренный кабачок. Они дали ему приют, подарили одежду, кормили его. Теперь и ему следовало бы отплатить им добром. Но у него не было ничего, что можно было бы принести в дар — кроме собственной жизни и смерти.

— Как тебя зовут?

— Моника... — чуть смущенно ответила женщина,

словно это была ее единственная драгоценность — имя, полученное при крещении. Какой миссионер дал этой женщине, пропавшей морем и рыбой, имя матери блаженного Августина?..

— А его? — он указал на одноглазого, все еще беседовавшего со стражниками.

— Вы о Модзаэмонэ?.. Его имя Жоан.

— Какой священник крестил вас?

— Не священник. Монах, брат Исида. Падре, наверно, хорошо его знает...

Родригес отрицательно покачал головой. Кроме Гаррпе, он не знал здесь ни одного священнослужителя.

— Как?! — изумилась Моника. — Да ведь это тот самый, которого казнили на вершине Ундзэн...

— Но вы все так спокойны... Почему? — не утерпев, спросил у нее Родригес. — Ведь нас тоже, возможно, ждет такая же участь.

Женщина опустила глаза, разглядывая траву под ногами. Мухи, слетаясь на запах пота, снова назойливо жужжали над головой.

— Не знаю... Брат Исида говорил, что в параисо мы обретем вечный покой. Там не нужно платить подать. Там нет ни голода, ни болезни, ни горестей... В параисо не будут гонять на государственные работы. Ведь нам приходится так тяжело трудиться... — Женщина вздохнула. — Жизнь в этом мире — одно мучение. Но в «параисо» ничего этого уже не будет, да, падре?

«Рай совсем не таков, как вы себе представляете», — хотелось сказать Родригесу, но он сдержался. Очевидно, этим крестьянам, как зазубрившим катехизис детишкам, рай представлялся каким-то особенным миром, где нет ни мучительных податей, ни тяжелого принудительного труда. Никто не имеет права разрушить эту мечту...

— Да, конечно... — прошептал он. — Там у нас уже ничего не отнимут. — Он помолчал. — Скажи, ты не слыхала о падре Феррейре?

Женщина отрицательно покачала головой. Значит, и здесь Феррейра никогда не бывал? Или, может быть, самое имя «Феррейра» запрещено для японских христиан?..

* * *

Сверху донесся чей-то громкий голос. Над ложиной среди обломков скал стоял невысокий толстенький самурай. Он с улыбкой разглядывал сидевших внизу крестьян. Род-

ригес сразу узнал пожилого чиновника, проводившего обыск в деревне Томоги.

— Ну и жара... — Непрерывно обмахиваясь веером, самурай спустился в лощину. — Наступает самое жаркое время... В такой зной крестьянам работать в поле — сушая мука...

Моника, Жоан и все остальные вежливо поклонились, опустив, как положено, связанные руки на колени. Старик искося посмотрел на священника, сидевшего в такой же позе, но прошел мимо, словно не замечая. Его шелковое хаори¹ издавало сухой шелест, распространяя аромат благовоний.

— В последнее время дождей совсем не выпадало... На дорогах — пыль... В мои годы трудненько добираться в такую даль... — Он присел на корточки возле арестованных, обмахивая себя белым веером. — Так что прошу, уж не доставляйте, пожалуйста, мне, старику, лишних хлопот...

В солнечном свете его улыбающееся лицо казалось особенно плоским, и Родригесу вспомнились статуи Будды, которые он видел в Макао. В лике Будды незаметно живое движение чувств, которое он привык видеть в изображениях Христа. Стояла полная тишина, только громко жужжали мухи, целым роем кружась то над узниками, то над самураем.

— Мы вовсе не гневаемся на вас. Хотелось бы, чтобы вы это поняли. Подати вы платите исправно, на государственных работах тоже трудитесь усердно — с чего бы нам понапрасну сердиться на вас?.. Уж кто-кто, а мы, чиновники, знаем, что крестьяне — оплот страны.

Жужжали мухи, шелестел веер, которым обмахивался старик, откуда-то издали ветерок доносил кудахтанье кур. Это и есть допрос? — недоумевал священник, опустив глаза в землю. Неужели перед пытками все мученики слушали такие же притворно-ласковые слова? Он ждал страха, но, странное дело, страха не было. пытки и смерть казались чем-то далеким и невозможным.

— Мы дадим вам время подумать и надеемся получить разумный ответ. — Разговор был окончен, с лица старика исчезла притворная улыбка, ее сменило выражение высокомерной алчности — совсем как у китайских купцов в Макао.

Сидевшие в кустах стражники встали.

— Пошли! — раздалась команда.

¹ Парадная накидка в традиционном японском costume.

На поднявшегося вместе со всеми священника старик взглянул, сморщив лицо, как обезьяна. В его взгляде впервые блеснула ненависть.

— А ты... — крикнул он, выпрямившись во весь свой крохотный рост и положив руку на эфе м е ч а . — Останься!

Слабо улыбнувшись, Родригес снова опустился на траву. Этот карлик, выпятив грудь как бойцовый петух, явно старался не ударить в грязь лицом перед чужеземцем в присутствии арестантов. «Обезьяна... — усмехнулся Родригес. — Вылитая обезьяна. И незачем хвататься за меч и принимать такой воинственный вид! Я не собираюсь бежать».

Он проводил взглядом пленников, поднимавшихся по склону: они вскоре исчезли из виду. С горечью он прошептал:

«Нос Passionis tempore, Pus adauge gratiam¹... Господи! Не посылай им испытаний сверх меры! Они не выдержат новых мучений. До сих пор у них хватало терпения. Терпели всё — непосильные подати, тяжкий труд, нищенскую голодную жизнь. Так неужели Ты пошлешь им еще новые испытания?»

Старик-самурай поднес ко рту сосуд с водой и сделал несколько мелких глотков, запрокинув голову, как пьющая курица.

— Я не раз беседовал с разными падре, — сказал он совсем другим, даже каким-то заискивающим тоном. — Вы понимаете по-японски?

Легкое облачко ненадолго скрыло солнце, в ложине потемнело, среди травы громко застрекотали молчавшие до сих пор цикады.

— Мужичье — дураки. Но их жизнь или смерть, падре, целиком зависят от вас... — Родригес не очень понимал, куда клонит хитрый старик, но было понятно, что он старается заманить его в западню. — Простолоудины не способны думать своей головой. Толку от них все равно не добьешься. Но если вы скажете одно маленькое словечко...

— Какое словечко? Что я должен сказать?

— «Отрекаюсь»... — Старик с треском захлопнул веер и усмехнулся. — «Отрекаюсь», вот что...

— А если я откажусь? — со спокойной улыбкой сказал священник. — Тогда вы меня убьете?

— О нет, нет! — Самурай грустно вздохнул. — Ни за что! Тогда эти олухи стали бы упорствовать еще больше.

¹ В час страданий яви милость уповающим на Тебя (лат.).

Мы уже допускали подобные ошибки — и в Нагасаки, и в Омуре. Христиане — народ упрямый.

Старик тяжело вздохнул, но было понятно, что все это — сплошное притворство. Родригес испытывал даже своеобразное удовольствие, поддразнивая эту маленькую обезьяну.

— Как истинный падре, вы должны проявить милосердие к этим крестьянам...

Родригес невольно улыбнулся. Какая наивная, детская логика! Неужели он надеется этим чего-то добиться?.. Увы, Родригес совсем не учел, что его собеседник столь же по-детски впадает в ярость, потерпев поражение в споре.

— И так?..

— Казните меня одного... — пожал плечами священник, насмехаясь над самураем.

На лице японца выразились гнев и досада. С неба, затянутого тучами, донеслись далекие раскаты грома.

— Ну что ж... Они будут очень страдать — из-за вас!..

* * *

Его втокнули в хижину. Сквозь плетеные стены, поставленные прямо на голой земле, проникали, как нити, солнечные лучи. Снаружи доносились голоса стражников. Куда они увели христиан? Те исчезли, как в воду канули. Обняв колени руками, он сидел на земле и думал о Монике и одноглазом. Потом ему вспомнилась деревня Томоги — О-Мацу, Итидзо, Мо к и т и, — и сердце сжалось от боли. Будь у него время для размышления, хотя бы одна минута, — он мог бы благословить этих несчастных христиан... Но он даже не подумал об этом. Это означает, что он утратил спокойствие духа. Он даже забыл спросить у них, какое нынче число, какой день, какой месяц... Даже об этом он позабыл. Он потерял чувство реальности, ощущение времени и сейчас не смог бы даже сказать, сколько дней прошло после Пасхи или какой нынче церковный праздник...

Четок у него не было, и он стал повторять "Pater noster" и "Ave Maria", загибая пальцы, но как вода проливается из уст тяжело больного, так и молитва не достигала сердца. В сущности, его больше занимали стражники, болтавшие под дверью хижины. Чему они так радуются? Мысли его вновь возвратились к освещенной оливковой роше, к людям, державшим пылающие черным пламенем факелы, равнодушным к судьбе Иисуса. Те стражники тоже были людьми. И тоже были безразличны к судьбе другого человека...

«Истинный грех, — подумал он, — это вовсе не ложь, не кража. Грех — это равнодушие, позволяющее одному человеку попираť жизнь другого, нимало не думая о тех муках, что он причиняет...» И тут молитва зазвучала из самых глубин его сердца.

Внезапно на прикрытые веки упал луч света. Кто-то осторожно, стараясь не шуметь, приоткрыл дверь. Родригес успел поймать устремленный на него взгляд узеньких, недобрых глаз. Но когда он поднял голову, человек мгновенно исчез.

— Говоришь, он ведет себя смирно? — спросил незнакомый голос у стражника, только что заглядывавшего в дверь. В ту же минуту дверь отворилась. В потоке света, хлынувшем в хижину, возникла фигура самурая — не того старого, а другого, без меча.

— Сеньор... — позвал он.

Он говорил по-португальски. С причудливым акцентом, с запинкой, но сомневаться не приходилось — то был безусловно португальский язык.

Родригес вслушался — да, в его речи встречались ошибки, но смысл сказанного был совершенно ясен.

— Не удивляйтесь, — продолжал незнакомец, — в Хирадо и Нагасаки много переводчиков. Но вы, падре, свободно владеете японским? Угадайте же, где я выучил португальский? — Он болтал, не дожидаясь ответа и непрерывно обмахиваясь веером, так же, как давешний самурай.

— Стараньями португальских падре в Ариме, в Амакусе, в Омуре были созданы семинарии. Но это вовсе не означает, будто я — вероотступник... Да, я крестился, но, разумеется, с самого начала не собирался стать монахом и вообще христианином. В наше время для сына рядового неимущего самурая только учение — путь к преуспеванию.

Японец усиленно подчеркивал, что не является христианином. Родригес с бесстрастным лицом слушал болтовню гостя.

— Почему вы молчите? — с некоторой досадой спросил тот. — Падре всегда презирали нас, японцев. Я знал одного падре, его звали Кабраль — так тот нас и за людей не считал. Приехал в Японию, а сам насмехался над нашими жилищами, над языком, высмеивал нашу пищу, наши обычаи. Даже выпускников семинарии отказывался вводить в сан.

По мере того как он вспоминал, незнакомец все более распалялся. «Гнев этого человека, в общем-то, не лишен основания», — подумал Родригес. Он помнил, что расска-

зывал о преподобном Кабрале падре Валиньяно, как сокрушался, что из-за его высокомерия Церковь теряет священнослужителей и верующих...

— Я не похож на Кабрала.

— В самом деле? — Собеседник негромко рассмеялся. — Что-то не верится...

— Почему?

В сумраке было невозможно разглядеть выражение лица посетителя. Но Родригесу было достаточно этого тихого смешка, чтобы в полной мере ощутить его гнев и злобу. Служба священника научила его понимать человеческие чувства, слушая с закрытыми глазами исповедь прихожан. «Он стремится отмежеваться не столько от падре Кабрала, сколько от собственного прошлого», — смутно подумал он.

— Не хотите ли выйти на воздух? Я думаю, падре больше не будет уходить и скрываться...

— Почем знать?.. — Родригес улыбнулся. — Я не святой. Меня тоже пугает смерть.

— Нет-нет... — Японец тоже улыбнулся в ответ. — Раз вы понимаете это, прошу выслушать меня до конца. Из-за вашего безрассудства могут пострадать люди. Мы называем такую храбрость «слепой». Вообще-то среди падре часто встречаются люди, одержимые таким чувством; они совсем не думают о том, какие беды они несут японскому народу.

— Неужели миссионеры доставляли вам одни неприятности?

— Когда человеку навязывают то, что ему совершенно не нужно, у нас это называется горе-благодетельство. Христианская вера — такой же подарок. У нас есть собственная религия. И мы не нуждаемся в чужеземном учении. Я тоже изучал в семинарии догматы христианской веры. И, по правде сказать, не нашел в них ничего, что могло бы пригодиться японцам.

— У нас с вами разные взгляды, — тихо ответил Родригес. — Иначе я не проделал бы такой долгий путь...

Это был его первый диспут с японцем. Сколько миссионерам доводилось вести дискуссию с японскими буддистами? Падре Валиньяно предупреждал, что не следует недооценивать ум японцев. Они весьма сильны в споре.

— В таком случае позвольте спросить... — Переводчик в упор взглянул на Родригеса. — Христианские проповедники говорят, будто Дэус — неиссякаемый источник ве-

личайшего милосердия, добродетели и добра, а наши будды и божества — всего лишь обычные смертные и поэтому не имеют достоинств такого рода. Вы тоже так полагаете, падре?

— Будда, подобно вам, не может избежать смерти. В этом его отличие от Творца.

— Падре не знает учения Будды — только поэтому так говорит. В сущности, далеко не все будды — смертные люди. Да будет вам известно, у Будды есть три «тела» — «хоссин», «хоодзин» и «оогэ». «Оогэ» может являться в бесчисленном множестве ипостасей, неся спасение и божественные милости роду человеческому. Но Будда «хоссин» не имеет ни начала ни конца, он вечен и неизменен. Вот и в священных сутрах написано, что Будда вечен и постоянен. Полагать, будто все будды смертны, падре, могут лишь христиане, а японцы так не считают.

Все это переводчик выпалил одним духом, словно затвердил наизусть. «Наверное, долгие годы оттачивал эти фразы, чтобы сразить в дискуссиях миссионеров, — вот и сыплет мудреными словами, которые и сам-то едва ли понимает...» — подумал Родригес.

— Значит, вы утверждаете, что все существует само по себе и мир не имеет ни конца ни начала... — Родригес старался нащупать уязвимое место в рассуждениях противника. — Ведь вы именно так считаете, верно?

— Именно так.

— Однако все неживое не способно двигаться самостоятельно, если только некто — или нечто — не стронет его с мертвой точки. Откуда и как появились будды? Больше того, я готов допустить, что им свойственно милосердие, но объясните мне, как же был создан весь этот мир до их появления? Христианский Бог предвечен, он сотворил человека и дал жизнь всему сущему.

— Выходит, христианский бог сотворил и злодеев, это вы хотите сказать? Получается, ваш Дэус творит зло?... — Переводчик засмеялся с видом победителя.

— Вовсе нет! — Родригес покачал головой. — Господь создал все только для блага. Ради добра он даровал человеку разум. Но случается, люди поступают вопреки разуму. Это и есть зло.

Переводчик презрительно фыркнул. Но Родригес и не надеялся, что сумел убедить противника. Спор уже перестал быть спором — это уже была игра словами, когда, не слушая друг друга, каждый хочет одержать верх.

— Бросьте свою софистику. Вам, может быть, удастся задурить голову мужикам, женщинам да малым детям. Позвольте, однако, задать вам еще только один вопрос. Если ваш Дэус действительно милосерден, почему, прежде чем человек попадет в рай, бог посылает ему столько мучений и испытаний?

— Мучений и испытаний? Боюсь, вы заблуждаетесь. Если верующий не нарушает заповедей Господних, он может жить в покое и мире. Когда мы ощущаем голод — разве Господь велит умереть нам голодной смертью? Единственное, что мы должны неукоснительно совершать, — это молиться Создателю. Если не можем совладать с плотским желанием, Господь не принуждает нас избегать женщин. Он говорит лишь: имейте одну жену и исполняйте волю мою. — «Хорошо я ему ответил», — удовлетворенно подумал Родригес. Некоторое время переводчик молчал, не находя ответа — священник ясно это почувствовал.

— Довольно. Что проку толочь воду в ступе, — раздраженно проговорил переводчик по-японски. — Я не затем к вам пришел, чтобы слушать глупые разговоры.

Где-то вдали пропел петух. Через приотворенную дверь проник луч света, в нем плясали бесчисленные пылинки, священник засмотрелся на их танец. Переводчик вздохнул.

— Вы должны отречься. Иначе крестыян подвесят в «яме».

В яме? Что он говорит? Родригес ничего не понял.

— Они будут висеть вниз головой, связанные по рукам и ногам... В глубокой яме...

— Висеть в яме?..

— Да. Если падре не отречется.

Священник молчал. Он внимательно разглядывал собеседника, стараясь понять, правду тот говорит или только пугает?

— Господин Иноуэ... Вы, наверное, о нем слышали. Это губернатор Нагасаки. Вам еще предстоит встретиться с ним.

И-но-у-э... Среди всех португальских слов слух Родригеса выделил одно это имя. Холодок пополз у него по спине.

— После допроса у господина Иноуэ, — продолжал переводчик, — от христианской веры отреклись падре Порро, Педро, Кассола и падре Феррейра.

— Падре Феррейра?!

— Вы с ним знакомы?

— Нет, я его не знаю. — Родригес испуганно затряс головой. — Он принадлежит к другому ордену. Я никогда

его не видел. Даже имени не слышал. Этот падре... Он жив?

— Конечно, жив! Он принял японское имя, живет в Нагасаки, женился... Можно сказать, процветает.

Воображению Родригеса внезапно представилась улица в Нагасаки — городе, которого он никогда не видал. Лучи заходящего солнца ярко отражались в маленьких окнах маленьких домиков, стоящих вдоль извилистой дороги, и по этой дороге шел падре Феррейра в таком же одеянии, как у этого переводчика... Нет, такого не может быть! Что за нелепая фантазия!

— Я вам не верю...

Иронически усмехнувшись, переводчик вышел из хижин. Дверь снова закрылась, свет померк. Сквозь стены проникали голоса стражников.

— Изрядный умник... — объявил переводчик. — Но все равно, скоро он отречется...

«Это он обо мне», — подумал священник. Он мысленно повторил имена, которые только что назвал переводчик. Порро и Педро были ему незнакомы, но о Кассоле он определенно слышал в Макао. Этот португальский миссионер, в отличие от Родригеса, прибыл в Японию не из Макао, а из Манилы, испанских владений. Вестей от него уже очень давно не было, и в ордене решили, что он принял мученическую кончину. Но за этими тремя вставала фигура Феррейры, которого Родригес разыскивал с самого первого дня в Японии. Если переводчик не лжет, не старается припугнуть, значит, слух оказался правдой: падре Феррейра, очутившись в лапах Иноуэ, предал Церковь.

«Если даже Феррейра отрекся от веры, выдержу ли я предстоящее испытание?» — мелькнула тревожная мысль. Родригес резко тряхнул головой, стараясь отогнать тягостное сомнение. Но вопреки его воле тем настойчивей подступили к нему опасения.

"Exaudi nos, Pater omnipotens et mittere digneris Sanctum qui custodiat foveat protegat, visitet, atque defendat omnes habitantes..."¹

Он читал молитвы, стараясь отвлечься от этих дум. Но молитва не приносила успокоения.

— Почему Ты молчишь, Господи? Почему Ты всегда молчишь?.. — прошептал он.

¹ Услышь нас, Отец Всемогущий, и да ниспошли нам того, кто охранит, защитит и оградит всех живущих (лат.).

Вечером дверь снова отворилась. Стражник молча поставил перед ним деревянную миску — в ней лежало несколько кусочков тыквы — и вышел. Когда Родригес поднес пищу ко рту, он почувствовал неприятный запах, похожий на запах пота. Наверное, тыква была несвежей, сваренной несколько дней назад, но голод был нестерпим, и он с жадностью съел ее вместе с коркой. Он еще не покончил с едой, а мухи уже кружились вокруг его рук. «Я стал похож на бродячего пса...» — подумал Родригес, облизывая пальцы. От Валиньяно он слышал, что некогда местная знать любила приглашать миссионеров к обеду. В ту пору португальские корабли, груженные разнообразным товаром, заходили в гавани Хирадо, Ёкосэура и Фукуда, и миссионеры не испытывали недостатка ни в хлебе, ни в вине. Они читали молитву перед тем, как сесть за опрятный, красиво убранный стол, и спокойно, неторопливо вкушали пищу. А он, даже забыв помолиться, набросился сейчас на эти помои, годные разве что для собаки... Какой позор для священника! Конечно же, Бог существует не для того, чтоб досаждать Ему жалобами и мольбами, Бога надобно славить в молитвах. И все же как трудно по-прежнему славить Господа — подобно прокаженному Иову — в час испытаний...

Дверь снова скрипнула, и появился все тот же стражник.

— Падре, мы отправляемся...

— Куда?

— В гавань.

Родригес встал; его пошатывало от голода. Смеркалось, ветви деревьев бессильно поникли, будто истомленные дневным зноем. Лицо облепили тучи moskitov. Издалека доносилось кваканье лягушек.

Его окружили трое стражников, но, казалось, никто даже не опасался, что пленник сбежит. Они громко переговаривались, смеялись. Один из них отошел в кусты и стал справлять нужду. Родригесу подумалось, что он мог бы сбить с ног двух оставшихся и бежать. Но едва у него мелькнула эта мысль, как шагавший впереди стражник оглянулся и спросил:

— Падре, душно было там, в хижине, да?

Вглядевшись в его добродушное лицо, Родригес отбросил всякую мысль о побеге. Если он убежит, наказаны будут эти крестьяне... Слабо улыбнувшись, он кивнул.

Они прошли по дороге, которой он брел сегодня утром. Больными глазами он смотрел на большие деревья, растущие среди полей, где все громче раздавалось кваканье лягушек. Эти деревья он помнил. На ветвях, хлопая крыльями, сидели вороны, оглашая хриплым карканьем воздух. Сливаясь с голосами лягушек, карканье мрачным эхом разносилось окрест.

Когда они вошли в деревню, у дверей многих хижин поднимались белые столбы дыма от дымокуров — отгоняли москитов. Какой-то мужчина, в одной набедренной повязке, держал на руках ребенка. Заметив священника, он открыл рот и засмеялся как дурачок. Женщины, печально опустив головы, долгим взглядом провожали идущих.

За деревней потянулись поля. Дорога пошла под уклон, пахнувший морем ветер наконец-то коснулся лица Родригеса. Внизу виднелось то, что громко именовалось гаванью; это была просто-напросто куча наваленных друг на друга черных камней, служивших лодочной пристанью. Две утлые лодчонки были вытащены на сушу. Пока стражники подкладывали под них сляги, священник подобрал в песке горсть розовых ракушек и начал перебирать их. Эти раковины были единственной красотой, которой коснулся его взор за весь минувший день. Он приложил ракушку к уху: из ее глубины донесся приглушенный шум. Внезапно его охватила тоска. Он стиснул пальцы — осколки раздавленных ракушек с глухим шорохом посыпались на песок.

— Садитесь!

Вода на дне лодки неприятно холодила опухшие, покрытые пылью ноги. Ухватившись за борта лодки, священник закрыл глаза и вздохнул.

Лодка отчалила, он рассеянно взглянул на гору, по которой блуждал до сегодняшнего утра. В вечерних сумерках она казалась округлой, как женская грудь. Он перевел взгляд на берег и увидел какого-то оборванца. Тот что-то кричал на бегу, потом споткнулся и упал на песок. Это был предатель Китидзиро...

Китидзиро снова вскочил, что-то воя — не то плакал, не то бранился. Слов Родригес не разобрал. Странное дело, он больше не испытывал ни обиды, ни ненависти — он был во власти смирения: ведь раньше или позже его все равно схватили бы... Китидзиро остановился у кромки воды — очевидно понял, что лодку ему не догнать, — и все смотрел им влед. Неподвижная фигура его постепенно растворилась в вечерней мгле.

Ночью лодка вошла в какую-то бухту. Родригес чуть приоткрыл глаза и сквозь дрему увидел, как прибывшие с ним стражники сошли на берег, а на смену им в лодку сели трое новых. Они разговаривали на местном диалекте, но он так устал, что ему не хотелось напрягать слух, чтобы понять, о чем они говорят. Он уловил только часто звучавшие названия «Омура», «Нагасаки» и подумал, что, наверное, его везут в Нагасаки или в Омур. Днем, в хижине, он еще молился об одноглазом и о женщине, угостившей его кабачком, но сейчас он был так измучен, что не хватило бы сил молиться за себя самого. Ему было безразлично, куда его везут и что с ним будет дальше. Закрыв глаза, он снова уснул, но время от времени просыпался и слышал все тот же однообразный плеск весел. Один стражник сидел на веслах, двое других пребывали в угрюмом молчании. «Господи, да свершится воля Твоя...» — сквозь полусон проштентал он, подумав, что хоть его состояние и похоже на то смирение, с которым Святые угодники вверяли себя промыслу Божьему, но, в сущности, совершенно иного свойства. «Что с тобой происходит? Уж не теряешь ли ты веру?» — промелькнуло в самой глубине сознания, но сейчас у него не было сил прислушаться даже к этой мысли.

— Где мы? — в очередной раз открыв глаза, хрипло спросил он у стражей, но те промолчали, настороженно и угрюмо. Он снова задал тот же вопрос, и тогда один из них тихо и словно смущенно сказал: «Это Ёкосэура...»

Ёкосэура... От падре Валиньяно он много раз слышал это название. Здесь был порт, основанный с разрешения местного князя падре Фроишем и Альмейдой. С того времени португальские корабли, приходившие раньше в Хирадо, стали бросать якорь только в этой гавани. На одном из холмов выстроили церковь и на ее шпиле водрузили огромный крест. Он был так велик, что виднелся издали, с палубы кораблей, на которых миссионеры прибывали в Японию. На Святую Пасху к этому холму шли с зажженными свечами процессии верующих японцев. Сам князь посещал эту церковь и вскоре принял крещение.

Сидя в лодке, Родригес пытался отыскать взглядом гавань и селение, похожие на Ёкосэуру, но все кругом — и море, и суша — тонуло в непроницаемом черном мраке, нигде ни огонька. Не видно было ни домов, ни поселка. И все же, быть может, здесь еще оставались тайные

христиане, как в деревни Томоги или на островах Гото... Ведают ли они, что сейчас, в этой проплывающей мимо утлой лодчонке, дрожит как бездомный пес католический падре?

— Где же Ёкосэура? — спросил он, и сидевший на веслах после некоторого колебания ответил: «Ничего не осталось...»

Селенье сожгли, жителей разогнали, пояснил он. Мертвое молчание нависло над сушей, над морем, не слышно было ни звука, кроме глухого плеска волн, ударявших о борта лодки. «Господи! Почему Ты допустил это бесчинство? — прошептал священник. — Даже церковь, воздвигнутую во славу Твою, Ты оставил на поругание! Неужели, когда изгоняли этих несчастных, Ты безмолвно взирал на их муки и не подал им знака, дабы вдохнуть в них мужество? Почему? В чем причина Твоего молчания? Мы не так сильны духом, как Иов, которому ниспослано было испытание проказой. Иов — святой, а здешние христиане — всего только слабые, нищие бедняки-крестьяне. Их терпение не безгранично. Так не посылай же им страданий сверх всякой меры...» Священник молился, но море по-прежнему оставалось таким же бесстрастным, и мрак упорно хранил молчание. Слышался только однообразный глухой плеск весел.

«Я, кажется, совсем пал духом...» — с дрожью подумал он. Он чувствовал, что силы его на исходе, он не вытерпит этой муки, если Божественное милосердие не придаст ему мужества. Внезапно плеск весел прекратился.

— Эй, кто там? — закричал один из стражников, глядя вглубь во мглу.

Сидевший на веслах перестал грести, но откуда-то издалека доносился скрип уключин другой лодки.

— Наверное, ночной лов... Ладно, брось! — прошептал старший из стражников.

— Эй, кто там? Отзовись! Ты что там делаешь?

В невидимой лодке перестали скрипеть уключины, и слабый голос что-то ответил. Священнику показалось, что он где-то уже слышал этот голос, но вот где — этого он припомнить не мог.

* * *

На рассвете прибыли в Омуру. Когда ветер разогнал ключья молочного тумана, взгляду Родригеса явились белые стены замка, окруженного рощей. Замок, похоже, еще строился, кругом валялись бревна. А за замком тес-

нились, лепясь друг к другу, домики, покрытые соломой и тростником. Так он впервые увидел японский город.

Только сейчас, когда стало уже почти совсем светло, он заметил, что у ног его стражей лежат большие дубинки. Несомненно, им было приказано сбросить священника в море при малейшей попытке к бегству.

У пристани их уже ожидали самураи с большими мечами, в косодэ¹, окруженные шумной толпой зрителей. Самураи бранили и отгоняли зевак, но те терпеливо ждали прибытия лодки, расположившись на прибрежных холмах. Когда священник сошел на берег, толпа загалдела. Проходя сквозь толпу под охраной самураев, он успел заметить несколько скорбных лиц, люди печально смотрели на него. Он молчал — и они тоже молчали. Не замедляя шага, он поднял руку в знак благословения. В то же мгновение на этих лицах промелькнула тревога; японцы поспешно отводили глаза. В сущности, ему надлежало вложить в эти замкнутые молчаньем уста кусочек тела Христова, но здесь у него не было ни чаши, ни виноградного вина, ни алтаря, чтобы дать им Святое причастие.

Его посадили на неоседланную лошадь и связали веревкой руки; в толпе раздалось улюлюканье. Хотя Омуро почиталась городом, в сущности, она почти не отличалась от деревень, встречавшихся ему на пути. То было скопище крытых соломой хижин. Вдоль дороги стояли босонogie женщины в кимоно, со свисающими за спиной волосами, — они торговали рыбой, моллюсками, овощами, вязанками хвороста. Завидев священника, бонзы в черных рясах и бродячие сказители, одетые в шаровары «хакама», осыпали его бранью. Дети бросали в него камни. По словам Валиньяно, в Омуре миссионеры добились наибольшего успеха. Сам князь принял крещение, почти все его домочадцы обратились в христианство. А сейчас дети бросали в него камни, бонзы плевали в него, осыпая проклятиями, а самураи и пальцем не шевелили, чтобы помешать им.

Дорога тянулась вдоль берега — к Нагасаки. В поселке Судзуда он увидел крестьянский дом, весь утопавший в неизвестных ему белых цветах. Здесь самураи остановили коней, приказали одному из пешеходных стражников принести воды — и в первый раз за весь день священнику дали напиток. Но вода пролилась мимо рта, лишь намочив костлявую грудь.

¹ Род японской традиционной одежды.

— Гляньте, какой огромный! — женщины, насмехаясь, указывали на него детям. Когда процессия снова медленно двинулась в путь, он оглянулся. Его охватила невыразимая скорбь — больше он никогда не увидит этих белых цветов... Самураи, сняв высокие шапки, утирали пот со лба; волосы надо лбом у них были тщательно выбриты, а на затылке собраны в тугой пучок. Они ехали верхом, а за ними, громко переговариваясь, шагали пешие стражники, вооруженные луками. Оглянувшись, Родригес заметил на извилистой, покрытой белой пылью дороге какого-то нищего, который в некотором отдалении плелся за ними, опираясь на палку. То опять был Китидзиро. Заметив, что священник узнал его, он поспешно юркнул за растущее рядом дерево. Родригес не мог понять, зачем человек, предавший его, до сих пор идет за ним по пятам? Внезапно у него мелькнула догадка: уж не Китидзиро ли был в той лодке, что встретила им на рассвете?

* * *

Покачиваясь на лошади, он время от времени поглядывал на море. Сегодня оно казалось совсем мрачным и темным. На горизонте серой тенью вставал большой остров, но Родригес не мог бы с уверенностью сказать, тот ли это остров, где он блуждал до вчерашнего дня.

После Судзуды дорога стала оживленней. Шли торговцы, навьючив груз на мулов, путники, в низко надвинутых соломенных шляпах, в соломенных плащах и ноговицах. Женщины в островерхих шляпах, с головой закутанные в покрывала. Заметив процессию, они, как громом пораженные, останавливались на обочине и долго смотрели вслед. Работавшие в полях крестьяне, побросав мотыги, со всех ног бежали к дороге. Японцы, их одежда, облик, раньше вызывавшие у Родригеса острое любопытство, уже не пробуждали никакого интереса в его усталой душе. Закрыв глаза и с трудом шевеля сухим языком, он читал «Последование страстей Господних», совершавшееся на утрени в монастыре. Оно было посвящено воспоминаниям о крестных страданиях Спасителя, когда, выйдя из Храма, Он, шатаясь и спотыкаясь, нес крест, совершая свой путь к Голгофе. Влекомая любопытством многочисленная толпа следовала за ним. «Дщери иерусалимские, не плачьте обо мне, но плачьте о себе и о детях ваших. Ибо приходят дни...» Родригес подумал, что и Господь

страдал так же. И мысль эта была слаще нектара: она утолила жажду, потрясла и утешила душу.

«Pange lingua! — Пой же, язык мой! — он почувствовал, что по щекам текут слезы. — Bella Premunt hostilia. Da robur, fer auxilium...¹ Пусть делают со мной, что хочешь, — я никогда не отрекусь...»

* * *

После полудня проехали городок Исахая. Здесь была большая усадьба, окруженная глинобитной стеной и рвом, а вокруг теснились дома под тростниковыми крышами. Возле одной из хижин самураев приветствовало несколько человек с мечами за поясом; они принесли два деревянных ящичка с рисом. Пока самураи ели, священника наконец-то сняли с лошади и привязали к дереву. Неподалеку сидело несколько нищих со всклокоченными, спутанными волосами. Они пристально разглядывали священника. Он был уже не в силах ответить улыбкой. Кто-то поставил перед ним надтреснутую миску с вареной чумизой. Он рассеянно поднял голову. То был Китидзиро.

Китидзиро уселся рядом с нищими и время от времени украдкой поглядывал на священника, но, когда их взгляды встречались, поспешно отворачивался. Лицо Родригеса стало суровым. Там, на острове, он был так измучен, что, увидев Китидзиро на берегу, не имел сил даже для ненависти, но сейчас был уже не способен на великодушие. Священника обожгло воспоминание о мучительной жажде, терзавшей его на горном плато, после соленой рыбы. «Что делаешь, делай скорее!» — даже Христос прогнал предавшего его Иуду, бросив ему в лицо эти гневные слова. Долгое время Родригесу казалось, что они противоречат Господней любви, но сейчас в душе поднималось темное, жестокое чувство. «Прочь! — в гневе шептал он. — Что делаешь, делай скорее!»

Покончив с едой, самураи снова сели в седло. Священника тоже усадили на лошадь, и процессия медленно двинулась дальше. Снова бонзы осыпали его ругательствами, дети швыряли камни. Погонщики мулов и путники в дорожных плащах во все глаза глядели на самураев и Родригеса. Ничто не изменилось. Оглянувшись, он увидел, что вдали, опираясь на палку, тащится следом Китидзиро. «Прочь! — прошептал он. — Прочь!»

¹ Врази теснят меня. Господи, укрепи меня, помоги (лат.).

ГЛАВА VI

Небо хмурилось. Облака переваливали через горный хребет и скатывались в долину. Это была дикая равнина Тидзукано. Насколько хватает глаз, простиралась голая, черно-бурая земля; лишь кое-где зеленели редкие островки стелющегося кустарника. Посоветовавшись, самурай приказали стражникам снять священника с лошади. Много часов тряся он на лошадиной спине — и, ступив на землю, невольно присел от мучительной боли, внезапно пронзившей тело.

Один из самураев вынул трубку с длинным мундштуком и закурил. Родригес впервые видел в Японии курильщика табака. Затянувшись несколько раз, самурай выпустил дым из сложенных губ и передал трубку товарищу. Стражники смотрели на них с нескрываемой завистью.

Они еще долго ожидали чего-то, напряженно вематриваясь в туманную даль. Кто стоял, кто сидел; иные устроились в тени, под скалой. К северу небо голубело просветами, но на юге уже громоздились тяжелые вечерние облака. Родригес тоже поглядывал на дорогу, по которой они пришли сюда, однако Китидзиро не показывался — видно, устал красться следом и повернул восвояси.

— Едут! Едут! — оповестили дозорные, указывая куда-то на юг. Там, вдалеке, появился неторопливо приближавшийся отряд конных и пеших воинов. Куривший трубку самурай вскочил в седло и галопом помчался навстречу. Не спешиваясь, он обменялся почтительным поклоном с возглавлявшим отряд всадником, и Родригес понял, что с этой минуты его передают в распоряжение вновь прибывших. После недолгой беседы прежний конвой поворотил коней и вскоре скрылся из виду, держа путь на север, где еще пробивались сквозь тучи солнечные лучи.

Прибывшие из Нагасаки самурай окружили Родригеса — и он снова двинулся в путь, трясясь на расседланной лошади.

Тюрьма стояла на склоне холма, посреди рощи. Похоже, выстроили ее недавно; строение напоминало приземистый амбар с такими низкими потолками, что невозможно было выпрямиться в полный рост. Свет проникал сквозь крохотное зарешеченное оконце и щель в деревянной переборке — такую узкую, что в нее едва можно было протиснуть тарелку: через это отверстие утром и вечером священнику подавали еду.

Его дважды выводили для дознания, и Родригес уже успел рассмотреть двор, сплошную бамбуковую ограду, оцетинившуюся остроконечными кольями, и крытую тростником лачугу для караульных.

Несколько дней он находился в темнице один. С рассвета до заката священник сидел неподвижно, затаившись во тьме — как некогда в хижине углежогов, — рассеянно вслушиваясь в болтовню караульных. Порой изнывавшие от безделья и скуки стражники заговаривали с ним: так он узнал, что тюрьма стоит в окрестностях Нагасаки, но где именно, выяснить не удалось. Днем сюда долетали звуки: голоса прохожих, звон пил, стук забиваемых гвоздей — очевидно, неподалеку возводили какое-то здание, — но по ночам все стихало, слышалось только неумолчное воркование голубей.

Как ни странно, тюремная жизнь оказалась на удивление покойной и мирной. Тоска и тревога, снедавшие его во время скитаний в горах, казались теперь каким-то туманным, полузабытым сном. Он не знал, что несет каждый грядущий день, но не испытывал страха. Выпросив у караульных шнур и кусок плотной японской бумаги, он смастерил себе четки и проводил целые дни в молитвах и размышлениях над стихами Писания. По ночам, закрыв глаза и вытянувшись на полу, он грезил под воркование голубей, и жизнь Христа — миг за мигом — проплывала перед его мысленным взором. С младенческих лет светил ему этот лик, светоч грез его и мечтаний: Христос, говорящий с народом; Христос, шествующий в предутренней мгле по морю Галилейскому... Даже в чудовищной муке крестных страданий Его лик был исполнен чарующей красоты. Вот и теперь мягкий взгляд ясных, лучистых глаз устремлен на Родригеса. Разве он мог оскорбить, мог ли принести горе? При одной лишь мысли о Нем тревога и страх исчезали, как исчезает в прибрежном песке набегающая волна...

Впервые после приезда в Японию Родригес был в согласии с миром. Ему даже подумалось, что это чувство — лишь предвестие смерти, столь тихо и невозмутимо текли мгновения.

Но на девятый день его грубо вытолкали во двор. Яркий солнечный свет острым мечом полоснул по запавшим глазам, отвыкшим от солнца в полумраке темницы. Из рощи звенящим каскадом лилось стрекотанье цикад, заросли алых цветов за караульной неудержимо влекли к себе взор. Только сейчас он заметил, как одичал: борода

отросла, грязные космы всклокочены, как у бродяги, руки иссохли и истончились, дряблая кожа болтается на костях.

Опять на допрос, решил он, однако его отвели в домик для караульных, в каморку с деревянным настилом. Родригес терялся в догадках.

Все прояснилось на следующий день. Привычную тишину вдруг взорвали грубые окрики стражников, потом послышалось нестройное шарканье ног: в ворота тюрьмы втащили нескольких человек. До вчерашнего дня они томились в такой же мрачной темнице.

— Шевелись, пока не огрел! — кричали со злобой стражи. Пленники огрызались с равной яростью:

— А ну, не пихайся! Полегче, полегче!

Перепадка продолжалась еще какое-то время, потом все стихло. В сумерках из тюрьмы донеслась молитва:

«Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго... Аминь».

Голоса взмывали, истаивая в вечерней дымке.

«И не введи нас во искушение»... Что-то пронзительно отчаянное почудилось священнику в этом хоре.

Шевеля губами, он прочел вместе с узниками молитву. «Ты молчал, Ты молчал все это время, — прошептал он. — Но Ты не станешь безмолвствовать вечно!..»

На другой день он испросил позволения подойти к заключенным, трудившимся под неусыпным надзором стражей в тюремном дворе над грядками. Узники, вяло махавшие мотыгами, с удивлением обернулись к нему. И он подумал, что уже где-то видел не только их лица, но даже рваные, выцветшие крестьянские кимоно. Ну конечно! Он не сразу узнал их лишь потому, что в заточении у мужчин отросла борода, кожа приобрела землистый оттенок.

Женщина ахнула.

— Падре! Вот так встреча... Кто бы подумал...

Да, это была она — крестьянка, угостившая его теплым, из-за пазухи, кабачком. Подле нее, добродушно скаля в улыбке кривые желтые зубы, стоял одноглазый.

С этого дня Родригес, получив соизволение стражников, стал ежедневно ходить к христианам. И караульные не тревожились — понимали, что за проявленное снисхождение узники будут вести себя смиренно.

Без вина и хлеба он не мог служить мессу — и довольствовался тем, что исповедовал и читал с христианами "Credo", "Pater Noster"¹ и "Ave Maria".

«...Не надейтесь на князей, на сына человеческого, в котором нет спасения. Выходит дух его, и он возвращается в землю свою: в тот день исчезают все помышления его. Блажен, кому помощник Бог Иаковлев, у кого надежда на Господа Бога его, сотворившего небо и землю, море и все, что в них...»

Отца Родригеса слушали, затаив дыхание: никто даже не кашлянул, пока он читал псалом. Стражники тоже внимали в полном молчании. Много раз твердил он эти строки, но никогда еще прежде не вкладывал в них столько чувства, столько смысла — для слушателей и для себя самого. Вдохновенные, полные новым значением слова переполняли душу.

«...Отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе...»

— Пришел ваш час высшей муки, — с жаром говорил священник. — Но Господь не покинет вас. Он омоет кровь ваших ран. Господь не останется равнодушным.

Вечерами отец Родригес отпускал грехи. За отсутствием исповедальни ему приходилось выслушивать несвязное бормотание кающихся, прижимаясь ухом к щели, сквозь которую узникам просовывали еду. Остальные, чтоб не мешать, теснились в дальнем углу. Здесь, в тюрьме, он впервые после Томоги мог отправлять обязанности священника и молился от всей души, чтобы так продолжалось вечно.

Исполнив долг, он доставал куриное перо, подобранное во дворе, бумагу, что выпросил у стражников, и принимался описывать свою жизнь — с того самого дня, когда ступил на землю Японии. Он не ведал, достигнет ли это послание Португалии; оставалось лишь уповать, что какой-нибудь христианин тайно вручит его китайским торговцам.

Ночью, вслушиваясь во тьме в негромкое воркование голубей, он ощущал устремленный на него божественный взор. Ясные синие очи смотрели с участием и состраданием; в Господних чертах читался покой и несокрушимая вера. «Боже, Боже, — шептал он иступленно, всматриваясь в этот спокойный лик, — Ты ведь не можешь, не можешь взирать равнодушно на наши страдания!»

¹ «Верую», «Отче наш» (лат.).

«Успокойся, — чудилось вдруг ему. — Я не оставлю вас...»

Он с сомнением и надеждой вслушивался в ночь — но нет, ничего, только тихое воркование диких голубей... Глухая, черная тьма. И все же к нему приходило мгновенное облегчение — словно чистой водою омылось сердце.

Однажды лязгнул засов, и в дверь просунулась голова караульного.

— Одевайся! — Стражник бросил на голый дощатый пол ворох одежд. — Новехонькое. С иголки... Гляди, *дзиттоку* и нижнее кимоно. Бери, бери, это тебе!

И он пустился в пространные объяснения о том, что *дзиттоку* — одежда буддийских монахов.

Улыбка мелькнула на изможденном лице Родригеса.

— Благодарю за честь. Но мне не нужно *дзиттоку*.

— Не хочешь? Не хочешь брать? — Караульный, не веря своим ушам, тряс головой, алчно поглядывая на платье. — От самого губернатора!

Родригес взглянул на свое грубоотканое кимоно, потом перевел взгляд на новенькое *дзиттоку* и задумался. Почему они прислали ему одеяние бонзы? Что это — сострадание к узнику или еще одна хитроумно расставленная ловушка? Но в результате так ни к чему и не смог прийти. Как бы то ни было, стало ясно: начало переговорам с властями положено.

— Живей, живей! — торопил его стражник. — Сейчас сюда пожалуют важные господа.

Родригес никак не предполагал, что допрос состоится так скоро. Воображение рисовало ему драматические картины, подобные встрече Иисуса с Пилатом: толпа беснуется, Пилат растерян, Иисус молчит. Но за стеной всего лишь монотонно звенела, нагоняя дремоту, одинокая цикада. Тюрьма, где томились японские христиане, была погружена в обычную послеполуденную сонную тишину.

Стражник принес горячей воды; ополоснувшись, Родригес не спеша продел руки в рукава нижнего кимоно. Материя была неприятно шероховатой на ощупь, и его вдруг пронзило унижительное ощущение, что это злосчастное кимоно сроднило его с чиновниками.

Во дворе стояли в ряд пять низких скамеечек, отбрасывая на землю черные тени. Родригесу приказали опуститься на колени, и он, припав к земле, застыл у ворот в томительном ожидании. Поза была мучительно неудобной, от саднящей боли в ногах все тело покрылось липкой испариной, но ему не хотелось, чтобы чиновники видели

его муки. Стараясь отвлечься, он неотступно думал о Христе: о тех минутах, когда бич хлестал Его по спине. Наконец послышался стук копыт, топот ног — и стража раболопно припала к земле. В воротах показались самураи: они выступали важно, обмахиваясь веерами; степенно беседуя, чиновники проследовали в глубь двора, даже не удостоив взглядом священника, и неторопливо расселись по скамеечкам. Стражники, подобострастно согнувшись, подали чашки, и самураи с видимым наслаждением приняли потягивать горячий напиток. Но вот ожидание кончилось. Сидевший справа чиновник кликнул стражников, и они потащили пошатывавшегося от боли священника на середину двора — туда, где стояли скамеечки.

В листе верещали цикады. Струйки пота текли по спине Родригеса. Всей кожей он чувствовал устремленные на него взгляды: это христиане затаив дыхание следили за ним из окошка, стараясь не пропустить ни слова. Теперь он понял, почему Иноуэ избрал для допроса именно это место: его хотят загнать в угол, сломить, опозорить на глазах у этих крестьян! *Gloria Patri et Filio et Spiritui Sancto*¹! Прикрыв глаза, Родригес попытался изобразить улыбку, но и сам почувствовал, что сведенное судорогой лицо его больше походит на мертвую маску.

— Правитель Тикуго крайне обеспокоен вашим положением, падре, — старательно подбирая слова, обратился к Родригесу один из самураев. — Ежели вы в чем-либо стеснены, прошу, изложите нам ваши просьбы.

Священник молча поклонился. Подняв глаза, он вдруг встретился взглядом с сидевшим посередине старцем. Тот разглядывал священника с простодушным любопытством, радостно улыбаясь, словно дитя, получившее диковинную игрушку.

— Подданство: Португалия. Имя: Родригес. Прибыл в Японию из Макао. Вы подтверждаете это?

Об этом его уже спрашивали: какой-то чиновник дважды приходил к нему в тюрьму в сопровождении переводчика.

Самурай с состраданием посмотрел на Родригеса и прочувствованно сказал:

— Падре прибыл к нам из чужой стороны, за тысячи ри² — терпя невероятные трудности, подвергая себя

¹ Слава Отцу и Сыну и Святому духу (лат.).

² Японская мера длины.

опасности. Мы глубоко тронуты подобной самоотверженностью. Мы понимаем, сколько лишений он перенес.

В голосе самурая слышались нотки сочувствия, но именно потому слова его острой болью отозвались в сердце Родригеса.

— И оттого, поверьте, необходимость допрашивать вас причиняет нам бесконечные муки...

От неожиданного участия душевное напряжение, владевшее Родригесом, рассеялось; он растроганно подумал: «Ах, если бы не политика и различия в языках и обычаях, эти извечные преграды, мы могли бы протянуть друг другу руки и беседовать как друзья!» — но тут же испугался собственной сентиментальности.

— Падре, мы не собираемся пускаться в богословские споры о том, что есть истинно и что ложно в вашем учении. Мы допускаем, что для Испании, Португалии и прочих стран оно истинно. Мы наложили запрет на христианство в Японии лишь потому, что, тщательно изучив его, уверились, что для нашей страны оно бесполезно.

Переводчик сразу же ухватил суть проблемы. Старец участливо поглядывал на Родригеса.

— А мы полагаем, что истина равнозначна для всех. — Наконец-то Родригесу удалось вымучить ответную улыбку у . — Только что вы сострадали моим трудностям и лишениям. Вас восхищает, что я добирался в Японию долгие месяцы, по бурным опасным морям. Скажите, что вело сотни миссионеров через такие страдания, если не вера в незыблемость истины? Истина едина — для всех стран и времен, — оттого-то она и зовется истиной. И будь учение, верное для Португалии, неверным в Японии, мы не назвали бы его истинным.

Время от времени переводчик запинался, подыскивая слова, потом продолжал переводить с бесстрастным и неподвижным, как у куклы, лицом. Только старец, сидевший перед Родригесом, кивал с одобрением — будто во всем соглашался с ним — и потирал ладонь о ладонь.

— Все падре твердят об одном и том же... — заметил другой самурай. Переводчик старательно перевел. — Однако... Однако даже доброе дерево может зачахнуть на чуждой почве. В дальних странах дерево христианства зеленеет и благоухает цветами, однако ж в Японии листья могут завянуть, и ни единого бутона не распустится на ветвях. Падре, вам не случалось задумываться о различиях в почве, о различиях вод, питающих корни?

— Нет, листва не завянет, и бутоны превратятся в цветы, — в запальчивости возразил священник. — Вы полагаете, мне ничего не известно? Даже в Европе, не говоря о Макао, знают о поразительных достижениях здешних миссионеров. Было время, когда японские землевладельцы поддерживали ученые Христово и число верующих составляло триста тысяч!

Старец снова кивнул, потирая ладошки. Остальные тоже слушали переводчика с напряженным вниманием, но казалось, только он соглашался с доводами Родригеса.

— ...И если не распускаются листья и не расцветают цветы, значит, плохо возделана почва!

Цикада умолкла; солнце палило все беспощадней. Самураи молчали, словно не знали, что отвечать. Священник спиной почувствовал взгляды узников, прислушивавшихся к спору, и подумал, что одержал победу. Радость теплой волной захлестнула его.

— К чему этот спор? — глядя в землю, тихо проговорил он. — Все равно мне не удастся переубедить вас. Но и я не изменю своей вере...

Он почувствовал жар в груди. Чем острее он ощущал внимание христиан, тем сильнее хотелось ему казаться героем.

— Да и что говорить? Ведь меня ждет казнь!

Переводчик механически перевел последнюю реплику. В ярком солнечном свете его приплюснутая физиономия казалась совсем плоской. Безостановочно двигавшиеся старческие ладони замерли: старец покачал головой и с укоризною посмотрел на Родригеса, будто увещевая расшалившегося дитя.

— Мы не караем, падре, без веских причин, — мягко возразил он.

— Да, но ведь вы — не Иноуэ! Будь на вашем месте Иноуэ, он расправился бы со мной тут же, не сходя с места!

Чиновники дружно рассмеялись, как над удачной остротой.

— Что тут смешного?!

— Падре, Иноуэ, правитель Тикуго, — здесь, перед вами.

Священник ошеломленно уставился на сидевшего перед ним старика. Тот глядел на него с ребяческим простодушием, потирая ладошки. Подобного Родригес не ожидал. Иноуэ обманул его представления. Он так явственно вообразил бледное, коварное лицо врага, которого сам

отец Валиньяно называл сущим дьяволом, могущественного противника, поставившего на колени многих миссионеров, — но вот перед ним этот кроткий, доброжелательный, все понимающий человек!

Что-то сказав сидевшему подле него самураю, Иноуэ с некоторым трудом поднялся со скамеечки. Остальные последовали за ним, и спустя мгновение процессия скрылась за воротами. Стрекотали цикады. Слюдяное солнце нестерпимо слепило глаза; в его равнодушных лучах черными силуэтами ложились на землю тени пустых скамеечек. Жгучий восторг захлестнул вдруг отца Родригеса, на глаза навернулись слезы. Он был в упоении: он совершил великое дело. Из застывшей в оцепенении темницы слышалось пение:

Мы пойдем, мы придем
В храм параисо,
В дивный храм параисо,
Прекрасный храм...

Давно уж отец Родригес вернулся к себе, в каморку с голым дощатым полом, а песня все лилась и лилась. Ему нечего стыдиться, думал Родригес. По крайней мере он не смалодушничал. Он не подорвал веры и не смутил душу христиан.

Любуясь бликами проникавшего сквозь решетку лунного света, диковинным хитросплетением ложившихся на стену теней, он снова представил себе лицо Человека из Галилеи. Веки были опущены, но все же Родригесу чудилось, что взор Господа устремлен на него. Он мысленно очертил абрис этого смутного лика, наметил рот и глазницы. «Сегодня я выдержал испытание! Я не спасовал», — сказал он себе с восторженным замиранием сердца.

Со двора донесся стук колотушки. Как обычно, стражи обходили тюрьму вечерним дозором.

День третий.

Стражники вывели во двор троих узников и приказали им копать ямы. Через прутья решетки священнику было видно, как одноглазый (кажется, его звали Жоан) вместе с товарищами машет лопатой под пышущим пламенем солнцем: ссыпает землю в корзины и уносит их прочь; из-за жары на нем лишь набедренная повязка, спина лоснится от пота. Родригес поинтересовался у караульного, зачем эти ямы. Тот ответил, что узники роют отхожее место.

Время шло, а заключенные все еще выбирали землю

из глубоких, уже в человеческий рост, ям. Внезапно один из них рухнул навзничь: от жары он лишился чувств. Стражи злобно пинали его, но он даже не шевельнулся. Жоан с товарищами подняли его и отнесли в тюрьму.

Спустя некоторое время караульные прибежали за Родригесом. Пострадавшему сделалось хуже, и христиане требовали духовника. Священник помчался к узникам. В полумраке у серого, неподвижного, как изваяние, тела стояли Жоан, Моника и все остальные.

— На-ка, попей! — Моника поднесла ко рту больного выщербленную чашку, но вода пролилась мимо рта, лишь едва смочив губы. — Ох, как мается! Бедняга... — вздохнула она.

К ночи дыхание больного стало прерывистым. Тяжкий труд окончательно истощил угасавшие силы: просяные клецки — скудная пища. Священник преклонил колени и приготовился соборовать умирающего. Но не успел он сотворить крестное знамение, как больной глубоко вздохнул — и умер.

Стражники приказали сжечь труп, но Родригес и христиане решительно воспротивились: это не по-христиански, тело должно быть предано земле — и на другое утро усопшего похоронили в рощице за тюрьмой.

— Счастливчик Хисагоро, — с завистью пробормотал кто-то. — Отмучился... Спит себе вечным сном...

Остальные смотрели перед собой пустыми глазами.

Время за полдень. Задрожал раскаленный воздух, заструился маревом — и вдруг хлынул ливень. Капли уныло барабанили по деревянной крыше темницы, шелестели в листве деревьев, под которыми погребли тело покойного. Обняв колени, Родригес предавался раздумьям. Сколь долго Иноуэ будет угодно смотреть сквозь пальцы на его спокойное существование? Конечно, тюремная жизнь не мед, однако при молчаливом потворстве стражей верующие расппевают псалмы, а священник навещает паству, ведет дневник — надо только не возмущать спокойствия. Родригес недоумевал, почему власти позволяют все это.

В воротах тюрьмы появился какой-то странник в соломенной накидке. Плащ мешал разглядеть его хорошенько, однако было ясно и так, что это чужой. Похоже, он что-то кланчил у караульных, но те и слушать его не желали, грозными криками гнали прочь.

— Убирайся отсюда! Палки захотел?

Стражник замахнулся дубинкой, и бродяга, словно бездомный пес, метнулся было к воротам, но вдруг передумал и остался стоять на дворе под дождем.

Вечером отец Родригес снова взглянул в окошко: человек в раскисшей соломенной накидке все еще мок под ливнем. Стражники, как видно, махнув на него рукой, даже не показывались из караульной.

Незнакомец вдруг повернулся, и Родригес увидел его глаза. То был Китидзиро. Китидзиро переменялся в лице и инстинктивно попятился.

— Падре! — жалобно взвыл он. — Падре! Выслушайте меня! Я хочу исповедаться, падре!

Священник повернулся спиной к окну и попытался отвлечься от звуков этого голоса. Он не забыл вкуса вяленой рыбы и нестерпимую, жгучую жажду. Как ни старался Родригес простить Китидзиро, вытравить из сердца гнев и ненависть он был не в силах.

— Падре, падре! — хныкал Китидзиро, словно ребенок, просящий прощения у матери. — Падре, да, я обманывал вас, падре, выслушайте же меня! Вы презирали меня... И я возненавидел вас и всех, кто был с вами. Да, я топтал Святой образ. Мокити и Итидзо сильные. А я слабый, я не могу быть таким же сильным...

Стражники, потеряв терпение, выскочили из караульной с палками. Китидзиро пустился наутек.

— Но я не виноват! — продолжал он вопить на бегу. — Знаете, как у меня болела нога? Я чуть не умер от боли! Господь создал меня слабым, отчего же он спрашивает с меня, как с сильных?! Разве это справедливо?!

Вопли то обрывались, то доносились снова, перемежаясь рыданиями.

— Падре, ну как же мне быть, ничтожной букашке? Падре, я донес не из-за денег, мне пригрозили...

— Прочь! — рявкнул стражник, высунув голову из караульной. — Дождешься ты у меня!

— Падре! Выслушайте меня! Я поступил дурно. Мне никогда не смыть с себя грех. Эй, стража! Я — христианин! Хватайте меня! Бросьте меня в тюрьму!

Священник, закрыв глаза, стал читать "Credo". Он испытывал тихую радость — оттого, что мог отвернуться от мокнущего во дворе Китидзиро. Иисус молился — но ведь Иуда все-таки удавился; да и молился ли Иисус об Иуде? В Писании не говорится об этом. Но даже будь это написано там черным по белому, все равно у Родригеса не стало бы великодушия. Можно ли верить этому человеку?

Он умоляет о снисхождении, но, может быть, это всего лишь минутный порыв?

Стенания Китидзиро становились все глуше и глуше — и наконец совсем прекратились. Родригес выглянул в окно: разъяренные стражи тычками гнали Китидзиро в тюрьму.

К ночи дождь перестал. Священнику принесли еду — просяную лепешку и кусочек соленой рыбы, протухшей и несъедобной. Из тюрьмы донеслись голоса верующих, возносящих молитву. С разрешения стражников отец Родригес отправился к ним.

Китидзиро сидел отдельно от всех, забившись в угол: христиане явно сторонились его.

— Не доверяйте ему, падре, — зашептали о н и . — Чиновники часто используют отступников. Может, и этого подсадили нарочно...

Чиновники и в самом деле нередко прибегали к услугам шпионов-отступников, подсылая их в христианские общины — выудить сведения и склонить верующих к отступничеству. Кто поручился бы, что и Китидзиро не подкуплен? И хотя никто не знал этого наверняка, Родригес не находил в себе мужества снова поверить предателю.

— Падре, — заскулил во мраке Китидзиро, завидев священника. — Дозвольте покаяться! Я хочу снова стать христианином...

Узники захихикали.

— Ну и сказал!.. Вот заливает! Да не верьте ему, падре. Ты зачем явился сюда? — напустились они на Китидзиро.

Но у отца Родригеса не было выбора: он не имел права отказать в милосердии. Если грешник желал исповедаться, он обязан был выслушать, хотел он того или нет. Простерев над Китидзиро руку, он покорно пробормотал надлежащую молитву и подставил ухо. На него пахнуло вонью гниющих зубов, и даже во тьме он отчетливо разглядел хитрые бегающие глазки Китидзиро.

— Выслушайте меня, падре, — громко, так, чтобы слышали остальные, заныл Китидзиро. — Да, я отступник. Но как знать, родись я немного раньше, может, и я стал бы праведником и угодил прямо в рай. Тогда никто не посмел бы меня презирать. А все оттого, что я не вовремя явился на свет. Ох я несчастный!..

— Я не верю тебе, — прошептал отец Родригес, невозмогая тошноту. — Я отпускаю тебе грехи, но это не значит, что я поверил тебе. Мне непонятно, зачем ты здесь.

Китидзиро протяжно вздохнул и заерзал, подыскивая ответ. До Родригеса донесся тяжкий дух немытого тела. Неужели Христос возлюбил и таких, ничтожнейших и смердящих? В злодее есть мощь, есть мрачная красота. Но Китидзиро не заслуживал даже зваться злодеем. Он был гнусен, как и лохмотья, прикрывавшие его тело. Подавив отвращение, священник пробормотал молитву и, сказав сакраментальную фразу «Ступай с миром», поспешил к христианам — подальше от мерзостной вони.

...Нет, нет! Господь обращал свой взор к таким — смердящим и мерзким, думал священник, вытянувшись на полу в каморке. Обратимся к Писанию. Женщина из Капернаума, двенадцать лет страдавшая кровотечением... Прелюбодейка, которую толпа хотела побить камнями... В них не было обаяния, не было красоты. Но любой пленится прекрасным и чистым. Это ли истинная любовь? Возлюбить — это значит не погнушаться, не отвернуться от грязных и сирых. Умозрительно отец Родригес понимал это — и все же не мог простить Китидзиро. Вновь представился ему лик Христа, залитый слезами, — и Родригес устыдился себя.

Началась церемония *фумиз*¹.

Верующих поставили в ряд, точно ослов на базаре. На сей раз на скамеечках во дворе сидели не давешние знатные господа, а чиновники помоложе и рангом пониже. Рядом стояли стражники с палками наготове и ловили каждое движение самураев. В рожице заливались цикады; прозрачно синели небеса, воздух был свеж и прохладен. Но чувствовалось, что скоро опять накатит одуряющая жара. Только отца Родригеса оставили в каморке; прижавшись лицом к прутьям решетки, он наблюдал за приготовлениями к предстоящей процедуре.

— Чем скорее вы покончите с этим, тем скорей вернетесь домой. Наступите только для виду. Это не нанесет урон вашей вере.

Фумиз — лишь формальность, твердил чиновник. Надо только поставить на образ ногу. А верить можно во что угодно. Властям это безразлично. Согласно указу, надо только слегка коснуться ногой — и сразу же на свободу!..

Четверо христиан слушали его с отсутствующим видом.

¹ Деревянная или медная пластинка с распятием или изображением Девы Марии, которую в Японии XVII—XVIII вв. власти заставляли попирать ногами в доказательство того, что человек не является христианином; также сам обряд топтания Святого образа.

Отец Родригес никак не мог взять в толк, что замыслил чиновник. Лица у пленников были одутловатые, мертвенно-бледные от долгого пребывания в темноте. Они походили на безжизненных марионеток.

Пробил час: что должно было свершиться, свершилось. И все же у священника не было предчувствия, что с минуты на минуту решится его судьба — и судьба четверых христиан. Уж больно мягко стелили чиновники — они словно просили об одолжении. Крестьяне протестующе покачали головой — и чиновники удрученно удалились в глубь двора. Угодливо изогнувшись, стражники принесли завернутую в материю икону и положили на землю перед крестьянами.

— Тобэй, житель острова Ицукидзима, из поселка Кубо-но-ура! — сверяясь со списком, выкрикивал чиновник. Христиане продолжали молчать, сосредоточенно глядя перед собой. Стражник в растерянности ткнул палкой сидевшего слева, но тот только отмахнулся. После нескольких ударов он повалился на землю, но так и остался сидеть на месте.

— Тёкити, из той же деревни!

Одноглазый упрямо затряс головой.

— Хару, из той же деревни!

Крестьянка, угостившая священника кабачком, понуро смотрела в землю. Стражник огрел ее палкой, но она даже не подняла глаз.

Вызвали последнего — старика по имени Матаити, но и тот точно врос в землю. Теперь чиновники больше не бранились и не кричали. Сидя на скамеечках, они переговаривались самым невозмутимым образом, будто и не ожидали иного исхода, потом поднялись и удалились в караульную.

Солнце стояло над головой, прямые лучи его падали на узников. В сверкающее безмолвие ворвалось стрекотанье цикады.

Крестьяне и стражники начали зубоскалить, будто ровным счетом ничего не случилось. Из караульной выглянул чиновник и объявил, что все должны возвратиться в тюрьму, кроме Тёкити, одноглазого.

Священник отпустил прутья решетки и сел на пол. Он не знал, что будет дальше, но чувствовал расслабленное облегчение. Нынешний день кончился мирно. А завтра... Утро вечера мудренее, до завтра надо еще дожить...

— Поди жаль выбрасывать-то?

— Уж как жаль...

Ветер донес до него обрывок какого-то непонятого разговора: это мирно беседовали одноглазый со стражником. Муха влетела в окно и с сонным жужжаньем стала виться возле Родригеса.

Вдруг чья-то тень метнулась по двору. Послышался странный свист — и звук тупого удара. Священник прильнул к решетке, но все уже было кончено: казнь свершилась; самурай вкладывал в ножны грозно сверкающий меч. Труп одноглазого лежал на земле. Стражники неторопливо поволокли его за ноги к одной из вырытых ям, кровь черным шлейфом тянулась за ними, заливая тюремный двор.

Внезапно из тюрьмы донесся пронзительный женский крик. Он звенел нескончаемо долго, как протяжная, заунывная песня. Когда он оборвался, повисла мертвая тишина. Пальцы священника, сжимавшие прутья, конвульсивно подергивались.

— Глядите все, хорошенько глядите! — кричал чиновник, стоя спиной к священнику. — Так будет с каждым, кто не дорожит своей жизнью!.. Неприятная процедура, но чем скорей вы покончите с этим, тем скорее уйдете отсюда. Я же не принуждаю вас отречься. Только поставьте ногу на образ. Это не оскорбит вашу веру...

Стражник выволок из тюрьмы визжащего Китидзиро. Тот был в одной набедренной повязке. Беспрестанно кланяясь, нетвердыми шагами Китидзиро приблизился к чиновнику, поднял тощую ногу — и поставил ее на Распятие.

— А теперь пошел вон! — рявкнул чиновник, указав на ворота, и Китидзиро точно ветром сдуло. Он так и не оглянулся на Родригеса. Но тому было уже все равно.

Ослепительно белое солнце немилосердно палило голую землю. В безжалостных его лучах чернело пятно — то была кровь одноглазого.

В роще все так же звенели цикады. Воздух был неподвижен. И все так же, сонно жужжа, вилась над священником муха. Мир жил своей жизнью. Человека не стало, но ничто в мире не изменилось.

«Так вот как это бывает...» Родригеса била нервная дрожь. Он не мог отпустить прутья. «Вот как оно бывает...»

Его сразила даже не внезапность происшедшего; разум отказывался постичь другое — почему все так же звенит тишина? Почему стрекочет цикада? Почему жужжит муха? Человека не стало, а мир будто и не заметил. Какая нелепость! Какая жестокая мука... Почему Ты молчишь, Господи! Ты ведь не можешь не знать, что только что здесь погиб тот одноглазый крестьянин — он умер во славу Твою. Отче-

го же такое безмолвие? Эта полуденная тишина? Почему жужжит муха? Чудовищная нелепость... А Ты — Ты бесчувственно отвернулся! Это... невыносимо. *Kyrie eleison!* Господи, милосердный! Дрожащими губами он попытался прочесть молитву, но слова застредали в горле. «Господи, не оставь! Не покидай меня столь внезапно, необъяснимо! О том ли я должен молиться? Я всегда полагал, что молиться — значит славить Тебя, — а сам... сам изрыгаю хулу. Неужели, когда умру я, так же будут звенеть цикады и жужжать полусонные мухи? Жажду ли я геройства? И что мне дороже — скромное мученичество или доблестная кончина? А может быть, я просто-напросто вожделею посмертной славы святого?..»

Стиснув руками колени, он неподвижно сидел на полу.

...Время было к полудню. «От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; а около девятого часа, возопив громким голосом, Иисус испустил дух на кресте».

В храме началась подготовка к празднику Пасхи. Первосвященник в пурпурно-голубых развевающихся одеяньях взшел к жертвеннику всесожжений, где лежала священная жертва. Послышался трубный глас.

Солнце померкло и помрачилось воздух. «И вот, завеса в храме разорвалась надвое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни расселись...»

Именно так представлял он себе мученическую кончину. Но смерть, что он только что видел своими глазами... Она была жалкой, убогой — как и лачуги, в которых ютились эти крестьяне, как и лохмотья, что прикрывали их тело.

ГЛАВА VII

Через несколько дней состоялась его вторая встреча с правителем Тикуго. День выдался безветренный, но под вечер мертвый воздух стронулся, и оживленно зашептались листья от дуновения свежего ветерка. Родригеса вывели в караульную, где его ожидал Иноуэ. Правитель пожаловал без свиты, в сопровождении одного переводчика. Когда Родригес вошел, правитель с наслаждением прихлебывал кипяток.

— Нижайше прошу извинить, что так надолго покинул в а с, — сказал Иноуэ, крутя в пальцах пиалу и не спуская с Родригеса пытливого взгляда. — Дела потребовали моего присутствия в Хирадо...

Распорядившись, чтобы священнику подали кипятку, он с легкой улыбкой стал описывать свое путешествие.

— Настоятельно вам советую, падре, посетите Хирадо, — заключил Иноуэ, словно Родригес был волен распорядиться с собой. — Хирадо — владения князя Мацууры. Тихая гавань, защищенная от ветров горами.

— Мне доводилось слышать о Хирадо в Макао, от миссионеров... Говорят, живописное место, — согласился Родригес.

Иноуэ покачал головой:

— Живописное? Я бы скорее сказал, удивительное. Бывая в Хирадо, я всегда вспоминаю одно предание... У князя Мацууры Такэнобу было четыре наложницы. Сторяя от ревности, они ссорились и враждовали друг с другом. Князю прискучило это, и он прогнал прочь всех четырех. Ах, впрочем, не подобает слушать подобные речи святому отцу, давшему обет безбрачия.

— Князь поступил весьма мудро.

Правитель держался непринужденно, и Родригес вздохнул с облегчением.

— Вот как? Я счастлив слышать это из ваших уст. Хирадо... Нет, пожалуй, всю нашу Японию можно уподобить этому князю. — Иноуэ усмехнулся. — Испания, Португалия, Голландия, Англия — это ревнивые женщины. Они ссорятся и порочат друг друга, стремясь завоевать благосклонность мужчины, имя которому — Япония.

Слушая переводчика, Родригес начинал понимать, куда клонит правитель. Да, в речах Иноуэ, несомненно, была доля истины. В Гоа и Макао Родригесу не раз доводилось слышать рассказы об упорной вражде протестантских Англии и Голландии с католической Испанией и Португалией. Случалось, миссионеры из ревности воспрещали прихожанам даже разговаривать с реформатами.

— Если падре сумел оценить мудрость князя, он должен понять и нас. У сёгуна было достаточно оснований запретить в Японии христианство. Согласитесь, это оправданный шаг.

Правитель испытующе посмотрел на Родригеса. Вкрадчивая улыбка играла на пухлом цветущем лице. У Иноуэ были непривычно светлые для японца, ореховые глаза и, вероятно, вычерненные, без единой седой пряди, волосы.

— Наша Церковь проповедует единокорие, — с нарочитой шутливостью отозвался Родригес. — Когда у мужчины есть законная супруга, неразумно обременять себя наложницами.

— И, разумеется, супруга сия — Португалия?

— Нет, я имел в виду Церковь.

Выслушав переводчика, Иноуэ натянуто рассмеялся.

Смех вышел громкий, визгливый, не подобающий возрасту; но в холодных глазах правителя не было даже тени улыбки.

— Я думаю, для мужчины, чье имя — Япония, будет разумней не связывать себя с чужестранками, а предпочесть ту, что одной с ним крови и знает его нрав и привычки. Вы не согласны, падре?

Священник прекрасно понял намек Иноуэ, но правитель вел беседу столь изящно и непринужденно, что Родригесу оставалось ответить такой же легкомысленной шуткой:

— Для Церкви важно не то, какой крови избранница, а ее чувство к супругу.

— Ну что же... И все-таки супружество должно быть основано на взаимном влечении. Иначе оно принесет лишь страдания. У нас говорят: «Любовь уродливой женщины — тяжкая ноша...» — Иноуэ удовлетворенно кивнул, радуясь меткой метафоре. — Немало мужчин тяготеют докучливой страстью уродливых женщин.

— Правитель изволит сравнивать труд проповедника с докучливой страстью урода?

— Именно так. Но если вам не по нраву это сравнение, могу предложить иное. Женщина, не рожающая детей, — бесплодная женщина. В ней нет жизни. Она не должна вступать в брак.

— В том, что дерево христианства не приносит добрых плодов в Японии, повинны не мы, а те, кто стремится разлучить жену с мужем, оторвать Церковь от паствы.

Переводчик запнулся, подбирая слова. Обыкновенно в эти минуты из тюрьмы доносилась вечерняя молитва. Однако сегодня стояла мертвая тишина. Родригесу вспомнилось сверкающее молчание после казни Тёкити, одноглазого, — такое же жуткое, но совсем не похожее на сегодняшнее. Труп его лежал на залитом солнцем дворе... Потом стражники потащили покойника к яме; кровавая полоса тянулась за ним... Возможно ли, чтобы приказ о казни отдал этот кроткий и добродушный старик?

— Вы, падре... Впрочем, не только вы — все католические священники, с которыми мне доводилось беседовать, не сведущи в наших обычаях.

— А любезнейший губернатор, вероятно, не сведущ в христианстве...

Они дружно рассмеялись.

— А ведь лет тридцать назад, когда я служил князю Гамо, мне тоже случалось просить наставлений у падре... — вздохнул Иноуэ.

— Что же переменялось?

— Лично я отвергаю учение Христа совсем по иным причинам, нежели большинство. Видите ли, я никогда не считал христианство злом.

Переводчик оторопело поднял глаза на Иноуэ, но тут же, справившись с замешательством, снова заговорил, подолгу раздумывая над фразой; Иноуэ, посмеиваясь, рассматривал чашку, где еще оставалось немного воды.

— Падре, подумайте над словами старого, мудрого человека. Навязчивая любовь уродливой женщины тягостна для мужчины. А бесплодная женщина не должна вступать в брак.

Правитель поднялся. Переводчик почтительно поклонился, стражник поспешил подать дзори¹, и правитель Тикуго удалился, ни разу не оглянувшись. За дверью роились москиты, слышалось лошадиное ржание.

Настала ночь, и в роище за тюрьмой тихонько, как сыплющийся песок, зашелестел мелкий дождь. Уткнувшись лбом в жесткую циновку, священник вслушивался в шорох дождя. Он думал о Нем.

...В тот день он тоже предстал перед судом. Утром четырнадцатого дня месяца нисана толпа гнала измученного Иисуса по холмам, на которых лежит Иерусалим. Занимавшаяся заря заливала белым сияньем вершины, вздымавшиеся над Мертвым морем. Мелодично журчали воды Кедрона. Пленнику не давали передышки. Толпа прокатилась по склону холма Давида, мимо Ксистуса, по мосту через долину Тиропеон — к позлащенному первыми солнечными лучами Синедриону. Книжники и старейшины положили предать Его смерти и искали теперь согласия римского прокуратора. Правитель уже получил донесение и ожидал их в претории, за городской стеной.

Священник помнил с младенческих лет любую подробность этого страшного дня. Господь смотрел на улюлюкавшую толпу взором, полным скорби и горькой покорности. В этой толпе был и Иуда. Что гнало его за Иисусом? Злоба мести? Жажда увидеть смерть своей жертвы? Священнику вдруг пришло в голову, что его злоключения до смешного совпадают с Писанием. Китид-

¹ Легкие сандалии из бамбука.

зиро продал его, как Иуда продал Иисуса; и так же вершили над ним суд сильные мира сего. Да, он и Господь шли одною дорогой. При этой мысли от жгучего, неизреченного счастья щемило сердце — то было счастье причастности Господу.

Однако он еще не познал тех физических мук, что выпали на долю Иисуса, и это внушало ему тревогу.

В претории Иисуса пытали ременною плеткой с оловянными шариками на хвостах; и в руки ему вбили гвозди. Но Родригеса, к его вящему удивлению, не тронули даже пальцем. Было ли то хитроумным замыслом правителя Тикуго или простой случайностью, но мысль о страдании отодвинулась в несбыточное далеко. Родригес недоумевал. Он много слышал о нечеловеческих муках миссионеров в Японии. Наварро сожгли на костре в Симабаре; Карвальо и Габриэля пытали кипящей водой, с головой окуная в сернистый источник; десятки священников умерли в заточении голодной смертью... А ему позволяют молиться и навещать христиан. Пища, конечно, скудная и неприхотливая, но кормят его каждый день и допрашивают с отменной учтивостью — просто формальности ради... Чего они добиваются?

Священнику вспомнились нескончаемые беседы с Гаррпе в хижине углежогов: выдержат ли они пытки, если Провидению будет угодно отдать их в руки властей. Конечно, оставалось лишь уповать на милость Божию, но все же в те дни в его сердце жила неколебимая вера, что он сможет выстоять и бороться до смертного часа. Во время скитаний в горах он тоже думал о предстоящих страданиях, и ему казалось (возможно, то было следствие чрезмерного душевного напряжения), что он, стиснув зубы, вынесет все. Однако теперь Родригес не ощущал в себе прежней решимости.

Он потрянул головой.

Не ослаб ли он духом?

«Ты слишком разнежился от сладкой жизни», — сказал он себе.

Да, все обстояло именно так. Только здесь, в заточении — впервые на этой земле — он смог без оглядки, без страха пасти своих агнцев. В Томоги он прятался от властей; затем и вовсе был вынужден довольствоваться обществом Китидзиро. И только в тюрьме он обрел счастье жить рядом с людьми и проводить целые дни в молитвах и размышлениях, не терзаясь муками голода.

Время текло незаметно, просачиваясь словно песок

сквозь пальцы. И нервы его, натянутые как струна, постепенно расслабились. Он почувствовал, что горькая чаша страданий, которую он полагал неизбежной, может его миновать. Чиновники и караульные проявляли терпимость, правитель вел приятные разговоры о поездке в Хирадо. Вкусив покоя и мира, сумеет ли он обрести в себе силы снова скитаться в горах и прятаться в хижине углегогов?..

Священнику вдруг открылось, что замыслил Иноуэ: он, словно паук, стережет жертву! Хочет застать врасплох! Родригес вспомнил неискренний смех Иноуэ, его старческую привычку потирать ладонь о ладонь. Теперь ему стало понятно, что означал этот жест!

Предложения его подкреплялись тем, что на другой же день после визита правителя пищу Родригесу стали носить не один раз, а дважды в сутки. Простодушные стражники скалили зубы:

— Ешь, ешь. Сам господин Иноуэ приказал. Не каждого тут так холят!

Священник возмущался, качал головой и умолял караульных отнести рис с красной фасолью и рыбу христианам. Мухи роились над нетронутым угощением.

Когда стражник принес две соломенные циновки, Родригес прозрел окончательно. Подобные милости могли означать лишь одно: близится день его крестной муки. Усыпленная негую плоть не выдержит боли. «Яма»!..

Он вспомнил свой разговор с переводчиком. Если Феррейра в самом деле отрекся... Его сломали таким же злодейским способом: сперва усыпили разум и плоть, а потом послали на пытку. Иначе он никогда бы не изменил своей вере. Воистину дьявольское коварство!

«Японцы — мудрейший народ из всех, коих встречали мы на пути своем». Припомнив эти слова Ксавье, Родригес невесело усмехнулся.

Он отказался от дополнительной пищи; он спал на голлом полу — о чем, несомненно, доложили Иноуэ, — но не услышал ни слова упрека. Догадались чиновники или нет, что он раскусил их?

Дней через десять после встречи с правителем на рассвете его разбудил странный шум. Священник выглянул в оконце. Из тюрьмы выводили троих христиан, связанных одной веревкой за запястья. Последней шла Моника.

— Падре! — крикнули узники, миную окно Родригеса. — Нас ведут на работы!

Священник просунул руку через решетку и благословил всех троих. Пальцы его коснулись лба Моника. Она с доверчивой и печальной улыбкой подняла к нему лицо.

День прошел как обычно. Но с утра припекало; огненные лучи солнца проникали сквозь прутья решетки. Священник спросил, когда приведут назад христиан, и стражник ответил, что, вероятно, к вечеру, если те закончат работу. По приказу правителя в Нагасаки возводятся множество храмов и синтоистских святилищ, и нужны рабочие руки.

— Сегодня Урабон¹. Падре знает, что это за праздник?

Стражник стал объяснять, что в день поминовения усопших жители Нагасаки украшают карнизы домов бумажными фонарями с зажженными свечками. Священник ответил, что и в Европе есть очень похожий обычай.

Вдалеке распевали ребятишки. Родригес прислушался:

Гори, гори, фонарик!
Кто бросит в тебя камень, у того отсохнут руки!
Свети, свети, фонарик,
Кто бросит в тебя камень, у того отсохнут руки!

В бесхитростных словах была щемящая грусть.

Вечерело. В кустах завела заунывную песню цикада. Но вскоре ветер улегся и цикада затихла. Христиане не возвращались. Священник сел ужинать. Масляный светильник отбрасывал слабые блики на стену; издали еще доносились детские голоса.

Глубокой ночью он проснулся от яркого лунного света. Праздник кончился, за окном чернела тьма, и он не знал, вернулись ли христиане.

На рассвете его разбудил караульный. Родригесу велели одеться и выйти во двор.

— Куда вы меня ведете? — спросил он.

Но стражники и сами не знали. Его подняли в такой ранний час затем, догадался Родригес, чтобы не собирать по дороге падких до зрелищ зевак, жаждущих поглазеть на чужеземного падре.

Его ожидали трое самураев. Они тоже ограничились объяснением, что выполняют приказ правителя, и, окружив священника, повели его дальше в полном молчании.

В утренней мгле наглухо запертые лавки торговцев напоминали согбенных насупленных старцев. Слева

¹ Буддийский праздник, отмечается 15 июля и в ближайшие две недели до и после 15-го.

и справа тянулись поля, повсюду гудами лежали бревна. Густой аромат свежераспиленной древесины, мешаясь с туманом, щекотал ноздри. Город строился. Под еще не просохшими глинобитными стенами спали, укрывшись циновками, нищие и бездомные.

— Вы, кажется, еще не видели Нагасаки, падре? — с усмешкой спросил самурай. — Сколько холмов...

В самом деле, город раскинулся на холмах. На склонах лепились друг к другу убогие крестьянские хижины. Пропел петух, возвещая начало нового дня; на земле беспомощно лежали поблекшие бумажные фонарики — напоминание о прошедшем празднике. Холмы обрывались в море, омывавшее длинный узкий полуостров; на мелководье оно поросло камышом и походило на молочно-белое озеро. Когда туман рассеялся, вдалеке обнажились невысокие горы.

У самого моря шумел сосновый лес. На берегу валялись бамбуковые корзины; несколько босых самураев завтракали, сидя на песке. Энергично двигая челюстями, они с жадным любопытством разглядывали священника. Белое полотнище огораживало поляну, внутри стояли низенькие скамеечки. Самурай указал священнику на скамеечку, жестом приглашая его присесть, — такая любезность несколько озадачила Родригеса.

Отлогий песчаный берег плавно уходил в воду; небо хмурилось, и море казалось мрачным, свинцово-серым. Монотонный плеск волн напомнил священнику о казни Мокити и Итидзо. В тот день, не прекращаясь ни на мгновение, моросил дождь, чайки вились над столбами, к которым были привязаны обреченные. Море молчало, словно в изнеможении, и Всевышний тоже хранил молчание. Эта загадка не давала Родригесу покоя; он искал и не находил ответа.

Кто-то окликнул его. Родригес обернулся: на него с ухмылкой смотрел, поигрывая веером, какой-то широкоскулый, длинноволосый японец, и священник узнал — скорее по голосу, чем по лицу — переводчика, что допрашивал его на острове.

— Не забыли еще меня? Ах-ах, сколько воды утекло... Как приятно встретить старого знакомца! Да, падре, ваша тюрьма совсем недурна. Прежде чужеземных падре держали в тюрьме Судзуда — той, что в Омуре. Крыша там худая, дыра на дыре: если дождь — заливает, ветер — продувает.

— Что, скоро прибудет правитель? — оборвал его

болтовню Родригес, но переводчик, нимало не смутившись, продолжал тараторить, постукивая веером о ладонь:

— Правитель? Нет, господин Иноуэ не изволит сюда прийти. Он вам понравился?

— Он был весьма любезен. Мне приносят еду дважды в день и даже дали циновки, чтоб я укрывался ночью. Право, я даже опасаясь, что при такой сладкой жизни дух мой не устоит пред соблазнами плоти. Ведь вы добиваетесь именно этого?

Переводчик с невиннейшим видом глядел в сторону.

— Хотите, я открою вам тайну? Скоро сюда прибудет одна персона. Господин губернатор выразил пожелание, чтобы вы встретились с этим человеком. Он португалец, так же, как вы. Думаю, вам будет о чем потолковать.

Священник заглянул в мутно-желтые глазки: улыбка сбежала с лица переводчика.

Родригес мысленно ахнул — Феррейра! Вот оно что. Они привезли Феррейру. Они хотят уговорить его отречься.

В душе Родригеса не было ненависти к отступнику, скорее он испытывал сострадание — сильного к слабому и ничтожному. Однако сейчас им овладели необъяснимые страх и тревога.

— Догадались?

— Да, — прошептал священник.

Продолжая поигрывать веером, переводчик с усмешкой созерцал серое побережье. Вдалеке светлели едва различимые фигурки бредущих вереницей людей.

— Смотрите, смотрите! Вот он!

Родригесу не хотелось выказывать перед желтоглазым переводчиком смятение, однако, не помня себя, он вскочил. Фигурки, двигавшиеся вдоль кромки леса, приближались, и он уже мог различить их. Процессию возглавляли два самурая. За ними шли связанные в цепочку знакомые ему христиане. Родригес заметил, как пошатывается и спотыкается Моника. А позади — позади брел его сотоварищ, Гаррпе!

— Ну что? — торжествующе ухмыльнулся переводчик. — Все как вы думали?

Родригес жадно всматривался в Гаррпе. Тот не знает, что ждет его здесь, в лесочке. Гаррпе, как и он сам, был в рваном крестьянском платье; голые ноги нелепо белели из-под подола. Хватая воздух ртом, задыхаясь, он старался поспеть за остальными.

Родригеса не удивило, что Гаррпе попался. Они с замиранием сердца ждали этого с самой первой минуты,

высадившись в Томоги; но ему страстно хотелось узнать, где же схватили Гаррпе и что с ним случилось за это время.

— Я бы хотел поговорить с ним.

— Ну разумеется! Как же иначе? Но день велик. Сейчас еще утро. К чему торопиться? — И переводчик с притворным зевком усиленно замахал веером. — Кстати, падре... Я тогда забыл кое о чем спросить вас. Будьте любезны, объясните мне, что это такое — христианское милосердие?

— Вы забавляетесь мною, как кошка мышью, — проворчал священник, страдальчески глядя на переводчика. — И испытываете от этого непотребное удовольствие. Скажите, где взяли Гаррпе? И как?

— Без должных причин нам не дозволено посвящать заключенных в дела государственной важности.

Процессия, остановившись, застыла на сером песке. Самураи стаскивали навьюченные на лошадь соломенные кули.

— Скажите, падре... — Переводчик злорадно всматривался в лицо Родригесу. — Вы знаете, для чего эти мешки?

Самураи принялись обвязывать пленников соломой — всех, за исключением Гаррпе. Вскоре те стали похожи на коконы: виднелись только их головы.

— Сейчас их посадят в лодку и вывезут на глубину. Там сразу обрыв — до дна не достать!

Свинцовые волны все так же с монотонным журчаньем лизали прибрежный песок. Серые низкие тучи заволокли небо, заслонив солнце.

— О, смотрите! Чиновник о чем-то беседует с Гаррпе! — протянул переводчик. — Интересно, что он ему говорит?.. Наверное, что-нибудь в таком духе: «Если вам ведомо христианское милосердие, сжальтесь. Неужели вы будете равнодушно смотреть, как убивают этих несчастных?..»

Только теперь до Родригеса дошло, на что намекал переводчик; слепая ярость захлестнула его. Если б не сан, он был готов придушить негодяя.

— Господин губернатор приказал пощадить их, если падре Гаррпе соизволит отречься. Достаточно одного его слова — и этих троих отпустят. Сами они уже отреклись. Еще вчера. Они топтали Священный образ.

— Отреклись?.. Зачем же такая жестокость? Зачем опять... — Священник не договорил: от гнева у него перехватило дыхание.

— Видите ли, для нас это мелкая рыбешка. Нам нуж-

ны не они. В Японии еще немало крестьян тайно исповедует христианство, и, чтоб наставить их на путь истинный, нам нужны сами падре.

— *Vitam praesta puram, iter para tutum*¹.

Родригес хотел прочитать "Ave Maria", но вместо молитвы в памяти всплыло отчетливое видение: звенящая песня цикады и хлещущая на землю струя черно-алой крови... Он приехал сюда посвятить свою жизнь японцам, однако на деле все выходило наоборот: это они принимали смерть ради него. Как быть? В семинарии их учили отделять ложь от истины, зло от добра. Если Гаррпе откажется, трое узников канут как камни на дно залива. Если он отречется, поверив посулам чиновника, то предаст то, чему посвятил свою жизнь. Как поступить?

— Интересно, что же ответит им падре Гаррпе? — Переводчик глумливо хихикнул. — Говорят, что для истинного христианина милосердие превыше всего. Бог есть само милосердие... О! Вот и лодка!

Вдруг двое пленников неуклюже рванулись вперед, но, получив удар в спину, рухнули на песок. Только Моника, обмотанная как кокон, осталась стоять, безразлично глядя на серое море. Священнику вспомнился ее смех и вкус теплого, из-за пазухи, кабачка.

«Отрекись! Отрекись!» — заклинал он Гаррпе, слушавшего чиновника. «Отрекись! Нет, нет... Нельзя... Невозможно!»

Пот градом катился по его лицу. Священник зажмурился в малодушном страхе пред тем, что сейчас увидят его глаза.

...Боже, Боже, отчего ты молчишь? Почему ты безмолвствуешь даже теперь?

Когда он снова открыл глаза, три кокона, подталкиваемые чиновниками, уже приближались к лодке.

«Я отрекусь. Я отрекусь!» — чуть не вырвалось у Родригеса, и он до боли закусил губу, чтобы не выдать себя. Вслед за узниками, подоткнув кимоно, в лодку прыгнули два самурая, вооруженные пиками, и лодка, покачиваясь на волнах, начала медленно отходить от берега.

«...Еще не поздно! Зачем Ты взвалил эту ношу на нас с Гаррпе? Только Тебе под силу нести это бремя!»

Но что случилось? Гаррпе рванулся, воздев руки, и бросился в воду! Он настигает лодку, плывет что есть силы, вздымая брызги... Он что-то кричит!

¹ Пусть будет чистой твоя жизнь и праведным путь (лат.).

— Audi pos... Господи, услышь молитву нашу...

В бесстрастном голосе не было ни отчаяния, ни гнева; он обрывался, когда черная голова исчезала в волнах.

— Боже, услышь нас...

Перевесившись за борт, чиновники насмеялись над Гаррпе; один из них, перехватив поудобнее пику, дразнил его, пытаясь достать, когда тот подплывал поближе. Голова Гаррпе то пропадала из виду, то появлялась опять — словно гонимая волею волн черная щепка; и голос то умолкал, то снова звучал, слабее и глуше — но с одержимым упорством.

Самурай подтолкнул одного из пленников к борту и с силой ударил его древком пики. Тот свалился за борт соломенной куклой — и воды сомкнулись над его головой. Со стремительной быстротой за ним последовал второй. Последней море приняло Монику. И лишь голова Гаррпе, словно обломок потерпевшего кораблекрушение судна, еще мелькала в воде; затем и ее накрыло волною от лодки.

— Ужасно. Сколько раз вижу это, а никак не привыкну. Ужасно, — вздохнул переводчик, вставая. Потом вдруг с ненавистью взглянул на священника: — Падре, неужели вы не задумывались, скольких крестьян вы вовлекли в беду? И все — во имя ваших иллюзий, ваших эгоистичных фантазий. Вы видели? Опять гибнут люди. Гибнут невинные люди!

И с презреньем добавил, как плюнул:

— Гаррпе по крайней мере был честен. Он пошел до конца. А вы... Вы просто трус. Вы недостойны зваться святым отцом!

Гори, гори, фонарик!..

Кто бросит в тебя камень, у того отсохнут руки.

Свети, свети, фонарик!

Кто бросит в тебя камень, у того отсохнут руки...

...Праздник кончился, но ребяташки еще горланят свою песенку. Жители Нагасаки снимают с домашних алтарей подношения душам усопших — бобы, картофель, баклажаны — и раздают угощение бродягам и нищим. По-прежнему каждый день в кустах распевают цикады; но их песни звучат все тише и глуше.

— Ну, как он?

В тюрьму с ежедневным визитом явился чиновник.

Стражник, показав на закрытую дверь, за которой сидел священник, понизил голос:

— Да так же. Все смотрит в стену.

Чиновник заглянул в каморку. Священник сидел отвернувшись от окна, и луч света плясал на его спине.

Он видел свинцовое море и мелькающую меж волн черную голову Гаррпе. Христиане, обвязанные соломой, уже канули на дно морское...

Стоило тряхнуть головой, и видение исчезало, но, едва он закрывал глаза, оно возникало снова и снова, с неотвратимым упорством.

«Вы т р у с , — сказал переводчик. — Вы недостойны звать-ся святым отцом».

Он не мог спасти христиан — и не смог, как Гаррпе, броситься вслед за ними в бурные волны. Он сострадал им всем сердцем — но не помог ничем. Сочувствие — не деяние. Это еще не любовь. Жалость, равно как страсть, — всего лишь своего рода инстинкт. Он постиг эту истину многие годы назад, на семинарской скамье, — но тогда это было абстрактное знание.

«Видите? Кровь! Она льется для вас, из-за вас. Кровь, крестьянская кровь!» И снова под ослепительным солнцем хлестала струей черно-алая кровь — во имя иллюзий, эгоистичных фантазий миссионеров. Так сказал переводчик. А Иноуэ уподобил их труд навязчивой страсти уродливой женщины, чья любовь — непосильное бремя для мужчины.

На мясистое, цветущее лицо правителя наплывала физиономия переводчика: «Вы утверждаете, что хотели отдать свою жизнь ради этих крестьян, а что выходит? Все получается наоборот — это они умирают за вас!» Презрительный смех бередил кровоточащую рану. Родригес слабо покачал головой: нет, вовсе не ради него умирали крестьяне. Они выбрали смерть, чтоб защитить свою веру — потому что у них была вера. Но объяснение это уже не могло исцелить его боль.

День тянулся за днем. В кустах безжизненно стрекотали цикады.

— Ну, как он? — задавал неизменный вопрос приставленный к Родригесу самурай, и караульный, указывая на дверь, шептал:

— Все так же. Смотрит в стену.

— Ну что ж. Все идет, как задумал правитель.

Чиновник оторвался от решетки и понимающе кивнул — словно врач, наблюдающий развитие недуга у пациента.

Праздник кончился. На улицах тишина. В конце месяца, в благодарственный день, старейшины Нагасаки, Оураямы и Ураками несут в управу лари с ранним рисом. Первый день августа — праздник урожая: чиновники и выборные из городской знати, облачившись в белые кимоно, наносят визиты правителю.

Луна прибывает. В рощице за тюрьмой каждую ночь, откликаясь на воркование голубей, ухают совы. Круглая, зловеще красная луна висит над лесом, то исчезая, то снова выныривая из черных облаков. Старики поговаривают, что в этом году — жди беды.

13 августа. В домах Нагасаки готовят намасу¹, варят сладкий картофель, бобы. В этот день по обычаю чиновники управы подносят губернатору дары — рыбу и сладости. Тот в свою очередь предлагает им угощение — сакэ, суп и клецки.

В ту ночь стражники пировали почти до рассвета — пили сакэ, угощались картофелем и бобами. До священника доносились их хриплые голоса и звяканье чарок.

Родригес сидел на полу; лунный свет, струившийся через оконце, освещал костлявую спину. Тошная чернела на стене. Он сидел неподвижно — только вздрагивал иногда от резкого крика потревоженной кем-то цикады. Он словно растворился во мраке.

Весь мир спал спокойным сном, а он с болью в душе думал о *той* страшной ночи.

...Иисус сидел на серой, впитавшей в себя полуденный зной земле Гефсимании, поодаль от спящих учеников. «Душа моя скорбит смертельно», — сказал он — и был пот его как капли крови, падающие на землю...

Сколько раз Родригес пытался вообразить себе эту сцену, но отчего-то Его лицо, искаженное мукой, покрытое каплями пота, все ускользало, туманилось дымкой. Однако сегодня священнику наконец удалось увидеть Божественный лик — изможденный, с ввалившимися щеками.

Что чувствовал Он в ту ночь? Провидел ли Он безмолвие Бога? Родригес старался не думать об этом. Чтоб отогнать назойливые мысли, священник ожесточенно тряхнул головой.

¹ Мелко наструганная сырая рыба с овощной приправой.

Он снова увидел море, накрытое серым туманом, — где умирают Мокити и Итидзо, распятые на кресте... Море, где носит, словно обломок доски, изнемогшего Гаррпе... Море, где тонут один за другим соломенные человечки... Волны, волны — угрюмые волны без конца и без края; и над ними Господь, упорно хранящий молчание. «Элои! Элои! Ламма савахфани...»¹.

В девятом часу возопил Иисус на кресте, и голос его взлетел к сокрытым мглой небесам. Нет, это была не молитва. Только теперь священник постиг: то был вопль ужаса перед молчанием Бога.

Существует ли Бог? Если нет, то на что он потратил полжизни, зачем пересек океан — неся семечко веры для этого голого островка? К чему тогда смерть одноглазого — в яркий солнечный полдень, под звонкую песню цикады? Кому нужна гибель Гаррпе? Священник затрясся от хохота.

Хриплые голоса пирующих смолкли; один из стражников подошел к двери каморки;

— Эй, падре, что вас так насмешило?

Наконец в окошке забрезжил рассвет; отступила ночная тоска одиночества. Родригес прислонился к стене, вытянув ноги, и без воодушевления начал читать псалом.

«Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое: воспою и пою во славе моей...»

В детстве эти стихи неизменно наполняли его ликованием, как синее небо, как колышущиеся под ветром ветви деревьев; но в ту пору мысль о Боге не вызывала страха и темных сомнений; Бог был близким и дорогим и дарил ему счастье гармонии.

Тюремщики с любопытством заглядывали в оконце, но Родригес не устаивал их взглядом. Порой он даже не прикасался к еде, которую исправно приносили два раза в сутки.

Уже наступил сентябрь, повеяло прохладой. Как-то к нему пришел переводчик:

— Сегодня вас ждет приятный сюрприз, — объявил он, как обычно, с издевкой, поигрывая веером. — Интересная встреча. Нет, нет, не с господином Иноуэ и не с чиновниками. О, этому человеку вы, безусловно, будете рады...

Священник молчал, безучастно глядя на переводчика. Он не забыл его оскорбительных слов, но, как ни странно,

¹ Боже мой! Боже мой! Для чего Ты меня оставил... (древнеевр.).

не испытывал злобы: у него не осталось сил ненавидеть.
— Я слышал, вы мало едите, — с усмешкой попенял ему переводчик. — Стоит ли так изводиться?

Он то и дело нетерпеливо выглядывал за дверь.

— Не пойму, куда они подевались? Паланкин давно должен быть здесь!

Родригесу все было неинтересно. Он рассеянно наблюдал за суетившимся переводчиком. Но вот наконец послышались шаги, грубые голоса: переводчик пререкался с носильщиками паланкина.

— Падре, пойдемте.

Священник молча встал и побрел к двери. На пороге он зажмурился от яркого света. Во дворе стоял паланкин, двое носильщиков в набедренных повязках, опершись о ручки, бесцеремонно разглядывали Родригеса.

— Он тяжелый! Он огромный и толстый! — зароптали они, когда священник полез в паланкин.

Переводчик опустил бамбуковую штору — от любопытных глаз, — и Родригес не видел, что делается снаружи. В паланкин проникали звуки: детский топот и визг, меланхолический звон колокольчиков бонз, стук молотков. Блики солнца, пробивавшиеся сквозь щели, прыгали по лицу. И еще доносились всевозможные запахи: смолистый аромат древесины, вонь гнилой грязи, запах навоза и лошадиного пота. Прикрыв глаза, священник каждой клеточкой впитывал в себя жизнь, возвращенную ему на мгновение. Им вдруг овладело отчаянное, неукротимое желание быть среди этих людей, слушать звуки их речи, раствориться в толпе. С него было довольно — заячьей жизни в хижине углежогов, скитаний в страхе перед погоней, довольно мучительных казней. Душевные силы его иссякли. Но... ему вспомнились строки:

«Всем сердцем, всей душой слушайте Господа...»

Он стал священником, чтобы служить Всевышнему.

Постепенно кудахтанье кур и мычание коров сменилось стуком гэта¹, призывными криками уличных торговцев, скрипом колес, бранчливыми голосами — и Родригес понял, что они вошли в город.

Его не занимала предстоящая встреча. Опять его будут спрашивать об одном и том же. Чиновникам вовсе не важно, что он ответит. Они задают вопрос не для того, чтоб услышать ответ, — как царь Ирод, допрашивавший Иисуса.

¹ Японская традиционная обувь: сандалии на деревянных подставках.

Священник никак не мог взять в толк, почему Иноуэ сохранил ему жизнь, зачем держит его в заточении, не милуя и не казня? Но докапываться до причин означало растравлять себе душу.

— Ну, вот мы и на месте! — Отирая пот со лба, переводчик поднял штору. Родригес выбрался из паланкина; незаметно спустился вечер; предзакатное солнце окрасило мир пурпурной краской. Оглядевшись, Родригес увидел приставленного к нему тюремщика. Видно, чиновники опасались, как бы пленник не сбежал по дороге...

Каменные ступени вели наверх, к храмовым воротам. За храмом, озаренным садящимся солнцем, чернела горная круча. По темному монастырскому двору неторопливо разгуливали куры.

Вышел юный послушник, окинул священника полным враждебности взглядом и молча исчез, даже не поклонившись переводчику.

— Бонзы не жалуют католических падре, — не без удовольствия отметил переводчик, любуясь изысканным садом. — Знаете, падре, это губительно для здоровья — так изнувать себя думами. С вами много хлопот, однако помните, бессмысленное упрямство еще никому не приносило добра...

Но Родригес пропустил мимо ушей колкости переводчика. Сейчас его занимало другое: среди запахов монастырских жилых покоев — аромата курительных палочек и японской еды — его нос уловил нечто чуждое этому месту. Пахло вареным мясом. Родригес так долго постился, что стал чувствителен к едва различимому запаху мяса.

Вдалеке раздались шаги. Кто-то шел по длинному коридору.

— Ну, догадались?

Священник похолодел. Впервые за весь этот день он кивнул переводчику. У него невольно задрожали колени. Родригес знал, что наступит час этой встречи, но не ожидал, что она состоится в подобном месте.

— Пора вам обоим встретиться, — наслаждаясь смятением Родригеса, сказал переводчик. — Это приказ губернатора.

— Иноуэ?

— Да. И *он* тоже искал встречи с вами.

За пожилым монахом в дверях, потупившись, появился Феррейра. Он был в черном кимоно. Коротышка-монах шествовал, важно выпятив грудь. Рядом с ним рослый Феррейра казался униженно-подобострастным. И походил

на упирающегося мула, которого хозяин тащит силком на веревке.

Монах остановился, и Феррейра, окинув взглядом Родригеса, сел, скрестив ноги.

— Падре, — дрожащими губами выговорил Родригес. — Падре!

Феррейра взглянул на него исподлобья. На его лице промелькнула виновато-угодливая улыбка, но уже в следующее мгновение он с вызовом вскинул голову и посмотрел прямо в глаза Родригесу. Тот искал — и не находил слов. Сердце сжало отчаяние: любые слова будут ложью. К тому же ему не хотелось тешить жадно прислушивающихся японцев. Шемящая нежность, тоска, гнев, печаль, ненависть, боль — все сплелось, все смешалось в его душе. «Зачем эта маска? — безмолвно кричало все его существо. — Я не стану судить вас. Не хочу обвинять. Я сам не герой...» Он попытался сложить губы в улыбку, но улыбки не получилось. Слезинка сверкнула и медленно поползла по щеке.

— Как давно мы не виделись, падре... — сказал он, сознавая нелепость этих слов, но ничего другого придумать не смог.

Феррейра упорно молчал, и дерзкая вызывающая улыбка не сходила с его лица. Родригесу были понятны причины подобных метаморфоз, но именно потому он был готов провалиться сквозь землю.

— Сжальтесь... Скажите хоть слово, — задыхаясь попросил он. — Хоть одно слово...

И вдруг — он едва удержался, чтоб не воскликнуть: «Вы сбрили бороду, падре?» Родригес и сам удивился, как могла прийти ему в голову такая дикая мысль. В прошлом Феррейра — учитель Феррейра — носил бороду; пышная и холеная, она придавала всему его облику особенное достоинство. Но сейчас лицо его было тщательно выбрито, и Родригес почувствовал, что не в силах оторвать глаз: голые губы Феррейры выглядели чудовищно непристойно.

— Мне нечего вам сказать.

— Вы лжете себе, учитель.

— Я — лгу?! А что еще мне осталось?

Разговор шел на португальском, и переводчик даже привстал, весь подавшись вперед, чтобы не пропустить ни слова. Пара кур вспорхнула с земли на веранду, шумно захлопав крыльями.

— Вы здесь давно?

— Почти год.

— Где мы?

— В храме Сайсёдзи.

При слове «Сайсёдзи» старый монах, восседавший как каменный Будда, оживился и посмотрел на Феррейру.

— А меня держат в темнице. В окрестностях Нагасаки. Где, толком и сам не знаю.

— За городом, в Сотомати.

— Чем вы тут занимаетесь, падре?

Черты Феррейры исказились; он нервно потер гладко выбритый подбородок.

— Достопочтенный Савано изволит писать трактат, — ответил за него переводчик.

— По приказу правителя я перелагаю на японский язык наставление по астрономии, — поспешно сказал Феррейра, словно стараясь опередить переводчика. — Да, я тружусь. Я приношу пользу. Я полезен народу этой страны. Японцы преуспели во многих науках, но в астрономии и медицине они нуждаются в знаниях европейцев — таких, как я, например. Разумеется, у них есть китайская медицина, но опыт западной хирургии им тоже весьма полезен, так же как и познания в астрономии. Поэтому я заказал капитану голландского судна оптические стекла и зрительную трубу. Да, я нужен этой стране. Я приношу ей пользу!

Родригес ошеломленно смотрел на говорившего без умолку Феррейру. Что с ним? Откуда такая словоохотливость? Хотя, пожалуй, можно было понять его желание уверить Родригеса, что он нужен Японии. Ведь речи Феррейры предназначались не только священнику, но также и переводчику с бонзой. А кроме того, без сомнения, ему страстно хотелось оправдаться перед самим же собой. «Я нужен этой стране. Я приношу ей пользу!»

Родригес с грустью смотрел на Феррейру. Единственное желание, всепоглощающая страсть служителя Божьего — быть нужным людям. Горе пастырю, если овцы его не нуждаются в нем. И Родригес понял, что Феррейра, отрекшись, все же не смог побороть этой старинной привычки; он был жалок, как неразумная мать, сующая грудь своему выросшему дитяте.

— И вы счастливы? — прошептал Родригес.

В глазах Феррейры вновь вспыхнул злой огонек.

— Счастье все понимают по-разному.

«Когда-то вы рассуждали иначе», — подумал священник, но ничего не сказал: у него вдруг пропало желание говорить. В конце концов, не ему осуждать Феррейру, не

ему судить его за предательство. Зачем лить смолу на открытую рану? Переводчик всунул ухмыляющуюся физиономию между Родригесом и Феррейрой.

— Он говорит правду. Он в самом деле полезен для нас. Мы даже дали ему японское имя — Савано Тюан. Кстати, почтенный Савано трудится еще над одним сочинением, где опровергает ученье Дэуса и успешно доказывает его ложность. Он так и назвал этот труд «Кэн-гироку» — «Записки о лжи».

На сей раз Феррейра оказался не столь проворен.

Отвернувшись, он с притворным вниманием стал разглядывать суетившихся кур.

— Господин губернатор прочел его сочинение и остался весьма доволен. — Переводчик повернулся к Родригесу: — Я бы и вам посоветовал ознакомиться с ним — на досуге.

Теперь было ясно, зачем так пылко и так многословно Феррейра твердил о переводах из астрономии. Каждый день по приказу Иноуэ он должен садиться за стол — и писать о ложности вероучения, которому посвятил свою жизнь... Родригесу представилась согбенная спина Феррейры, склонившегося над чистым листом.

— Жестоко... — пробормотал он.

— Жестоко?..

— Да! Я не знаю пытки страшнее.

Феррейра быстро отвернулся, но священник успел заметить, что он плачет. Черное кимоно... Каштановые волосы, стянутые по-японски, в пучок на затылке... Имя — Савано Тюан! И он еще жив! Господи, Ты молчишь... Такая невыносимая мука, а Ты все молчишь!

— Савано Тюан! Мы привезли сюда падре Родригеса не для того, чтоб вы пускались в дискуссии. — Переводчик взглянул на монаха. — Настоятель тоже спешит. Приступайте к делу.

Пыл Феррейры сразу угас. Слезинка еще сверкала у него на ресницах, но он как-то сник и, казалось, даже стал меньше ростом.

— Мне поручили уговорить вас отречься, — устало сказало он. — Взгляните!

Он показал маленький, сморщенный, точно след от ожога, шрамик за ухом.

— Это называется «яма». Вас связывают по рукам и ногам, так, что вы не можете шевельнуться, и подвешивают вниз головой. — Переводчик изобразил притворный ужас. — А для того чтобы вы не умерли сразу, за ушами делают маленькие надрезы. Кровь вытекает из вас по

капле. Господин Иноуэ сам избрел эту пытку!

Родригес вспомнил мясистое лицо правителя Тикуго, увидел, как он прихлебывает горячую воду, обхватив руками пиалу, как кивает, слушая его доводы, улыбается тонкой умной улыбкой... Когда пытали Иисуса, царь Ирод пиршествовал за убранным цветами столом...

— Послушайте, падре. Вы единственный португальский священник в Японии. Но вы в наших руках и больше не можете проповедовать. Теперь вы никчемный человек. — Переводчик прищурился и заключил почти ласково: — Но вспомните, что говорил достопочтенный Тюан — он переводит из астрономии, он помогает больным... Он нужен людям. А вы... Вы должны сделать выбор. Что достойнее — праздно прожить остаток бессмысленной жизни в темнице или, отрекшись для виду, творить благие дела? И еще. Настоятель говорил об этом и господину Савано: истинное милосердие есть отречение от себя самого. Мы придаем слишком большое значение различиям в верованиях, забывая о том, что и Будда и Христос оба учат служению людям — в этом они едины. Неважно, какому богу ты поклоняешься. Важно, следуешь ли ты Истинной Добродетели. Савано пишет об этом в «Записках о лжи».

Переводчик умолк и посмотрел на Феррейру, ища поддержки. Прощальные солнечные лучи освещали худую старческую фигуру в черном кимоно. Родригес не находил в этом новом Феррейре черты своего обожаемого учителя, перед которым преклонялись семинаристы. Но в сердце его не было места презрению — оно разрывалось от мучительной жалости к человеку, в котором убили душу.

— Двадцать лет... — тихо сказал Феррейра, избегая взгляда Родригеса, — двадцать лет я отдал миссионерской работе. И я знаю эту страну лучше вас.

— Двадцать лет вы были Провинциалом Японии — и добились блистательного успеха, — с воодушевлением сказал священник, желая ободрить Феррейру. — Я с восхищением читал ваши донесения отцам ордена.

— Что ж, а теперь перед вами миссионер, признающий свое поражение.

— В нашем деле не может быть поражений. Пусть мы умрем, но на смену нам, рискуя жизнью, придут новые миссионеры!

— И неминуемо попадутся! — вставил переводчик. — А значит, опять будет литься невинная кровь. Сколько раз повторять вам: из-за ваших эгоистичных фантазий гибнут

японцы! Падре, оставьте нашу страну в покое!

— Я отдал двадцать лет миссионерской работе, — повторил Феррейра бесцветным голосом. — И наконец понял, что в этой стране не может укорениться вера Христова. Это итог моих долгих раздумий.

Родригес покачал головой:

— Просто ее вырывают с корнем!

Но Феррейра даже не взглянул на него. Он сидел, безвольно сложив руки.

— Эта страна — трясина. Когда-нибудь вы тоже поймете это. Саженцы не принимаются на болоте: они загнивают с корней; потом желтеют и облетают листья... А мы посадили здесь дерево христианства...

— Но было время, когда деревце это тянулось ввысь и зеленело!

— Когда?

Феррейра впервые взглянул Родригесу прямо в глаза. На худом лице появилась улыбка мудрого человека, с жалостью взирающего на неопытного юнца.

— Когда вы приехали в эту страну, храмы здесь возводились во множестве и вера благоухала, как свежий цветок, и японцы спешили принять крещение, как иудеи, что устремлялись к водам реки Иордан!

— А что, если Бог, которому поклонялись японцы, не был христианским Богом? — спокойно спросил Феррейра, все с той же печальной улыбкой.

Родригес яростно сжал кулаки. «Будь осторожен, — сказал он себе. — Он искушен в софистике. Не попадись на этот крючок. Победенный всегда ищет лазейку для оправдания!»

— Вы отрицаете то, что отрицать невозможно.

— Отнюдь. Японцы чтили не нашего Бога, а собственные божества. А мы очень долго не признавали того, твердо веруя, что они истинные христиане. — Феррейра сел поудобней. Полы кимоно разошлись, открыв босые грязные ноги. — Я говорю это не для того, чтоб оправдаться или уговорить вас отречься. Пожалуй, мне никто не поверит. Ни один миссионер в Гоа или Макао, ни один священник в Европе. И все же за долгие годы я понял этот народ. И обнаружил, что корни нашего деревца незаметно подгнили.

— Сам Франциск Ксавье... — не выдержал Родригес, — сам Франциск Ксавье утверждал обратное!

Феррейра кивнул.

— И от святого Ксавье укрылась печальная истина.

Японцы исковеркали даже слово «Дэус», которому он научил их. Они издревле поклонялись Дайнити — Великому Солнцу — и не видели разницы в этих словах. Разве вы не читали сообщений Ксавье, в которых он пишет об этой распространенной ошибке?

— Будь у святого Ксавье порядочный переводчик, никогда не случилось бы этой нелепой ошибки.

— Нет. Вы просто не понимаете сути. — На скулах Феррейры заиграли желваки. — Вы ничего не понимаете. И вся эта братия из монастырей Гоа и Макао, приезжавшая сюда поглазеть, — они тоже равным счетом ничего не понимают. Японцы, путая «Дэус» с «Дайнити», уже тогда извращали нашего Бога, приспособливали его к себе, а потом сотворили новое божество. Этот скрытый процесс все равно продолжался — даже когда исчезла путаница в словах, в те годы, когда успехи миссионеров казались неоспоримыми. Японцы верили не в христианского Бога, а в собственное творенье.

«Извращали нашего Бога, приспособливали его к себе...» Родригес задумчиво повторил про себя слова Феррейры.

— Но это все равно Бог?

— Нет! У японцев Дэус лишен божественного начала.

— Как вы смеете?! — не сдержался Родригес. Его крик вспугнул кур, мирно клевавших зерно на земляном полу.

— Поймите, это довольно просто. Вы замечаете только видимый блеск наших успехов. Вы не хотите задуматься о причинах. Да, это верно, за двадцать лет моего пребывания здесь были построены храмы на Кюсю, в Камигате, Сэндае; в Ариме и Адзути открылись духовные семинарии и японцы сотнями принимали крещение. У нас было четыреста тысяч прихожан.

— Вы вправе гордиться этим.

— Гордиться? Пожалуй... Если б японцы верили в Бога, которого мы им внушали. Но в храмах, построенных нами, люди молились не нашему Богу, а своему, непонятному нам божеству. Даже не знаю, возможно ли называть его Богом... — Феррейра опустил голову и пожевал губами, обдумывая слова. — Нет, конечно, это не Бог. Случалось вам видеть бабочку, попавшую в паутину? Сначала она — настоящая бабочка. Но спустя день от нее остается лишь мертвая оболочка: есть крылышки, тельце — но бабочки нет. Японцы расправились с нашим Богом так же, как паук с попавшейся бабочкой: они высосали из него

кровь и плоть, оставив безжизненный остов.

— Вздор! Я не желаю вас слушать. Я пробыв в Японии меньше вас, но я видел мучеников! — Родригес закрыл руками лицо. Голос его звучал глухо. — Я видел собственными глазами, как они умирали, сгорая в огне веры.

Он вспомнил сумрачное море с торчащими среди волн черными сваями. Казнь одноглазого, в яркий солнечный полдень, Монику, канувшую в свинцовые воды залива... Если в них не было веры, во имя чего они приняли смерть? Нет! Феррейра лжет.

— Они верили не в христианского Бога, — повторил с уверенностью Феррейра. — У японцев не было и не будет идеи Бога.

Словно огромный камень обрушился на Родригеса. Подобное ощущение он испытал в раннем детстве, впервые услышав, что на свете есть Бог.

— Японцы не знают Творца, отделенного от человека. Они не способны вообразить себе Сущее вне привычной реальности.

— Но ученье Христово — реальность, существующая вне Португалии и даже Европы. Иначе какой смысл в миссионерской работе?

— Бог у японцев — идеально-прекрасное, наделенное волшебным могуществом существо. Но он — одной природы с людьми. Это не канонический Бог христианства.

— Вот и все, что вы поняли за двадцать лет?

— Да. — Феррейра тоскливо кивнул. — И потому я считаю бессмысленным труд проповедника. Деревце, которое я посадил на этом болоте, подгнило — а я даже и не заметил случившегося...

В словах Феррейры была неподдельная горечь — Родригес не мог усомниться в их искренности. Солнце померкло, в углах затаились серые тени. Вдалеке послышался мерный стук деревянного гонга и заунывный речитатив монахов, читающих сутры.

— Нет, вы не Феррейра, — со вздохом сказал Родригес. Феррейра спрятал глаза.

— Верно. Конечно, я не Феррейра. Я — Савано Тюан. Сам губернатор пожаловал мне это имя. И не только имя — также жену и детей казненного человека.

Час вепря¹. Под охраной стражника и чиновника священник возвращался в темницу.

¹ Время от девяти до одиннадцати вечера.

Глухая ночь. На улицах ни души, можно не опасаться любопытных прохожих, и чиновник позволил Родригесу поднять шторку. При желании можно было бы убежать, но бежать не хотелось. Дорога была узкая и извилистая, и хотя, как сказал стражник, они вошли в черту города, пейзаж был явно не городской: жались друг к другу незатейливые домишки, тянулись длинные храмовые ограды, шумели рощи. Город строился.

Над черной стеной деревьев показалась зловещая луна и поплыла за ними, на запад.

— Ну как, отвлеклись немного? — добродушно спросил чиновник, шагая рядом с паланкином.

Вернувшись в темницу, священник распрощался с провожатыми и прошел в свою каморку. За спиной лязгнул засов. Ему казалось, что миновала целая вечность. Он даже успел соскучиться по привычному воркованию голубей. Болезненно долгим был этот день — длиннее, чем предыдущие две недели.

Не встреча с Феррейрой, и даже не перемена, происшедшая в том, потрясла его; поразмыслив, священник вдруг понял, что был готов к ней. Ему удалось сохранить присутствие духа даже в тот жуткий миг, когда на пороге возник осунувшийся, одетый в японское платье учитель. Теперь все это уже не имело значения. Важнее другое: правда ли то, о чем говорил Феррейра?

Родригес сидел на полу, глядя перед собой невидящими глазами. Лунный свет лился через оконце. Возможно, Феррейра придумал эту уловку, чтоб оправдать свое малодушие? Да, именно так. Однако страх исподволь завладел Родригесом. Что, если Феррейра прав? В этом гиблом болоте не могут расти деревья — корни гниют и листва облетает. Вот и деревце веры Христовой засохло — а никто даже и не заметил...

«Не гонения и казни уничтожили христианство в Японии. Оно умерло потому, что не может здесь выжить... Дэус в Японии — это бабочка в паутине: в нем нет живой плоти; осталась лишь мертвая оболочка...» Глаза Феррейры сверкали; в них светилась уверенность в правоте, не свойственная побежденному.

Во дворе послышались негромкие шаги караульного. Но вот и они затихли; в кромешной тьме раздавался лишь скрежет жуков-скарабеев.

Нет, это немислимо. Невозможно!

Родригесу не хватало опыта миссионерской работы, чтоб опровергнуть аргументы Феррейры, но принять их на

веру значило перечеркнуть всю свою жизнь. Он в иступлении стал колотиться головой о стену, размеренно повторяя: «Это невысказано... Невозможно...»

Да, невозможно! Человек не может жертвовать жизнью ради фальшивой веры. Он видел собственными глазами гибель этих крестьян, японских мучеников. Только вера в Спасение могла согреть их в последний час, посреди дождливого моря. Они были истовыми христианами. И пусть вера их была наивной и грубой — зажгли ее не японские бонзы, а христианские миссионеры!

Священник снова припомнил весь разговор с Феррейрой. Тот не сказал ни единого слова о мучениках! Несомненно, он избегал этой темы. Он не желал вспоминать о тех, кто оказался сильнее, кто выдержал пытки и «яму». Как хотелось Феррейре поделить свое бремя с Родригесом — бремя трусливого малодушия и одиночества!..

Спит ли сейчас Феррейра? Нет, не может он спать. Он тоже смотрит во тьму распахнутыми глазами, терзаясь муками одиночества. И одиночество это страшнее и горше тюремной тоски Родригеса. Ведь Феррейра предал не только себя — он старался увлечь и другого на путь предательства. Боже, простишь ли Ты Феррейре? Ты ведь сам отослал Иуду: «Что делаешь, делай скорее». Что же станется с этой заблудшей овцой?

Родригес подумал, что вправе себя уважать, — и улыбка тронула его губы. Вытянувшись на голом полу, он ждал сна.

ГЛАВА VIII

На другой день снова пришел переводчик.

— Вы все обдумали?

На сей раз он не поддразнивал, не играл с Родригесом как кошка с мышью — он был холоден и неумолим.

— Послушайте Савано, оставьте бессмысленное упрямство. Никто не заставляет вас предавать вашу веру. Выполните формальность — и с этим будет покончено.

Священник молчал, уставившись в одну точку. Он не слышал; речи переводчика не достигали его сознания.

— Одумайтесь! Я вас прошу, наконец. Поверьте, мне это так же тяжело, как и вам.

— Отчего вы не повесите меня в «яме»?

— Господин Иноуэ говорит, что будет лучше, если вы образумитесь сами.

Священник с детским упрямством замотал головой. Переводчик вдохнул и надолго умолк.

— Что ж... Воля ваша.

Загромыхал засов — его звук возвестил, что увещеванья закончились.

Родригес не знал, достанет ли у него твердости духа. Однако перспектива мучений уже не повергала его в такой ужас, как прежде. Чувства его притупились. Он даже желал скорой смерти — единственного спасения от бесконечных страданий. Жизнь в сомнениях, тяжких раздумьях о Боге и вере не имела смысла. Он молился о том, чтобы обессилевший дух покинул его ослабевшее тело. Его преследовало навязчивое видение: мелькающая в волнах черная голова. Как он завидовал Гаррпе! Да, он до слез завидовал Гаррпе, избегнувшему этой боли...

Наутро, как он и ожидал, ему не принесли пищи. В полдень снова звякнул засов, и в дверь просунулся голый по пояс ражий детина. Он так связал священнику руки, что при малейшей попытке пошевелиться веревка впивалась в запястья и невольный стон срывался со стиснутых губ Родригеса. Затягивая веревку, верзила бормотал проклятья и угрозы, смысла которых священник не понимал. «Пробил час», — пронеслось у него в голове, и при этой мысли по спине пополз холодок незнакомого трепета.

Его вытолкали за дверь. Трое чиновников, стражники и переводчик ожидали его во дворе. Родригес обвел их взглядом и, задержавшись на переводчике, победно улыбнулся. «Даже в такие минуты, — мелькнуло вдруг у него, — не дано человеку избежать тщеславия...» И священник возликовал: у него еще хватает спокойствия духа, чтоб размышлять о подобных предметах!

Верзила легко поднял Родригеса и посадил на лошадь. Кляча была невероятно худой и низкорослой, как ослик. Она потрусилась вперед по дороге; следом двинулись остальные.

Вдоль обочины уже толпились жители Нагасаки. Родригес с кроткой улыбкой взирал на разинувших рты стариков, на младенцев, сосавших огурцы, на придурковато хихикавших женщин. Встретившись с ним глазами, женщины в ужасе прятались за чужие спины. Солнечный свет расцвечивал лица прихотливым узором.

В Родригеса полетели комья навоза. Священник решил про себя, что вытерпит все унижения с улыбкой. Вот, он едет верхом на осле по улицам Нагасаки — как когда-то въезжал в Иерусалим Иисус. Это Он научил

Родригеса, как надо сносить поношения и насмешки: со смиренной покорностью. И он будет кроток, что бы ни пришлось ему претерпеть. Только таким подобает быть христианину между язычников.

Под огромным камфарным деревом расположились бонзы. Они злобными взглядами проводили священника, погрозив ему палками.

Родригес огляделся вокруг, в надежде увидеть хотя бы одно лицо, освещенное тайною верой, — но тщетно. Во всех глазах сверкали лишь ненависть и любопытство. И вдруг...

Родригес невольно напрягся, наткнувшись в этой толпе на собачий, жалобный взгляд: Китидзиро.

Оборванный, грязный, Китидзиро стоял в переднем ряду. Завидев Родригеса, он тут же юркнул в толпу. Но священнику с лошади было видно, как он пробирается вслед за процессией. В этом море врагов то был единственно близкий Родригесу человек.

«Господь не таил зла. И я уже не сержусь...» Священник кивнул Китидзиро, словно отпуская грехи.

Документы тех лет говорят, что толпа провожала процессию от Хакаты до Кацуямы и даже до Гото-мати. Перед казнью пленных миссионеров обычно возили по городу — напоказ.

Давным-давно, во времена Омуры Сумитады ¹, когда был заложен порт Нагасаки, здесь поселились выходцы с островов Гото; из Гото-мати открывался вид на бухту. Люди стекались сюда во множестве, толкаясь и веселясь, словно на празднестве, — поглазеть на южного варвара ². Когда Родригес пытался размять онемевшие члены, на него сыпался град насмешек.

Он старался еще улыбаться, но губы не повиновались ему, лицо свела судорога. Он прикрыл глаза, чтобы не видеть этих разинутых в хохоте ртов с выступающими зубами. Улыбался ли Иисус, слыша злобные вопли толпы у претории? Нет, даже у Господа не достало бы сил на это... Нос *Passionis tempore*... ³

Продолжить Родригес не смог. Следующая строка — «Господи, спаси прегрешивших!» — застряла у него в гор-

¹ Омура, Сумитада (1533—1581) — японский могущественный феодал, первый из князей принявший крещение.

² Презрительное прозвище европейцев, бытовавшее в Японии во времена средневековья.

³ В час страданий (*лат.*).

ле. Его терзала не столько боль в связанных запястьях, сколько отчаяние — он не мог заставить себя возлюбить эту толпу, как возлюбил Иисус.

— Как самочувствие, падре? Никто не спешит к вам на помощь? — прокричал сквозь гвалт переводчик, шагая за лошадью. — Оглянитесь вокруг: они же смеются над вами! Ради них вы пришли сюда — но вы не нужны им, ничемный вы человек!

— Может быть, в этой толпе, — гневно ответил священник, глядя в налитые кровью глаза, — кто-то втайне возносит молитву!

— Послушайте меня, падре. Некогда в Нагасаки было одиннадцать храмов и двадцать тысяч прихожан. Как вы полагаете, куда они подевались? Я вам скажу: они сейчас здесь, в этой толпе, — все, кто исповедовал христианство. Только они глумятся над вами, из кожи лезут, чтоб доказать, что больше не верят в Дэуса.

— Можете оскорблять меня сколько угодно, — бросил Родригес, — это лишь укрепляет мой дух.

— Сегодня... — Переводчик с ухмылкой похлопал лошадь по брюху. — К вечеру вы отречетесь. Это сказал сам Иноуэ. Он еще никогда не ошибался. Так было с Савано.. Так будет и с вами.

Переводчик самонадеянно потер руки и отошел от священника.

«Так было с Савано...» Лишь последняя фраза застряла в мозгу Родригеса. Он попробовал отмахнуться от этих мыслей.

Над бухтой клубились гигантские блистающие облака, позлащенные солнечными лучами. Грузные, белые, они высились в небе огромными замками. Никогда еще прежде они не рождали в груди Родригеса такого молитвенного благоговенья.

Ему вдруг открылась возвышенная торжественность гимна, который пели японские христиане:

Мы пойдем, мы придем
В храм параисо...
В далекий храм параисо...

Родригеса утешало лишь то, что и Господь познал ужас отчаяния. Нет, он не одинок! В этом море, что раскинулось под холмами, умерли мученики, привязанные к столбам. Много часов страдали они, прежде чем отправиться в дивный «храм параисо». Его захлестнуло счастье нераздельности с Гаррпе, с пригвожденным к кресту Гос-

подом. С невыносимой ясностью он увидел страдающего, всевыносящего Христа. Ему захотелось быть ближе, как можно ближе к этому чудному лику!

Чиновники, расчищая путь, стегали зевак. Гудевшая, словно рой, толпа расступалась. Люди провожали испуганными глазами повернувшую в обратный путь процессию. День клонился к вечеру. Луч уходящего солнца вспыхнул на красной черепице храмовой кровли. Сразу за городом высились горы.

Снова в священника полетели комья навоза. Острый камень рассек ему щеку. Переводчик не унимался:

— Не упрямитесь, я не прошу вас сделать что-то дурное. Скажите лишь «отрекаюсь». Одно только слово, прошу вас. Одно только слово — и вы на свободе.

— Куда вы меня везете?

— В управу. Поверьте, я не желаю вам зла. Умоляю, одно только слово, скажите «я отрекаюсь»...

Священник молчал, закусив до боли губу. Струйка крови ползла по щеке. Переводчик понуро брел рядом, приложив руку к лошадиному крупу.

Пригнувшись, священник шагнул во тьму — и едва не задохнулся от застоявшейся едкой вони. Пол был залит мочой. Некоторое время он стоял неподвижно, борясь с подступающей дурнотой. Постепенно глаза привыкли ко тьме, и он уже мог различить очертания предметов; он вытянул руки — и тут же коснулся противоположной стены.

Он прислушался, но ничего не услышал. Где он находится? Судя по тишине, в здании ни единой живой души. Стены деревянные. Он провел ладонью по доскам и вдруг нащупал длинную выбоину. Сначала он принял ее за щель между досками, но тут же понял, что это не так. Ведя по царапине пальцем, Родригес определил букву L. Рядом стояла A. Как слепец, он ошупывал букву за буквой — пока они не сложились в слова Laudate Eum¹. На этом строка обрывалась. Видно, какой-то миссионер вырезал надпись — для следующего страдальца. Он не отрекся; в его сердце горел огонь веры. Родригес едва сдержал слезы: какая-то неведомая высшая сила незримо хранила его.

Который теперь час? После мучительного путешествия

¹ Хвалите Его (лат.).

по Нагасаки священника привезли в управу, где его долго допрашивал незнакомый чиновник, задавая все те же вопросы: откуда он прибыл, к какому ордену принадлежит, сколько в Макао миссионеров. Но его уже не принуждали отречься. Даже переводчик оставил свой издевательский тон и с постной физиономией просто переводил вопросы и ответы. Еще один чиновник записывал их на бумаге. После нелепого допроса священника заперли в этой клетке.

Laudate Eum... Прижавшись лицом к стене, Родригес — как всегда, когда оставался один, — попытался нарисовать образ Того, кому поклонялся, словно юноша, грезящий о далекой возлюбленной. В последнее время, и особенно по ночам, слушая шелест листвы в рощице за тюрьмой, он иначе, чем прежде, представлял себе этот лик. Сейчас он был совсем рядом. Уста Его были сомкнуты, но очи смотрели с ласкою и сочувствием. Родригес услышал: «Когда ты страдаешь, страдаю и я. Я буду с тобой до конца».

Священнику вспомнился Гарпе. Вскоре они будут вместе. Он часто видел во сне то исчезающую, то возникающую в волнах черную голову друга и каждый раз пробуждался от мучительного стыда за то, что оставил в беде христиан. Не в силах терпеть эту боль, он старался вообще не думать о Гарпе.

Где-то послышались голоса. То были хриплые, странные звуки, похожие на собачье рычание. Он вслушался: рычание оборвалось, затем возобновилось и продолжалось довольно долго. Священник невольно расхохотался: он догадался, что это такое. Это же храп! Караульный хлебнул сакэ и храпит во всю мочь.

Храп, утробный и низкий, срывался порой на надтреснутый фальцет.

Что за издевка, подумал Родригес: он тут, в зловонной темнице, один на один со смертью, а совсем рядом какой-то болван похрапывает себе беззаботно! Отчего в жизни столько нелепиц?

«Переводчик сказал, что сегодня я отрекусь, — подумал священник. — Плохо же он меня знает!»

Он отодвинулся от стены и улыбнулся. Ему вдруг представился спящий мертвецким сном стражник. «И думать не думает, что я убегу». Бежать он не собирался, но из любопытства подергал дверь. Дверь не подалась. Священник разумом понимал, что смерть уже протянула к нему свои руки, но чувства его отказывались поверить в неотвратимое.

Да, смерть приближалась. Храп прекратился, наступила жуткая тишина. Подобно тому как ночное безмолвие объемлет природу, безумный порыв смертельного страха обрушился на Родригеса. Он сжал кулаки и завыл. Страх отступил, словно море в отлив. Потом нахлынул опять. Священник пытался молиться, но в ушах неотвязно звучало: «И был пот Его как капли крови...» Все заслонило искаженное мукой лицо Иисуса. Родригес отер с лица пот и заметался по клетке: его уже не утешало сознание, что и Господь терзался томительным страхом. Родригес просто не мог оставаться на месте.

Наконец священник услышал человеческий голос. Он был бы рад палачу — только чтобы не чувствовать в сердце ледящей иглы одиночества. Родригес припал к двери. Разговаривали двое. Сердитый голос перебивал умоляющий. Сначала они доносились чуть слышно, издали, потом стали медленно приближаться, но слов по-прежнему было не разобрать.

Мысли Родригеса потекли в ином направлении. Он вдруг совсем некстати подумал, что страх перед тьмой — своего рода инстинкт, напоминающий человечеству о суровом ужасе первых людей, не знавших Бога, любви и света.

— Ты что, оглох? А ну убирайся, живо! — прорычал грозный бас.

Послышался всхлип — и умоляющий голос заискивающе попросил:

— Я христианин. Пустите меня к падре!

Этот голос показался Родригесу знакомым. Да, без сомнения, то был голос Китидзиро.

— Пустите меня к падре!

— Заткнись! Не то я тебя вздую!

— Ну и ударь, ударь!

Голоса спорщиков звучали все яростней.

— Кто это? — прибавился третий голос.

— Какой-то юродивый. Попрошайка. Болтается тут со вчерашнего дня. Кричит, что христианин.

— Падре, простите меня, падре! — прозвенел вопль Китидзиро. — Я пришел к вам покаяться. Простите меня!

— Ты что мелешь?! — Стражник потерял терпение. Послышался звук тупого удара — словно рухнуло дерево.

— Падре! Простите!

Священник прикрыл глаза и беззвучно зашевелил губами: он отпускал грехи Китидзиро. Во рту была неизъяснимая горечь.

— Господь создал меня слабым. А слабый духом не может стать мучеником. Как же мне быть? А-а-а, зачем я только родился на свет?!

Внезапно вопль оборвался, потом донесся опять, но уже глухо, издалека. Священнику вспомнилось, как почитали Китидзиро крестьяне на Гото. Да, в мирные времена он мог бы стать добрым христианином.

— Зачем я явился на свет... Зачем я явился на свет...

Священник заткнул пальцами уши, чтобы не слышать этот тоскливый, собачий, пронзительный вой.

Да, он отпустил грехи Китидзиро, но не от чистого сердца. Он просто исполнил свой долг — оттого и осталась во рту эта терпкая горечь. Ненависть уже угасла, но он не забыл вкуса вяленой рыбы и нестерпимую жажду. И не мог подавить в себе отвращения к Китидзиро.

«Что делаешь, делай скорей». Он никогда не мог постичь этих слов. И не только их, но и роли Иуды в жизни Христа. Зачем Господь назвал своим учеником человека, который предаст его? Почему делал вид, что не ведает о его черных помыслах? Может быть, он сам позволил Иуде предать — для принесения искупительной жертвы?

И все же... И все же, если Бог есть любовь, отчего Он покинул Иуду в его смертный час? Иуда, раскаявшись, удавился — и, отвергнутый всеми, низринулся в вечную тьму.

Эти вопросы не давали Родригесу покоя еще в семинарии, они мучили его и потом, выплывая из недр сознания, словно грязные пузыри из болотной трясины. Он упорно гнал нечестивые мысли, осквернявшие его веру. Но сейчас они обступили его плотной стеной.

Священник вздохнул. Грядет Страшный суд. Человеку не дано постичь сокровенные тайны Писания. Но он жаждал знать. Он стремился постичь. «Сегодня вы отречетесь», — сказал ему переводчик. А Господь предрекал Петру: «...Истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде, нежели пропоет петух, трижды отречешься от меня». Но до рассвета было еще далеко, и не пришло еще время кричать петухам.

Что это? Снова храп? Точно со скрежетом крутятся мельничные жернова. Священник сполз на залитой мочой пол, трясясь от бессмысленного хохота. Непостижимое создание — человек! Какой-то болван храпит в свое удо-

вольствие, не ведая страха смерти. Спит как свинья, раскрыв пасть, и в ус себе не дует. Родригес даже вообразил физиономию этого стражника. Заплывшая жиром багровая рожа пьянчужки, пышущая здоровьем и силой, — но было в этом лице нечто жуткое и злодейское. Не утонченная жестокость аристократа, а грубая варварская беспощадность простолюдина к беспомощному, бессловесному существу. Священник встречал подобных парней в деревнях Португалии и прекрасно знал их натуру. Вот и этот таков же — ему и в голову не приходит, какие страдания он принесет своей жертве. Это такие убили Его, прекраснейшего из сынов человеческих!

В такую ночь, главную ночь в его жизни, он должен слушать столь непотребные, гнусные звуки! Кровь бросилась ему в голову. Он не потерпит этого надругательства.

Священник оборвал смех и замолотил кулаком в стену, но стражник не пробудился. Так же спали Его ученики в Гефсиманском саду, когда Он тосковал и скорбел рядом с ними. Родригес еще неистовей заколотил по стене. Где-то отворилась дверь, по двору застучали торопливые шаги: кто-то бежал к нему.

— Что случилось, падре? Что такое? — послышался голос переводчика, вкрадчивый, мурлыкающий — как у кошки, забавляющейся своей жертвой. — Испугались, да? Ох-хо-хо, пора уж вам образумиться... Скажите одно словечко, и все уладится. «Я отрекаюсь». Вам сразу станет легко-легко... Спокойно... Ну!

— Нет, я не это хотел сказать. Я не могу выносить этот храп!

Повисла недоуменная тишина.

— Храп? Ах, вот вы о чем... Слыхали, Савано? Падре решил, это храп!

Священник не предполагал, что и Феррейра тоже здесь, рядом.

— Савано, объясните ему.

И Родригес услышал знакомый голос. Когда-то он слышал его каждый день. Сейчас он был скорбным и тихим:

— Это не храп. Это стенания христиан, подвешенных в «яме».

Феррейра стоял, опустив голову. Переводчик бесцеремонно заглянул в щель и долго смотрел во тьму, но изнутри не доносилось ни звука.

— Не умерли же вы там?.. — с беспокойством прогово-

рил он. Потом досадливо прищелкнул языком. — Впрочем, вряд ли. Христианин не может сам оборвать свою жизнь, данную Богом. Савано! Остальное — за вами.

Он круто повернулся, и вскоре его шаги замерли в отдалении.

Феррейра продолжал молчать, опустив голову. Тело его словно парило во мраке, не касаясь земли; оно было бесплотным и тонким, как лист бумаги. Казалось, его не ухватишь рукой.

— Послушайте! — тихо позвал о н . — Эй, вы меня слышите?

Священник молчал, и Феррейра снова окликнул его.

— Проведите рукой по стене... Там должна быть надпись... Ее вырезал я. Laudate Eum. Ищите на правой стене, если ее еще не стесали... Посередине. Ну что, нашли?

Но Родригес молчал. Черная тьма глухою стеной отделяла его от Феррейры.

— Я тоже провел ночь в этой клетке, — сказал Феррейра. — И не было в моей жизни ночи темнее и холоднее, чем та.

Священник рассеянно слушал признания Феррейры.

О, он понимал, как беспросветна была та ночь. Но он должен был выдержать искуc — ибо Феррейра рассчитывал на состраданье.

— Я тоже слушал этот хрип. Я слушал стенания мучеников, подвешенных в «яме».

В наступившей тишине отчетливо разносились kloкочущие звуки. Да, то был не храп, а прерывистые стоны задыхающихся в агонии людей.

...Рядом с ним страдали, роняя на пол капли крови, японские христиане. А он не догадался. Он не вознес молитвы — он смеялся над ними! Эта мысль ошеломила Родригеса. Он хохотал! В своей гордыне он возомнил, что только он, один в этой крошечной ночи, разделяет страдания Господа. Но кто-то принимал худшие муки — к вящей славе Христовой. «И ты мнишь себя служителем Божьим? Пастырем, внемяющим страдания своих агнцев?» — услышал он Голос.

— Господи! — не помня себя, вскричал о н . — Почему Ты насмеялся надо мной?

— Хвалите Е г о , — упрямо повторил Феррейра. — Я вырезал эти слова на стене. Ну, нашли? Поищите еще!

— Я их давно нашел! — в бешенстве крикнул священник . — Довольно, молчите! Вы не смеете произносить эти слова!

— Не смею?.. Что ж, конечно, вы правы. После той ночи я уже не мог возносить хвалу Господу. Я отрекся не потому, что не выдержал пыток. Три дня... Три дня висел я вниз головой в яме, наполненной нечистотами, но не отрекся. Я отрекся... Ну как, вы готовы? Так знайте: я отрекся, слушая стоны этих несчастных, которым Господь не помог ничем. Я молился до иступления, но Господь отвернулся от них.

— Замолчите!

— Хорошо. Молитесь! Но помните, что они терпят такие страдания, которые вам и не снились. Они висят здесь со вчерашнего дня. За что? А вы — вы спокойно взираете на их муки. И Господь — Он тоже бездействует!

Священник зажал ладонями уши. Но голос Феррейры и хриплые стоны просачивались сквозь пальцы. Довольно! Довольно! Боже, Боже, Ты должен, Ты должен сказать свое слово. Докажи, что Ты — сама справедливость, благо, любовь. Докажи, что Ты всемогущий!

Мрачная тень сомненья, словно огромная птица, накрыла его своим крылом. Он вспомнил казнь христиан. Бог молчал в то дождливое утро. Он молчал и в солнечный полдень, когда погиб одноглазый. Но тогда Родригес сумел примириться с этим. Нет, скорее ему удалось не поддаться сомнениям. Но теперь он больше не мог.

«Почему, слыша эти протяжные стоны, Ты безмолствуешь?»

— Их подвесили вниз головой, — грустно сказал Феррейра. — Тройх. Они висят с той минуты, когда вас сюда привезли.

Старик не лгал. Священник напряг слух — и стонущий голос неожиданно раздвоился. Ему уже не казалось, что это стонет на разные голоса один человек; тонкий протяжный стон сливался с низким и хриплым, но слышались они, без сомнения, с разных сторон.

— В ту ночь они пытали пятерых. Пятеро человек стонали во дворе, и ветер доносил до меня их стоны. Мне сказали: «Если вы отречетесь, этих несчастных тут же вынут из «ямы», развяжут путы и смажут снадобьем раны». Тогда я спросил: «Разве они еще не отреклись?» Чиновник засмеялся. «Они отреклись, и не раз; но они будут страдать до тех пор, пока вы не сделаете того же».

Слезы душили Родригеса.

— Вы... Вы должны были молиться!

— Я молился. Я молился без усталости. Но это не помогло. Кровь вытекала из них по капле: из крошечных надразов

за ушами, а также из носа и изо рта. Я знаю, потому что сам прошел через это. Молитва не облегчает страданий.

Священник вспомнил бурные шрамы, похожие на следы от ожогов, за ушами Феррейры.

— В награду они обретут блаженство, — сказал он.

— В з д о р , — ответил Феррейра. — Не пытайтесь прикрыть красивыми фразами слабость духа.

— Слабость духа?! — Родригес возмущенно покачал головой, но без уверенности в д у ш е . — Нет, я верую в их спасение!

— Ваша персона куда важнее для вас, чем эти несчастные. Во всяком случае, вас больше заботит собственное спасение. Если вы отречетесь, они будут избавлены от страданий. Но вы не хотите. А знаете, почему? Вы боитесь. Боитесь разделить мою участь изгоя! — гневно сказал Феррейра и, уже спокойней, добавил: — Впрочем, и я был таким же. В ту страшную ночь я упорствовал, как и вы. Но разве это любовь? Пастырь духовный должен жить так, как жил Иисус. Окажись здесь Сын Божий... — Феррейра задумался. Потом с уверенностью заключил: — Он бы отрекся. Ради этих страдальцев.

Тьма начинала редеть. Сквозь щели уже пробивался белесоватый отблеск рассвета.

— Да. Он бы отрекся — чтобы спасти их.

— Нет, нет! — отчаянно крикнул священник. — Нет! Нет!

— Да. Он бы отрекся — во имя любви. Он бы пожертвовал всем.

— Перестаньте терзать меня! Уходите! Уходите скорее, — взмолился Родригес.

Но тут лязгнул засов — и дверь отворилась. В темницу хлынул утренний свет.

Феррейра участливо положил руку на плечо Родригеса.

— Вам предстоит мучительное деянье — во имя Любви.

Пошатываясь, Родригес побрел за Феррейрой. Он едва переставлял ноги — казалось, они налиты свинцом. Феррейра тихонько подталкивал его сзади. В тусклом свете занимающейся зари галерея казалась бесконечной. В светлом проеме неподвижно чернели фигуры стражников и переводчика.

— Ну что, Савано, готово? Можно приступать?

Переводчик положил на землю какой-то ящик, снял с него крышку и извлек оттуда доску с прикрепленным к нему Распятием.

— Помните — во имя Лю б в и , — повторил Феррейра. —

Не ждите пощады: вас отлучат от церкви, как и меня. Но есть вещи важнее, чем проповеди. То, что вы совершите...

...Фумиз у его ног. На почерневшей от грязи доске с разбегающимися, подобно волнам, годичными кольцами, распростер тонкие руки медный Христос в терновом венце. Искраженный страданием лик...

Священник в смятении всматривался в него. Как давно он не видел это лицо!..

— Ну же, — подтолкнул его Феррейра. — Будьте мужественны!

...«Господи! Сколько раз представлял я себе Твой благословенный лик. В горной хижине. Посреди бурного моря в утлой лодчонке. В безлюдных горах. Во мраке темницы... Я думал о тех минутах, когда Ты нес крест. И теперь мне предстоит попать самое дорогое, самое прекрасное, что есть у меня!»

Разгоралась заря. Первые лучи осветили тощую шею священника, костлявые плечи. Он поднял Распятие и приблизил его к глазам. Ему неудержимо хотелось прижать к себе, поцеловать этот лик, истоптанный сотнями грязных ног. Он с неизъяснимой грустью отметил, что фигура Христа истерлась, повыщербилась. Слезы застлали ему глаза.

— Мне больно! — дрожащим голосом вымолвил он. — Больно!

— Это только формальность, — нетерпеливо сказал переводчик. — Наступите — и делу конец.

Родригес занес ногу — и вдруг его пронзила тупая, ноющая боль. Нет, это была не формальность. Он надругается над самым святым, самым чистым, самым прекрасным. Боже, какая боль! Какая невыразимая мука!..

«Наступи! — прошептал ему медный Христос. — Наступи! Я знаю, как тебе больно. Наступи. Я пришел в этот мир, чтобы вы попирали меня, я несу этот крест, чтобы облегчить ваши страдания».

Священник коснулся ногою распятия — и взошло солнце. Вдалеке прокричал петух.

ГЛАВА IX

Лето выдалось засушливое.

Вечер. В Нагасаки душно, как в бане. Зловещий отсвет закатного солнца, отражаясь от поверхности вод, усиливает

тягостное ощущение. Запряженные волами повозки с соломенными кулями въезжают в город, в клубах белой пыли посверкивая колесами. В воздухе стоит густая вонь коровьего навоза.

Середина лета. Под застрехами крестьянских лачуг качаются фонарики. Лавки тоже украшены фонарями — но побогаче, с узором из птиц, цветов, насекомых. Вечер еще не наступил, а детвора уже завела свою песенку:

Гори, гори, фонарик!
Кто бросит в тебя камень, у того отсохнут руки.
Свети, свети, фонарик!
Кто бросит в тебя камень, у того отсохнут руки!

Священник глядел в окно и тихонько мурлыкал себе под нос. Он не понимал смысла слов, но мелодия навевала печаль. То ли в песне была тоска, то ли в его душе...

В доме напротив женщина с неприбранными волосами раскладывала на алтаре приношения душам умерших — персики, плоды ююбы, бобы. Считалось, что духи предков посещают родимый дом в ночь на шестнадцатое. Зрелище было уже знакомо Родригесу. В словаре, который ему подарил Феррейра, Урабон значился как День поминовения душ.

Ребятишки, приплясывая под окном, хором дразнили его: «Отступник Павел! Отступник Павел!» В окно градом посыпались камни.

— А ну брысь, озорники! — прикрикнула женщина, и ребятишки бросились врассыпную. Священник невесело улыбнулся.

Ему вспомнился День поминовения душ в Лиссабоне. В этот праздник вечером во всех окнах видны горящие свечки...

Его поселили у самой окраины на узенькой и крутобокой улочке, среди жалких, убогих лачуг, нависающих друг над другом. Задами дом выходил на улицу Окэямати, где жили бондари: оттуда день-деньской доносился сухой перестук деревянных молотков. Напротив жили красильщики, и в погожие дни, словно стяги, развевались на ветерке синие полотнища. Все дома были крыты тростником и соломой. Здесь редко встречались черепичные кровли домов, что во множестве в богатых кварталах.

Родригесу не позволялось выходить из дому без разрешения губернатора. Единственным его развлечением было глядеть в окошко на сновавших прохожих. Рано утром шли в город женщины с корзинами на головах, неся на базар

свежие овощи. С наступлением дня их сменяли мужчины в набедренных повязках; горланы песни, они вели навьюченных кляч. Вечером появлялись бонзы и, позвякивая колокольчиками, спускались вниз, к подножию холма. Родригес жадно глядел на чужую жизнь, стараясь запомнить каждую мелочь — будто готовясь поведать об этом в кругу родных и друзей. Но тут же спохватывался: нет, никогда ему не вернуться на родину, с унынием думал он, и сердце сжималось от горя. Он гадал, знают ли в Макао и Гоа о его отступничестве? Да, скорее всего, голландские купцы из торговой фактории в Дэдземе уже разнесли эту весть, и его отлучили от церкви. Впрочем, какое ему до этого дело?.. Как они смеют судить его? Нет, суд над ним может вершить только Всевышний!

Но мысль о Страшном суде инквизиции не давала ему покоя, впиваясь когтями в сердце, — и он просыпался с криком, в холодном поту.

По ночам он вел нескончаемые дебаты с отцами ордена: «Что вы можете знать о жизни — там, в Европе или Макао? Вы живете в тепле и покое, не ведая о лишениях и о пытках. О, вы — настоящие праведники, подвижники веры. Но вы — на другом берегу. Посылая солдат в горнило сражений, вы, полководцы, греющиеся у костра, не вправе судить тех, кто в плену!..

Нет, я обманываю себя. К чему теперь эти уловки? Они недостойны мужчины...

Да, я пал. Но... Господи! Ты ведь знаешь, что в сердце своем я не отрекся! Что принудило меня к этому? Пытка «ямой»? Да, я не мог терпеть стоны этих несчастных. Феррейра сказал, что их отпустят, если я отрекусь. Я поверил ему, это правда. Но, возможно, все эти слова о любви — лишь красивая ширма для малодушия?

Я малодушен. Я признаю свою слабость. Есть ли различие между мною и Китидзиро? Я верую в Бога, но мой Бог — вовсе не тот, кого славят с амвонов...»

Лицо поруганного Христа преследовало его. Какой-то японский ремесленник выбил его на медной пластинке. Оно было совсем не похоже на Святые изображения, что он привык видеть в Риме и Лиссабоне, в Гоа и Макао. В этом лице не было ни величия, ни горделивости, не было возвышенной красоты страдания. Оно не светилось истовой верой. Лицо Христа, лежавшее во прахе у его ног, было больным и усталым.

Множество ног топтало его, и на доске с медальоном чернели следы. С расплющенного лица скорбно взирали

глаза, говорившие: «Наступи. Наступи. Я пришел к вам затем, чтоб вы топтали меня...»

Каждый день священника навещали старейшины города или помощник квартального старосты. Раз в месяц ему приносили свежее платье и под конвоем отводили в управу. Иногда старейшина сам приносил ему предписание — и они отправлялись в путь. В управе перед Родригесом раскладывали диковинные предметы: ему надлежало определить, имеют ли они отношение к христианской религии. У чужеземных купцов из Макао было много вещей, назначение которых знали лишь он да Феррейра. После трудов его ждало вознаграждение — деньги и сладости.

Бывая по службе в Хакате, он встречал своих давних знакомцев — переводчика и чиновников. Те приветствовали его с учтивостью и ни разу не выказали ни превосходства, ни тени злорадства. Напротив, переводчик усердно притворялся, будто не помнит о прошлом. Да и сам Родригес улыбался ему как ни в чем не бывало. Но избавиться от воспоминаний ему не удавалось. Особенно мучительным было ожидание в приемной, откуда за внутренним двориком просматривалась галерея, по которой он брел в тот рассветный час под руку с Феррейрой, — и он смущенно прятал глаза.

С Феррейрой они не встречались: это было запрещено. Он знал, что тот живет в Тэра-мати, поблизости от Сайсёдзи, но ни разу не побывал там. Они виделись лишь в управе, под присмотром старейшин: Феррейру сопровождала такая же «свита». Оба были одеты в казенные кимоно, оба разговаривали на ломаном японском — чтобы не затруднять провожатых. Родригес старался держаться приветливо, но чувства, что он испытывал к бывшему учителю, были сложны и противоречивы.

Каждый ненавидел и презирал другого. Но он ненавидел Феррейру уже не за то, что тот толкнул его на дороге измены; он ненавидел его потому, что с ужасом видел в нем свое отвратительное отражение — Феррейру в японском платье, Феррейру, говорящего по-японски, Феррейру, отлученного от церкви.

Феррейра заискивал перед чиновниками.

— Ну как, уже прибыли купцы из Голландии? Их еще с прошлого месяца ждут в торговой фактории.

Родригес слушал его осипший голос, смотрел на худую спину в черном кимоно. Солнечные зайчики скользили по ней, как в тот далекий день, в Сайсёдзи. Но не-

ненависть и отвращение мешались в нем с состраданием — к товарищу по несчастью — и с жалостью к самому себе. «Мы близнецы-уроды, — думал он. — Мы ненавидим уродство друг друга, но разлучиться нам не дано...»

Из управы они выходили уже в сумерках. Летучие мыши неслышно чертили лиловое влажное небо. Старейшины, переглянувшись, расходились по сторонам — один направо, другой налево, — каждый со своим подопечным. Шагая, Родригес украдкой бросал взгляд на Феррейру. Тот тоже словно бы невзначай оглядывался через плечо. Теперь они встретятся через месяц. Но, сойдясь, не сумеют понять боль и горечь другого.

ГЛАВА X

Извлечения из дневника Йенсена, служащего Ост-Индской торговой компании. Фактория в Дэдзиме¹, Нагасаки.

Июль, 1644 г. (первый год Сёхо²)

3-е июля

Три китайские джонки покинули рейд Нагасаки. Японские власти дали разрешение на выход из рейда «Лилло». Отплытие назначено на пятое июля. Необходимо срочно произвести погрузку серебра, боеприпасов и закупленных товаров и завершить приготовления к отплытию.

¹ Дэдзима (*букв.*: «остров, лежащий при входе в бухту») — территория, которую за огромную сумму арендовала Ост-Индская торговая компания в период самоизоляции Японии. На островке были расположены деревянные дома для голландских чиновников, магазины-склады и другие службы. Остров был отделен от города каналом, у моста круглые сутки стояла охрана, и никто не мог без особого разрешения властей ни войти на остров, ни покинуть его. Высокая глухая каменная стена заслоняла Дэдзиму от города, и даже в море недалеко от побережья была сооружена загородка с запретительными надписями. Таким образом, Дэдзима был для европейцев настоящей тюрьмой, и голландцы справедливо называли его «изобретением подозрительного гения».

² До 1867 г. в Японии применялась традиционная система летоисчисления — по так называемым «годам правления», «нэнго», — согласно которой годам правления каждого императора присваивалось только одно название. Но даже при одном императоре годы нередко переименовывались в связи с неблагоприятными обстоятельствами — иногда не раз, чем объясняется подчас их краткая продолжительность — два-три года и даже один год. Годы правления Сёхо соответствуют периоду с 1644 по 1648 г.

8-е июля

Закончил расчеты с торговцами, счетоводами, домовладельцами и господином Сироэмоном. По указанию господина директора фактории составил запрос на товары для Голландии, Коромандельского берега и Сиама, которые должна обеспечить японская сторона к прибытию следующего голландского судна.

9-е июля

У одного из местных жителей сыщики обнаружили образ Пресвятой Девы. Всю семью немедленно заключили в тюрьму и подвергли допросу с пристрастием. В результате был выявлен виновник происшествия — прежний владелец Священного образа. Его тоже схватили и допросили. По слухам, на допросе присутствовали португальский вероотступник Савано Тюан и такой же изменник — бывший священник, падре Родригес.

Три месяца назад в доме одного из жителей Нагасаки найдена мелкая монетка с изображением апостолов. Чиновники уговорами и пытками принуждали виновных отречься от веры, но они отказались. Падре Родригес, свидетельствующий против них, обращался с настоятельной просьбой о помиловании к губернатору Нагасаки, но не получил ответа. Виновных приговорили к смертной казни. Отцу и матери, а также двум их сыновьям обрили полголовы и возили четыре дня по улицам Нагасаки. После этого родителей на глазах у детей подвесили за ноги вниз головой, после чего сыновей опять заточили в темницу.

На закате в гавань вошла китайская джонка. Груз — сахар, фарфор, небольшое количество шелковых тканей.

1-е августа

На рейд встала китайская джонка из Фучжоу со смешанным грузом. В десять утра береговая стража заметила парусник в шести милях от горловины бухты Нагасаки.

2-е августа

С утра началась разгрузка вышеупомянутого судна; работы идут полным ходом.

Около полудня контору посетил секретарь губернатору с двумя переводчиками; в течение двух часов они задавали мне различные вопросы. Причиной послужило заявление проживающих в Нагасаки вероотступников Сава-

но Тюана и Родригеса о якобы принятом иезуитской миссией в Макао решении использовать голландские парусники для доставки в Японию католических миссионеров. Савано Тюан утверждает, что отныне португальские падре будут проникать в Японию скрытно, под видом матросов или obsługi голландских торговых судов. Секретарь недвусмысленно дал мне понять, что подобный инцидент имел бы весьма прискорбные последствия для нашей торговой компании, и настоятельно рекомендовал принять все возможные меры предосторожности. Даже если португальский миссионер, прибывший на нашем торговом судне, не сумеет проникнуть через кордон и вознамерится возвратиться на том же паруснике, то в случае его поимки последствия для голландцев все равно будут катастрофическими. Поскольку голландцы признают себя слугами Его Высочества императора и Японии, присовокупил секретарь, к ним будет применена та же мера наказания, что и к японским подданным.

Он вручил мне текст Правительственного указа:

Перевод указа

Священник Савано, плененный в минувшем году королем Хакаты¹, уведомил власти, что среди голландцев есть немало лиц, исповедующих католическую веру. Он также сообщил, что голландцы, посетив католических священников в Камбуджадеше, признали, что исповедуют ту же веру. Тогда же и было решено, что отныне миссионеры будут проникать в Японию под видом матросов голландских судов или служащих Ост-Индской компании. Губернатор Нагасаки не выказал доверия этому сообщению, полагая, что Савано Тюан нарочно стремится опорочить Голландию — традиционного недруга и соперника Испании с Португалией, однако Савано Тюан решительно опроверг это обвинение. В связи с вышеизложенным правитель Тикуго повелевает директору фактории провести тщательное дознание, дабы выяснить, нет ли среди служащих Ост-Индской компании, а также среди матросов голландских судов лиц, исповедующих католичество. При выявлении

¹ Европейцы нередко именовали местного феодала-даймё, обладавшего неограниченной властью, «королем».

оних надлежит сообщать властям. В случае сокрытия подобного факта японские власти примут строгие меры.

3-е августа

К вечеру завершили разгрузку вышеупомянутого судна. Губернатор Нагасаки приказал навести справки, нет ли на новоприбывшем судне канонира, умеющего управляться с мортирой. На судно отправился служащий фактории Паулус Вэр, однако вернулся ни с чем, о чем я и сообщил правителю. Губернатор приказал опрашивать всех капитанов прибывающих парусников и немедленно сообщать о результатах властям.

4-е августа

Утром корабль посетил господин Хондзё, чиновник высшего ранга. Он произвел тщательнейший досмотр судна, заглянув в каждый его уголок. Причина столь жестких мер, пояснил он, — вышеупомянутое сообщение бывших католических падре. Если бы не это прискорбное обстоятельство, досмотр был бы менее строгим, нежели в прошлом году, заверил он капитана. По просьбе японцев я поднялся на борт корабля и в их присутствии зачитал экипажу указ губернатора. Я посоветовал тем, кто прячет на судне священные для христианства предметы, не мешкая сдать их властям: это не повлечет за собой наказания; однако все как один заявили, что подобных предметов на судне нет. Тогда я огласил правила, которые надлежит соблюдать экипажу во время пребывания в Японии. Господин Хондзё выразил пожелание ознакомиться с содержанием нашей беседы, и я передал ее в мельчайших подробностях. Японцы покинули факторию, обещав донести сии утешительные новости губернатору. На закате на рейд встала китайская джонка из Ханчжоу. Груз — узорчатый шелк, набивной сатин, шелковый креп и прочие ткани — объявленной стоимостью в восемьдесят канов¹; помимо тканей — сахар и смешанный груз.

7-е августа

Сыновей вышеупомянутых казненных христиан вместе с другими приговоренными провезли по городу к месту казни, где им отрубили головы.

¹ Кан — самая крупная в XVII веке японская единица золотой валюты.

1645 г. (второй год Сёхо).

19-е ноября

На рейд Нагасаки встала джонка из Нанкина с товаром на сумму в девятьсот канов. Груз — шелк-сырец, узорчатый шелк, золотая парча. Китайцы уведомили власти, что в ближайшие месяцы следует ожидать прибытия еще нескольких джонок с разнообразным товаром. Китайские торговцы могут беспрепятственно получать разрешение на заход в японские гавани — достаточно уплатить пошлину в размере 100—600 таэлов¹, в зависимости от груза.

26-е ноября

На рейд встала джонка из Ханчжоу. Груз: полотно, квасцы, небольшая партия горшков.

29-е ноября

Утром в контору пришли от губернатора двое переводчиков и предъявили мне изображение Пресвятой Девы, под которой было написано: «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами» (Лука 1.28.).

Они сказали, что получили картинку от некоего буддийского священника из Симоносэки, и спросили меня, на каком языке сделана надпись и что она означает. Они также добавили, что Родригес, португальский вероотступник, и Савано Тюан не сумели прочесть ее, так как это не португальский, не итальянский и не латинь. Конечно, я знал, что это «Ave Maria» на нидерландском, напечатанная, по всей вероятности, во Фландрии, где говорят почти на нашем языке. Было совершенно очевидно, что этот предмет был привезен в Японию на одном из голландских судов, но решил повременить и не говорить об этом. Относительно изображения я дал верный ответ, поскольку Родригес и Савано Тюан, несомненно, разъяснили его смысл японцам.

30-е ноября

Прекрасная погода. Рано утром на судно вернули руль и порох² и завершили погрузку. В полдень я поднялся

¹ Таэл — старинная китайская денежная единица; предшественник современного юаня.

² Согласно договоренности, японцы снимали с голландских судов во время их стоянки на рейде Нагасаки руль, пушки, оружие и другое снаряжение.

на борт, сделал перекличку, вручил требуемые бумаги. После чего вернулся в факторию и устроил угощение для Бонжуа с помощниками. Но на закате ветер переменялся на норд-вест, и «Оверсхи» не вышел из бухты.

5-е декабря

Днем явился переводчик и принялся выпытывать, где мы закупаем товары для торговли с Японией. Я ответил, что главным образом в Китае и Голландии. Видимо, он прощупывал почву — что будет, если прекратить торговлю с Китаем.

С самых первых дней пребывания в Японии я старался собрать побольше сведений о католических вероотступниках. Японец по имени Томас Араки долгое время жил в Риме и, как говорят, даже служил при дворе Папы Римского. Он неоднократно во всеуслышание объявлял себя христианином, но губернатор не трогал его, решив, что старик повредился в уме. Впоследствии Араки подвесили в «яме», и на второй день он отрекся. Однако умер он с верою в сердце. Ныне в живых осталось лишь двое: португалец Тюан, ранее возглавлявший иезуитскую общину в Японии (это человек с черной душой), и бывший священник, португалец Родригес. Он тоже пограл Святой образ. Оба они живут здесь, в Нагасаки.

9-е декабря

Преподнес господину Сабуродзаэмону коробочку с мазями и притираниями — точно такими, что послал в дар Его Высочеству императору и правителю Тикуго. Он принял подарок с восторгом. Говорят, что правитель тоже пришел в восхищенье, прочитав составленный по-японски перечень болезней, от которых помогают эти лекарства. Вечером прибыл корабль из Фучжоу.

15-е декабря

Пять китайских джонок покинули рейд Нагасаки.

18-е декабря

Четыре китайские джонки покинули рейд Нагасаки. Несколько матросов прибывшего из Нанкина судна обратились к правителю с просьбой разрешить им отплыть в Тонкин или Кохинхину¹ на другой джонке. В просьбе отказано.

¹ Европейское название северных и южных районов Вьетнама в XVI—XIX вв.

Стало известно, что отступник Тюан написал богомерзкое сочинение о голландцах и португальцах и намерен отправить свое «творение» в столицу. Пусть страшная кара обрушится на голову этого негодяя, отринувшего Господа! Я желаю этого от всего сердца, ибо он вовлечет нас в беду. Да защитит нас Бог!

Днем перед факторией пришвартовались два японских судна. На одном из них поплывем мы, на втором отправят верблюдов. Вечером прибыли переводчики со слугами, они будут сопровождать нас до Камигаты¹. Среди них есть один японец, немного понимающий по-голландски. Я попросил разрешения взять его поваром, но Дэнбэй и Китибэй решительно воспротивились: губернатор-де запрещает сопровождать нас лицам, понимающим по-голландски. Я не поверил этому объяснению, уверен, они измыслили этот предлог, чтобы никто не мешал им оставаться хозяевами положения. Я сказал им, что единственно доступные для нас языки — голландский и японский, и что португальский куда как опаснее, и что никто не видал христианина, говорящего по-голландски, в то время как я могу, не задумываясь, назвать ему дюжину христиан, говорящих на португальском.

23-е декабря

Джонка из Фучжоу вышла из рейда Нагасаки. Вечером большое китайское судно прошло горловину бухты, но по причине встречного ветра его подтащили к рейду глубокой ночью — при помощи множества лодок. На палубе было людно, развевались шелковые флажки, гремели барабаны, завывали дудки.

Первый день Нового года

По улицам Нагасаки бродит от дома к дому уличный музыкант, играет на дудочке, стучит в барабан. Женщины и ребятишки, стоя в дверях, кидают ему мелкие монетки. Бродяги из окрестных селений, собравшись по несколько человек, распевают песенки.

Второй день Нового года

В торговых домах заключаются первые сделки. Еще до рассвета хозяева празднично убирают лавки, вешают

¹ Директор голландской фактории должен был ежегодно отправляться в Эдо (совр. Токио) с подарками сёгуну от имени Ост-Индской компании.

на дверях новые бамбуковые занавески. Уличные торговцы продают трепангов.

Третий день Нового года

Городские старейшины идут в управу за *фумиэ*.

Испытание *фумиэ* начинается на четвертый день Нового года. В этот день старейшины и помощники квартальных старост из кварталов Эдо, Имадзакура, Фунацу и Фукуро, получив в управе *фумиэ*, обходят дома, заставляя жителей Нагасаки наступать на Святой образ. Улицы перед каждой дверью чисто выметены, и люди покорно ждут начала церемонии. Наконец издалека доносится протяжный крик: «Пожа-а-ловали-и-и!», и главы семей с домочадцами выстраиваются в ожидании у парадного входа. *Фумиэ* восемь сунов¹ в длину и шесть сунов в ширину; на дощечке укреплено изображение Приснодевы с младенцем. Сначала на *фумиэ* должен наступить отец семейства, потом жена, дети и прочие домочадцы. Даже младенцы на руках у матерей должны совершить обряд *фумиэ*. Больным тоже надлежит коснуться ногой Священного образа в присутствии чиновника.

В этот день его неожиданно вызвали в управу. Переводчик прибыл за ним с паланкином. Ветра не было, но небо хмурилось, и холод пробирал до костей. Дорога, спускавшаяся к подножию холма, была непривычно пустынной — видимо, все попрятались по домам в ожидании *фумиэ*. В управе его встретил чиновник в парадном одеянии.

— Господин губернатор изволит ждать, — сказал он.

В приемной подле жаровни сидел, выпрямив спину, правитель Тикуго. Заслышав шаги, он обернулся. Несмотря на приветливую улыбку, выражение глаз было неприятным.

— Примите мои поздравления по случаю Нового года, — проговорил он.

Это была их первая встреча после отступничества Родригеса. Но Родригес не чувствовал себя посрамленным: ведь он сражался не против японцев в лице правителя Тикуго. Он наконец осознал, что боролся с самим собой. Но этого правителю Тикуго никогда не понять.

— Давно мы с вами не виделись... — Протянув руки к жаровне, правитель Тикуго задумчиво покачал голо-

¹ Японская мера длины, равная 3,03 см.

в о й . — Надеюсь, вы освоились в Нагасаки?.. Нет ли каких-либо трудностей? Если нужно, обращайтесь прямо ко мне, в управу...

Было заметно, что губернатор намеренно избегает вопроса об отречении. Что это — тактичность? — подумал Родригес. Или сознание уверенности в победе? Родригес взглянул украдкой на собеседника, но лицо старца оставалось непроницаемым.

— Через месяц вы отправитесь в Эдо. Там для вас уже приготовили дом, падре. На улице Кобинато. Я тоже когда-то жил там.

Правитель Тикуго назвал его «падре». Зачем? Это слово полоснуло Родригеса острой болью.

— И еще... Поскольку вам теперь жить в Японии до конца ваших дней, будет удобней, если вы примете японское имя. По счастливой случайности совсем недавно скончался некий Окада Санъуэмон. По прибытии в Эдо вы можете взять себе его имя.

Правитель произнес эту тираду без остановки, грея над жаровней руки.

— У покойного была ж е н а , — добавил о н . — Падре будет нелегко одному — так что вместе с именем можете взять ее.

Священник слушал, не поднимая глаз. Ему вдруг представился обрывистый склон, по которому он катился все ниже и ниже — в пропасть. Возмущаться и отвергать — это было уже невозможно. Да, имя принять придется, но жену... Нет, никогда.

— Итак?

— Хорошо.

Родригес пожал плечами. Его затопило чувство покорной усталости и безысходной тоски.

«Господи! — подумал о н . — Ты познал все унижения. И если Ты один в целом свете понимаешь меня сейчас, это счастье. И пусть другие думают, что хотят, — мне уже все равно».

— Я говорил: учение Христово не может укорениться в Японии. — Родригес припомнил свой разговор с Феррейрой в храме Сайсёдзи. Тот сказал ему те же слова. — Падре... — Иноуэ не отрываясь смотрел на угли в жаровне. — Вас победил не я. Вас победила сама Япония. Это — трясина.

Священник покачал головой.

— Нет. Я боролся с собой. Я сражался с верой в своей душе. — Голос у него сорвался.

— Вот как? — Ироническая улыбка мелькнула на лице Иноуэ. — Я слышал, будто вы говорили Феррейре, что сам Господь повелел вам попортить Его образ — вот почему вы сделали это. Вам не кажется, что такие уловки не подобают истинному христианину?

— Думайте как хотите.

Священник сложил руки на коленях.

— Вы можете обманывать кого угодно, только не меня, — ледяным тоном сказал Иноуэ. — Мне доводилось беседовать с христианскими падре о различиях между буддийским и христианским милосердием. Милосердие Будды — в спасении смертных, уповающих на него в своей безграничной греховной слабости. Христианское милосердие совершенно иного рода: как объяснили мне эти падре, для того, чтобы спастись, недостаточно уповать на Всевышнего. В христианстве для спасения души нужна крепость веры и истовое служение Богу. Именно в этом ваше учение и претерпело необратимые изменения на японской почве.

«Что вы понимаете в христианстве? Это...» — едва не сорвалось у Родригеса, но слова застряли в горле. Все равно здесь его никто не поймет — ни Иноуэ, ни переводчик. Прикрыв глаза, он молча слушал разглагольствования губернатора.

— Возможно, вам неизвестно, что на островах Гото и Икицуки еще немало крестьян исповедуют христианство. Но мы не станем наказывать их.

— Почему? — спросил переводчик.

— Потому что корни уже подрублены. Вот если бы к нам приехали новые миссионеры — такие, как падре, — засмеялся Иноуэ, — то, пожалуй, пришлось бы возобновить гонения. Однако опасности больше не существует. А если подрублены корни, дерево непременно зачахнет. Сама жизнь подтверждает это: Бог, которому поклоняются крестьяне на островах Гото и Икицуки, совсем не похож на вашего Бога. В нем нет ни капли от Иисуса.

Священник поднял глаза. Правитель холодно улыбнулся.

— Христианство, которое вы принесли нам, перестало быть христианством; оно — совершенно иная религия.

Правитель вздохнул.

— Что поделасшь... Такова Япония, падре.

Иноуэ казался искренним: в его голосе звучало неподдельное сочувствие. Он кивнул Родригесу и удалился вместе с переводчиком.

Небо было по-прежнему серым и хмурым, холод пробирал до костей. Трясаясь в паланкине, священник рассеянно смотрел на свинцовое, унылое, как и серое небо, бескрайнее море. Вскоре его отвезут в Эдо. Правитель сказал, что ему приготовили дом. По всей вероятности, это будет просто тюрьма. Тюрьма, в которой он проживет остаток жизни. Родригесу доводилось слышать о таких тюрьмах для христиан.

Никогда уже он не пересечет это свинцовое море и не вернется на родину. Прежде он думал, что быть миссионером — значит сродниться с народом этой страны. Он жаждал попасть в Японию и жить одной жизнью с японскими христианами. Что ж, мечта его стала явью. Он обрел японское имя, он стал японцем...

Окада Санъуэмон! Родригес усмехнулся. Да, судьба даровала ему все, о чем он так пылко мечтал, — но с какой издевкой! В придачу жену — ему, давшему обет целомудрия! «Господи! Я не ропшу. Я лишь смеюсь над превратностями судьбы. Я верую в Тебя не так, как прежде, но верую — и люблю...»

До захода солнца он простоял у окна, наблюдая за ребятишками. Те тащили воздушного змея на вершину холма, но ветра не было, и змей бессильно упал на землю.

К вечеру прояснилось, и бледные лучи солнца пробилась сквозь разрывы в облаках. Ребятишкам наскучило забавляться со змеем, и они, размахивая бамбуковыми палочками с привязанными к ним сосновыми ветками¹, с песенкой стучались в двери:

Стукнем палкою крота,
чтобы он не делал зла,
стук-стук! Счастье в дом!
Раз, два, три, четыре —
счастье в дом!..

Он попытался подпевать, но у него ничего не вышло. На сердце стало еще тяжелей.

Убьем крота... Этот глупый зверек, живущий в вечной тьме, похож на него самого...

Из дома напротив высунулась старуха и выбрала сорванцов. Она дважды в день приносила Родригесу еду.

Наступил вечер, подул ветерок. Он прислушался: за-

¹ В Японии существует традиция украшать на Новый год вход в дом сосновыми ветками и бамбуком.

унывный вой ветра напомнил ему о темнице, о шелесте листвы в рощице за тюрьмой.

— Падре, падре... — послышался вдруг знакомый голос. Священник поднял глаза на дверь.

— Падре, это я, Китидзиро...

— Я больше не падре. — Родригес стиснул руки. — Уходи, немедленно уходи. Если увидят, тебе несдобровать.

— Я хочу исповедоваться. Выслушайте меня!

— Одумайся!.. — Родригес понурился. — Я более не священник. Я — отступник.

— В Нагасаки вас называют «отступник Павел». Все только так и зовут...

Священник рассмеялся. Китидзиро не было нужды докладывать ему об этом. Он уже знал — знал, что Феррейру прозвали «отступник Петр», а его самого — «отступник Павел». Мальчишки часто горланили эту дразнилку под дверью.

— Выслушайте меня. Если отступник Павел может выслушать исповедь, стало быть, он может и отпустить мне грехи?

«Не человек вершат высший суд, — подумал священник. — Только Господь знает все наши слабости».

— Падре, я предал вас. Я наступил на Святой образ, — со слезами в голосе проговорил Китидзиро. — В мире есть сильные и есть слабые. Сильные могут выдержать муки и попадают в рай. Но как же быть тем, кто рожден в этот мир слабым? Как же быть, когда тебя мучают и говорят: наступи, наступи...

«И я наступил, — подумал Родригес. — Я наступил на самое светлое, самое дорогое. Даже сейчас не могу забыть Его очи, полные боли и сострадания. „Наступи, говорили они. Тебе больно. Тебе сейчас больно — так же, как всем, кто наступал до тебя. И мне достаточно этого. Я с тобой — в твоей муке, в твоих страданиях. Для этого я и пришел к вам...“»

«Боже, как я негодовал, слыша Твое молчание!»

«Я не молчал. Я страдал рядом с тобой».

«Но Ты же прогнал Иуду: "Что делаешь, делай скорее"! Что случилось с Иудой?»

«Я вовсе не гнал его. Я лишь велел сделать то, что он хотел сделать, — так же, как я велел тебе наступить на Святое распятие. Ведь он очень страдал».

...Родригес поставил липкую от грязи и крови ногу на Святой образ. Босая ступня накрыла лицо Того, кого

он любил больше жизни, — и Родригес никогда бы не смог объяснить облегчения и невыразимого счастья, что испытал в ту минуту...

— Нет сильных, как нет и слабых. Кто может сказать, что слабый страдает меньше, чем сильный? И раз в Японии некому выслушать твою исповедь, это сделаю я, — торжественно проговорил священник. — Помолись, сын мой!.. Ступай с миром.

Китидзиро с приглушенным рыданием скрылся за дверь. Родригес исполнил то, что может свершить только священник. Несомненно, священнослужители сочли бы его святотатцем. Но, предав их, он не предавал Господа. Он любил Его теперь новой, иной любовью, и, чтоб возлюбить так, он должен был вынести то, через что он прошел.

«Я последний христианский священник в этой стране. Господь не молчал. За него говорила вся моя жизнь...»

ПРИЛОЖЕНИЕ

Дневник чиновника из христианской усадьбы

Двенадцатый год Камбун¹ (год воды и крысы)

Определить *Окаде Санбүэмону* содержание в размере десяти рисовых пайков. Бокую, Дзюану, Нампо, Дзикану — в размере семи рисовых пайков. Представить на рассмотрение правителю Тотоми семнадцатого дня шестой луны.

Памятка

1. Сэйбэй, возраст 50 лет. Младший двоюродный брат жены *Санбүэмона*. Корабельный плотник на верфях Фукагавы.

2. Гэнбүэмон. Возраст — 55 лет. Младший двоюродный брат жены *Санбүэмона*. Слуга у господина Дои.

3. Саннодзё, племянник жены *Санбүэмона*. Работает на верфях Фукагавы вместе с Сэйбэем.

4. Сёкуро, 30 лет. Племянник жены *Санбүэмона*. Держит мастерскую в квартале Эсаси.

5. Адати Гондзабуро. При Иноуэ, правителе Тикуго, был учеником мастера Бокуя.

¹1661—1673 гг.

6. Дзюан Муко. Мотоёси Гэн. Торговец бумагой Нихэй с дочерью.

7. Дзинъуэмон, дядя по материнской линии дочери Дзюана. Проживает в Кавагоэ. При губернаторе Ходзэ приходил навестить Дзюана. Снова приходил на двадцать шестой день четвертой луны года крысы.

Первый год Эмпо¹ (год воды и быка)

Бокуй скончался от болезни утром девятого дня одиннадцатой луны. Освидетельствование произведено чиновниками тайного надзора Кимурой Ёмоном и Усидой Дзингобэем в присутствии младших чиновников. Надзиратели: Сёдзаэмон, Дэнъуэмон, Гэнскэ. Стражники: Асакура Сабуроэмон, Аракава Кюдзаэмон, Каинума Кануэмон, Фукуда Хатиробэй, Хитоцубаси Матабэй. Тело подвергнуто кремации в храме Мурёин. Посмертное имя усопшего — Коган Сётэн Дзэндзёмон. Эндо Хикобэй и старший сыщик Кидака Дзюдзаэмон осмотрели вещи покойного и подвергли его слугу Токудзаэмона испытанию *фумизэ*, после чего отослали домой.

Второй год Эмпо (год дерева и тигра)

20-й день первой луны — 8-й день второй луны.

Окада Санъуэмон получил приказ от правителя Тотоми написать трактат, разъясняющий вред христианства. Вследствие этого Угаи Сёдзаэмон, Каё Дэнъуэмон и Хосино Гэнскэ освобождены от службы и приставлены к *Санъуэмону*.

16-й день второй луны

Окада Санъуэмон пишет трактат в Зале для уединенных занятий Горной усадьбы. Каё Дэнъуэмон и Кавара Дзингобэй освобождены от службы и приставлены к *Санъуэмону* с двадцать восьмого дня второй луны до пятого дня третьей луны.

В связи с тем, что *Окада Санъуэмон* будет писать трактат, разъясняющий вред христианства, с четырнадцатого дня шестой луны по двадцать четвертый день седьмой луны Каё Дэнъуэмон и Кавара Дзингобэй освобождаются от службы и поступают в распоряжение *Санъуэмона*.

1673—1681 гг.

5-й день девятой луны

В наказание за строптивый нрав и дерзкое поведение Дзюана заключили в тюрьму на несколько дней. При вынесении приговора присутствовали Рокуэмон, Сёдзаэмон, Собэй, Дэньюэмон, Гэнскэ, Кавара, Камэй. В тюрьме к Дзюану приставлены Цукамото Рокуэмон и Каё Дэньюэмон.

Четвертый год Эмпо (год огня и дракона)

Китидзиро, старший слуга *Сангьюэмона*, заключен в тюрьму вследствие подозрительного поведения. При обыске у него обнаружен укрытый в мешочке для талисмана священный в христианстве предмет — образок с изображением апостолов Петра и Павла; на оборотной стороне изображен святой Ксавье с архангелом. На допросе *Китидзиро* показал, что он выходец с островов Гото, что в год дракона ему исполнится 54 года.

Относительно Хитоцубаси Матабэя: поскольку он водил дружбу с подозреваемым *Китидзиро*, его вероисповедание тоже вызывает сомнения. По этой причине его заключили в тюрьму до выяснения обстоятельств дела *Китидзиро*. (.....) Куродзаэмона и Симбэя, которые, как говорят, были в близких отношениях с Матабэем, подвергли допросу и тщательному обыску — вплоть до оби¹, набедренной повязки, мешочков для салфеток «ханагами», а также амулетов. (.....) Правитель Тотоми лично изволил допросить *Китидзиро* в Зале для уединенных занятий. Он спросил, от кого тот получил священный в христианстве предмет. Подозреваемый показал, что три года назад здесь побывал господин Сайдзабуро, старший слуга правителя, он-то и обронил образок, после чего отбыл. *Китидзиро* сохранил у себя вещь, пожалев выбросить ее. Привратник Токуэмон знает об этом. Токуэмона тоже подвергли дознанию, на котором он показал, что действительно был очевидцем вышеизложенного происшествия, которое имело место во время просушивания вещей после дождливого сезона. На вопрос, не *Сангьюэмон* ли дал ему образок, *Китидзиро* ответил, что от *Окады Сангьюэмона* «не много чего получишь», имея в виду, как он пояснил, то обстоятельство, что *Окаду*

¹ Широкий пояс из парчи — деталь японского традиционного костюма.

Санъэмона всегда окружают надзиратели — так что к нему и не подступиться.

17-й день девятой луны

Правитель Тотоми лично пожаловал в Горную усадьбу и призвал к себе в Залу для уединенных занятий троих старших слуг, дабы лично убедиться в том, что они не христиане. Всех троих подвергли обыску. После этого он допросил *Китидзиро* и Токуэмона; он также повелел тщательно обыскать помещение стражи, усадьбу и комнату для привратников. Даже женщинам и детям было велено раздеться донага перед чиновниками. Были тщательно проверены даже буддийские амулеты. При досмотре вещей Сугиямы Ситиробэя сыщик Когурэ Дзюдзэмон обнаружил среди старых бумаг листок с христианскими словами. Каё Дэнъэмон взял его, чтобы вручить управляющему. На листке было написано: *падре, архиепископ, Папа.*

18-й день девятой луны

Правитель Тотоми лично посетил Горную усадьбу и выслушал показания старших слуг. Он также призвал и допросил Хитоцубаси Матабэя. Затем он допросил *Китидзиро* и Токуэмона. Вслед за этим он призвал жену *Окады Санъэмона*, а также всю их прислугу и задавал им вопросы. *Окаду Санъэмона* тоже доставили в Залу для уединенных занятий, и правитель со строгостью спрашивал его, не пытался ли он обратить *Китидзиро* в христианскую веру, на что *Санъэмон* отвечал, что никогда не пытался сделать ничего подобного, и приложил к документу, подтверждающему его заявление, палец. Затем был вызван Сугияма Ситиробэй для объяснений — зачем он хранил у себя листок с христианскими словами. Тот сказал, что во времена правителя Ходзё ему приказали запомнить их по служебной надобности, а сам листок дал ему сыщик Хаттори Сахэй. Объяснение было признано удовлетворительным, и Сугияму отпустили на свободу.

Тахэй — старшего слугу Касахары Гоэмона, состоящего при советнике Татэбаяси, а также Симбэй — носильщика при дружине Сайто Таномо, призвали в Горную усадьбу и учинили им очную ставку с *Китидзиро*. В результате было установлено, что образец подобрал Симбэй. Тахэй подтвердил это. После чего обоих отослали обратно.

В тот же день

Хитоцубаси Матабэй подвергнут пытке «ямой». При

пытке присутствовали чиновники Хисаки Гэнъэмон, Окуда Токубэй, Кавасэ Собэй и Кавара Дзингобэй. Матабэя пытали еще несколько раз.

19-й день девятой луны

В Горную усадьбу пожаловал правитель Тотоми, ему были переданы вышеуказанные бумаги.

18-й день десятой луны

Прекрасная погода. Правитель Тотоми пожаловал вместе со старшими чиновниками тайного сыска Саямой Сёдзаэмоном и Танэгусой Тароэмоном. Хитоцубаси Матабэя с женой пытали «деревянным конем»¹. Найто Симбэя тоже подвергли допросу и обыску. Мацуи Куроэмон после допроса признал себя виновным.

24-й день одиннадцатой луны

На главных воротах Горной усадьбы вывесили доску с «Установлением». Присутствовали: Кавара Дзингобэй, Угаи Гэнгоэмон и Ямада Дзюробэй. «Установление» было вывешено по приказу обоих правителей.

Установление

Христианская вера запрещена на протяжении многих лет. Каждый обязан сообщать властям о подозрительных личностях:

Донесший на католического священника получает вознаграждение в размере 300 монет серебром.

Донесший на католического монаха получает вознаграждение в размере 200 монет серебром.

Донесший на человека, повторно ввавшего в христианскую ересь, получает столько же.

Донесший на любого еретика-мирянина получает вознаграждение в размере 100 монет серебром.

Если донесший сам является христианином, он все равно получает указанное вознаграждение в зависимости от ценности выявленного преступника. Лица, по-

¹ Орудие пыток в средневековой Японии: преступника сажали верхом на «деревянную лошадь» и к каждой ноге подвешивали тяжелые камни.

винные в укрывательстве перечисленных преступников, несут суровое наказание. Также подлежат наказанию староста, члены пятидворки¹, вся семья и родственники виновного.

10-й день двенадцатой луны.

Дзюана заключили в тюрьму.

Управляющие правителей — Такахаси Наоэмон и Хаттори Киньюэмон — в присутствии чиновников вручили Дзюану высочайшее повеление:

Дзюан держится с неподобным своеобразием. Его поведение по отношению к Каё Гэндзаэмону может быть расценено как неслыханная дерзость. В наказание он подлежит тюремному заключению. Дзюану предписывается ознакомиться с повелением и подчиниться.

Дзюан ответил, что повинуется и принимает наказание с признательностью и восторгом. У ворот тюрьмы он вынул кошелек и вручил его чиновникам. Кошелек отнесли в караульную, а Дзюана препроводили в тюрьму. Содержимое вышеупомянутого кошелька было проверено в присутствии управляющих и чиновников тайного сыска. Обнаружено: деньги на сумму 17 рё и 1 бу в мелких монетах. Принадлежавшие Дзюану вещи осмотрены и оприходованы. Чиновники опечатали список и отнесли в дом Дзюана. Среди вещей Дзюана обнаружены: цепь, две плети, четки и звездная карта.

Девятый год Эмпо (год металла и петуха)

25-й день седьмой луны

Окада Санъэмон скончался от болезни в конце часа обезьяны. С известием к правителю посланы Угаи Гэнгоэмон и Нарусэ Дзиродзаэмон. От него спешно прибыли управляющие Тахара Сэкинодзё и Эмагири Дзюроэмон. Тело *Окады Санъэмона* неусыпно охраняли трое стражников. В имуществе *Санъэмона* обнаружены деньги суммой

¹ Токугавская династия, стремясь установить неограниченную власть, выработала систему всеобщего шпионажа и доносов. Для крестьян это была прежде всего пятидворка (гонингуми) — объединение из пяти семей, члены которой были связаны круговой порукой. В несколько измененном виде гонингуми была возрождена в период второй мировой войны.

13 рё и 3 бу в мелких монетах и 5 рё в золотых монетах, итого — 18 рё и 3 бу. Имущество покойного опечатано и отправлено в хранилище.

26-й день седьмой луны

В Горную усадьбу прибыли для освидетельствования трупа старшие чиновники тайного надзора Омура Ёэмон, Мураяма Какудайю в сопровождении младших чиновников — Симоямы Сохатино, Номуры Рихэя, Утиды Кандзюро, Фурукавы Кюдзаэмона. В присутствии обоих управляющих чиновникам тайного надзора вручена запись устного показания:

Содержавшийся в христианской усадьбе южный варвар Окада Санъуэмон был препоручен заботам Иноуэ, правителя Тикуго, тридцать лет назад, в год овцы. В дальнейшем был переведен в закрытую усадьбу, где прожил тридцать лет — до настоящего года петуха. В начале этой луны здоровье его ухудшилось, он стал отказываться от пищи и, несмотря на старания тюремного лекаря Исио Дотэки, скончался в час обезьяны 25-го дня седьмой луны. Покойному было 64 года. Смерть наступила естественно. Ничего необычного в происшествии не замечено.

26-й день седьмой луны

**Окада Дзироэмон
Угаи Гэнгоэмон
Кавара Дзингобэй
Кавасэ Собэй
Каё Дэнъуэмон**

После освидетельствования тело отправлено в монастырь Мурёин, в Коисикаву. Повозку сопровождал присланный из монастыря монах Гэнсю. Тело было предано огню. Посмертное имя *Санъуэмона* — Нюсэн Дзёсин Син—. Уплачено: за заупокойную службу 1 рё и 2 бу, за кремацию трупа — 100 хики. Все услуги оплачены из оставленных покойным денег.

侍

САМУРАЙ

Перевод В. Гривнина

THE SAMURAI BY SHUSARU ENDO

© Peter Owen Limited 1982

© Shusaku Endo 1980

ГЛАВА I

Шел снег.

Вечером, когда небо потемнело и сквозь разрывы в тучах на каменистое дно пересохшей речушки едва пробивались слабые лучи, снегопад неожиданно прекратился. В воздухе плясали лишь редкие снежинки.

Снег запорошил одежду Самурая и его крестьян, рубивших деревья, и, падая на лицо и руки, тут же таял, словно подтверждая бренность жизни. Люди, не обращая никакого внимания, молча работали топорами с еще большим усердием. В вечерней дымке, среди кружащихся снежинок, все вокруг казалось серым.

Наконец закончили работу и взвалили на спины вязанки хвороста. Они готовились к наступающей зиме. Засыпанные снегом фигурки цепочкой, точно муравьи, вдоль речки спускались в долину, носившую название Ято.

В долине, окруженной холмами, покрытыми увядшей зеленью, стояло три деревни. Все дома в них были расположены так, что холмы были сзади, а окна обращены к полям — это позволяло, не выходя из дому, видеть путников, появлявшихся в долине. Приземистые дома, покрытые соломой, выстроились в ряд, и в каждом под потолком подвешены плетеные из бамбука настилы, где сушили дрова и хворост. В домах стояла вонь и было темно, как в хлеву.

Самурай знал все, что делается в этих трех деревнях. После смерти отца деревни и земли как наследнику были пожалованы ему правителем края. И теперь он — глава рода — должен был по первому же приказу посылать крестьян на работы в замок, а в случае войны, возглавляя их, немедленно прибыть в поместье своего военачальника господина Исиды.

Дом Самурая хотя и был побогаче крестьянских, но состоял всего лишь из нескольких крытых соломой строений. От обычного крестьянского он отличался только лишь наличием амбара, конюшни да земляным валом вокруг усадьбы. Правда, вал не смог бы уберечь во время сражения. На северном склоне сохранились развалины крепости,

принадлежавшей прежнему владельцу этих земель, войско которого было разбито Его светлостью, но теперь, когда смута в Японии улеглась и Его светлость стал одним из самых могущественных даймё¹ в Митиноку², для рода Самурая нужда в таком замке отпала. Хотя крестьяне принадлежавших Самураю деревень относились к господину с должным почтением, ему приходилось наравне с ними и в поле работать, и выжигать уголь в горах. А жена Самурая помогала ходить за скотиной. Подать, которую платили его три деревни князю, была непомерно высока — шестьдесят пять канов³: шестьдесят с заливных полей и пять с суходольных.

Вьюжило. Следы Самурая и его людей тянулись длинной цепочкой. Никто попусту не болтал, двигались молча, как покорные быки. Когда они подошли к деревянному мостику, носившему название Две криптомерии, Самурай увидел застывшего, как изваяние, своего слугу Ёдзо, так же, как и он сам, запорошенного снегом.

— Прибыл ваш дядюшка.

Самурай кивнул и сбросил с плеч вязанку у ног Ёдзо. У Самурая, как и у крестьян этого края, было широко-скулое лицо с глубоко посаженными глазами, и пахло от него так же, как и от них, — землей. И как все крестьяне, он был немногословен и не выказывал своих чувств, но всегда расстраивался, когда приезжал старик. Хотя после смерти отца Самурай стал главой рода Хасэкура, он, прежде чем принять важное решение, был вынужден советоваться с дядей. Дядя вместе с его отцом участвовал в многочисленных сражениях Его светлости. У Самурая сохранились воспоминания детства: дядя, раскрасневшись от сакэ, говорил ему, сидя у очага:

— Смотри, Року! — И показывал темно-коричневый шрам на бедре.

Это было пулевое ранение — он очень им гордился, — полученное в битве Его светлости с князем Асина при Суриагэхаре. Однако за последние несколько лет дядя сильно подал и каждый раз, появляясь в доме Самурая, напивался и принимался жаловаться на судьбу. А протрезвев, уходил жалкий, как побитая собака, волоча раненую ногу.

Оставив своих людей, Самурай по тропинке направился

¹ Феодалный князь.

² Древнее название района Тохоку.

³ 1 кан — 3,75 кг.

к дому. С серого неба падали снежинки; вскоре перед ним черным пятном возникла усадьба — дом, амбар и другие постройки. Из конюшни в нос ударил запах прелой соломы и навоза: лошади, услышав шаги хозяина, стали бить копытами. Прежде чем войти в дом, Самурай старательно стряхнул с себя снег. У очага дядя, вытянув большую ногу, грел у огня руки, а подле него в почтительной позе сидел старший, двенадцатилетний сын Самурая.

— Это ты, Року? — спросил дядя и закашлялся, прикрыв рот рукой, — наверное, вдохнул дым из очага.

Увидев отца, Кэндзабуро вздохнул с облегчением и, поклонившись, убежал на кухню. Дым поднимался к закопченному потолку. Этот покрытый копотью уголок у очага был местом, где еще при отце, а теперь и при нем обсуждались и решались самые важные вопросы, где улаживались споры между жителями деревни.

— Я ходил в Нунодзаву и виделся с господином Исидой. — Дядя снова откашлялся. — Господин Исиды сказал, что о землях в Курокаве ответа из замка еще не поступало.

Самурай молча ломал сухие ветки для очага. Их сухой хруст помогал ему носить причитания дяди. Молчал он вовсе не потому, что ничего не чувствовал и ни о чем не думал. Просто не привык показывать владевшие им чувства и терпеть не мог противоречить. Особенно тяжело ему бывало от разговоров дяди, изо всех сил цеплявшегося за прошлое, которого не вернуть.

Одиннадцать лет назад, когда Его светлость выстроил новый замок и город и перераспределял владения, он пожаловал семье Самурая долину Ято с тремя деревнями вместо земель в Курокаве, которыми они владели испокон веку. Пришлось переселиться на эти скудные земли — и все это во исполнение плана Его светлости поднимать пустоши, но у отца Самурая были свои предположения на этот счет. По его мнению, причина заключалась в том, что, когда Хидэеси¹ подчинил князя, недовольные этим феодальные дома Касай и Одзаки подняли восстание и кое-кто из дальних родственников семьи Самурая ока-

¹ Тоётоми, Хидээси — правитель Японии, продолжавший вслед за феодалом Одой Нобунагой объединение страны (1582—1598). Он привлек к себе крупных феодалов, предоставив в их распоряжение огромные территории. Тех же даймё, которые продолжали сопротивляться, он покорил силой. Хидээси не был сёгуном и не добивался этого звания. В 1585 г. он принял звание регента (кампаку), а в дальнейшем — звание канцлера. В истории он остался известен как Тайко (так назывался кампаку после передачи этого звания своему наследнику).

зался втянутым в него. Потерпевших поражение отец Самурая не преследовал и дал им бежать — Его светлость, возможно, припомнил это и в наказание лишил земель в Курокаве. Так полагал отец.

Сухие ветки трещали в очаге, словно это отец и дядя роптали на несправедливость. Дверь кухни раздвинулась, и Рику, жена Самурая, принесла сакэ и суп из мисо¹ в мисочках, сделанных из высушенных листьев магнолии. Взглянув на дядю и мужа, молча ломавшего ветки, она сразу поняла, о чем идет разговор.

— Слышишь, Рик у, — повернулся к ней дядя, — придется и дальше жить на этой дикой земле.

Так он называл долину Ято. По ней протекала речушка, в которой было больше камней, чем воды, на скудных полях удавалось выращивать немного риса, а кроме него только гречиху, просо и редьку. К тому же зима наступала здесь раньше, чем в Курокаве, где они жили прежде, и была намного суровее. Всю эту местность — и холмы и лес — укутывал слепяще-белый снег, и люди, укрывшись в темных домах, слушая долгими зимними ночами вой ветра, с нетерпением ждали прихода весны.

— Эх, если бы война! Если бы только началась война, мы бы уж показали себя, и наши заслуги зачлись, — снова причитал дядя, потирая худые колени.

Однако прошли те времена, когда Его светлость только и делал, что воевал. Западные провинции еще сохраняли независимость, но восточные уже подчинились власти Токугавы², и даже Его светлость, один из могущественных даймё Митиноку, уже не мог по собственной воле распоряжаться своими войсками.

Самурай и его жена — теперь уже оба — ломали сухие ветки и терпеливо слушали ворчание дяди, пытавшегося вином и хвастовством своими заслугами заглушить не находившее выхода недовольство. Они уже столько раз слышали его причитания и так привыкли, что воспринимали их как неизбежное зло.

Поздно ночью Самурай послал двух слуг проводить дядю. Сквозь приоткрытую дверь были видны разрывы

¹ Густая масса из перебродивших соевых бобов, служащая приправой.

² Провозглашенный в 1603 г. сёгуном Токугава Иэясу и его наследники завершили объединение Японии в централизованное государство, и в феодальной Японии прекратились междоусобные войны и установился длительный мир.

в тучах, освещенных таинственным лунным светом: снег кончился. Собаки лаяли, пока фигура дяди не скрылась из виду.

В Ято боялись не столько войны, сколько голода. Еще были живы старики, помнившие, какие беды принес голод.

В том году зима была на редкость мягкая, напоминавшая скорее весну: горы на западе заволакивал туман, и их почти не было видно. Но в конце весны, когда начался сезон дождей, лило без конца, и даже лето выдалось такое промозглое, что утром и вечером невозможно было выйти из дому без теплой одежды. Посевы на полях гибли, не успев взойти.

Запасы кончились. Жители деревень Ято стали есть корни лиан, которые они выскивали в горах, рисовые высевки и солому, шедшие на корм лошадям. А когда и этого не стало, начали забивать таких нужных в хозяйстве лошадей и собак; варили даже древесную кору и травы, чтобы хоть как-то заглушить голод. Когда все подчистую было съедено, крестьяне, покинув деревни, разбрелись кто куда в поисках пищи. Тех, кто падал в пути от голода, даже самые близкие оставляли умирать на дороге, не в силах помочь. Трупы пожирали шакалы и клевали вороны.

С тех пор как семья Самурая поселилась в этих местах, такого страшного голода не бывало, но все равно отец приказал крестьянам заготавливать каштаны, желуди, просо и хранить в мешках на настилах под крышей. И теперь каждый раз, видя в деревенских домах мешки, Самурай вспоминал не вечно брюзжащего дядю, а молчаливого отца, который был намного умнее своего брата.

Но даже отец не мог забыть те тучные земли, доставшиеся его семье от предков.

— В Курокаве можно было пережить даже самые неурожайные годы... — говорил он иногда.

Там были обширные поля, с которых — только приложи руки — собирали богатый урожай. А на этой скудной земле росли лишь гречиха, просо да редька, но даже их не хватало, чтобы есть досыта каждый день. Ведь нужно было еще и платить подать Его светлости. Бывали дни, когда и в доме Самурая приходилось есть ботву. А крестьяне даже дикий лук ели.

Однако Самурай, несмотря на сетования отца и дяди, не испытывал к этой дикой земле неприязни. Это была

его земля, которая перешла к нему после смерти отца как к наследнику, и на ней он и его крестьяне, такие же широкоскулые, с глубоко посаженными глазами, молча, точно волю, трудились с раннего утра до поздней ночи, и между ними не возникало ни ссор, ни распрей. Обрабатывая скудные поля, они аккуратно платили подать, даже если самым нечего было есть. Разговаривая с крестьянами, Самурай забывал о своем более высоком положении и лишь ощущал, что между ними существуют тесные узы. Своим единственным достоинством он считал терпение, но крестьяне были еще терпеливее, чем он.

Иногда Самурай, взяв с собой старшего сына Кэндзабуро, поднимался на холм к северу от дома. Там сохранились заросшие травой развалины замка, выстроенного владевшим в давние времена этой землей самураем, и теперь во рвах, заросших кустарником, в земляных укреплениях, засыпанных палой листвой, можно было найти зернышки риса, разбитую чашку. С продуваемой ветром горы они смотрели на долину, на деревенские дома. Жалкая земля. Дома, точно прикившие к ней.

«Это моя земля, — шептал Самурай. — Если больше не будет войн, я, как и отец, проживу здесь всю свою жизнь. А после смерти мой старший сын унаследует ее и проживет такую же жизнь, которую прожил я. И дети его детей тоже никогда не уйдут отсюда».

Нередко Самурай ходил вместе с Ёдзо на маленькое озеро у подножия горы ловить рыбу. Поздней осенью на озере, заросшем тростником, можно было увидеть среди темно-коричневых уток нескольких белых длинношеих птиц. Это были лебеди, которые прилетали сюда из-за моря, из далекой страны, где властвовали морозы. С наступлением весны перелетные птицы, взмыв в небо над Ято, покидали эти края. Каждый раз, следя за их полетом, Самурай думал о том, что они повидали страны, в которых ему самому никогда в жизни не побывать, но он им не завидовал.

Господин Исида послал за Самураем. Он хотел поговорить с ним и вызвал в Нунодзаву.

В давние времена его род враждовал с родом нынешнего князя, но теперь господин Исида был одним из самых преданных ему старших вассалов.

Самурай, взяв с собой Ёдзо, рано утром выехал из Ято и к полудню прибыл в Нунодзаву. Лил холодный

дождь. Вокруг замка, обнесенного крепостной стеной, тянулся ров, заполненный водой: от дождя по воде расходились бесчисленные круги. После недолгого ожидания в приемной к Самураю вышел господин Исида.

Коренастый, полный, в парадной накидке-хаори, господин Исида улыбаясь появился перед Самураем, сидевшим в почтительной позе, опершись руками о поблескивавший пол, и сразу спросил его о здоровье дяди.

— Вчера он снова был у меня со своими вечными жалобами, — насмешливо улыбнулся господин Исида.

Самурай смущенно потупился. Когда отец или дядя обращались с прошением о возврате земель в Курокаве, господин Исида неизменно передавал их прошения князю. Но недавно Самурай узнал от него, какое великое множество подобных прошений стекается туда, в замок, и лежит горами в ожидании решения Совета старейшин. За исключением особых случаев, Его светлость, как правило, отказывает в просьбе.

— Он старик, я понимаю его состояние. — С лица господина Исиды моментально слетела улыбка. — Войны кончились. Найфу¹ придает огромное значение Осаке, такую же позицию занимает и Его светлость, — сказал он резко.

Неужели, подумал Самурай, он вызвал меня только ради того, чтобы высказать это? Видимо, хотел объяснить мне, что обращаться с подобными прошениями в дальнейшем бесполезно.

Сердце Самурая сжалось от тоски. Сам он уже успел привязаться к Ято, но все равно не мог забыть земель, пропитанных потом предков. И сейчас, услышав от господина Исиды, что от этого нужно навсегда отказаться, он вспомнил покойного отца. Вспомнил он и жалкого, ворчливого дядю.

— Как это ни трудно, нужно убедить старика. Он никак не может взять в толк, что времена меняются.

— Совет старейшин не выступает именно против твоей семьи. Другие мэсидаси² тоже обращались с прошениями о возврате старых земель, и это вызывает озабоченность Совета старейшин. Но стоит удовлетворить каприз хотя бы одного, как весь порядок будет нарушен.

¹ Титул, который принял фактический правитель страны до 1616 г. Токугава Иэясу, после того как в 1605 г. передал титул сёгуна своему сыну Хидэтаде.

² Самурай, который в случае войны обязан явиться с дружиной к своему восначальнику.

Самурай продолжал сидеть потупившись, положив руки на колени, и молча слушал господина Исиду.

— Однако сегодня я позвал тебя для другого, — неожиданно изменил он тему, явно избегая разговора о Курокаве. — В скором времени я ожидаю распоряжения относительно тебя. Я сообщу тебе. Так что будь готов.

Самурай никак не мог понять, к чему клонит господин Исида. Когда немного спустя, поклонившись, он стал пятиться к двери, господин Исида задержал его и начал рассказывать о том, какая оживленная жизнь в Эдо. С прошлого года все даймё получили приказ участвовать в строительстве замка в Эдо. Его светлость тоже взял на себя определенные обязательства, в связи с чем высшие сановники, такие, как господин Исида, господин Ватари и господин Сираиси, будут отныне попеременно направляться в Эдо.

— Ох как сурово сёгун преследует в Эдо христиан! Приезжая туда, я всякий раз вижу, как их связанными везут по городу...

Самурай знал, что найфу, отец нынешнего сёгуна, издал указ, запрещающий христианство во всех владениях, находящихся под его властью. В результате чего верующие переселяются в западные и северо-восточные провинции, где пока еще такого запрета нет. Ему приходилось слышать и о том, что христиане работают на золотых приисках во владениях Его светлости.

Пленных христиан, которых видел господин Исида, провозили по городу на лошадях, украшенных бумажными флажками, к месту казни. Они спокойно переговаривались с зеваками, глазевшими на процессию, — не было похоже, чтобы они боялись смерти.

— Среди них были и падре — южные варвары. Ты когда-нибудь видел христиан или падре?

— Никогда.

Самурай без всякого интереса и сочувствия слушал рассказ господина Исиды о христианах-узниках. Его и само христианство нисколько не занимало. Оно никак не было связано с утопающей в снегу Ято. Жители Ято умирали, так ни разу и не увидев верующих, бежавших из Эдо.

— Ты уж прости, что придется ехать обратно в такой дождь.

Господин Исида был по-отечески добр и заботлив. На пороге Самурай накинул на себя раскисший от дождя соломенный плащ. Ёдзо ждал его с собачьей предан-

ностью. Этот слуга, на три года старше своего хозяина, с рождения воспитывался в семье Самурая и выполнял всю домашнюю работу. Самурай, возвращаясь домой, представлял себе ночную Ято. Снег, выпавший несколько дней назад, покрылся ледяной коркой и сверкает во тьме, дома крестьян тихие, точно вымершие. А его жена Рику и остальные домочадцы не спят, сидят вокруг очага и ждут его возвращения. Собаки, слышав шаги, залают, в конюшне, пахнувшей прелой соломой, разбуженные лошади станут переступать с ноги на ногу.

Запах прелой соломы наполнял тюрьму, где сидел Миссионер. Он смешался с запахом пота и мочи верующих, которые совсем недавно еще находились здесь, и временами становился невыносимым.

Со вчерашнего дня Миссионер высчитывал, сколько у него шансов остаться в живых. Он спокойно и невозмутимо размышлял об этом, точно купец, следящий, какая из чаш с золотым песком перевесит. Спасти его могут только услуги, которые он способен оказать властителям этой страны. Например, каждый раз, когда прибывало посольство из Манилы, его использовали как переводчика, так как никто из оставшихся в Эдо католических миссионеров не мог сравниться с ним в знании японского языка. Если скаредные японцы и в дальнейшем намерены торговать с Манилой или Новой Испанией¹, находящейся на другой стороне Тихого океана, им не следует сбрасывать его со счетов — ведь он может выступить посредником в переговорах.

«Я умру, если будет на то твоя воля, Господи, — гордо, точно сокол, вскинул голову Миссионер. — Но, Господи, ведь тебе ведомо, как необходим я японской церкви».

Да. Он нужен Господу, так же как и властителям этой страны. На лице его появилась торжествующая улыбка. Миссионер был уверен в своих силах. Будучи главой францисканской общины в Эдо, он полагал, что провал миссионерской деятельности в Японии на совести иезуитов, выступающих против его ордена. Они всегда интриго-

¹ В 1517—1518 гг. состоялись экспедиции испанских конкистадоров к берегам полуострова Юкатан. Завоеванную территорию назвали «Новая Испания» за сходство, которое имели дома этой страны, сложенные из грубого камня, с испанскими домами. Впоследствии это название закрепилось за Мексикой.

вали, но никогда не были настоящими дипломатами. За шестьдесят лет своей миссионерской деятельности они прибрали к рукам земли в Нагасаки, где располагают административной и судебной властью, что, конечно же, вызывало беспокойство у правителей Японии и посеяло семена недоверия.

«Будь я епископом, никогда не вел бы себя так глупо. Будь я архиепископом Японии...»

При этой мысли он покраснел, как девушка. Покраснел, понимая, что в его душе еще горел пламень мирской гордыни, честолюбия и тщеславия. В его страстном желании стать епископом, который возглавит всю миссионерскую деятельность в Японии, была, конечно, немалая доля и личного честолюбия.

Отец его был влиятельным человеком — членом городского совета Севильи, один из предков — вице-королем Панамы, другой — Верховным инквизитором. Дед участвовал в завоевании Вест-Индии. Прибыв в Японию, Миссионер понял, что он, потомок таких знаменитых людей, превосходит умом и талантом окружавших его священников. Даже если бы ему пришлось служить найфу и сёгуну, у него хватило бы изворотливости и красноречия, чтобы, не раболепствуя, привлечь этих хитрых, коварных японцев на свою сторону.

Но козни иезуитов все время мешали ему в полной мере проявить свой незаурядный талант, унаследованный от предков. Видя, что иезуиты оказались бессильны подчинить себе Хидэеси и найфу и только восстановили против себя буддийское духовенство, занимавшее сильные позиции в эдоском замке, и вызвали у высшей знати неприязнь и подозрения, он, стыдясь своего честолюбия, не мог побороть желания стать епископом.

«Миссионерская деятельность в Японии — это сражение. Если же сражением командует глупец, кровь солдат льется напрасно».

Именно поэтому он должен сделать все, чтобы остаться в живых и продолжать свою деятельность в этой стране. Ради этого он скрывался — хотя и знал, что за это время пятерых верующих уже схватили, но приложил все усилия, чтобы избежать их участи.

«Если я не нужен Тебе, о Господи, — шептал он, потирая затекшие ноги, — скажи мне. Я ведь совсем не цепляюсь за жизнь — Тебе это известно лучше, чем кому-либо».

У его ног промелькнуло что-то темное, пушистое. Это

была крыса, устроившая здесь нору. Прошлой ночью он слышал, как она, тихо шурша, прогрызала в углу дыру. Каждый раз, просыпаясь от этого звука, он тихо молился о пятерых христианах, скорее всего уже казненных. Своей молитвой он хотел облегчить муки совести — ведь ему пришлось покинуть их в беде.

Издали донесся звук шагов, и Миссионер, поспешно подобрал ноги, выпрямил спину. Он не хотел, чтобы стражник, приносящий еду, увидел его поникшим. Даже в тюрьме он не мог позволить себе, чтобы японцы его презирали.

Шаги все приближались. Услыхав, как в замке поворачивается ключ, Миссионер изобразил на лице улыбку. Еще на воле он думал о том, что и смерть он обязан принять с улыбкой.

Дверь со скрипом отворилась, и по сырому полу разлился свет, похожий на расплавленное серебро. Моргая, Миссионер обратил улыбающееся лицо к двери и увидел там не стражника, а двух чиновников в черном.

— Выходи! — важно приказал один из них. И в уме Миссионера этот приказ слился с радостным словом «свобода».

— Куда мы идем? — спокойно спросил он, стараясь сохранить улыбку, хотя ноги его слушались плохо.

Чиновники неприветливо молчали. Они шагали важно, как это всегда делают японцы в таких обстоятельствах, и Миссионеру, уверовавшему, что его освобождают, их торжественная напыщенность казалась нелепой детской игрой.

— Смотри!

Один из чиновников неожиданно остановился и, обернувшись, кивнул на окно коридора, выходящего во внутренний дворик. Посреди двора, откуда уже начало уходить солнце, были расстелены циновки, стояла кадка с водой, а подле нее — два стула.

— Понял, что это?

Другой чиновник громко рассмеялся и провел ребром ладони по шее:

— Вот это что.

С наслаждением глянув на застывшего Миссионера, он усмехнулся:

— Дрожит, южный варвар!

Миссионер сцепил руки, изо всех сил стараясь одолеть охватившее его чувство унижения и злости. Уже два дня его дожимали угрозами мелкие японские чинов-

ники, и каждый раз это больно ранило его самолюбие, но Миссионеру, обладавшему повышенным чувством собственного достоинства, было невыносимо даже намеком показать, что он их боится. Колени у него дрожали все время, пока его вели в здание, стоявшее напротив тюрьмы.

Наступил вечер, и там уже было пусто. Чиновники велели ему сесть прямо на пол в полутемной комнате и исчезли, а Миссионер, точно ребенок, стянувший конфетку, испытал тайную радость от сознания, что он свободен.

«Ну вот. Все идет, как я и думал».

Только что пережитое чувство унижения исчезло, и к нему вернулась обычная уверенность в себе — он не ошибся, его предположения сбываются.

«Мне настолько доступны мысли японцев, будто я потрогал их рукой», — прошептал он.

Он знал, что японцы сохраняют жизнь всем — даже тем, кого ненавидят, — кто может им пригодиться; а его знание языков необходимо правителям этой страны, ослепленным жадной выгодной торговли. Только поэтому найфу и сёгун, ненавидя Христа, позволяют жить в этом городе миссионерам. Найфу изо всех сил стремится построить порт, не уступающий Нагасаки, — для торговли с дальними странами. Особенно его привлекает торговля с Новой Испанией, лежащей далеко за морем, и он уже неоднократно отправлял послания испанскому правителю Манилы. Миссионера часто вызывали в эдоский замок — переводить эти письма на испанский и ответы — на японский.

Однако самого найфу он видел лишь однажды. Сопровождая посланца из Манилы, прибывшего с визитом в эдоский замок, он увидел в темном зале аудиенций величественного старика, сидящего в бархатном кресле. Не произнося ни слова, он бесстрастно слушал беседу членов Совета старейшин с посланцем и так же бесстрастно смотрел на привезенные ему богатые подарки. Однако бесстрастное лицо и бесстрастные глаза старика надолго остались в памяти Миссионера и вселили в него чувство, похожее на страх. Этот старик и был найфу, и Миссионер подумал, что именно таким и должно быть лицо у политика.

Вдруг до Миссионера донесся из коридора звук шагов и шуршание одежды.

— Господин Веласко.

Подняв голову, он увидел, что на почетном помосте

уже сидит знакомый ему торговый советник — Сёдзабуро Гото, а чиновники, которые привели его сюда, стоят поодаль. У Гото было характерное для японца широко-скулое лицо. Некоторое время он внимательно смотрел на Миссионера, а потом сказал со вздохом:

— Вы свободны. Чиновники допустили досадную оплошность.

Миссионер торжествовал. Он с удовлетворением посмотрел на унижавших его чиновников. Всем своим видом он как бы говорил, что прощает им их прегрешения.

— Однако, господин Веласко... — Шурша одеждой, Гото встал и с брезгливостью посмотрел на него. — Как христианскому падре вам запрещается жить в Эдо. И если бы влиятельное лицо не ходатайствовало за вас, даже представить трудно, что бы с вами произошло.

Торговый советник дал понять Миссионеру, что о его тайных сношениях с верующими известно. Владений других даймё это не касается, но на территории, подвластной найфу, с этого года строжайше запрещено строить храмы и служить мессу. И его оставляли в этом огромном городе не как священнослужителя, а как переводчика.

После того как Гото удалился, чиновники, не скрывая недовольства, указали Миссионеру на дверь, но не ту, через которую вышел советник.

Его усадили в паланкин, и он вернулся к себе домой в Асакусу. Рядом с его жилищем была небольшая роща, черневшая под ночным небом. Неподалеку от его дома прокаженные, до которых никому не было дела, основали поселок, и еще два года назад здесь располагалась небольшая лечебница, построенная францисканцами. Но лечебница была разрушена, и в единственной оставшейся от нее крохотной хибарке и было разрешено поселиться ему вместе с совсем юным падре Диего и с одним корейцем.

Сидя рядом с Диего и корейцем, потрясенными его неожиданным возвращением, он с жадностью поглощал рис с вяленой рыбой. В роще щебетали птицы.

— Никого другого японцы не освободили бы так быстро.

Услыхав слова прислуживавшего ему Диего, Миссионер лишь слабо улыбнулся, но в душе испытал удовлетворение и гордость.

— Меня освободили не японцы. — Поучая Диего, он изобразил на лице не то смирение, не то высокомерие. — Я нужен Господу. Это Он освободил меня. Чтобы я выполнил Его волю.

«Господи, — молился про себя Миссионер, не отрываясь от еды, — Ты ничего не вершишь напрасно. Вот почему... Ты оставил меня в живых».

Он и не заметил, что в его молитве сквозила гордыня, неподобающая священнику.

Через три дня Миссионер в сопровождении корейца отправился к торговому советнику, чтобы отблагодарить за освобождение. Знатные японцы любили виноградное вино, поэтому он не забыл захватить в подарок несколько бутылок — из тех запасов, которые он использовал для причастия.

У советника был посетитель, но он не заставил Миссионера ждать в другой комнате, а приказал проводить к себе. Когда Миссионер вошел, он слегка кивнул ему, не прерывая разговора, — было ясно, что он хотел, чтобы Веласко присутствовал при беседе.

В разговоре то и дело мелькали географические названия — Цукиноура, Сиогама. Советник и полный пожилой мужчина не спеша беседовали о том, что Цукиноура станет портом, который превзойдет Нагасаки.

Рассеянно поглядывая в сад за окном, Миссионер внимательно слушал. Благодаря знаниям, приобретенным за три года службы переводчиком, он смог, хотя и туманно, уяснить, о чем говорили японцы.

Последние несколько лет найфу был одержим идеей основать на востоке порт, не уступающий Нагасаки. Нагасаки был слишком далеко от восточной Японии, подвластной непосредственно найфу, и, если бы могущественные даймё острова Кюсю подняли мятеж, им бы удалось легко захватить его. Кроме того, среди даймё Кюсю были князь Симадзу и князь Като, поддерживавшие осакский дом Гоётоми, неподвластный влиянию найфу. Так обстояло дело с точки зрения внутренней политики. А с точки зрения внешней найфу не нравилось то, что корабли из Манилы и Макао приходили лишь в нагасакский порт. Он хотел вести прямую торговлю с Новой Испанией, и не через Манилу. Это была одна из причин, почему ему нужен был на востоке страны порт, через который шла бы торговля с Новой Испанией. В Канто был порт Урага, но, возможно, из-за стремительного морского течения корабли, пытавшиеся войти в него, часто разбивались о скалы. Потому найфу приказал могущественному даймё на северо-востоке страны — где Куро-

сиво подходит к самым берегам Японии — подыскать бухту для порта. Видимо, Цукиноура и Сиогама рассматривались как возможные места для этого.

«Почему, однако, советник хочет, чтобы я слышал их разговор?»

Миссионер исподлобья, тайком следил за выражением лиц собеседников. Словно перехватив его взгляд, Гото повернулся к нему.

— Господин Исида, вы, видимо, знаете господина Веласко... Как переводчику ему разрешено жить в Эдо... — представил он Миссионера коренастому, полному мужчине.

Тот слегка поклонился.

— Вы бывали на северо-востоке?

Миссионер, не отнимая ладоней от колен, отрицательно покачал головой. За долгие годы он усвоил правила поведения японцев, их этикет.

— В провинции господина Исида, в отличие от Эдо, — в голосе советника слышалась насмешка, — христиан не преследуют. Там, господин Веласко, вы сможете ходить с высоко поднятой головой, никого не опасаясь.

Миссионеру, разумеется, это тоже было известно. Найфу запретил христианство на подвластной ему территории, но, опасаясь мятежа обращенных в новую веру, он не принуждал других даймё следовать его примеру и снисходительно относился к тому, что верующие, изгнанные из Эдо, находили убежище в западных и северо-западных провинциях.

— Господин Веласко, вы когда-нибудь слышали о Сиогаме или Цукиноуре? — неожиданно спросил советник. — Это весьма удобные бухты.

— Вы хотите превратить их в порты, подобные Ураге?

— Да, предполагаем. В этих бухтах, возможно, будут строиться огромные корабли, как у южных варваров.

У Миссионера перехватило дух. Насколько ему было известно, до сих пор в Японии были лишь небольшие торговые суденышки, имевшие разрешение сёгуната на торговлю, которые копировали сиамские и китайские парусники. Строить же огромные галеоны, способные пересекать океан, было нелегко, да и японцам не хватало умения. Но даже если бы и удалось их построить, не было людей, владевших искусством кораблевождения.

— Кто же будет строить эти суда? Японцы?

— Не исключено. Сиогама и Цукиноура — морские бухты, туда легко доставлять прекрасный лес.

«Почему советник выдает мне такие важные секре-

ты? — думал Миссионер. Он искал ответа на свой вопрос, быстро переводя взгляд с одного господина на другого. — Скорее всего, они собираются использовать команду того корабля».

В прошлом году галеон испанского посланника, прибывшего из Манилы, с которым он встретился в эдоском замке как переводчик, буря выбросила на берег неподалеку от Кисю, починить его оказалось невозможным, и он был оставлен в Ураге. Посланник с командой терпеливо ждали прихода судна, которое бы забрало их. Возможно, японцы хотят с помощью испанских матросов построить собственный корабль, такой же, как тот галеон.

— Решение уже принято?

— Нет, нет. Идея существует лишь в самом общем виде.

Произнеся это, советник стал смотреть в сад. Миссионер понял, что это означает. Ему давали понять, что пора удалиться, и он, поблагодарив за освобождение, покинул комнату.

Прощаясь с находившимися в приемной чиновниками, которые с поклонами провожали его, он думал: неужели японцы действительно хотят пересечь Тихий океан и достичь Новой Испании?

«Эти люди точно муравьи. Они не остановятся ни перед чем».

Миссионер представил, как муравьи, когда перед ними возникает лужа, жертвуя собой, превращаются в мост, по которому их товарищи перебираются через нее. Японцы — и в самом деле полчище упорных черных муравьев!

Правитель Манилы вежливо отклонял просьбу найфу о прямой торговле с Новой Испанией, чего тот добивался уже много лет. Испанцы желали сохранить за собой монополию торговли на бескрайних просторах Тихого океана.

Однако, если собираются использовать испанскую команду для постройки корабля, Миссионер будет совершенно незаменим как переводчик на переговорах. Теперь он начал понимать, почему четыре дня назад Гото выпустил его из тюрьмы. Гото намекнул тогда, что кое-кто замолвил за него словечко: не исключено, что это был один из членов Совета старейшин, выдвинувший такой план. Вполне возможно, тот самый Исида. Бог может использовать кого угодно, японцы же используют лишь тех, кто им бесспорно необходим. Только потому, что японцы считают его полезным для выполнения своих планов, они

сперва припугнули его, а потом помогли. Это их излюбленный метод.

Ни Диего, ни корейцу Миссионер не рассказал ничего о сегодняшней беседе. В глубине души он не уважал своего младшего товарища, с его постоянно красными, кроличьиными глазами, такого же, как он, священника-францисканца, прибывшего с ним в Японию из Манилы. Еще в бытность семинаристом Миссионер не мог побороть в себе презрения к тупоголовым, ни на что не способным товарищам. Он понимал, что это дурное качество, но избавиться от него не мог.

— Пришло письмо из Осаки.

Диего достал из кармана поношенной монашеской рясы распечатанное письмо и четки — поднял на Миссионера глаза, словно опухшие от слез.

— Иезуиты снова клеветают на нас.

Он поднес письмо к свече, пламя которой трепетало как мотылек, и развернул — на бумаге желтели пятна от дождя, чернила кое-где расплылись. Оно было написано недели три назад отцом Муньосом, которому подчинялся Миссионер; он сообщал, что в Осаке растет ненависть к найфу, что правитель Осаки одного за другим перетягивает на свою сторону вассалов князей, разбитых в сражении при Сэкигахаре¹.

После этой преамбулы отец Муньос извещал Миссионера, что глава иезуитской общины в Кинки направил в Рим письмо, осуждающее методы миссионерской деятельности францисканцев:

«То, что францисканцы поддерживают отношения с японцами-христианами, несмотря на запрет миссионерской деятельности в Эдо, вызывает ненужное раздражение найфу и сёгуна и в данный момент наносит ущерб евангелической работе даже в тех районах, где сохраняется свобода вероисповедания, утверждают иезуиты».

Сдерживая нахлынувшее возмущение, Миссионер небрежно бросил письмо Диего.

— Самонадеянные болваны!

От волнения щеки и шея Миссионера всегда покрывались красными пятнами. Иезуиты клеветали на них не впервые. Они всегда писали тайком на францисканцев доносы в Рим. Ими владела зависть. С тех пор как шестьдесят три года назад на японскую почву ступил свя-

¹ Решающее сражение 20 сентября 1600 г. принесло победу Токугаве Ияэсу.

той Ксавье, вся миссионерская деятельность в этой стране сосредоточилась в руках иезуитов. Но десять лет назад буллой Папы Климента VIII была разрешена миссионерская деятельность и других конгрегаций — и тогда иезуиты, снедаемые ревностью, ополчились на всех остальных.

— Иезуиты забыли, что это они — причина всех бед, обрушившихся на христианство в Японии. Пусть подумают о том, кто навлек гнев покойного тайко.

Диего смущенно смотрел красными глазами на Миссионера. Нет, подумал Миссионер, глядя на него, советовать с этим жалким человеком бессмысленно. Хотя он в Японии уже три года, но даже как следует говорить на языке этой страны не научился, единственное, на что он способен, — тупо, как баран, изо дня в день выполнять указания всех, кто стоит выше него.

В течение нескольких десятилетий иезуиты завладели землями в Нагасаки и доходами с них оплачивали свою миссионерскую деятельность. Они не обладали там лишь военной властью, но добились права взимать налоги и вершить суд. Когда Тайко, покоривший Кюсю, узнал об этом, он пришел в ярость и издал указ о запрещении христианства — это всем известно. Так начались черные дни христианства в Японии, но иезуиты уже забыли об этом.

— Однако, — нерешительно сказал Диего, — что мне ответить в Осаку?..

— Напиши, что иезуиты могут обо мне уже не беспокоиться, — резко ответил Миссионер. — Я должен немедленно покинуть Эдо и направиться на северо-восток.

— На северо-восток?

Ничего не ответив оторопевшему товарищу, Миссионер вышел из комнаты. Войдя в кладовую, высокопарно именную молельней, он задул свечу, которую держал в руке, и преклонил колени на твердом дощатом полу. В эту неудобную позу он становился всякий раз еще со времени учебы в семинарии, когда ему приходилось сдерживать гнев уязвленного самолюбия. Ноздри щекотал запах чадившей свечи, в темноте слышалось шуршание тараканов.

«Кто бы ни осуждал меня, Тебе известны мои способности, — шептал он, сжимая ладони. — Именно поэтому, что я Тебе нужен, Ты вызволил меня из тюрьмы. Ты выдержал клевету саддукеев и фарисеев. Я буду стоик, как ты, выдержу клевету иезуитов».

Тараканы ползали по его грязным босым ногам. Он слышал, как в роще щебечут птицы, как кореец запирает дверь лачуги.

Японцы строят галеон...

Перед его глазами снова возникло полчище черных муравьев, переправляющихся через лужу. Японцы во имя выгод от торговли с Новой Испанией в конце концов переправятся через океан, как переправляются через лужу черные муравьи. Значит, нужно использовать их алчность ради распространения веры, думал Миссионер.

«Они получают выгоду, мы — свободу распространения веры».

Успешно осуществить такое предприятие иезуитам не под силу. На это не способны ни доминиканцы, ни августинцы. Этого не смогут сделать и такие ни на что не годные монахи, как Диего. Миссионер был убежден, что только он, и никто другой, может осуществить задуманное. Нужно лишь растопить лед подозрительности японцев. Ни в коем случае нельзя допустить повторения ошибок, совершенных иезуитами.

«Будь я епископом...»

Он услышал этот голос тайного честолюбия, которого неизменно стыдился. Если бы он стал епископом, которому дано руководить распространением веры в Японии, то в течение ближайших лет ликвидировал бы все ошибки иезуитов, думал Миссионер.

В ясные дни на побуревших склонах гор в Ято поднимались дымки — это выжигали уголь. Приближалась долгая зима, и крестьяне работали с утра до ночи. Когда рис и просо были убраны со скудных полей, женщины и дети начинали веять зерно. Рис шел в уплату подати, а не для собственных нужд. Прямо на полях сушили сено, скошенное в перерывах между уборкой. Его подстиляли в конюшне. Солома же в голодное время шла в пищу — ее рубили и толкли в каменной ступе.

Самурай, как и крестьяне, в рабочей одежде, «хангри», обходил долину, наблюдая, как трудятся его люди. Он то и дело окликал их, беседовал, а иногда работал плечом к плечу, складывая дрова вокруг усадьбы. Такие поленицы-изгороди назывались в Ято «кидзима».

Случались и радости, случались и горести. Этой осенью в деревне умерло два старика, семьи были бедные, их похоронили у подножия горы и на могилы положили лишь по большому камню. В землю воткнули старые серпы, которыми они пользовались при жизни, рядом с камнями оставили шербатые чашки — таков был обычай

в Ято. Самурай часто видел, как дети ставили в них полевые цветы, но так хоронили только в сытые годы. Когда же случались неурожаи, старики просто исчезали, и никто не знал, куда они подевались, — об этом Самураю рассказывал еще отец. В это время года устраивалось празднество Дайсико в честь великого буддийского учителя, когда варили в котлах пресные клецки с колосками мисканта. В такой день к усадьбе Самурая приходили крестьяне и, низко кланяясь, приветствовали его; их угощали клецками, и они, поев, расходились по домам.

В один из ясных дней пришел приказ от господина Исиды направить к нему из Ято двух человек. Получив приказ, Самурай, прихватив Ёдзо, поехал в деревню к дяде.

— Слышал, слышал. — Лицо дяди расплылось в улыбке. — Говорят, в горах Огацу валят криптомерии на постройку боевого корабля. Приближается сражение с Осакой.

— Боевого корабля?

— Да.

Самурай еще не рассказывал ему о своем разговоре с господином Исидой. Ему не хотелось снова выслушивать бесконечные причитания. Но если сейчас настали мирные времена и о войне не может быть и речи, зачем же тогда Его светлости строить военный корабль? Самурай недоумевал. Возможно, в Совете старейшин подготовлен какой-то тайный план.

— Року, тебе нужно самому поехать в Огацу и на месте все выяснить.

Голос дяди дрожал от возбуждения, будто сражение вот-вот должно начаться. У Самурая не было никакого желания отправляться в путь, который займет почти два дня, но он привык слушаться старших и на этот раз тоже молча кивнул. Все увидеть собственными глазами и во всем убедиться самому — только так удастся успокоить старика, который не в силах осознать, что времена изменились, подумал он.

Выбрав в деревне двух юношей для господина Исиды, Самурай на следующий день снова сел на коня. Огацу была одной из бухт, которые, словно углубления между зубьями пилы, окаймляли побережье провинции Рикудзэн. Выехав рано утром из Ято, они лишь поздним вечером добрались до побережья — снег, валивший с облачного неба, лепил прямо в лицо. Пришлось остановиться на ночлег в бедной рыбацкой деревушке Мидзухама. Весь вечер шумело море, и юноши время от времени бросали растерян-

ные взгляды на Самурая. По словам рыбаков, в горах близ Огацу уже собрались люди и началась валка леса.

На следующее утро они покинули Мидзухаму. Хотя и распогодилось, дул резкий ветер, море было холодным, волны, пенясь, обрушивались на берег. Юноши, знобко ежась, покорно плелись за лошадьё. Наконец в море возник остров, и они увидели тихую бухту. На горе уже стояли лачуги для рабочих, издалека доносился визг пил — валили деревья. В бухте, защищенной с одной стороны островом, а с другой — горами, было безветренно, на воде тихо покачивались плоты.

Самурай вошел в контору, и там записали имена юношей, которых он привел, но тут вбежал запыхавшийся слуга и сказал, что прибывает господин Сираиси. В конторе поднялся переполох, чиновники выбежали наружу, чтобы устроить торжественную встречу.

Самурай тоже вышел. Вскоре показалась процессия — медленно приближалось десятка полтора всадников. Среди них было несколько южных варваров, которых Самурай увидел впервые. Он не мог оторвать глаз от этих необычных людей, даже забыл поклониться.

На южных варварах была дорожная одежда, какую носил и Самурай, — видимо, им дали ее в Японии. Лица у них были красные, наверное от вина, щеки заросли светлой бородой, они удивленно смотрели на гору, откуда доносился стук топоров. Один из них знал японский и переговаривался со своими попутчиками.

Когда процессия проезжала перед выстроившимися в ряд чиновниками, один из всадников вдруг назвал имя отца Самурая.

— Не сын ли ты Городзаэмона? — спросил господин Сираиси. Самурай смущенно поклонился. — Я много слышал о тебе от господина Исиды. Нам с твоим отцом нелегко пришлось в сражениях при Корияме и Куботе.

Самурай почтительно слушал господина Сираиси. Половина чиновников присоединилась к процессии, скрывшейся уже в лесу, а остальные с завистью смотрели на Самурая, удостоившегося внимания господина Сираиси, принадлежавшего к дому Его светлости.

Самурай, стараясь не проявлять открыто своей радости, начал готовиться к отъезду. Ему удалось выяснить, что в бухте собираются строить не боевой корабль, а судно, на котором вернутся в свою страну южные варвары, потерпевшие в прошлом году крушение близ Кисю. Южные варвары, которых он только что видел, как раз и были

командой того корабля, и сейчас по их указаниям строится судно — такое же, как и то, на котором они приплыли.

На обратном пути Самурай снова заночевал в Мидзухаме и на следующий день возвратился в Ято. Дядя, ожидавший его с великим нетерпением, внимательно выслушал племянника, и на его исхудавшем лице выразилось разочарование, но теплые слова, сказанные господином Сираиси, видимо, вселили в него надежду, и он заставил племянника несколько раз повторить свой рассказ в подробностях.

Осень кончилась, наступила зима. Ято покрыл снег, ночами ветер наметал большие сугробы. Целыми днями работники Самурая, усевшись вокруг очага, вили веревки. Плели веревки для закрепления груза к седлу, веревки для подпруг и для поводьев и недоузdkов. Жена Самурая, Рикку, бывало, устраивалась у очага и рассказывала младшему сыну, Гондзиро, сказки. В такие минуты Самурай тоже слушал жену, молча ломая сушняк. Это были сказки об оборотнях, о человеке, обманутом лисой, которые ему еще в детстве рассказывали покойные бабушка и мать. Ничего не менялось в Ято.

Наступил Новый год. По обычаю в этот день подносили Богу урожая моти¹, готовили красную фасоль, которую в обычное время себе не позволяли. На Новый год снег не шел, но ночью, как обычно, с пронзительным воем задул ветер.

В полутемном зале на почетном месте восседали высшие сановники Его светлости. Суровые бесстрастные лица японцев напомнили Миссионеру лица будд, которые он видел в храмах Киото, но, прожив в этой стране много лет, он знал, что бесстрастное выражение лица не означало, что японец ничего не замышляет.

Рядом с ними на низкой скамейке — на это было дано специальное разрешение — сидел главный строитель — испанец, которого привезли из Эдо. В отличие от Миссионера сидеть по-японски он не умел. В некотором отдалении, глядя прямо перед собой, замер в неподвижности, положив руки на колени, писец из замка.

После долгого обмена приветствиями, которые старательно переводил Миссионер, перешли к главной теме разговора.

¹ Рисовые лепешки.

— Длина корабля восемнадцать кэнов. Ширина — пять с половиной, высота четырнадцать кэнов, один сяку и пять сун¹.

Сановников больше всего интересовал внешний вид галеона.

— Он будет двухмачтовый, главная мачта — высотой пятнадцать, вторая — тринадцать хиро², корпус корабля будет покрыт лаком.

Переводя эти слова главного строителя, Миссионер думал о том, как собираются японцы использовать такой корабль. Сановники пожелали узнать, чем японские торговые суда отличаются от галеона. У галеона соотношение длины к ширине позволяло увеличить скорость движения под парусами, а для быстрой маневренности, в зависимости от направления ветра, помимо прямых парусов используются и треугольные. Сановники, особенно сидевший в центре господин Сираиси, с напряженным вниманием слушали переводившиеся им ответы главного строителя, видимо, им было очень интересно; а когда объяснения закончились, лица их снова застыли в бесстрастности, точно подернутое ряской бездонное болото.

Его светлость уже отправил из своих владений в Огацу двести плотников и сто пятьдесят кузнецов, но для того, чтобы ускорить постройку судна, требовалось в два раза больше. Главный строитель сказал еще, что не хватает и подсобных рабочих.

— Он говорит, что осенью часто бывают штормы, поэтому, считая, что плаванье до Новой Испании займет месяца два, желательнее назначить отплытие на начало лета, — перевел Миссионер.

Высшие сановники были не в состоянии представить себе, сколь велик океан. В течение долгого времени для японцев море воспринималось как огромный, заполненный водой ров, защищающий их страну от вторжения чужеземцев. Они не имели ни малейшего представления, где находится Новая Испания. Но теперь узнали, что далеко за морем существуют богатые земли, где живут разные народы.

— Все будет доложено Его светлости. О рабочих можете не беспокоиться, — сказал господин Сираиси, благосклонно выслушав главного строителя.

¹ 1 кэн — 1,81 м; 1 сяку — 30,3 см; 1 сун — 3,03 см.

² 1 хиро — 1,81 м.

Остальные сановники хранили молчание. Главный строитель горячо поблагодарил за доброжелательность.

— Не стоит благодарности. Как я уже много раз говорил, мы весьма заинтересованы в постройке большого корабля, — засмеялся в ответ господин Сираиси.

Такая заинтересованность объяснялась тем, что японцы стремились заручиться обещанием вице-короля впредь направлять суда к Новой Испании непосредственно во владения Его светлости. Князь рассчитывал с согласия найфу построить удобный порт, не уступающий Нагасаки. Выдвигалось одно-единственное условие: возвращающиеся на родину члены экипажа должны передать вице-королю Новой Испании пожелания Его светлости.

Главный строитель ответил, что они с радостью выступят в качестве посредников. Более того, он любезно сказал, что в Новой Испании порадовались бы японским товарам, особенно меди, серебру, золоту, добываемым во владениях Его светлости, и японские суда с таким грузом будут встречены с радостью. Главное — построить удобный порт, куда могли бы заходить галеоны. К счастью, замеры, произведенные в течение этой недели в бухтах Кэсэнума, Сиогама и Цукиноура, показали, что они вполне для этого пригодны. Господин Сираиси и другие сановники с удовлетворением кивали. Заговорили о климате и населении Новой Испании.

В этот день снова шел снег. Закончив беседу, главный строитель встал со скамейки и, прощаясь, низко, по-японски, поклонился, молодой слуга, дожидавшийся его в коридоре, раздвинул фусума¹.

— Господин Веласко, задержитесь немного, — попросил один из сановников.

Когда главный строитель в сопровождении слуги вышел из зала, господин Сираиси поблагодарил Миссионера за его перевод.

— Вам пришлось немало потрудиться, весьма признателен. — На его лице появилась лукавая улыбка. — Как вы считаете, он был искренен?

Миссионер замялся, не зная, что именно он имеет в виду.

— Главный строитель утверждает, что Новая Испания тоже заинтересована в японских судах. Вы не думаете, что он лукавит? — спросил господин Сираиси, согнав с лица улыбку.

¹ Раздвижные перегородки в японском доме.

— А как полагаете вы, господин Сираиси? — в свою очередь спросил Миссионер, стараясь разгадать истинные мысли собеседника.

— Мы этому не верим.

— Почему же?

Миссионер недоверчиво посмотрел на сановников. Ему было прекрасно известно, что японцы, совершая сделки, сохраняют выражение лица, полностью скрывающее их истинные мысли.

— Совершенно естественно. Страна, откуда вы родом, господин Веласко, получает такие огромные барыши только потому, что строит корабли, способные пересекать безбрежное море, а испанские капитаны — искусные мореходы. Вряд ли Испания захочет делиться своими барышами с другой страной. Она вряд ли обрадуется, если это безбрежное море станут бороздить японские суда.

— Коль скоро вы всё понимаете, мне добавить нечего, — невесело усмехнулся Миссионер. — Но тогда почему вы тем не менее строите большой корабль?

— Господин Веласко, мы действительно хотим завязать торговые отношения с Новой Испанией. Все корабли с Лусона, из Макао, стран южных варваров прибывают в Нагасаки, а в Эдо, где резиденция найфу, и уж тем более во владения Его светлости не заходят. Хотя в провинции Рикудзэн¹, находящейся во владениях Его светлости, есть удобные порты, корабли Новой Испании должны плыть в Японию только через Филиппины. А уж от Лусона, как нам известно, пользуясь морским течением, прибывают прямо на Кюсю.

— Совершенно верно.

— Что же нам делать? — Господин Сираиси, словно попав в затруднительное положение, нервно постукивал пальцами. — Скажите, падре, у вас нет никаких мыслей о том, как установить прямые торговые связи между провинцией Рикудзэн и Новой Испанией?

Услыдав непривычное в устах японца слово «падре», Миссионер потупился. Он не хотел, чтобы все увидели, как он взволнован. В Эдо его еще ни разу не называли «падре». Ведь жить там ему было разрешено не как священнику, а только как переводчику. И вот сейчас господин Сираиси умышленно назвал его «падре». На улице шел снег, царил тишина.

Сановники молчали и пристально смотрели на него.

¹ Современная префектура Мияги.

— У меня нет никаких идей. Я... и в Эдо, и здесь... всего лишь переводчик.

— Как в Эдо — не знаю. А здесь, господин Веласко, вы прежде всего падре, хотя и выступали в качестве переводчика, — тихо сказал господин Сираиси. — Во владениях Его светлости христианство не запрещено.

Он был прав. Множество верующих, изгнанных из Эдо и других территорий, подвластных непосредственно найфу, в поисках таких мест, где их не будут преследовать за веру, бежали во владения Его светлости. Большинство из них работало там на золотых приисках. Здесь священникам не было нужды скрываться, как в Эдо. А христианам не было необходимости выдавать себя за буддистов.

— Господин Веласко, вам бы не хотелось пригласить сюда падре из Новой Испании?

Господин Сираиси говорил ласково и приветливо. Чтобы не поддаться его заискивающему голосу, Миссионер так сильно сжал руки, что даже вспотели ладони. Он был очень самолюбив, и насмешка японца была бы ему крайне неприятна.

— Вы смеетесь надо мной? Я вам не верю.

— Хм, почему же?

— Когда-нибудь по приказу найфу и во владениях Его светлости запретят христианство.

Сердитый голос Миссионера рассмешил господина Сираиси и сановников.

— Нет, этого никогда не случится. Уж во всяком случае, во владениях Его светлости найфу никогда не запретит христианство. Такова точка зрения и найфу, и Его светлости.

— Вы хотите сказать, что во владениях Его светлости христианство не будет запрещено и разрешат новым падре прибыть сюда? Но за это Новая Испания должна согласиться на торговлю с Японией?

Испытывая еще большее раздражение, Миссионер выпрямился. Раздражение вызвали не японцы, а собственная доверчивость. Он досадовал на себя за то, что поддавался сладким речам господина Сираиси.

— Неужели Новая Испания не заинтересована в торговых отношениях с нами?

— Не знаю. — Миссионеру хотелось, чтобы в глазах сановников появилась тревога, хотелось вызвать у них растерянность. — Видимо, ничего не удастся сделать, — покачал он головой. — Миссионер, наблюдая за тем, что испытывают сейчас сановники, сидевшие рядом, точно ста-

ту будд в полутемном храме, радовался их тревоге. — Сведения о казнях христиан в Эдо благодаря иезуитам уже достигли через Лусон и Макао даже Новой Испании. Хотя вы и говорите, что во владениях Его светлости христианство разрешено, там этому так легко не поверят.

Миссионер не упустил случая очернить иезуитов. Он нашупал больное место японцев, и они снова умолкли. Раньше их молчание было уловкой, а теперь, подумал Миссионер, свидетельствовало о растерянности. — Еще вот что. — Он как бы давал надежду сопернику, которому только что нанес у д а р . — Для того чтобы Испания, являющаяся метрополией, признала такое торговое соглашение, существует лишь один способ: нужно, чтобы Его святейшество Папа принудил к этому испанского короля...

Лицо господина Сираиси неожиданно застыло. Для этих сановников, родившихся и выросших в Тохоку, слова Миссионера были выше их понимания. Находясь вдали от христианского мира, они ничего не знали ни о существовании Папы Римского, ни о его неограниченном авторитете. Миссионер должен был объяснить, что отношения между Папой и европейскими монархами напоминают и даже превосходят те, которые существуют между Сыном Неба, императором Японии, и феодальными князьями.

— Однако Папа почитается гораздо больше, чем император в Японии, — сказал он.

Слушая объяснения Миссионера, господин Сираиси и сановники, постукивая пальцами, молчали, прикрыв глаза. Падавший мягкий снег еще больше усугублял тишину, воцарившуюся в зале, сановники, покашливая, ждали решения господина Сираиси.

Миссионер явственно ощущал их растерянность. Эти люди, которые только что пытались провести его, сами теперь пребывали в полной растерянности. Пользуясь этим, он выложил свою козырную карту.

— Наш орден... — самоуверенно начал он, — пользуется сейчас особым доверием Папы.

— Что же из этого следует?

— Из этого следует: через францисканцев можно передать Папе послание Его светлости. В нем должно быть сказано, что только в владениях Его светлости к христианам относятся доброжелательно, а также разрешают приятие новых падре, строительство церквей...

Миссионер хотел уже было сказать: «Обратитесь

с просьбой, чтобы меня назначили епископом», но вовремя прикусил язык.

На мгновение он, как всегда, устыдился своего честолюбия, но сразу подумал: «Я стремлюсь к этому не из тщеславия и эгоизма. Я хочу стать епископом ради того, чтобы сохранить в этой стране христианство. Только я способен победить коварных японцев».

ГЛАВА II

Двадцатый день третьей луны.

Погода скверная. Дождь. Проверяли оружие. Засыпали в бочки порох.

Двадцать первый день третьей луны.

Дождь. Начато строительство трех флигелей.

Двадцать второй день третьей луны.

Погода скверная. Прибыли господин Сираиси, господин Фудзита и господин Харада Сабаноскэ. Беседовали о необходимости отправки корабля в страну южных варваров.

Двадцать третий день третьей луны.

Господин Сираиси и господин Фудзита встретились в парадной зале с южным варваром Веласко. Это высокий, краснолицый, длинноносый человек лет сорока. Рот вытирает куском белой тряпки.

Двадцать пятый день третьей луны.

Погода хорошая. Утром — баня. Затем беседа. Присутствовали господин Сираиси и господин Исида.

Двадцать шестой день третьей луны.

Погода хорошая. Господин Исида изволил отбыть.
(Из замкового дневника посетителей)

Неожиданно пришло известие, что приглашенный на беседу в замок господин Исида на обратном пути заедет в Ято. Крестьяне взялись за работу: насыпали песком наледь, заваливали землей топкие места, расчищали подъезды к усадьбе Самурая. Его жена Рику, командуя работницами, переворачивала дом вверх дном, приводя комнаты в порядок.

На следующий день погода, к счастью, улучшилась, небо прояснилось, и Самурай с дядей направились к въезду в Ято, чтобы встретить господина Исиду со свитой. С тех

пор как Самурай стал хозяином Ято, господин Исида, возвращаясь из замка, еще ни разу не заезжал в его поместье. Поэтому Самурай пребывал в крайнем волнении, полагая, что случилось нечто весьма серьезное, и лишь дядя, памятуя слова господина Сираиси, которых удостоился в Огацу его племянник, был весел и оживлен, что огорчало и раздражало Самурая.

Господин Исида бодро поздоровался с дядей и Самураем и, вслед за встречавшими, въехал в усадьбу, но в отведенную ему комнату не прошел, а устроился у очага.

— Лучшее угощение — это тепло, — пошутил он, желая, видимо, разрядить обстановку.

Поев вареного риса в кипятке, поданного Рику, господин Исида стал любезно расспрашивать о делах и, с удовольствием потягивая горячий отвар, в котором плавали рисинки, сказал неожиданно:

— Я привез вам сегодня хорошее известие. — Но, заметив, как загорелись глаза дяди, продолжил, уже обращаясь непосредственно к нему. — Нет-нет, не известие о войне. Не нужно мечтать о сражениях. Выбросите из головы мысль, что только война позволит вам вернуть земли в Курокаве. — Переведя взгляд на Самурая, он закончил, подчеркивая каждое слово: — Можно иначе послужить Его светлости. Появилась блестящая возможность отличиться — больше, чем на войне. Тебе должно быть известно, что в Огацу строится огромный корабль. На нем поплывут в далекую страну, именуемую Новая Испания, южные варвары, выброшенные на берег в Кисю. Вчера в замке господин Сираиси неожиданно назвал твое имя: тебе приказано отправиться в эту Новую Испанию в качестве посланника Его светлости.

Самурай никак не мог понять, о чем говорит господин Исида, и растерянно смотрел ему в лицо. Дыхание у него перехватило, он был не в силах вымолвить ни слова. Колени дяди подрагивали. Эта дрожь передалась и Самураю.

— Ясно? Побываешь в стране, именуемой Новая Испания.

Господин Исида повторил название «Новая Испания», которое Самураю ни разу в жизни не приходилось слышать. Словно в мозгу толстой кистью кто-то выводил слова: «НО-ВА-Я ИС-ПА-НИ-Я».

— Господин Сираиси, как мне известно, недавно в Огацу разговаривал с тобой. На заседании Совета старейшин он дал понять, что, вполне возможно, твою просьбу удовлетворят. Короче, если ты покажешь себя с самой лучшей

стороны и выполнишь возложенную на тебя миссию, то по возвращении это поможет тебе вернуть земли в Курокаве.

Дядя дрожал всем телом. Было видно, как трясутся у него колени. Самурай оперся руками о колени и опустил голову. Наконец колени дяди перестали дрожать.

— Все это может показаться тебе сном, — с улыбкой сказал господин Исида, однако улыбка тут же исчезла с его лица. — Не проспать, упустить такую возможность нельзя, — добавил он решительно.

Голос господина Исиды доносился до Самурая точно из далекого, неведомого мира. Запомнил он лишь то, что, кроме тридцати с лишним человек команды южных варваров, на корабле поплывут четверо японских посланников, их слуги, пятнадцать японских матросов и более ста купцов. Корабль будет намного крупнее самой большой китайской джонки и сможет в течение двух месяцев доплыть до Новой Испании. В качестве переводчика японцев будет сопровождать падре — южный варвар, он будет повсюду сопровождать японскую миссию и окажет ей необходимую помощь. Новая Испания — владение Испании; замысел Его светлости, поддержанный самим найфу, состоит в том, чтобы завязать торговые отношения с этой страной и основать в Сиогаме и Кэсэннуме порты, не уступающие Сакаи и Нагасаки.

Самурай не знал, понял ли его престарелый дядя хоть что-нибудь из разговора. Ему самому все, о чем рассказал господин Исида, казалось дурным сном. Он жил в крохотной долине Ято и хотел умереть здесь; Самурай никогда не думал, что ему придется плыть на огромном корабле в страну южных варваров. Он не мог поверить в реальность происходящего.

Наконец господин Исида попрощался и, сев на коня, ускакал. Свита поспешила за ним. Самурай с дядей, провожая гостей до выезда из Ято, молча следовали за гостями. После того как всадники скрылись из виду, они, не проронив ни слова, вернулись в усадьбу. Перепуганная Рику, которая из кухни слышала весь разговор, куда-то скрылась. Казалось, что у очага все еще сидит господин Исида. Тут же расположился, скрестив ноги, дядя и долго молчал, потом издал тяжелый вздох, похожий на стон.

— Что же это такое, ничего не понимаю... — пробормотал он.

Самурай и сам ничего не понимал. Для такой важной миссии в замке было достаточно вассалов Его светлости более высокого ранга — его домочадцы, ближайшие

родственники... Он никак не мог взять в толк, почему выбор пал на него, самурая такого низкого звания.

«Неужели по рекомендации господина Сираиси?»

Если это так, то, скорее всего, потому, что господин Сираиси помнит и ценит заслуги его отца в сражениях при Корияме и Куботе. Самурай опять вспомнил своего отца.

Из кухни выглянула бледная Рику и, подойдя к очагу, посмотрела на дядю и Самурая.

— В далекую страну южных варваров — вот куда направляется Рокку, — сказал дядя, обращаясь не к Рику, а скорее к самому себе. — Большая честь, очень большая честь. — Потом, пытаясь заглушить беспокойство, пробормотал: — Если он хорошо послужит, могут вернуть земли в Курокаве... Сам господин Исида это сказал.

Рику вскочила и убежала на кухню, Самурай понял, что она с трудом сдерживает слезы.

Еще было темно, когда Самурай открыл глаза. Тихо посапывали во сне младший сын Гондзироси и Рику. Перед его глазами еще плыл сон, который он только что видел. Ему снилось, как в морозный зимний день он охотится на зайцев. Над снежной равниной волнами прокатывается разрывающий холодный воздух грохот ружейных выстрелов Ёдзо. Стаи птиц носятся в голубом небе. Их крылья ярко белеют в небесной синеве. С приходом зимы Самурай всегда видит в небе Ято этих белых птиц, но не знает, из какой страны прилетают они сюда. Знает лишь, что из каких-то далеких земель, из каких-то далеких стран. Может быть, даже из Новой Испании, куда ему предстоит отправиться.

Но почему выбрали именно его? Этот вопрос вертелся в его голове, пока он лежал во тьме. Его род был незнатным и, хотя служил еще отцу Его светлости, особых заслуг не имел. Поэтому было совершенно непонятно, почему выбор пал на него, Самурая. Дядя глуп: он считает, что благодаря рекомендации господина Сираиси, но уж кто-кто, а господин Исида должен был знать, годен ли Самурай, не обладающий ни особыми талантами, ни особым красноречием, для выполнения столь ответственного поручения.

«Единственный мой талант, — думал Самурай, — безропотно, как и мои крестьяне, сносить все невзгоды, что обрушиваются на меня. Видимо, это и было оценено господином Исидой».

Сын заворчался во сне. Самурай с ужасом представил,

как покинет свою семью и Ято. Эта долина была для него тем же, что раковина для улитки. И вот теперь его силой вырывают из этой раковины. Может статься... может статься, он погибнет в пути и уже никогда не вернется сюда. Его вдруг охватил страх: он больше не увидит детей и жену.

В бухте, в которой отражались вершины гор, тихо колыхались на волнах плоты. Слышалось ржание лошадей. Множество бревен громоздилось и на берегу. Это были дзельквы, спиленные в окружающих бухту горах Кэндзё, и криптомерии, которые привозили сюда на лодках с полуострова Одзика. Дзельквы предназначались для кия строящегося корабля, кипарисовик, доставлявшийся из Эсаси и Кэсэнумы, шел на мачты.

Беспрерывно слышался стук молотков, звон пил; мимо Миссионера со скрипом проезжали запряженные волами повозки, груженные бочками с лаком для покрытия корпуса корабля.

Плотники, точно муравьи, облепившие остов корабля, напоминающего скелет какого-то мифического животного, работали не покладая рук.

Миссионер только что переводил нескончаемый спор между испанской командой и японскими матросами. Испанцы, ни во что не ставя японских матросов, с ходу отвергали любое их предложение. Японцы настаивали на том, что для спуска корабля на воду нужен наклонный скат, по которому можно будет столкнуть его в море. Миссионер прекрасно владел японским, но не знал многих специальных терминов, употреблявшихся в этом споре.

Наконец спорщики пришли к согласию, и Миссионер, совершенно обессиленный, удалился. Было около полудня, все, кроме него, могли спокойно погреться и отдохнуть на солнышке, а он должен был обойти всю верфь.

Там трудилось больше десятка христиан, которых использовали для черных работ. Во время дневного перерыва он служил для них мессу, причащал, исповедовал. Все без исключения верующие были из Эдо, где запретили христианство; после того как там началось преследование христиан, они бежали на северо-запад, во владения князя, нанимаясь на золотые прииски. Они, точно муравьи, издали чующие запах сладкого, стали стекаться в Огацу, прослышав, что туда прибыл Миссионер.

Небо было ясное, но ветер холодный. В Эдо, наверное,

уже зазеленела ива, а здесь дальние горы еще кое-где покрыты снегом и леса совсем безжизненные. Весна еще не наступила.

Остановившись около одного из верующих, Миссионер спокойно ждал, пока тот закончит работу. Наконец засыпанный опилками мужчина — в лохмотьях, лоб его был повязан скрученным куском ткани, чтобы пот не заливал лицо, — подошел к нему.

— Падре, — окликнул он Миссионера.

«Да, теперь я не просто переводчик, а пастырь этих несчастных верующих», — подумал Миссионер.

— Падре, я бы хотел исповедаться.

Груда бревен и досок заслоняла их от ветра. Мужчина встал на колени, Миссионер прочел на латыни исповедальную молитву и, прикрыв глаза, стал слушать.

— Я грешен. Язычники насмеются над христианской верой, но я не спорю с ними и позволяю издеваться над Дэусом, потому что не хочу, чтобы товарищи отвернулись от меня.

— Ты откуда приехал?

— Из Эдо, — робко ответил мужчина. — В Эдо христианство уже запрещено.

Миссионер стал говорить, что каждый христианин должен являть собой свидетельство существования Всевышнего. Однако мужчина, слушая его, с грустью смотрел на море.

— Успокойся, — сказал Миссионер, положив руку ему на плечо. — Скоро настанет день, когда никто не будет смеяться над твоей верой.

Отпустив грехи, Миссионер вышел из-за груды бревен. Мужчина, поблагодарив его и неуверенно потоптавшись, ушел. Миссионер знал, что тот снова впадет в такой же грех. Мастеровые с подозрением относились к христианам, которым пришлось искать здесь убежища. Давно ушли в прошлое те времена, когда даже самураи и торговцы спешили принять крещение. Во всем случившемся повинны иезуиты! Если бы они проявили сдержанность и мудрость и не восстановили против себя власти, то золотое время продолжалось бы и поныне...

«Будь я епископом...»

Сев на валун, с которого открывался вид на бухту, Миссионер снова предался мечтам.

«Будь я епископом, никогда бы не поссорился с властями Японии, как это сделали иезуиты. Я сделал бы так, чтобы христианская вера приносила им выгоды, за что по-

лучил бы свободу распространять веру. Миссионерская деятельность в этой стране не так проста, как в Гоа или Маниле. Она требует изобретательности и дипломатичности. Я использую любые средства, которые позволят укрепить мужество в бедных верующих».

Он вспомнил своих знаменитых предков. Он мог гордиться, что в его жилах течет кровь таких людей.

«С этими коварными японцами...»

Чтобы распространять веру в Японии, нужно было прибегать к хитростям. Над бухтой, забитой плотами и бревнами, с громкими криками носились морские птицы, то взмывая ввысь, то едва не касаясь воды. Миссионер мысленно представил себя в пурпурной епископской мантии, но мечта его оплодотворялась не обычным честолюбием, а долгом — нести Слово Божье.

«Господи, — молился он, прикрывая глаза от соленых брызг прибоя, — если я могу послужить Тебе...»

Хибара, которую чиновники отвели Миссионеру здесь, в Огацу, стояла у самой бухты, в значительном отдалении от лагун плотников и подсобных рабочих. В ней была одна-единственная крохотная комната, в которой он и спал, и молился.

В ту ночь море шумело сильнее, чем обычно. Миссионер только что слушал его рокот, когда возвращался в хибару по темному побережью, зажав в руке письмо от отца Диего из Эдо. Он высек огонь и зажег свечу; колеблющееся пламя, со струившейся к потолку ниточкой черного дыма, запечатлело на бревнах его огромную тень. В тусклом свете — он распечатал письмо, и перед его глазами всплыло плаксивое лицо глуповатого Диего.

«Прошел уже целый месяц, как вы покинули Эдо. Положение здесь не ухудшилось, но и не улучшилось. — Почерк у Диего был совсем детский, какими-то корявыми, мелкими буквами он заполнял весь лист бумаги. — По-прежнему христианство запрещено и нас здесь терпят только потому, что правителю известно, что, кроме нас, никто не возьмет на себя заботу о прокаженных. Но рано или поздно нас тоже изгонят отсюда, и мы вынуждены будем бежать на северо-запад.

К сожалению, я не могу сообщить вам ничего отрадного. Иезуиты из Нагасаки снова отправили осуждающие вас письма в Манилу и Макао. По их словам, вы, прекрасно зная о гонениях на христиан в Японии, пред-

принимаете шаги, направленные на то, чтобы побудить Его святейшество Папу способствовать установлению торговых связей между Японией и Новой Испанией. Они утверждают, что ваши действия чрезвычайно опасны для распространения христианства в Японии, и если они будут продолжаться, из Манилы и Макао в Японию по-прежнему будут направляться ничего не ведающие об этой стране молодые миссионеры, что, несомненно, вызовет гнев найфу и сёгуна. Иезуиты уже не раз посылали донесения в Макао, в которых содержались обвинения в ваш адрес. Очень прошу вас, действуйте осмотрительно, учитывая все это...»

Пламя свечи искажало черты Миссионера. Ему удавалось справляться с овладевавшим им порой искушением совершить плотский грех, но побороть буйный нрав он был не в силах. Болезненное самолюбие — их семейная черта — приносило ему временами немало страданий. Его лицо покраснело от гнева.

«То, что иезуиты испытывают ко мне зависть, вполне понятно: найфу и сёгун держат их на почтительном расстоянии, им не удалось добиться благосклонности японских правителей — вот в чем все дело».

Веруя в того же Бога, служа той же Церкви, они — потому только, что принадлежат к другому ордену, — питают к нему отвратительную зависть, клеветуют на него — этого он не мог им простить. Вместо того чтобы вступить с францисканцами в открытый бой, достойный мужчин, иезуиты лгут, интригуют, как свнухи при дворе китайского императора.

Шум моря, словно распалая его гнев, становился все громче. Миссионер поднес свечу к письму Диего. Язык пламени лизнул бумагу, исписанную детскими каракулями, она побурела и с треском, точно трепетали крылышки тысяч мотыльков, вспыхнула и сгорела. Письмо, вызвавшее гнев Миссионера, исчезло без следа, но сердце его не обрело покоя. Сложив ладони, он опустил на колени и стал молиться.

«Господи, — шептал он. — Господи, Ты же знаешь, кто Тебе верный слуга в этой стране, они или я. Обрати меня в камень — для этих бедных японских верующих. Как Ты назвал камнем одного из своих учеников».

Миссионер и не заметил, что то была не молитва, а поношение недругов, нанесших удар по его самолюбию.
— Падре.

Из темноты послышался голос, и он открыл глаза:

в дверном проеме тенью вырисовывался человек. Миссионер помнил лохмотья, которые были на нем. Это был тот самый человек, которого он исповедовал днем за грудой бревен. Мужчина смотрел на Миссионера с той же грустью, как и в тот раз.

— Входи.

Страхнув с колен пепел сгоревшего письма, Миссионер встал. Грустное лицо мужчины чем-то напоминало лицо Диего с красными, словно опухшими от слез глазами. Не переступая через порог, человек стал заунывным голосом умолять, чтобы Миссионер взял его с собой в плаванье, он готов на какую угодно работу. Его изгнали из Эдо, и он пришел сюда, но только из-за того, что он христианин, все сторонятся, ругают его, и если он останется здесь, новой работы ему ни за что не найти.

— Мы, христиане, только об этом и мечтаем, — скулил он.

Миссионер покачал головой.

— Нет, вы не должны уплывать отсюда. Если вы покинете эту страну, кто же будет опорой для священников, которые вскоре приедут сюда? Кто возьмет на себя заботу о них?

— Падре еще долго не смогут приехать...

— Нет, очень скоро во владения Его светлости из Новой Испании приедет много священников. Вы об этом еще ничего не знаете, но Его светлость обязательно это сделает.

«Пройдет немного времени, я вернусь в эту страну, и вместе со мной будет много священников — ради пришедшего ко мне человека, ради себя самого я обязан свершить это, — прошептал Миссионер. — И тогда меня сделают епископом, Главой всех миссий в Японии».

Поглаживая рукой дверную раму, мужчина слушал Миссионера с еще более грустным лицом, чем прежде. Свеча совсем оплыла, и взметнувшееся высоко пламя осветило спину уходявшего.

— Прощай. Расскажи о том, что я говорил, всем своим товарищам. Скоро вашим мучениям придет конец. Я обещаю это.

Плечи и спина мужчины, как и днем, были усыпаны опилками.

Крестьяне, собравшиеся в передней, ждали появления Самурая. Это были выборные трех деревень долины Ято.

Они сидели на корточках, временами кашляя и шмыгая носом.

Когда из глубины дома в сопровождении Ёдзо вышли дядя и Самурай, кашель и шмыганье сразу же прекратились.

Самурай устроился на возвышении у очага и внимательно оглядел крестьян. На их лицах оставили свой след годы, снежные вьюги, голод, непосильный труд. Лица, привыкшие к терпению и покорности... Из этих крестьян ему предстояло выбрать слуг — они должны отправиться с ним за море, в Новую Испанию, которая им даже во сне не снилась. Согласно приказу из замка каждый член миссии мог взять с собой не более четырех человек.

— Мы хотим сообщить вам хорошую вестъ, — самодовольно заявил дядя, не дав Самураю раскрыть рта. — Я думаю, вы уже слышали об огромном корабле в Огацу. По приказу Его светлости он отправляется в далекую страну южных варваров. — Дядя с гордостью посмотрел на племянника. — На этом корабле поплывет Рокуэммон. В качестве посланника Его светлости.

Однако крестьяне продолжали тупо смотреть на Самурая и дядю, не выказывая ни волнения, ни восхищения. Они были похожи на старых, ко всему привычных собак, безучастно наблюдавших за движениями хозяина.

— Что же касается тех, кто будет сопровождать Рокуэммона... — Дядя кивнул на Ёдзо, которому в отличие от крестьян разрешали сидеть не в передней, а в углу комнаты, у очага, — с Ёдзо мы уже говорили. Об остальных трех мы решили так: по одному из каждой деревни.

Лица сидевших на корточках крестьян застыли, точно у мертвецов. Так бывало и прежде. Каждый год, когда нужно было выделять людей на государственные работы по приказу Его светлости, собиравшиеся здесь крестьяне застывали на мгновение, после того как Самурай произносил их имена.

— Путешествие долгое, поэтому особенно трудно будет тем, у кого здесь останутся жены и дети. Об этом тоже подумайте как следует, когда будете выбирать, кому ехать.

Самурай, сидевший рядом с дядей, думал о том, сколько горя придется хлебнуть этим крестьянам. Они, как и он сам, прочно приросли к Ято, словно моллюск к раковине. Им придется вытерпеть и это, как выстаивают в снежную бурю, согнувшись и низко опустив голову.

Крестьяне, прижавшись друг к другу, точно пере-

пелки в садке, совещались тихими голосами. Их едва слышная беседа длилась бесконечно долго, а Самурай и дядя все это время молча наблюдали за ними. Наконец от трех деревень Ято были назначены Сэйхати, Итискэ и Дайскэ, не имевшие ни жен, ни детей.

— Пока Рокуэмон не вернется, мы будем заботиться об их родных.

Остальные вздохнули с облегчением. Снова кашляя и шмыгая носом, они поклонились и покинули переднюю. Но запах земли и пота остался.

— Не робей! — дядя с притворной бодростью похлопал Самурая по плечу. — Нелегко приказывать такое. Но ведь это же все равно что сражение. От тебя зависит, вернут нам земли в Курокаве или нет. Рику тоже придется трудно — готовить тебя в дорогу, уложить вещи. Когда Его светлость соберет посланников?

— Через десять дней. Он даст нам все необходимые указания.

— Прошу тебя, Року, береги себя во время путешествия.

Самурай сидел потупившись, но ему было горько. Все мысли дяди сосредоточены на потерянных землях. Смысл жизни для него — вернуть их. Однако и сам Самурай, и крестьяне, которые только что ушли, не хотели перебираться на новое место. Они желали одного — остаться жить в Ято и умереть здесь.

— Пойду взгляну, как там лошади.

Сделав знак Ёдзо, Самурай спустился в прихожую и вышел наружу. Лошади в конюшне, почуяв хозяина, забились копытами и заржали. Нюхая запах прелой соломы, он оперся спиной о жердь и повернулся к слуге.

— Благодарю тебя, — мягко сказал он. — Значит, едешь со мной?

Кроша соломинку, Ёдзо кивнул. Он был на три года старше Самурая, и в его волосах уже пробивалась седина. Глядя на него, Самурай неожиданно вспомнил свое детство, когда Ёдзо учил его ездить верхом, ставить силки на зайцев. Он научил его стрелять, плавать. Ёдзо, широкоплечий, с глубоко посаженными глазами, был ему верным товарищем с детских лет, когда они вместе косили, заготавливали на зиму дрова, он обучил Самурая всему, что могло пригодиться в жизни.

— Не понимаю, почему меня выбрали посланником? — пробормотал Самурай, поглаживая морду лошади. Он обращался не столько к Ёдзо, сколько к самому себе. —

Какие опасности поджидают нас в этом путешествии? Что это за страна?.. Если ты поедешь со мной, я буду чувствовать себя уверенной.

Словно устыдившись своей минутной слабости, Самурай усмехнулся. Сдерживая переполнявшие его чувства, Ёдзо отвел взгляд и, войдя в денник, стал молча сгребать в угол грязную подстилку, стелить свежую солому — работая, он словно старался побороть страх и тревогу, не зная, что ждет его в предстоящем путешествии.

Через десять дней Самурай и Ёдзо верхом отправились в замок Его светлости. Господин Сираиси должен был передать указания каждому из членов миссии. Дорога от Ято до замка занимала полтора дня; миновав несколько деревушек, таких же бедных, как и в Ято, они выехали на широкую равнину. Здесь уже чувствовалась весна: пригревало солнце, в рощах кое-где виднелись белые цветы магнолий, на еще не вспаханных полях играли детишки — собирали цветы и плели из них гирлянды. Самурай впервые отчетливо осознал, что он уезжает в далекую, неведомую страну. На холме, за которым заканчивалась равнина, темным утесом, точно военный корабль, врезался в небо замок Его светлости. Раскинувшийся у подножия холма призмковый город окутывала легкая дымка. Подъехав к городским воротам, они увидели рынок, где торговцы, прямо на земле разложив свои товары, начиная от сковород и котлов и кончая маслом, солью, бумажными тканями, посудой и другой утварью, громкими криками зазывали покупателей. Самурай и Ёдзо, привыкшие к тихой жизни в Ято, были оглушены этим столпотворением и криками. Переправившись через реку, над которой летали белые цапли, по крутой дороге поднявшись к замку, они оказались у массивных железных ворот, охраняемых стражниками с пиками. Им пришлось спешиться.

Низкий ранг не давал Самураю права войти в главную башню замка без специального разрешения. Подойдя к указанному ему строению на территории замка, он увидел во внутреннем дворе уже прибывших туда остальных посланников. На скамеечках сидели трое: Тюсаку Мацуки, Тародзаэмон Танака и Кюскэ Ниси, имевшие тот же ранг, что и Самурай. Они поклонились друг другу, не скрывая беспокойства и напряжения.

Во дворе стояло еще шесть скамеек. Вскоре раздались шаги, и служители привели трех южных варваров в стран-

ных одеяниях. Длинноносые, похожие на воронов, они уселись напротив посланников. И тут вошел господин Сираиси в сопровождении двух высших сановников.

Прежде чем сесть, господин Сираиси удовлетворенно посмотрел на почтительно склонившегося Самурая и приветливо кивнул ему. Потом торжественно представил южных варваров. Это были старшие офицеры испанского судна, два года назад выброшенного на берег у Кисю. Одного из южных варваров, сидевшего с краю, Самурай помнил. Это был переводчик, который в Огацу сопровождал господина Сираиси и разговаривал с японцами.

— Вы не должны посрамить Его светлость. Вам надлежит взять с собой пики, знамена и даже одежду для сопровождающих вас слуг, чтобы не стать посмешищем в Новой Испании. — Господин Сираиси бросил взгляд на переводчика. — Во всем следуйте указаниям господина Веласко.

Южный варвар, которого называли Веласко, с чуть заметной самодовольной улыбкой взглянул на Самурая и его товарищей. Улыбка словно бы говорила, что без него японские посланники ничего не добьются в Новой Испании.

Посланникам и сопровождающим их слугам было приказано на третий день пятой луны собраться в Цукиноуре. В эту бухту приведут корабль, а уж оттуда он выйдет в море.

После того как каждый из посланников получил приказ, в комнате для гостей было подано сакэ. Господин Сираиси, покидая двор, окликнул Самурая и сделал ему знак задержаться.

— Рокуэмон, впереди немалые трудности, но ты должен выполнить свой долг. Это мы с господином Исидой рекомендовали тебя. Не забывай и о землях в Курокаве. Если ты успешно выполнишь возложенную на тебя миссию, то Совет старейшин, возможно, вернется к этому вопросу. Но пока не говори об этом дяде.

Самурай почтительно слушал господина Сираиси. Он был от всей души благодарен ему за теплое участие.

— В стране южных варваров, — господин Сираиси говорил совсем уж странные вещи, — живут иначе, чем в Японии. Чтобы выполнить миссию, ты не должен упорно следовать японским обычаям. Если то, что в Японии считается белым, у южных варваров считается черным, принимай за черное. Если в глубине души ты не согласен, обязан делать вид, что согласен.

В тот день Самурай повел Ёдзо по городу. У самого замка выстроились богатые дома высших сановников, дома торговцев были сосредоточены на Большой, Южной, Рыбной, Глухой улицах; множество храмов было разбросано по всему городу. Ёдзо, сложив ладони, кланялся перед каждым храмом. Самурай прекрасно понимал, что он испытывает при этом.

Детям он купил игрушечных лошадок, жене — гребень. Когда он покупал ей подарок, перед глазами вдруг возникло лицо жены, и неожиданно для себя Самураю стало стыдно перед Ёдзо, он даже покраснел.

День ото дня на душе Самурая становилось все тяжелее. Его неотступно терзала мысль о долгом морском путешествии, о том, что ему придется отправиться в неизвестную страну южных варваров. Для него, как для всех жителей здешних мест, было невыносимо жить вдали от Ято. Но всякий раз, когда становилось совсем невмоготу, он вспоминал слова господина Сираиси и к нему снова возвращалась благодать духа.

Наступала весна — это ощущалось во всем. Побеги хвоща уже пиками торчали из земли, кое-где виднелись стебли подбела. Все в этой долине, еще с детских лет ставшей неотъемлемой частью его жизни, он будет с нежностью вспоминать на корабле, думал Самурай. Этот пейзаж он долго не сможет увидеть.

Те же печальные мысли посещали его и по вечерам, когда, сидя у очага, он смотрел на жену и детей. Держа на коленях младшего сына, Гондзиро, он говорил ему:

— Отец уезжает в далекую страну, — хотя малыш ничего не мог понять. — Отец уезжает в далекую, далекую страну и привезет подарки Кэндзабуро и Гондзиро.

Он рассказывал Гондзиро сказку, которую когда-то слышал от матери.

— Давным-давно, — покачивая сына на коленях, он словно рассказывал сказку самому себе, — когда наступила весна и стаял снег, лягушка из нашей деревни и лягушка из соседней деревни решили взобраться на вершину холма. — Гондзиро начал клевать носом, но Самурай продолжал: — Давным-давно лягушка решила отправиться в путешествие и, усевшись на лошадь, за спиной барышника, отправилась в путь...

Огромная комната, которая называлась Соколиным залом, была темной и холодной. Единственное, что привлекало внимание, — четырехстворчатые фусума, на которых был изображен сокол с пронзительным взглядом. Раньше Миссионеру тоже случалось бывать в таких же мрачных холодных залах в эдоском замке и дворцах богатых вельмож, и каждый раз у него возникало чувство, что в этой тьме, подобно теням, витают тайные мысли японцев.

— С низжайшим поклоном обращаемся к великому Владыке мира, Его святейшеству Папе Павлу V.

Старик писец зачитывал послание князя. В отличие от высших сановников, которые, как и в прошлый раз, сидели на возвышении справа и слева от господина Сираиси, голова у него была выбрита и одет он был во все черное, как буддийский священник.

— Веласко, брат ордена святого Франциска, прибыл в нашу страну, чтобы проповедовать христианство. Посетив наши владения, он посвятил нас в таинства христианской веры, и мы, впервые познав смысл этого учения, решили без колебаний следовать ему.

То и дело спотыкаясь, писец продолжал читать послание князя.

— Питая уважение и любовь к братьям ордена святого Франциска, мы полны желания строить храмы, отдавать все силы тому, чтобы укреплять добродетель. Мы с радостью сделаем в нашей стране все, что Ваше святейство посчитает необходимым для распространения веры Христовой. Мы с радостью предоставим средства и земли для строительства храмов.

Слушая сиплый голос писца, Миссионер посматривал на господина Сираиси и сановников, но по их каменным лицам невозможно было определить, о чем они думают.

— Новая Испания находится далеко от нашей страны, но мы тем не менее испытываем горячее желание установить с ней отношения и весьма надеемся, что Ваше святейство поможет нам в осуществлении этих намерений.

Писец медленно положил свиток на колени и поднял голову, как обвиняемый в ожидании приговора. Господин Сираиси, приложив руку ко рту, несколько раз кашлянул.

— У вас нет возражений, господин Веласко?

— Все хорошо. Хотелось бы только обратить ваше внимание на два момента. Прежде всего, когда обращаются с приветствием к Папе, принято добавлять традицион-

ную фразу. Она звучит так: «Мы смиренно припадаем к стопам Вашего святейшества».

— Неужели мы должны писать, что Его светлость целует ноги Папе?

— Так принято.

Миссионер говорил непреклонно, тоном, не допускающим возражений. Сановники возмущенно подняли головы, но господин Сираиси лишь невесело усмехнулся.

— Второе замечание касается того места, где говорится о посылке в ваши владения падре, — продолжал наступать Миссионер, воспользовавшись минутной растерянностью Сираиси. — Здесь нужно специально указать, что речь идет только о священниках, принадлежащих к ордену францисканцев. В противном случае наш орден не сможет передать Папе ваше послание.

Миссионер хотел сказать, что следует изгнать из Японии иезуитов и отдать распространение веры в этой стране в полное распоряжение францисканцев, но он понимал, что чрезмерная откровенность неуместна.

— Это очень важно.

— Мы сделаем такое добавление, — согласился господин Сираиси. Для него, так же как и для остальных японцев, и иезуиты, и францисканцы были одинаковыми христианскими падре, и его нисколько не интересовало различие между ними. — Вы уверены, что это послание дойдет до Папы? — спросил он едва ли не заискивающе.

Действительно, без Миссионера ни один из его сановников не смог бы ничего сделать для достижения цели. После того как огромный корабль прибудет в Новую Испанию, посланники, не знающие языка и обычаев этой чужой страны, окажутся беспомощными как дети. И лишь Веласко может помочь им.

— Уверен. Если будет необходимо, я сам отправлюсь в Рим и вручу послание Папе.

— Вы поедете один?

— Нет, возьму с собой кого-нибудь из посланников.

— Поедете туда из Новой Испании?

— Да. Так будет надежнее.

Миссионер уже давно решил: чем отправлять послание через посредников, разумнее самому в сопровождении японцев прибыть к Папе. Сейчас, высказав наконец заветную мысль, он еще больше укрепился в своем намерении. Он возьмет с собой японца и отправится в Рим. Римляне будут глазеть на людей из далекой страны, и высшее духовенство воочию убедится, каких успехов

он добился в Японии. Ради того, чтобы стать епископом...

— Ну что ж. — Господин Сираиси, снова приложив руку ко рту, кашлянул. Он, видимо, хотел немного подумать, прежде чем ответить. — В таком случае... вам лучше всего взять с собой Рокуэмона Хасэкуру.

— Господина Хасэкуру?

Миссионер припомнил лицо одного из посланников, с которым он увиделся во внутреннем дворе замка. По-крестьянски широкоскулое, с глубоко посаженными глазами, лицо человека, готового вынести любые испытания. Он почему-то решил, это именно он — Рокуэмон Хасэкура.

Словно стараясь подольститься к Миссионеру, господин Сираиси с похвалой отозвался об огромном корабле, постройка которого близилась к концу, и с улыбкой сказал, что, если бы был помоложе, сам поплыл бы посмотреть на Новую Испанию.

Беседа закончилась. Натянуто улыбаясь, сановники провожали взглядом Миссионера. Когда звук шагов затих, господин Сираиси иронически посмотрел на писца:

— Ну и несет же от этого южного варвара. Сколько лет он живет в Японии?

— Больше десяти, — почтительно ответил писец.

— Больше десяти? Неужели он хочет обвести нас вокруг пальца? — Господин Сираиси поглаживал левую руку, сжатую в кулак.

День отплытия приближался. В Ято царил суета, как это бывало прежде, когда отец и дядя отправлялись на войну. Поскольку Самурай был главой рода, попрощаться с ним прибыли даже родственники, жившие в дальних деревнях, по очереди приходили помогать и крестьяне. В передней было сложено множество тюков.

В тот день с раннего утра во дворе усадьбы стоял невообразимый гам. На лошадей, приведенных из конюшни, навьючивали поклажу, конюшня и ворота были украшены сосновыми ветками, как на Новый год, в комнатах разложены сушеные каштаны¹. Когда сборы были закончены, Самурай сел у очага, выпил из фаянсового кувшинчика, который принесла жена Рику, три глотка священного вина, настоящего на листьях мисканта, и передал его дяде. От него кувшинчик перешел к Рику, а от Рику —

¹ Считается, что сушеные каштаны приносят удачу.

к старшему сыну Кэндзабуро, потом дядя разбил его о земляной пол в прихожей. В доме Самурая было заведено поступать так в день отправки на войну.

Во дворе ржали лошади. Самурай поклонился дяде, потом пристально посмотрел на Рику. Не отрывая от нее взгляда, погладил по голове детей. Ёдзо, закончив приготовления, ждал во дворе Самурая с пикой в руке; Сэйхати, Итискэ и Дайскэ — трое юношей, отобранных деревенскими стариками, — стояли у навьюченных лошадей; за воротами собрались крестьяне, чтобы проводить отъезжающих.

Сев в седло, Самурай снова поклонился дяде. За ним стояла Рику, по лицу которой было видно, какие страдания доставляет ей отъезд мужа. Самурай с улыбкой кивнул Гондзиро, которого держала на руках служанка, и стоявшему рядом Кэндзабуро. Он подумал в этот момент, как сильно изменятся дети, когда он вернется домой.

— Береги с ебя, — крикнул дядя, и Самурай тронул поводья.

Погода была ясная. В Ято уже пришла весна. В рощах зацвели белые цветы, в поле пели жаворонки. Самурай смотрел на этот пейзаж, который он так долго не увидит, стараясь получше его запомнить.

Они выбрали ту же дорогу, по которой Самурай ездил однажды в Огацу. Весть об отплывающем огромном корабле уже распространилась во владениях Его светлости, поэтому на всем пути их встречали люди. Одни предлагали попить горячей воды, другие благодарили за то, что они взяли на себя такую тяжелую миссию. Когда Самурай ехал в прошлый раз по этой дороге, была еще зима, а сейчас повсюду цвели цветы, на полях крестьяне погоняли неторопливых быков. На следующий день вдаль показалось море, освещенное теплыми лучами весеннего солнца, по небу плыли мягкие, похожие на вату, облака.

Наконец Самурай и его попутчики увидели на горизонте огромный корабль. И крик восхищения вырвался у них из груди.

Темный корабль напоминал огромную крепость. Серые паруса на двух высоченных мачтах надуты ветром. Похожий на острое копьё бушприт устремлен в голубую даль, волны взбивают пену у бортов.

В полном молчании они взирали на корабль. Он был гораздо могущественнее и внушительнее любого боевого корабля Его светлости, которые им приходилось до этого видеть. Послезавтра он примет на борт посланников и их

попутчиков и станет вершителем судеб этих людей — сейчас Самурай ощутил это с особой остротой. Он теперь ясно осознал, что тихой жизни в Ято пришел конец. И ощутил душевный подъем и волнение, словно и в самом деле отправлялся на войну.

«Вот это да, вот это да... Такой корабль построить!»

Имея низкий ранг мэсидаси, Самурай лишь несколько раз, и то издали, видел его светлость, обычно пребывавшего в главной башне замка. Он был для него недостижим. Но в тот момент, как Самурай увидел огромный корабль, в его мозгу сразу же всплыли слова: «служить Его светлости». Для него корабль олицетворял князя, олицетворял могущество. Верноподданного Самурая переполняла радость оттого, что он отдает себя в полную власть Его светлости.

В Цикиноуре собралось множество людей, как тогда в Огацу. На окруженном с трех сторон горами крохотном побережье, напоминавшем узкую лощину, грузчики тащили к лодкам тюки, предназначавшиеся для погрузки на корабль, чиновники тростями указывали, что куда нести. Когда Самурай и его попутчики пробрались через толпу, чиновники вежливо поздоровались и поздравили их с прибытием.

У храма, где отвели помещение Самураю, стояли стражники. От них он узнал, что остальные посланники — Тюсаку Мацуки, Тародзаэмон Танака и Кюскэ Ниси — уже прибыли, а испанская команда будет размещена в храме близлежащей деревни. Окна помещения, где поселили посланников, выходили прямо на бухту. Но корабль загромождала гора, и его не было видно. В бухте сновали тяжело груженные лодки, направляясь к мысу, за которым стоял корабль.

— Какой огромный груз, — заметил самый молодой, Кюскэ Ниси. — Ведь на корабле, как я слышал, поплывет больше ста человек купцов, рудокопов и мастеровых.

Самурай и Тародзаэмон Танака недоверчиво слушали восторженные рассказы Кюскэ Ниси о грандиозном предприятии Его светлости. Тюсаку Мацуки стоял в стороне и, скрестив руки, смотрел на бухту. А Ниси торжественно говаривал о том, что купцов взяли на корабль, чтобы продавать в той стране разные японские товары и заключать торговые сделки; рудокопов, кузнецов и литейщиков — чтобы обучиться принятым у южных варваров горному и литейному делу. Самурай, разумеется, знал, что во владениях Его светлости есть золотые прииски, богатые

залежи руды, но то, что такие люди отправятся с ними на корабле, слышал впервые. Уже лежа в постели, он стал убеждать себя, что его миссия не имеет со всем этим ничего общего — он обязан лишь доставить послания в Новую Испанию и Ватикан. В ту ночь он долго не мог заснуть от шума волн и громкого биения сердца.

Утром, в день отплытия, на морском ветру хлопало натянутое на берегу бухты полотнище с фамильным гербом Его светлости. Посланники, прежде чем сесть в лодку, которая должна была доставить их на корабль, почтительно попрощались с господином Сираиси и двумя другими сановниками, прибывшими из Сиогамы на военном корабле. Господин Сираиси напутствовал ободряющими словами каждого из посланников, а когда подошел Самурай в сопровождении Ёдзо и трех других слуг, сказал ему, подымаясь со скамьи и держа в руках шкатулку, завернутую в золотую парчу:

— Рокуэмон, здесь послания князя. — И вручил шкатулку Самураю.

Самурай с трепетом принял из его рук шкатулку.

Лодка с посланниками, медленно удаляясь от берега, вдоль перерезающей бухту скалы направлялась в открытое море. Самурай со шкатулкой в руках и четверо его попутчиков, не в силах произнести ни слова, безмолвно смотрели на выстроившихся по обеим сторонам белого полотнища чиновников и стражу. Они думали о том, придут ли их встречать сюда столько же людей, когда они через много лет возвратятся живыми на родину и вновь войдут в эту бухту.

Не успела лодка выйти из бухты, как перед их глазами возник огромный корабль, который они впервые увидели позавчера. Нос корабля, высившегося точно крепостная стена, бушприт, копьём врезающийся в голубое небо, аккуратно свернутые паруса, реи, с которых свисали бесчисленные фалы... Выстроившаяся на палубе испанская команда и японские матросы смотрели вниз, на приближающуюся лодку.

Один за другим посланники поднялись по раскачивающейся веревочной лестнице на борт. Корабль был трехпалубный, по верхней, точно муравьи, сновали японские матросы. На второй был люк, который вел в трюм. Прибывшие спустились в свои каюты. Посланникам была выделена каюта в носовой части корабля. В ней еще пахло свежим лаком. Слугам пришлось пройти в большую каюту, где должны были разместиться и купцы. Это было заби-

тое ящиками помещение с обнаженными потолочными балками.

Посланники, войдя в каюту, некоторое время молчали, прислушиваясь к шуму на палубе. Это, топая, поднимались на борт купцы, которые провели ночь в Одзике. Сквозь небольшое оконце были видны крохотные островки Тасиро и Адзи. Но бухту увидеть не удалось.

— Интересно, отбыли уже сановники? — сказал Ниси, прикивая к окошку.

Ниси поднялся на палубу, остальные последовали за ним. Все на корабле было для них в новинку, и они боялись оставаться в одиночестве.

Самурай, пробравшись сквозь толпу купцов, встал рядом со своими слугами и стал смотреть на горы Одзика, с которыми вот-вот должен был расстаться. Их покрывала яркая майская зелень. Может быть, он в последний раз видел этот японский пейзаж. Неожиданно перед его взором стали всплывать холмы и деревни Ято, его собственный дом, конюшня, лицо Рику, и он с болью подумал: интересно, что сейчас делают дети? С верхней палубы донеслись громкие крики. Это испанская команда гортанными голосами пела какую-то песню. Несколько японских матросов поднялись на мачты и по указанию испанской команды распускали огромные паруса, похожие на гигантские флаги. Снасти стонали, крик чаек напоминал кошачье мяуканье. Но вот незаметно для всех огромный корабль развернулся и лег на курс. Под шум бьющих в борт волн Самурай подумал: начинается новая жизнь.

ГЛАВА III

Корабль вышел из Цукиноуры, небольшого порта на полуострове Одзика, в пятый день пятого месяца. Галеон, который японцы называют «Муцу-мару», а испанская команда — «Сан-Хуан-Баутиста», качаясь, плывет по холодному Великому океану на северо-восток. Надутые паруса напоминают луки. В утро отплытия я, стоя на палубе, неотрывно смотрел на острова Японии, где прожил целых десять лет.

Десять лет — мне горько об этом говорить, но христианство до сих пор не укоренилось в Японии. Японцы ни умом, ни любопытством не уступают ни одному из европейских народов, но, как только речь

заходит о нашем Боге, они закрывают глаза и затыкают уши. Иногда эта страна представляется мне островом несчастий.

Однако я не падаю духом и не теряю надежды, Семена Божьего учения в Японии посеяны, просто выращивали их без должного усердия. Орден иезуитов, который долгие годы владел правом распространения вероучения в этой стране, не задумывался о том, что это за почва, не подбирал пригодные для нее удобрения. Я многому научился на ошибках иезуитов и, что очень важно, знаю японцев. Если бы меня сделали епископом, я бы не повторил их ошибок.

Три дня назад Японские острова скрылись из виду. Однако, как это ни удивительно, за нами следуют неизвестно откуда взявшиеся чайки, они то летят, почти касаясь гребней волн, то садятся на мачты. «Сан-Хуан-Баутиста» плывет к сороковым широтам, но пока мы едва удалились от японского острова Эдзо. Ветер благоприятствует нам, морское течение помогает кораблю плыть.

Как только мы вышли в открытое море, качка усилилась. Она, конечно, не шла ни в какое сравнение с бурями, обрушивавшимися на корабль, даже просто с волнением в Индийском океане, когда тридцать лет назад я плыл на Восток, однако японцы, укрывшиеся в своих каютах, все до одного страдают от морской болезни, на еду даже смотреть, бедные, не могут. Единственное ведомое им море — прибрежные воды.

Даже посланники страдают морской болезнью. Видимо, двое из них — Хасэкура Рокуэмон и Тародзаэмон Танака — вообще никогда еще не плавали на корабле, и, когда я зашел в их каюту, единственное, на что они были способны, это жалко улыбнуться.

Эти посланники среди вассалов князя — кабальерос среднего ранга, каждый из них владеет небольшими земельными угодьями в горной местности. Князь выбрал для этой миссии не своих высших сановников, а именно этих незнатных самураев, возможно, из существующей в Японии традиции не считать посланников важными персонами, но для меня это даже лучше. Нет необходимости обращаться к ним за указаниями, и можно будет действовать по собственному разумению. Провинциал Японии, иезуит Валиньяно однажды, выдав за отпрысков ари-

стократов едва ли не полунищих бродяжек, отправил их в Рим как посланцев Японии — и там никто ничего не заподозрил. Позже многие порицали его за это, я же, скорее, ценю подобную его изворотливость.

Нужно записать имена этих посланников, которые не смогут отойти от меня ни на шаг. Кюскэ Ниси, Тародзаэмон Танака, Тюсаку Мацуки, Рокуэмон Хасэкура.

Кроме Кюскэ Ниси, ни один из них после отплытия не сделал даже попытки сблизиться со мной. Наверное, из-за характерной для японцев настороженности по отношению к иностранцам и присущей им застенчивости. Лишь самый молодой — Ниси — проявляет детское любопытство, упиваясь своим первым морским путешествием, расспрашивает меня о том, как построен корабль, как действует компас, говорит, что хочет изучать испанский язык. Самый старший — Тародзаэмон Танака — неодобрительно смотрит на легкомысленное поведение молодого Ниси, этот коренастый, плотный человек твердо решил: что бы ни случилось, с чем бы он ни столкнулся, всегда проявлять рассудительность и вести себя так, чтобы в глазах испанцев достоинству японцев ни в коем случае не был нанесен ущерб.

Тюсаку Мацуки худ и темнолиц. Я разговаривал с ним всего несколько раз, но понял, что из четверых посланников он самый умный. Иногда он выходит на палубу и стоит там один, в задумчивости, — он, по-моему, не считает, что ему оказали великую честь, избрав в качестве посланника, хотя остальные в этом убеждены. Рокуэмон Хасэкура, которого можно принять скорее за крестьянина, чем за самурая, среди посланников самый невидный. Я еще не решил, следует мне отправиться в Рим или нет, но не могу понять, почему господин Сираиси предложил мне именно его в попутчики, если я поеду туда. Хасэкура и внешне вполне зауряден, и не так умен, как Мацуки.

Неподалеку от каюты посланников находится огромное помещение, в котором разместились японские купцы. Их головы забиты лишь торговыми сделками и барышами, они отличаются поразительной алчностью. Не успели они сесть на корабль, как стали допытываться у меня, какие японские товары будут

пользоваться спросом в Новой Испании. Когда я назвал шелк, створчатые ширмы, военные доспехи, мечи, они удовлетворенно переглянулись и спросили, смогут ли закупить там дешевле, чем в Китае, шелк-сырец, бархат, слоновую кость.

— Видите ли, в Новой Испании, — ответил я насмешливо, — доверяют лишь христианам. Поэтому стремятся совершать торговые операции преимущественно с верующими.

Купцы пришли в замешательство, но на лицах изобразили улыбки, как это свойственно японцам.

Сегодня такой же монотонный день, как и вчера. Все то же море, все те же облака на горизонте, все тот же скрип мачт. Плаванье «Сан-Хуан-Баутисты» проходит благоприятно. Во время утренней мессы я всякий раз думаю: нам чудесно даровано спокойное путешествие потому, что Господь на этот раз решил помочь осуществлению моих планов. Воля Господня неисповедима, но мне кажется, что Он так же, как и я, хочет, чтобы Япония, где распространять веру столь трудно, стала христианской страной.

Капитан Монтаньо и его помощник Контрерас не проявляют ни малейшего интереса к моим планам. Открыто они об этом не говорят, но я убежден, что мои планы вызывают у них даже антипатию. И все потому, что после кораблекрушения, когда их задержали в Японии, у них не сложилось благоприятного впечатления об этой стране и ее народе. Они демонстративно избегают японцев, не делая исключения даже для посланников, и не одобряют общения между испанской командой и японскими матросами. Я дважды советовал капитану пригласить посланников к обеду, но он решительно отказался.

— Когда нас задерживали в Японии, для меня были невыносимы высокомерие и нетерпимость японцев, — сказал мне капитан за обедом два дня назад. — Мне, кажется, никогда в жизни не приходилось встречать людей, которые были бы такими неискренними, которые считали бы добродетелью не открывать другим своего сердца, как этот народ.

Я возразил, мол, политическое устройство в этой стране столь совершенно, что невольно задаешь себе

вопрос: неужели Япония и в самом деле языческая страна?

— Именно поэтому с ней трудно иметь дело, — сказал помощник капитана. — Рано или поздно она попытается завладеть всем Великим океаном. Если мы хотим сделать ее христианской, проще не словами, а оружием покорить ее.

— Оружием? — воскликнул я. — Вы оба недооцениваете эту страну. Это вам не Новая Испания или Филиппины. Они привыкли воевать и умеют это делать. Вам известно, что иезуиты потерпели провал только потому, что думали так же, как вы?

Хотя им это было неприятно, я стал перечислять ошибки иезуитов. Например, иезуиты, отец Коэльо и отец Фроиш, намеревались превратить Японию в испанскую колонию, что вызвало гнев японских правителей. Стоит мне заговорить о иезуитах, я не в силах сдержать негодование.

— Именно поэтому, чтобы распространить в Японии ученье Божье, — заключил я в гневе, — существует лишь один способ. Обмануть их. Испания должна поделиться барышами от торговли в Великом океане с Японией, а за это получить привилегии в распространении там веры. Японцы ради прибыли пойдут на любые жертвы. Если бы я бы епископом...

Капитан и его помощник переглянулись и ничего не ответили. Они промолчали не потому, что были согласны со мной, а потому, что подумали: ну и интриган же этот священник. Прекрасно понимая, что в разговорах с мирянами нужно избегать подобных заявлений, я, к сожалению, не смог сдержаться.

— Кажется, для вас, падре, распространение веры в Японии важнее интересов Испании, — схибно заметил капитан.

Сказав это, он умолк. Было ясно, что мои слова «Если бы я был епископом...» они восприняли как низменное желание сделать карьеру.

«Лишь ты, Господи, можешь проникнуть в сокровенные желания человека, судить о них. И Тебе известно, что я произнес эти слова не из тщеславия. Я избрал Японию той страной, где обрету вечный покой. Мне кажется, я нужен для того, чтобы были услышаны голоса воспевающих Тебя в этой стране».

Случилось нечто удивительное. Как-то я, прогуливаясь по палубе, вслух читал молитвенник, и ко

мне подошел один из японских купцов. Заметив, как я шепчу молитву, он спросил меня с удивлением: — Господин переводчик, чем это вы занимаетесь?

Как ни глупо, я подумал, что его заинтересовала молитва, но это было не так. Кончилось тем, что он, улыбнувшись мне в ответ, понизил голос и попросил меня устроить, чтобы в Новой Испании ему было дано преимущественное право заключать торговые сделки. Я слушал купца, с омерзением отвернувшись, а он прошептал, по-прежнему улыбаясь:

— Вы будете вознаграждены за это сполна. Я получу прибыль, и часть ее достанется вам.

На моем лице было написано явное осуждение, и я постарался поскорее отделаться от него, ответив, что хотя я нахожусь здесь в качестве переводчика, но в то же время являюсь падре, отказавшимся от мирской суеты.

Я боюсь этого морского путешествия, которое продлится целых два месяца. Оно обрекает меня на полную бездеятельность. Каждый день в кубрике я служу мессу для испанской команды, но ни один японец ни разу не заглянул туда. Кажется, единственное счастье для них — мирская выгода. Японцы принимают лишь религию, которая приносит мирские выгоды — будь то богатство, победа в войне или избавление от болезни, — и совершенно безразличны к непознаваемому и вечному. Но все равно я проявлю нерадивость, если во время плавания не смогу внушить учение Господа ни одному из сотни японцев, находящихся на корабле.

Посланники ужасно страдали от морской болезни. Кюскэ Ниси и Тюсаку Мацуки переносили ее легче, а Тародзаэмон Танака и Самурай, не успел корабль выйти из Цукиноуры, несколько дней лежали пластом и слушали тоскливый скрип мачт. Они не представляли себе, где плывут, и не интересовались этим. Корабль беспрерывно качало, слышалось монотонное, надоедливое поскрипывание мачт, которое время от времени заглушал судовой колокол. Даже закрыв глаза, они чувствовали, что какая-то неведомая им могучая сила возносит их вверх и тут же медленно опускает вниз. Измученный беспрерывными позывами к рвоте, обессиленный Самурай временами дре-

мал, временами вспоминал жену Рику, детей, дядю, сидящего у очага.

Приносить еду посланникам было обязанностью сопровождающих их слуг, и когда Ёдзо, пошатываясь, входил с подносом, его лицо — лицо человека, страдающего морской болезнью, — поражало бледностью и худобой. У Самурая не было никакого аппетита, но он заставлял себя съедать все, что ему приносили, чтобы хватило сил достойно выполнить возложенную на него ответственную миссию.

— Ничего страшного, — утешал Веласко Самурая и Танаку, заглядывая в каюту посланников. От подходившего вплотную Веласко исходил неприятный запах, еще больше усугублявший их страдания от морской болезни. — К качке привыкают. Дней через пять самые большие волны, даже буря, будут вам нипочем.

Самураю трудно было поверить в это. Он завидовал молодому Ниси, который спокойно ходил по кораблю, с интересом все рассматривая и спрашивая у Веласко значение незнакомых ему испанских слов.

Но вот закончился третий день, миновал четвертый — в это было трудно поверить, — но, как и предсказывал Веласко, страдания Самурая стали понемногу утихать. А на пятый, утром, он вышел из каюты, пропахшей лаком и рыбьим жиром, и стал подниматься наверх. На безлюдной палубе в лицо ему ударил резкий порыв ветра. У него даже дух захватило. Перед его глазами раскинулся безбрежный морской простор, где гуляли огромные пенящиеся волны.

Самурай впервые увидел безбрежное открытое море. Не было земли, даже крохотного островка. Волны сталкивались, взывали, издавали какие-то боевые кличи, словно на его глазах происходила схватка бесчисленных воинов. Бушприт вонзался в серое небо, корабль, взметая брызги, нырял и тут же снова взлетал на гребень волны.

У Самурая закружилась голова. Порывы ветра затрудняли дыхание. И на востоке море, где бушуют огромные волны. И на западе море, где борются волны. И на юге и на севере — везде море. Впервые в жизни Самурай воочию убедился, как велико море. Глядя на него, он понял, что Ято, где он прожил всю свою жизнь, — крохотное маковое зернышко.

Послышался звук шагов. На палубу вышел Тюсаку Мацуки. Худой и мрачный, он тоже стал с интересом наблюдать это величественное зрелище.

— Действительно, мир необъятен. — Ветер разорвал фразу Самурая и, как клочки бумаги, унес далеко в море. — Даже не верится, что море простирается до самой Новой Испании.

Мацуки, стоявший к нему спиной, даже не пошевелился — может быть, не расслышал? Он еще долго молчал, не в силах оторвать глаз от моря. Тень от мачты падала ему на лицо.

— Целых два месяца мы будем плыть по этому морю, — сказал наконец Мацуки.

Его слова тоже унес ветер.

— Господин Хасэкура, что вы думаете о нашей миссии?

— О миссии? Думаю, мы должны быть благодарны, что ее возложили именно на нас.

— Я говорю о другом. — Мацуки сердито покачал головой. — Почему, по-вашему, нам, самураям невысокого ранга, дано такое важное поручение? С тех пор, как мы отплыли из Японии, я только об этом и думаю.

Самурай молчал. Он и сам никак не мог понять, почему в качестве посланников избраны он и его товарищи. Было странным, что главой миссии не назначен никто из высших сановников.

— Господин Мацуки...

— Мы обыкновенные пешки в этой игре, — пробурчал под нос Мацуки, продолжая смотреть на море. — Пешки Совета старейшин.

— Пешки?

— Совершенно ясно, что такую высокую миссию следовало возложить на кого-то из членов Совета старейшин, а вместо этого назначают нас. В чем же дело? А в том, что, если даже мы будем страдать от качки, если даже заболеем в неведомой стране южных варваров, это насколько не беспокоит ни Его светлость, ни Совет старейшин.

Видя, как побледнел Самурай, Мацуки, словно радуясь этому, продолжал:

— Хотя мы и зовемся посланниками, но ведь никто из нас не знает языка — мы обычные гонцы, которые с помощью Веласко должны передать послания Его светлости. Для него и членов Совета старейшин неважно, даже если мы и сгинем в каких-то морях, в каких-то землях, — лишь бы завязалась торговля с Новой Испанией и корабли южных варваров стали заходить в Сиогаму и Кэсэн-нуму.

Разносимые ветром брызги окатывали палубу, где они стояли, снасти над головой гудели.

— Господин Сираиси... ничего такого не говорил, — пробормотал Самурай.

Его раздражало собственное косноязычие, не позволявшее как следует ответить Мацуки. Если бы они были обыкновенными пешками, зачем бы господину Сираиси и господину Исиде говорить, чтобы он себя берег, что, когда вернется, попытаются найти возможность возвратить ему земли в Курокаве?..

— Господин Сираиси ведь не сказал вам ничего определенного, — усмехнулся Мацуки. — «Попытаются найти возможность» — вот же его слова. Когда двенадцать лет назад Его светлость распределял угоды, у многих самураев их исконные земли были отобраны и вместо них по решению Совета старейшин им отводили дикие пустоши. И сколько они потом ни обращались с просьбой вернуть старые владения, положительного ответа так и не дождались, что вызвало недовольство этих самураев. И я, и вы, господин Хасэкура, и Ниси, и Танака — все мы в одинаковом положении. Из таких недовольных отобрали нас четверых и послали в тяжелое плавание: если мы в дороге погибнем, земли наши отберут, не выполним как следует своей миссии посланников — строго накажут. В назидание всем остальным недовольным самураям. Во всяком случае, Совет старейшин ничего не теряет.

— Трудно в это поверить.

— Хотите верьте — хотите нет. Кстати, известно ли вам, господин Хасэкура, что до отплытия корабля мнения в Совете старейшин разделились? — Произнеся эту загадочную фразу, Мацуки стал спускаться по лестнице. — Ладно, хватит об этом. Во всяком случае, таковы мои предположения.

После того как Мацуки ушел, Самурай остался на палубе один на один с бушующим морем.

«Наша миссия — та же битва. Мы, мэсидаси, ведя своих воинов, на поле боя сражаемся с противником, осыпаясь стрелами и ядрами. А высшие военачальники находятся в палатке, в тылу, и оттуда командуют войском. И этих высших военачальников не назначили посланниками по той же причине, по которой они не сражаются на поле боя. Вот как следует все это объяснить».

Таковыми рассуждениями Самурай пытался унять тоску, но слова Мацуки тяжелым грузом легли на его душу...

Когда он спустился вниз, вой ветра, бешеный грохот

огромных волн стал почти не слышен. Возвращаться в каюту посланников не хотелось. Там нестерпимо пахло лаком. Он заглянул в каюту, где разместились купцы. Ему было известно, что там находятся сопровождавшие его слуги Ёдзо, Сэйхати, Итискэ и Дайскэ.

В каюте стоял запах циновок, в которые были завернуты товары, смешанный с запахом потных тел. Купцов было человек сто — одни без дела валялись на полу, другие, усевшись в кружок, играли в кости. Рядом с тюками мучились от качки Ёдзо и его товарищи, но, увидев господина, они попытались подняться.

— Не нужно, не вставайте, — остановил он их. — Ужасная штука эта морская болезнь. Для нас, выросших в горах, море кажется страшнее, чем оно есть на самом деле.

Вернемся домой, сказал Самурай, никому не будем рассказывать, как страдали на этом корабле от морской болезни. Его слова вызвали наконец улыбку у Ёдзо и его товарищей. Только на этих четверых он сможет положиться в таком трудном путешествии, подумал он, глядя на их изможденные лица. Вернувшись целым и невредимым на родину, он может рассчитывать на какое-то вознаграждение. А этих людей ждет их обычная доля — безрадостный изнурительный труд.

— В Ято сейчас, наверное, дождь...

В это время там и в самом деле идут непрерывные дожди. И крестьяне, скинув одежду, залепанные грязью, работают не покладая рук. Но даже такая грустная картина казалась Самураю и четверым его слугам приятной и родной...

— «Сомос хапонесес». Это означает «Мы японцы». — С этим странным сообщением явился к Танаке и Самураю, писавшему свой путевой дневник, Ниси. Самурай подозрительно посмотрел на него.

— Почему вы туда не ходите? Переводчик — господин Веласко — учит купцов языку южных варваров.

— Ниси, если мы, посланники, будем общаться с купцами, испанцы в конце концов станут относиться к нам с презрением, — недовольным тоном упрекнул его Танака.

Получив выговор, Ниси покраснел.

— Но разве будет лучше, если, приехав туда, не будем понимать ни слова?

— У нас же есть переводчик, пе-ре-вод-чик...

Глядя на Ниси, которому так строго выговаривал Танака, Самурай в глубине души завидовал этому юнцу, который быстро сходится с людьми, быстро осваивается в любой обстановке. Выросший в глухой долине Ято, он так же, как Танака, недоверчиво относился к незнакомым людям. А этот молодой человек каждый день лазит по всему кораблю и проявляет неподдельный интерес к тому, как тот устроен, какие на нем приспособления. Услышанные испанские слова он записывает на листках бумаги; именно он сообщил японцам, что командир корабля по-испански «капитан», палуба — «кубьерта», парус — «вела».

— Но даже господин Мацуки, — возразил, покраснев, Ниси, — учится вместе с купцами.

На лице Танаки появилось недовольное выражение. Будучи старшим по возрасту среди посланников, он опасался, как бы его авторитету не был нанесен ущерб. Поэтому он старался не показывать южным варварам своего удивления, впервые в жизни увидев на корабле то, с чем они ни разу не сталкивались.

— Господин Мацуки, вы тоже? — удивленно спросил Самурай.

— Да.

Было невозможно понять, о чем думает этот человек с мрачным бледным лицом. Он и сейчас стоял в глубокой задумчивости, повернувшись к Самураю спиной. Он проворчал тогда, что для Его светлости и Совета старейшин посланники не более чем пешки. И сказал, что Совет старейшин решил отправить самураев низкого звания в такое трудное путешествие, чтобы потушить их недовольство. Самурай не передал слов Мацуки ни Танаке, ни Ниси. Он просто не решился сделать это.

Самурай встал, словно пытаясь прогнать от себя слова Мацуки. Коридор внутри корабля тянулся бесконечно — с одной стороны луком изогнулись ребра шпангоутов. С другой были грузовые помещения, каюта купцов, склад провианта, камбуз, где готовили себе японцы. Из складов пахло пылью и соломенными циновками, из камбуза — мисо.

— Господин Хасэкура! — Самурая догнал Ниси, сияя белозубой, как у ребенка, улыбкой. — Не хотите поучить испанский?

Самурай мрачно кивнул.

Они вошли в большую каюту, где в четыре ряда перед

грудой товаров сидели купцы с кистями и бумагой, старательно записывая испанские слова, которым их обучал переводчик.

— «Сколько стоит?» по-испански будет «Куанто куэста?».

Веласко произнес эту фразу трижды. «Куанто куэста?» И купцы каждый раз с серьезным видом записывали ее. А сопровождающие посланников слуги, улыбаясь, наблюдали эту странную сцену.

— Послушайте еще раз: «Куанто куэста?»

Ниси повторил фразу у самого уха Самурая. Здесь начинался мир, решительно отличавшийся от того, который существовал в Ято. Среди склонившихся черноволосых голов купцов он увидел покачивающийся костлявый затылок Мацуки, сидевшего скрестив руки на груди.

Обучая самому простому, повседневному приветствию, Веласко сказал:

— Но даже если вы и запомните слова, вести торговые сделки в Новой Испании все равно не сможете. — Достав тряпку, он отер рот. — Как я уже говорил, вам ничего не удастся там сделать, если вы не проникнетесь христианской верой. Посмотрите вокруг. Даже на этом корабле испанцы отдают команды, словно поют гимны. Вы обратили внимание на голоса, которые каждое утро слышатся с верхней палубы? Эти песнопения — морские команды.

Это было правдой. Во время отплытия матросы южных варваров передавали друг другу команды с какой-то странной распевностью. Те же самые команды каждый день слышатся с палубы.

— Я не настаиваю на том, чтобы вы постигали христианскую религию. Но вот у меня в руках книга, в которой рассказывается о жизни Иисуса Христа.

Среди купцов рябью пробежал шепот, но тут же утих. Мацуки поднялся и подошел к Самураю и Ниси:

— Посмотрите, как оживились купцы. Они готовы даже принять христианство, лишь бы это было на пользу торговле. Веласко, зная их алчность, решил проповедовать им христианское учение. Великий хитрец этот переводчик.

Передернув плечами, возмущенный Мацуки направился в свою каюту; глядя на его худую спину, простодушный Самурай почувствовал себя несчастным. Но ему было неприятно, что Мацуки ко всем относится с презрением.

Уже полмесяца «Сан-Хуан-Баутиста» плывет на восток по Великому океану, и еще не удалось увидеть хотя бы островок. Хорошо, что за все это время мы ни разу не попали ни в штиль, ни в сильный шторм. Разумеется, в этих северных широтах редко бывают штили, как это случается у экватора, но штормы обрушиваются часто. Поэтому такое счастливое плавание — явление удивительное, говорит капитан Монтаньо. Давным-давно, когда я впервые плыл в Японию, команда ненавидела каждого, кто начинал свистеть во время штиля. Моряки суеверно считают, что от свиста штиль затягивается. Утро на «Сан-Хуан-Баутисте» начинается с мойки палубы. Вся черновая работа: мойка палубы, закрепление фалов, очистка якорных цепей от ржавчины, починка снастей, чем приходится заниматься с утра до вечера, поручена японским матросам. А марсовые, рулевые, вахтенные — все испанцы.

Изо дня в день, даже несколько раз в день — утром, днем и вечером — цвет моря меняется. Удивительно: изменение формы облаков, блеска солнечных лучей, атмосферного давления окрашивает море в такие неповторимые, насыщенные тона, то радующие, то нагоняющие тоску, что даже художник прищелкнет языком от восхищения. Глядя на это море, не я один преисполняюсь желанием восславить мудрость Создателя. Мы уплыли уже так далеко от суши, что даже морские птицы отстали от нас, но зато теперь радуют наш взгляд проносящиеся над самыми волнами серебристые летающие рыбы.

На сегодняшнюю утреннюю мессу — меня это поразило — пришли несколько японских купцов, чтобы посмотреть на богослужение. Держа в руке чашу и вкладывая в рот стоявших на коленях испанских моряков кусочки освященного хлеба, вдруг увидел кучку японцев, которые благоговейно, но в то же время удивленно наблюдали за происходящим. Может быть, они пришли послушать мессу, движимые скукой, царившей на корабле? Или, может быть, их сердца тронуло Священное писание, которое я вот уже шесть дней по частям перевожу им после занятий испанским языком? А может быть, они поверили моим словам, что в Новой Испании язычники никогда не добьются успеха при совершении торговых сделок?

Во всяком случае, я вполне удовлетворен таким результатом. Отслужив мессу и убрав в шкаф ризу и чашу, я вышел к японцам, бродившим поблизости.

— Что вы думаете об увиденном? Вам не хочется проникнуть в глубокий смысл, сокрытый в мессе?

Среди японцев был тот самый желтозубый купец, который, как-то встретив меня на палубе, умолял выпросить для него привилегии в торговле. Чуть улыбнувшись, он ответил:

— Господин переводчик, японские купцы готовы воспринять все, что может помочь в деле. Им не повредит, если во время этого путешествия они узнают о христианском учении.

Его прямой ответ заставил меня непроизвольно улыбнуться. Это был ответ истинного японца, но слишком уж чистосердечный. Словно заискивая передо мной, они пожелали, чтобы я и дальше рассказывал о славной жизни Христа.

Им не повредит, если они узнают о христианстве. Мне кажется, ответ желтозубого прекрасно продемонстрировал истинное отношение японцев к религии. Долгая жизнь в Японии ясно показала мне, что в религии японцев привлекают лишь мирские блага. Правильнее даже сказать, что религия служит им средством добиться мирских благ. Они поклоняются своим синтоистским и буддийским богам лишь для того, чтобы избежать болезней и стихийных бедствий. Феодалы во имя победы в войне всякий раз обещали пожертвования синтоистским и буддийским храмам. Буддийские монахи, хорошо понимая это, заставляют поклоняться статуе дьявола Якуси Нёрай¹, который якобы исцеляет людей; никого японцы так не почитают, как его. И не только потому, что хотят с его помощью избежать болезней и стихийных бедствий. В Японии существует множество сект, обещающих верующим умножение богатства и благоденствие, и многие приходят к ним.

От религии японцы ждут только мирских благ. Наблюдая за японцами, я утвердился в мысли, что в этой стране никогда не возникнет настоящая ре-

¹ Якуси Нёрай (*санскр.* Vhêchadjaguru) — Учитель врачевания; стал буддой, обрета возможность выполнить 12 обетов, которые он принял, являясь еще бодхисаттвой. Многие из обетов заключали обещания вылечить страждущих.

лигия, смысл которой в вечной жизни и спасении души. Существует огромная разница между их верой и христианской. Но, как известно, клин клином вышибают — мне придется прибегнуть к этому методу. Если японцы ждут от религии лишь мирских благ, следует открыть им, как можно мирские желания привести в согласие со Словом Божиим. Иезуиты какое-то время преуспевали в этом. Показав феодалам огнестрельное оружие, диковинные товары, привезенные из стран южных морей, они получили взамен разрешение проповедовать христианство. Но впоследствии многими своими действиями возмутили японцев. Разрушали синтоистские и буддийские храмы, пользуясь слабостью воюющих феодалов, создавали крохотные колониальные владения, чтобы обеспечить себе привилегии.

До отплытия из Японии я написал несколько писем. Своему дяде дону Диего Кабальеро Молине, отцу дону Диего де Кабрере и настоятелю монастыря святого Франциска в Севилье. В них я сообщал, что на обратном пути из Новой Испании в сопровождении нескольких японцев, возможно, заеду в Севилью. Я просил их, если это произойдет, помочь мне устроить яркое, впечатляющее празднество, которое бы доказало испанцам, что слава Господа дошла до крохотной восточной страны. Для севильцев японцы — диковинное зрелище, и можно предположить, что посмотреть на них соберется немало народу, но нужно, чтобы они произвели как можно большее впечатление. Это послужит Славе Господа и распространению христианства в Японии, писал я. Чтобы письма дошли как можно быстрее, я собирался отправить их из Акапулько специальным экипажем до Веракруса, а оттуда срочной почтой — до Севильи.

Вчера снова, обучив японцев самым необходимым фразам и отдельным словам, я рассказал им немного о жизни Иисуса.

— Вера твоя спасет тебя!

Я вдохновенно рисовал картины исцеления Господом страждущих в Галилее — картины, как хромы пошли, слепые прозрели, прокаженные очистились. Японцы слушали меня потрясенные. Я знал, что

от религии им нужно и исцеление от болезней, потому и выбрал специально эти сцены Писания.

— Однако сила Господа исцеляет не только телесные недуги. Господь исцеляет и души.

Этими словами я заключил сегодняшний рассказ. Думаю, мне удалось хорошо побеседовать с японцами. Но, честно говоря, все еще впереди. Путь долог. По своему многолетнему опыту я знаю, что японцев можно привлечь рассказами о чудесах или об их собственных прегрешениях, но стоит заговорить о Воскресении, составляющем суть христианства, или о Любви, требующей самопожертвования, на их лицах тут же появляется полное непонимание.

Во время ужина капитан Монтаньо сказал, что барометр падает и шторм, которого мы так опасались, медленно, но неуклонно приближается с юга. Действительно, еще после полудня я заметил, что качка усилилась, море, которое вчера было ярко-голубым, постепенно приобрело холодно-свинцовый цвет, сталкивающиеся валы вздымали ввысь белые гребни и с грохотом обрушивались на палубу. Чтобы вывести корабль из полосы шторма, сказал капитан, нужно круто переменить галс.

К полуночи шквал все-таки настиг нас. Вначале качка была не столь уж сильной, и я в каюте, которую занимал вместе с помощником капитана Контрерасом, писал свой дневник. Контрерас со всей испанской командой и японскими матросами поднялся на палубу, и, привязавшись, они ждали приближения шторма. Качка становилась все сильнее. Свеча на столе с громким стуком упала на пол, из шкафа посыпались книги. В панике я выскочил из каюты и устремился на палубу, но не успел ступить на трап, как корабль, получив страшный удар, резко накренился. Я упал. Это была первая громадная волна, обрушившаяся на корабль.

Вода через люк хлынула вниз. Я попытался встать, но поток, несшийся со страшной силой, снова сбил меня с ног. Потеряв четки, заткнутые за пояс, я пополз по залитому водой полу, пока мне не удалось добраться до стены и с невероятным трудом удержаться в хлеставших струях воды. Качка была ужасная. Кажется, вода добралась до большой каюты, из которой неслись душераздирающие крики, че-

ловек десять японцев, толкая друг друга, выскочили оттуда. В кромешной тьме я кричал, чтобы они не выходили на палубу. Они не были привязаны, и их бы мгновенно смыло огромными волнами, переклевывавшими через палубу.

На мой голос из каюты выбежал с мечом в руках Тародзаэмон Танака. Я крикнул ему, чтобы он загнал купцов обратно в каюту. Он обнажил меч и стал громко ругать мчащихся к трапу купцов. Они остановились и стали пятиться назад.

Бортовая качка сопровождалась килевой, и я прилагал невероятные усилия, чтобы меня не оторвало от стены. С палубы, точно орудийные залпы, раздавался грохот обрушивающихся на нее волн, внутри корабля с таким же грохотом перекатывались ящики, непрерывно слышались вопли людей. Я попытался вернуться в каюту, но не мог сделать и шага. Тогда я встал на корточки и, как собака, дополз наконец по воде до своей каюты. Я с трудом открыл дверь, и мне под ноги покатались выпавшие из шкафа вещи. Я взобрался на койку и, чтобы удержаться, ухватился за скобу. Всякий раз, когда корабль кренился, вещи, лежавшие в шкафу, перекатывались то вправо, то влево. Так продолжалось до самого утра. К рассвету на корабле все утихло, качка немного улеглась.

Когда в окно заглянули первые лучи света, я увидел, что на полу каюты разбросаны наши книги и вещи. К счастью, каюта была расположена ниже той, где помещались японцы, и, слава богу, ее не залило водой. Больше всего пострадала каюта японских купцов, у тех, кто устроился рядом с товарами, постели промокли насквозь — в пору выбросить. Вода проникла и в трюм, где хранился провиант.

Я захватил кое-что из своей одежды и постельных принадлежностей и отдал человеку, который стоял в растерянности около большой каюты. Это был не купец, а один из слуг, сопровождавших посланников, и своим крестьянским лицом и исходящим от него запахом земли он был похож на Хасэкуру Рокуэмона.

— Возьми, — сказал я ему, но по лицу увидел, что он не поверил моим словам. — Вернешь, когда твои вещи высохнут.

Я спросил, как его зовут, и он смущенно ответил,

что его имя Ёдзо. Видимо, это был один из слуг Хасэкуры.

Днем я наконец увидел Контрераса, который на минутку забежал в каюту. Он сообщил, что ночной шторм сломал бизань-мачту и смыл в море двух японских матросов, которых не удалось спасти. Выходить на палубу, разумеется, запрещено.

Волнение по-прежнему сильное, но, по всей видимости, после полудня кораблю удалось выйти из полосы шторма. Выносить дальше запах гнили и рвоты японцев, страдающих морской болезнью, я был не в силах и, получив разрешение Контрераса, поднялся по трапу до выхода на палубу — волны бушевали, вздымая пену, море все еще было черным. Японские матросы старательно распутывали фалы, чинили поломанную мачту.

За ужином я смог наконец спокойно поговорить с Монтаньо и Контрерасом. Почти сутки они не спали ни минуты, от усталости под глазами у них были синяки, лица осунулись. Судя по их рассказам, смытым в море японцам помочь было невозможно. Их было очень жаль, но такова была воля Божья.

На следующий день, когда я, выйдя на теперь уже устойчивую палубу, прогуливался по ней, читая молитвенник, появился тот самый японец, которому я четыре дня назад после шторма одолжил одежду, но тут же исчез, а потом снова вышел на палубу вместе со своим хозяином Хасэкурой. Хасэкура поклонился, поблагодарил за сочувствие его слуге и, выразив сожаление, что на корабле лишен возможности достойно отблагодарить меня, протянул японскую бумагу и кисти. Глядя на этого источавшего запах земли косноязычного человека, который благодарил меня с таким жаром, я испытал к нему жалость за то, что ему пришлось, хотя и по воле Его светлости, отправиться в такую далекую страну. Его слуга Ёдзо стоял чуть поодаль от хозяина и, склонив голову, так ни разу ее и не поднял. Хозяин и слуга были очень похожи на испанского гранда и его крестьянина, и я невольно улыбнулся.

Вскоре после их ухода на палубу поднялся Тюсаку Мацуки и стал не отрываясь смотреть на море. Это вошло у него в привычку. Обычно, встречаясь

со мной, он лишь здоровался, но никогда не делал попыток заговорить, а вот сегодня, издали наблюдая, как я вышагиваю по палубе с молитвенником в руках, он, казалось, ждал подходящего момента, чтобы заговорить. В ярких лучах солнца я уловил в его взгляде враждебность, даже ненависть.

— Мне не будет покоя до тех пор, пока посланники не придут благополучно в Новую Испанию, — сказал я.

Мацуки молчал с каменным выражением лица, и я снова углубился в молитвенник.

— Господин Веласко, — обратился он наконец ко мне таким тоном, будто собирался в чем-то укорить. — Я бы хотел кое о чем спросить. Вы действительно находитесь на этом корабле в качестве переводчика? Или у вас есть и собственные цели?

— Разумеется, я здесь, чтобы служить вам переводчиком. — Мне его вопрос показался подозрительным. — Почему вы меня об этом спрашиваете?

— Неужели в обязанности переводчика входит рассказывать находящимся на корабле купцам христианские истории?

— Я делаю это для их собственной пользы. В Новой Испании даже чужестранцев, если только они христиане, встретят как братьев, а с язычниками торговых связей никто завязывать не станет.

— Неужели, господин Веласко, вас не останавливает то, что японские купцы только ради торговли готовы принять христианство? — спросил с вызовом Мацуки.

— Нет, не останавливает, — покачал я головой. — На гору ведет не одна-единственная тропинка. Есть дорога, ведущая с востока и запада, есть дорога, ведущая с юга и севера. По какой ни иди — до вершины все равно доберешься. То же относится и к путям, ведущим к Богу.

— Ну и хитрец же вы, господин Веласко. Используя их алчность, обращаете в христианство. Неужели вы применили те же методы в Совете старейшин? Заключили с ними обычную сделку?

Я посмотрел ему в глаза. Они были не такими, как полные детского любопытства глаза Ниси. Они отличались и от непреклонных глаз Танаки или почкорных глаз Хасэкуры. Я понял, что этот японский посланник далеко не глуп.

— Предположим, вы правы, господин Мацуки, — ответил я спокойно. — Что в таком случае вы примете? Откажетесь от миссии посланника?

— Не откажусь, конечно. Хочу сказать только одно: купцы, плывущие на этом корабле ради барышей в Новой Испании, готовы стать кем угодно, хоть и христианами, но стоит им понять, что на барыши рассчитывать нечего, они тут же сменят веру. То же и Совет старейшин: он разрешит проповедовать христианство лишь до тех пор, пока будет продолжаться торговля с Новой Испанией. Но как только торговля прекратится и корабли южных варваров перестанут приходить в порты во владениях Его светлости, христианство сразу же будет запрещено. Вы это понимаете, господин Веласко?

— Прекрасно понимаю. И постараюсь сделать так, чтобы у купцов были барыши, чтобы торговля продолжалась, чтобы все шло хорошо. — Я сам рассмеялся своей шутке. — Но даже если торговые связи с Новой Испанией прекратятся, посеянные семена не погибнут. Нам, людям, не дано постигнуть промысел Божий.

— Господин Веласко... — Мацуки, который до этого разговаривал со мной чуть ли не тоном допроса, заговорил уважительно. — Я вас не понимаю. Вы представляетесь мне большим хитрецом, которого не просто провести. И вот этот хитрец плывет тысячи ри по бурному морю, прибывает наконец в Японию, подвергая себя невероятным страданиям якобы во имя бога. Неужели, господин Веласко, вы и в самом деле верите в бога? Почему вы верите, что он существует?

— Объяснить словами, что Бог существует, невозможно. Он являет свое существование в жизни каждого человека. В жизни любого из нас можно найти немало доказательств существования Бога. Если в ваших глазах, господин Мацуки, я выгляжу хитрецом, сие означает, что Бог доказывает этим свое существование.

Я был сам несколько обескуражен своими словами, которые вырвались у меня совершенно произвольно. Некая неведомая сила заставила меня доказывать существование Бога через жизнь отдельного человека.

— Вот как? — На лице Мацуки снова появилась ироническая улыбка. — Даже бог не сможет доказать

свое существование жизнью этих японских купцов.

— Почему же?

— Потому что им все равно, есть бог, нет бога. И не только им. Так думает большинство японцев.

— А вы, господин Мацуки? — подступил я к нему. — Неужели вам по душе такая бесцветная жизнь? Я приехал в Японию с уверенностью, что жизнь нужно прожить вдохновенно. Это то же, что отношения между мужчиной и женщиной. Как женщина ждет от мужчины любви, так и Бог ждет от нас чувства. Жизнь дается человеку единожды. Лишенная огня и холода, бесцветная жизнь... Неужели она вам по душе, господин Мацуки?

Мой резкий голос и острый взгляд впервые заставили Мацуки дрогнуть. Некоторое время он молчал, словно стыдясь своей растерянности.

— Что я могу поделать? Я вырос в Японии... В Японии не поощряется жар души. Люди как вы, господин Веласко, кажутся мне странными.

В эту минуту я заметил на лице Мацуки даже какое-то раздражение. Он, казалось, забыл, что я всего лишь переводчик, и злился не на меня, так настойчиво спорившего с ним, а на самого себя. Я подумал, что, если даже он теперь и ненавидит меня, что-то во мне привлекает его.

Показалось стадо китов. Это случилось после полудня, на корабле царили покой и безмолвие. Все японцы — и в каюте посланников, и в большой каюте — спали. Тишину нарушало лишь монотонное поскрипывание мачт и удары судового колокола, отбивающего склянки.

— Вижу китов! — закричал марсовый.

Те, кто услышал этот крик, разбудили спящих. Все столпились на палубе.

Киты плыли, то погружаясь в темные волны, то всплывая. Нырять, они исчезали из виду, но тут же снова показывались высоко над водой их блестящие черные спины, точно смазанные маслом. Стоило одному киту скрыться, как тут же спина другого в туче брызг появлялась на поверхности. Они резвились, не обращая внимания на корабль и толпящихся на палубе людей. Всякий раз, когда кит всплывал, испанцы и японцы восхищенно вскрикивали.

— Одно чудо за другим, — радостно улыбнулся Ниси, стоявший рядом с Самураем.

Самурай не двинулся с места до тех пор, пока киты

не скрылись за горизонтом. Сквозь разрывы туч пучками стрел вниз устремлялись солнечные лучи, окрашивавшие серебром море вдаль, где исчезли киты. Самурай даже представить себе не мог, что на свете существует такое множество неведомых вещей. Не знал он и того, что мир столь необъятен. Для него, прожившего всю жизнь в крохотной долине Ято, мир был сконцентрирован в ней. Да, мир был для него ограничен владениями Его светлости. Но теперь в его душе стали понемногу происходить перемены, которые вселяли беспокойство, даже некоторый страх. Он вступил в новый, неведомый ему мир. И беспокоило его то, что незыблемость, охранявшая до сих пор его душу, дала трещину и начала рассыпаться как песок.

Когда стадо китов скрылось из виду, японцы, толпившиеся на палубе, стали возвращаться в свои каюты. Пробыли склянки. Полуденный отдых закончился, и теперь до вечера всех ждало вялое безделье.

— Пойдемте в большую каюту, — предложил Ниси Самураю, спускаясь по лестнице. — Может быть, и вам стоит поучить испанский?

Со своей обычной иронической улыбкой в большой каюте, гудевшей как улей, появился Веласко. Это была снисходительная улыбка взрослого, наблюдающего за несмышленими детьми. Своей улыбкой он как бы говорил, что находящиеся на корабле японцы во время путешествия ничего не смогут сделать без его помощи.

— Мас барато пор фавор¹, — произнес он, опершись рукой на тюк.

Купцы, вооружившись кистями, послушно записали эту фразу.

— Но кьеро компрарло².

Это своеобразное занятие — ученики старались изо всех сил — сегодня, как обычно, длилось примерно час. После его окончания Веласко — тоже как обычно — начал очередной рассказ из жизни Христа.

— Одна женщина двенадцать лет страдала кровотечением. Много потерпела от многих врачей, истощила все, что было у ней, и не получила никакой пользы, но пришла еще в худшее состояние. Когда Иисус переправился в лодке на другой берег, собралось к нему множество народа. Он был у моря. Услышав об Иисусе, женщина подошла сзади в народе и прикоснулась к одежде его. Ибо гово-

¹ Пожалуйста, подешевле (исп.).

² Я не хочу покупать это (исп.).

рила: если хоть к одежде Его прикоснусь, то выздоровею. Иисус, обратившись к ней, сказал: Дщерь! Вера твоя спасла тебя; иди в мире и будь здорова от болезни твоей; и она тут же выздоровела.

Самурай рассеянно слушал Веласко. До сегодняшнего дня христианское учение было для него чем-то бесконечно далеким, и даже сейчас услышанный рассказ представлялся ему чуждым, не имевшим к нему никакого отношения.

От женщины, о которой только что рассказывал Веласко, Самурай мысленно перенесся к женщинам Ято. К полуразрушенным деревенькам Ято. Там живут еще более жалкие, еще более несчастные люди, чем эта больная женщина. Отец часто рассказывал ему о старухах и даже молодых женщинах, которых в голодные годы бросали у дороги, обрекая на верную смерть.

Купцы с серьезными лицами благоговейно внимали Веласко, но Самурай знал, что слушают они его вполуха. Как говорил Тюсаку Мацуки, купцы думали, что, если они будут знать христианские истории, это поможет им успешно торговать в Новой Испании.

Веласко захлопнул Библию и, чтобы удостовериться, что его чтение произвело на японцев впечатление, улыбнувшись, посмотрел на купцов. Среди лиц, на которых было написано удивление, он увидел лицо лишь одного человека, смотревшего на него недружелюбно. Это был тот самый Ёдзо, слуга Самурая.

Когда Веласко вышел, купцы спрятали кисти в коробки для письменных принадлежностей и, зевая, стали хлопывать себя по затекшим плечам. Серьезное выражение с их лиц как ветром сдуло, они выполнили свой долг, и в каюте воцарилась атмосфера беспечности. Около тюков с товаром, где только что стоял Веласко, несколько человек затеяли игру в кости.

— Я хочу во время путешествия как следует изучить испанский, — поделился с Самураем своей сокровенной мечтой Ниси, выходя вместе с ним из каюты. — Когда в порты, которые находятся во владениях Его светлости, станут заходить корабли южных варваров, замку и Совету старейшин потребуется переводчик. Я смогу взять на себя эту работу.

Как обычно, Самурай почувствовал к молодому человеку зависть и легкую ревность. Но он был значительно старше Ниси, и ему было уже поздно изучать иностранный язык, да и способности к этому у него не было.

Во время завтрака, который им принесли слуги, Тародзаэмон Танака снова выговаривал Кюскэ Ниси. Когда Ниси радостно рассказывал о том, что помощник капитана учил его пользоваться компасом, а переводил Веласко, Танака вдруг вспыхнул:

— Нужно быть чуточку посерьезнее. Если в глазах южных варваров мы будем выглядеть легковесными, это может подорвать наш престиж как посланников.

Пораженный Ниси на мгновение умолк. Потом спросил:

— Почему? Можно многому научиться даже у южных варваров. Ведь именно они дали нам, пользовавшимся до этого лишь луками и стрелами, ружья и порох. Разве плохо, если мы, посланники, узнаем о том хорошем, что есть в других странах, и научимся умным вещам?

— Я не говорю, что это плохо. — Танака был явно недоволен тем, что молодой его спутник неожиданно вступил с ним в спор. — Хочу сказать лишь, что ходить, как ты, по кораблю и удивляться всякой ерунде южных варваров унижительно.

— Когда видишь что-то новое, всегда удивляешься. Если бы удалось привезти в наше княжество разные корабельные приспособления, они бы нам, я думаю, пригодились.

— Это уж Его светлости решать, брать новое или нет. Об этом будет думать Совет старейшин. Видано ли, чтобы зеленый юнец, как ты, лез со своими советами к Его светлости. Ты еще слишком молод и поэтому считаешь все новое прекрасным.

Суровый профиль Танаки напомнил Самураю дядю, сидящего у очага. Любими средствами сохранять свой престиж, считать самым страшным позором, если кто-то презрительно относится к тебе, никогда не изменять древним обычаям и ненавидеть все новое — таков был характерный образ мыслей самураев княжества, и дяде и Танаке он был присущ в полной мере. Так же думал и Самурай. Но даже он, приверженный старым традициям, иногда завидовал этому сгоравшему от любопытства Ниси.

— Ниси, ты заходил в каюту южных варваров? — спросил сидевший напротив Самурая Мацуки, который закончил есть и закрыл крышкой коробочку для завтрака.

— Да.

— Что ты думаешь о запахе, который стоит там?

— О запахе? А чем там пахнет?

— Как только я сел на корабль, эта вонь преследует

меня. Например, стоит зайти сюда Веласко, как сразу же появляется этот ужасный запах. Запах южного варвара.

Со дня их беседы на палубе Самурая раздражал поучающий тон Мацуки. Самурай не питал никакого интереса ни к Христу, ни к христианским миссионерам, но ему стало стыдно, когда он увидел, что Веласко отдал Ёдзо свою бедную одежду и постель. Для Самурая Ёдзо был всего лишь слугой, а вот Веласко обращался с ним как с равным.

— Видеть все в дурном свете ни к чему, — вмешался в разговор Самурай. — Мне он тоже не по душе, но...

— Запах Веласко — это запах одержимости, — прервал его Мацуки. — Только человек, издающий такой запах, способен бросить все и приехать в далекую Японию. И Веласко не одинок. Южные варвары именно благодаря своей одержимости построили огромные корабли и добрались до самых дальних стран мира. Ниси не замечает одержимости южных варваров и пытается собезьянничать все, что они делают. Не нужно забывать, что их одержимость для нас яд.

— Но господин Веласко, — растерянно пробормотал Ниси, — кажется мне добрым человеком...

— Чтобы скрыть свою одержимость, Веласко старается выглядеть добрым. Я даже думаю, что его вера в Христа — это тоже попытка обуздать свою одержимость. Мне становится страшно, когда я вижу, как он весь день ходит в одиночестве по солнцепеку. — Мацуки вдруг заметил, что говорит очень громко, и горько улыбнулся. — Веласко поехал с нами в качестве переводчика совсем не для того, чтобы послужить Совету старейшин. Он поднялся на корабль, только чтобы потешить свое тщеславие.

— Каковы его планы? — спросил Танака.

— Еще не знаю. Нужно лишь стараться не быть втянутым в них.

— Если он помешает выполнению нашей миссии, — сказал Танака, глянув на свой меч, — я его зарублю, хоть он и наш переводчик.

— Это было бы глупо, — рассмеялся Мацуки. — Его можно, конечно, зарубить, но как тогда мы выполним свою миссию в Новой Испании, не зная языка?

Несколько дней назад корабль вошел в полосу тумана. Такой густой туман всегда обволакивает корабли, плыву-

шие в северных широтах. Волнующиеся просторы скрылись в серой пелене. Стоя на палубе, увидеть, что делается впереди, было невозможно, точно перед глазами опустился невесомый занавес — лишь призраками мелькали испанские и японские матросы. Каждые две минуты доносились тревожные удары колокола. На корабле вновь воцарилась тишина, и в большой каюте, и в каюте посланников из-за проникавшего тумана отсырело все — и постель, и одежда, и даже бумага, на которой японцы писали свои дневники.

Несколько дней назад норма выдачи питьевой воды была сокращена. Раньше каждому посланнику выдавалось два ковша в день, теперь — один. Хорошо хоть, что не штормило и корабль спокойно плыл в тумане на восток.

Случилось событие, прервавшее монотонное течение времени. Один из членов испанской команды украл из каюты капитана Монтаньо часы и несколько золотых монет. Капитан в сопровождении Веласко появился в каюте посланников и, побагровев, объявил, что вор должен быть наказан.

Монтаньо сказал, что на корабле существуют незыблемые правила, приведение их в исполнение — долг капитана. Например, если вахтенный заснул, ему связывают руки и обливают водой. Если же это не помогает ему излечиваться от своей дурной привычки, его секут — такой обычай уже долгое время существует на кораблях, пояснил он. Причем преступник наказывается на глазах всей команды. Поэтому желательно, чтобы японцы тоже поднялись наверх, попросил Монтаньо.

Наказание свершалось на окутанной туманом палубе. Там собрались также японские матросы и купцы, а испанская команда, стоя в некотором отдалении от японцев, наблюдала за тем, как приволокли их товарища и связали ему руки. Преступника — ему заткнули рот кляпом, чтобы он от боли не откусил себе язык, — поставили на колени и оголили спину. Временами ветер рассеивал туман. Веласко, застыв в неподвижности рядом с капитаном, неотрывно наблюдал за экзекуцией. Он напоминал черную статую.

В тумане раздавались удары линька и слышались душевраздирающие крики. Экзекуция длилась бесконечно, и, когда наконец ветер разогнал туман, на палубе, словно

груда лохмотьев, валялся преступник. Под взглядами окружающих к нему подбежал Веласко и, обняв, стер кровь своей одеждой. Потом, поддерживая, увел вниз.

Самурай почувствовал невыразимую злобу. Но не потому, что человека стегали. Перед его глазами все еще стояла застывшая на палубе в неподвижности фигура Веласко, который во время экзекуции спокойно и внимательно вглядывался сквозь туман туда, где раздавались удары и вопли. А когда все было закончено и он, отерев своей одеждой кровь, повел теряющего сознание человека в кубрик, в лице этого южного варвара было что-то неприятное, оно выглядело точно таким, каким описал его недавно Мацуки. Самурай не мог представить себе, что этот Веласко и тот, который отдал свою одежду Ёдзо, один и тот же человек.

Прошло пять, шесть дней, а туман все не рассеивался. Паруса и палуба издавали отвратительный запах гнили, каждые две минуты в молочной пелене раздавались удары колокола. Временами на мгновение выглядывало напоминающее сверкающий круглый поднос солнце и тут же снова скрывалось в густом тумане. Как только показывалось солнце, испанцы сразу же хватались за секстант, пытаясь определить местонахождение корабля.

Через неделю после того как корабль попал в туман, волны, накатывавшиеся с северо-востока, стали вздыматься выше и выше. Корабль качало все сильнее. Было ясно — снова приближается шторм. Испанская команда и японские моряки бегали по палубе, ставя лиселя.

Барометр падал. Туман исчез, и стали видны черные громады волн, со всех сторон подступающие к кораблю. Паруса гудели от ветра, дождь хлестал спящих по палубе матросов. Наученные первым штормом, японские купцы и посланники вынули из шкафов дорожные корзины и положили на тюки с грузом. Туда же, чтобы не намокли, сложили постели и одежду и крепко привязали их — так они готовились к шторму.

И вот волны, поднимая тучи брызг, начали перекатываться через палубу. Они бешено обрушивались на корабль, шпангоуты трескали. Посланники, приготовившись к самому худшему, в своей каюте натянули между опорами веревку, а Самурай привязал к спине шкатулку с посланиями Его светлости и повесил на пояс меч. Чтобы избежать пожара, все светильники были погашены, и по-

этому, хотя ночь еще не наступила, в каюте было полутемно.

Качка стала угрожающей. Казалось, намертво закрепленный груз пришел в движение. В большую каюту, видимо, проникла вода — купцы с криками отступали под ее напором. Слышались тихие молитвы морскому дракону, которые они возносили, уцепившись за веревки, перетягивавшие тюки и ящики, Самурай и остальные посланники, как только корабль накренился, хватались за веревку, что помогало им удерживаться на ногах. Тьма в каюте сгущалась. Молитвы морскому дракону едва доносились из большой каюты, а через некоторое время они умолкли, и оттуда вдруг послышались не то вопли ужаса, не то крики о помощи. Там вышибло окно, и вода ворвалась внутрь. Двоих стоявших у самого окна волна сбила с ног и швырнула на ящики с грузом. Они вытянули руки, изо всех сил стараясь ухватиться за веревки, но в этот момент корабль накренился и вода устремилась наружу. Люди, находившиеся в трюме, сталкиваясь друг с другом, ударялись о ящики, их валило с ног. В это время из дальнего конца коридора донесся страшный грохот.

Команд капитана и его помощников никто уже не мог разобрать. Волны, вздымаясь высоченными горами, обрушивались на корабль.

Мощный поток смыл все находившееся на палубе; ударяясь о мачты, он образовывал водовороты, а затем через люки бешено устремлялся в чрево корабля. Один из матросов, сбитый с ног, ухватился за леер и с трудом встал, но тут накатившийся следующий вал снова повалил его на палубу, и он тут же с головой был накрыт волной.

И в каюте посланников, и в большой каюте, где вода доходила уже до колен, японцы беспрерывно падали, ползли, снова поднимались, и все это сопровождалось криками и ругательствами. Тяжелые тюки и ящики все время двигались из стороны в сторону, словно в них вселился злой дух. Забыв о строжайшем запрете капитана, японцы устремились было на палубу, чтобы там искать спасения, но у самого трапа их отбросило назад мощным водопадом.

Наконец через четыре часа корабль вышел из полосы шторма. Волны еще бушевали, но через палубу уже не перекачивались. Она была завалена обрывками снастей, обломками мачт. Нескольких матросов смыло за борт, отовсюду слышались стоны. В большой каюте невозможно было находиться, не выкачав воду, поэтому обессиленные, вымокшие как мыши японские купцы провели ночь, улег-

шись вповалку в кубрике испанской команды, в грузовом трюме, в коридоре. Ни у кого не было даже сил помочь друг другу, точно мертвые, одни сидели, опершись о стену, другие лежали ничком на полу, и лишь один-единственный человек — Веласко — ходил между ними, оказывая помощь раненым.

Наконец наступило утро. Шторм кончился, и горизонт чудесно преобразился из багряного в золотистый. Золотой блеск неба все разрастался, посветлело и море. Кроме ударов волн о борта, ничего больше не было слышно. «Сан-Хуан-Баутиста», с единственным изодранным парусом, тихо бороздя покрытое рябью море, в лучах утреннего солнца казался призраком — на нем словно не было ни живой души, молчал и судовой колокол. Измотанные духовно и физически, испанцы и японские матросы, устроившись как придется, спали мертвым сном.

Незадолго до полудня Самурай, собрав последние силы, покинул мокрую каюту, чтобы поискать Ёдзо и остальных своих людей. Кюта посланников была дальше от трапа, чем большая, и расположена выше уровня коридора, поэтому обрушившийся поток не причинил ей столь уж значительного ущерба, а главное — послания Его светлости, к счастью, нисколько не пострадали. Пройдя по коридору, где воды было по шиколотку, и спустившись вниз, он увидел купцов, лежавших вповалку так плотно, что просто некуда было ступить. Увидев Самурая, они чуть приподнялись, но поздороваться как следует были не в состоянии. Некоторые вообще не проснулись, другие, чуть приоткрыв глаза, бессмысленно уставились в одну точку, не понимая, что происходит.

Грузовой трюм тоже был забит людьми, и среди них Самурай увидел Ёдзо и его товарищей, лежащих ничком на полу. Переступая через головы и тела, он стал звать их — Ёдзо, Итискэ и Дайскэ с трудом поднялись, и лишь Сэйхати остался лежать, не пошевельнувшись. Прошлой ночью он сильно ударился грудью о ящик и, упав в мутный поток, потерял сознание, хорошо, что товарищи вытащили его оттуда, а то бы захлебнулся.

— Господин Веласко оказал ему помощь. — Ёдзо потупился, боясь, что его слова могут не понравиться хозяину. — Он пробыл с ним до самого утра.

Самурай помнил, что в прошлый шторм Веласко отдал свою одежду Ёдзо. Видимо, и Ёдзо испытывал благодарность к чужому ему человеку — южному варвару, который так заботливо отнесся к нему. Самураю стало стыдно.

Веласко сделал то, что надлежало сделать ему, их хозяину.

Рядом с Ёдзо лежал предмет, похожий на четки. Ёдзо сказал, что это четки и оставил их здесь вчера Веласко.

— Господин Веласко... — Ёдзо оробел, будто его хозяин заметил что-то дурное, — пользовался ими, чтобы молиться за Сэйхати и остальных.

— Я вам вот что хочу сказать, — возвысил голос Самурай. — Я благодарен господину Веласко, но вы не должны слушать его христианских проповедей.

Ёдзо и его товарищи промолчали, и Самурай, понизив голос, чтобы лежавшие рядом купцы ничего не услышали, продолжал:

— Купцы слушают его рассказы о Христе ради успешной торговли в Новой Испании. Они должны знать христианское учение, чтобы вести свои торговые дела. Но вы не купцы. И поскольку сопровождаете меня, Хасэкуру, не должны следовать учению Христа.

Сказав это, он тут же вспомнил слова Тюсаку Мацуки. Тот говорил об одержимости Веласко. Говорил, что Веласко демонстрирует свою доброту, чтобы скрыть одержимость. Говорил и о том, что нужно постараться не попасться на удочку этих южных варваров. Самурай не до конца понимал смысл сказанного Мацуки, но боялся, что его люди действительно поверят Веласко.

— Ухаживайте за Сэйхати. Обо мне можете не беспокоиться.

Самурай сказал несколько слов Сэйхати, чтобы подбодрить его, но тот был даже не в силах ответить. Перешагивая через людей, Самурай вышел в коридор и поднялся на палубу, залитую солнцем.

На море царил покой. Мачты отбрасывали черные тени. Легкий ветерок дул в лицо. Приятно ласкал ослабевшее тело. По указанию испанцев японские матросы, поднявшиеся на палубу, чинили снасти, ставили потрепанные бурей паруса. Волны ослепительно блстели, временами между ними проносились летающие рыбы. Самурай присел в тени мачты и вдруг заметил, что держит в руке четки. На четках, сделанных из плодовых косточек, висел крест, на котором была вырезана фигура худого обнаженного человека. Глядя на этого человека, обессиленно раскинувшего руки, обессиленно склонившего голову, Самурай не мог понять, почему Веласко и вообще все южные варвары называют его Господином. Самурай мог назвать господином лишь князя, но Его светлость не прожил столь диковинную жизнь и не

выглядел жалким. Самураю христианская религия представлялась странной хотя бы потому, что молиться надо было такому худому, жалкому человеку.

Самурай увидел непристойный сон. В сырой, темной комнате своего дома в Ято он лежит в обнимку с женой, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить детей. «Я должен идти», — говорит Самурай, который в отличие от остальных посланников все еще оставался в Ято, не в силах оторваться от обнаженного тела жены, хотя отплытие корабля Совет старейшин назначил на следующий день. «Мне давно пора уходить», — повторяет он беспрестанно. Но Рику прижалась лицом к его потной груди. «Даже если ты поедешь, — шепчет жена, задыхаясь, — это ничего нам не даст. Земли в Курокаве все равно не вернут». Оторвавшись от жены, Самурай спрашивает взволнованно: «Дяде это тоже известно?» Увидев, что Рику кивнула, он вскакивает. И тут же просыпается.

Самурай почувствовал себя оплеванным. Из угла каюты, все еще сырой после бури, слышался переливчатый храп. Храпел Танака. Неужели это был сон? — вздохнул Самурай. Он понял, что сон наваян сохранившимися в его сознании словами Мацуки, сказанными им несколько дней назад. Самурай ничего не рассказал ни храпевшему теперь Танаке, ни Ниси о том, что услышал, он боялся, что они поверят Мацуки.

«Нет, ни господин Сираиси, ни господин Исида не могли сделать такое», — сказал себе Самурай, поправляя набедренную повязку.

Он снова закрыл глаза, но заснуть никак не мог. Перед ним отчетливо всплыли веселые лица играющих во дворе детей, профиль Рику. Он воскрешал в памяти свой дом, комнату за комнатой. Чтобы заснуть, он попытался вспомнить пейзажи Ято. Еще покрытые тающим снегом горы и поля...

Второй шторм сильно потрепал корабль. «Сан-Хуан-Баутиста» потерял мачту, парус и шлюпку, внутрь попало много воды, на палубе валялись обрывки снастей. Мне поранило лоб, но не серьезно. И испанская команда, и японские матросы целыми днями не покладая рук откачивают воду. Однако наши беды не идут ни в какое сравнение с тем, которые пришлось

пережить девяносто три года назад капитану Магеллану и его кораблю в том же Тихом океане, где мы сейчас находимся. Магеллан и его товарищи не имели пищи, вода протухла, я слышал, что они ели даже корабельных крыс и куски дерева. К счастью, у нас еще есть бочки с водой, и в пище тоже мы пока недостатка не испытываем. Правда, прошлой ночью из-за шторма мы потеряли в море несколько японских матросов, а в большой каюте появились раненые и больные. До самого утра я не как переводчик, а как священник оказывал помощь пострадавшим японцам.

Среди раненых в особенно тяжелом состоянии пожилой купец Яхэй и Сэйхати — слуга Хасэкуры. Их придавило ящиками; Яхэй харкает кровью, у Сэйхати, безусловно, сломаны ребра. Я напоил обоих вином и сделал им компрессы; они совсем ослабели, даже говорить не могут. Боюсь, довести их живыми до Новой Испании не удастся.

Хотя мы покинули Японию всего месяц назад, у меня такое чувство, что мы плывем уже несколько месяцев. Мое нынешнее плавание не особенно отличается от того, которое мне пришлось проделать тринадцать лет назад, когда я впервые отправился на Восток, а беспокойство, все сильнее овладевающее мной, объясняется, скорее всего, тем, что мне не терпится как можно скорее выполнить свой план.

Вечером, после богослужения на палубе, я, словно проникнув в неведомые души посторонних мне людей, понял наконец, почему мне хочется снова вернуться в Японию, почему я так привязан к этой стране. Разумеется, не потому, что японцы религиознее других народов Востока и потому восприимчивы к истине. Напротив, во всем мире не найдется другого народа, который бы, обладая восприимчивостью и любознательностью японцев, так решительно, как они, отвергал бы то, что воспринимается ими как бесполезное, ненужное в этом бренном мире. Даже делая какое-то время вид, что прислушиваются к учению Господа, они поступают так только из стремления укрепить свою военную мощь и приумножить богатства. Меня не единожды охватывало в этой стране чувство отчаяния. Японцы слишком привержены мирским благам и совсем не думают о вечности. Тем не менее именно это разжигает мое проповедническое

рвение. Мне предначертано возвратиться в Японию только во имя того, чтобы преодолеть все трудности, встающие на пути приручения этих диких, неподатливых зверей. В моих жилах течет кровь деда, завоевавшего Вест-Индию и снискавшего благосклонность короля Карла V. Я унаследовал кровь и Васко де Бальбоа, моего двоюродного деда по материнской линии, — он был правителем Панамы. Мои предки — гордость нашей семьи — покоряли страны огнем и мечом, а я хочу покорить Японию Словом Божиим. Во мне течет их кровь — кровь моих предков, и да поможет мне Господь отдать свою кровь во благо Японии...

Ярко светит луна. Ночное море сверкает. В десять часов тушат все фонари, кроме самых необходимых, на освещенной лунным светом палубе отчетливо виден каждый, самый мелкий предмет.

«Господи, сделай меня пастырем людей этой страны. Прими мою кровь во благо Японии, как ты отдал свою во благо людей».

В течение ночи состояние раненых ухудшилось. Из большой каюты наконец удалось вычерпать воду, и часть японцев, которым все это время приходилось жить в коридоре, смогли вернуться в нее, но этих двоих тронуть с места нельзя.

После полудня купец Яхэй умер. Вслед за ним умер Сэйхати, слуга Рокуэмона Хасэкуры. Японцы до самой смерти своих товарищей стояли рядом с ними и негромко читали сутры, рассказывая, что их ждет в «гокураку» — по-нашему, в раю. Таков обычай. Товарищи Сэйхати провожали его в последний путь, горестно склонив головы, а их хозяин Хасэкура со слезами на глазах накрыл мертвеца кимоно и читал сутры. Этот невидный посланник, кажется, весьма добр к своим людям.

По приказу капитана усопшие были преданы морю. Все японцы, как и во время экзекуции, собрались на палубе, выстроилась там и испанская команда. Послеполуденное море было спокойное, но печальное. Обычно в таких случаях капитан или священник, находящийся на борту корабля, читает молитву, но поскольку японцы не христиане, Монтаньо и я препоручили им церемонию прощания.

Один из купцов, видимо, сведущий в буддийском учении, прочел несколько сутр, прозвучавших для меня как какое-то заклинание, остальные вторили ему; после этого усопших предали морю. Волны поглотили их, печальное море осталось невозмутимым, будто ничего не случилось, и, после того как все покинули палубу, лишь Хасэкура и его люди еще долго оставались там. Наконец и они спустились вниз, оставив одного Ёдзо, который подошел ко мне, с любопытством наблюдавшему за происходящим.

— Вы помолитесь за Сэйхати? — нерешительно спросил он м е н я . — Очень прошу вас.

Я удивился и, чтобы выведать, почему он обратился ко мне с такой просьбой, ответил:

— Христианская молитва помогает лишь христианам, а вам она может доставить лишь тяготы.

Ёдзо печально посмотрел на меня. Я понял, что он не в силах выразить то, что хотел бы, а когда я стал на латыни читать молитву, он сложил руки и, глядя на море, что-то шептал.

Requiescant in pace...¹

Море, поглотившее умерших, было спокойным, словно ничего не произошло, над волнами пронеслись летающие рыбы. Хлопали паруса, далеко на горизонте клубились обведенные золотой каймой облака.

— Я . . . — прошептал Ё д з о , — я хотел бы послушать ваши рассказы о христианстве.

Я с удивлением посмотрел на него.

Сегодня наш корабль преодолел половину пути.

ГЛАВА IV

Корабль, изрядно потрепанный штормами, едва продвигался вперед, японцы были измотаны до предела. Пресной воды не хватало, из-за нехватки овощей началась цинга.

Примерно на шестидесятый день плавания прилетели две птицы, похожие на бекасов, и уселись на мачте. Ис-

¹ Да почивут в мире... (лат.).

панская команда и японские матросы радостно закричали. Появление этих птиц указывало на близость земли. Клювы у птиц были желтые, крылья — коричнево-белые; отдохнув, они пролетели над самой кормой и скрылись.

К вечеру слева появились горы. Это был мыс Мендосино. Гавань там отсутствовала, и корабль встал на внешнем рейде; была спущена шлюпка, в которую сели пятеро испанских и столько же японских матросов — они отправились, чтобы пополнить запасы пресной воды и провианта. Понимая, сколь это опасно, капитан Монтаньо запретил остальным японцам высадку на берег.

На следующий день корабль поплыл дальше на юг. Получив вволю воды и овощей, люди на борту ожили и наконец снова смогли наслаждаться путешествием по спокойному морю. Утром, на десятый день после того как корабль покинул мыс Мендосино, они увидели вдали берег, поросший лесом. Это была Новая Испания, которую японцы видели впервые в жизни. Собравшиеся на палубе японцы радостно кричали, некоторые даже плакали. Хотя они покинули родину всего лишь два с половиной месяца назад, им казалось, что путешествие длится вечно. Они похлопывали друг друга по плечу, радуясь, что трудное плавание наконец завершилось.

На следующий день корабль приблизился к берегу. Стояла страшная жара. Яркие лучи солнца освещали белое песчаное побережье, холмы за ним были покрыты аккуратными рядами невиданных деревьев. Японцы спросили у испанцев, и те объяснили, что это оливы, плоды которых съедобны и из них делают масло. Загорелые, обнаженные до пояса местные жители — мужчины и женщины — с громкими криками выбежали из оливковой рощи.

Сначала остров показался крохотным. Но по мере приближения он все увеличивался, стало видно, как волны с шумом разбиваются об утесы, поросшие густой зеленью. Над кораблем, медленно огибавшим остров, пока мыс не оказался у него за кормой, летали морские птицы. Весь остров был покрыт оливковыми деревьями.

— Акапулько! — раздался с марса ликующий возглас.

Матрос указал рукой на горловину бухты. Толпившиеся на палубе испанцы и японцы радостно закричали. Испуганные птицы взмыли в небо. Посланники, выстроившись в ряд, неотрывно смотрели на бухту. Это был порт чужой страны, увиденный ими впервые в жизни. Земля горной страны, на которую они ступали впервые в жизни. Лица Танаки и Самурая были серьезны и сосредоточены, у Ниси

блестели глаза, Мацуки, скрестив руки на груди, всем своим видом выражал недовольство.

В бухте царила тишь. Гавань больше Цукиноуры, откуда отплыл их корабль, но судов в ней почему-то не было. Бухту окаймляла песчаная отмель, а за ней возвышалось одно-единственное белое строение. Его окружала крепостная стена с бойницами, но ни единой живой души не было видно. Корабль бросил якорь.

Испанцы опустились на колени. Веласко поднялся на верхнюю палубу и, став к ним лицом, осенил их крестным знаменем. Среди японских купцов некоторые тоже сложили пальцы, готовые перекреститься.

— Осанна! Благословен грядущий во имя Господне!

Молитву Веласко заглушало галдение птиц. Легкий бриз ласкал лица. После окончания молитвы капитан, помощник и Веласко сели в шлюпку и направились к форту, чтобы получить разрешение сойти на берег.

Дождаясь их возвращения, оставшиеся на борту, страдая от жары, лениво разглядывали расстилавшийся перед ними пейзаж. Солнце нещадно палило. Тишина, царившая на берегу, сильно беспокоила японцев. Им почему-то казалось, что они здесь нежеланные гости.

Капитан и его попутчики долго не возвращались. Два испанца, члены команды, сели в другую шлюпку и поплыли, чтобы узнать, в чем дело. Палящие лучи солнца заливали палубу, и японцы, не в силах вынести жару, спустились вниз. Через три часа пришло сообщение, что сойти на берег разрешено только испанцам. Комендант форта Акапулько, не обладая полномочиями разрешить высадку неожиданно прибывшим японцам, отправил гонца в Мехико, к вице-королю Новой Испании.

Раздался ропот недовольства. Во время долгого путешествия и посланники, и купцы в конце концов поверили, что в этой стране уже готовы к их приему, встретят их с распростертыми объятьями и все пойдет наилучшим образом. Они никак не могли понять, почему только японцы должны остаться на корабле.

Вечером, когда жара спала, палубу стал овеивать прохладный ветерок и стайки птиц начали носиться над кораблем, вернулся капитан с попутчиками. Посланники от имени японцев потребовали от Веласко объяснений.

— Для беспокойства нет никаких оснований. — На лице Веласко появилась его обычная улыбка. «Для беспокойства нет никаких оснований» — это тоже было его любимое выражение. — Завтра и вы сможете сойти на берег.

— Его светлость построил для вас, испанцев, этот огромный корабль, на котором вы прибыли сюда, — не сдавался Тародзаэмон Танака. — Вы должны понять, что неуважительное отношение к нам означает неуважение к Его светлости и Совету старейшин.

— Но мне известно также, что Его светлость и Совет старейшин, — Веласко согнал с лица улыбку, — предложили вам по прибытии в Новую Испанию полностью следовать моим указаниям.

На следующий день испанская команда первой сошла на берег. А после полудня комендант форта приказал индейцам перевезти на берег японцев и их груз. На побережье выстроились вооруженные солдаты, с опаской разглядывавшие чужеземцев, сходявших на берег.

Четверо посланников в сопровождении капитана, его помощника и Веласко торжественно направились к форту, за которым возвышались холмы, поросшие оливами. Стены форта были оштукатурены, его окружала крепостная стена с бойницами. В нишах стены стояли горшки самой разнообразной формы, в них огнем пылали ярко-красные цветы.

Пройдя через охраняемые солдатами ворота, они оказались во дворе. Он был со всех сторон окружен строениями, и у каждого из них стояло по два караульных. Посланники молча шли по выложенной каменными плитами дорожке; отовсюду доносился аромат цветов, слышалось жужжание пчел. По сравнению с замком Его светлости форт выглядел убогим, его можно было назвать скорее не крепостью, а укрытием.

Комендант, уже довольно пожилой, вышел встретить посланников. Он обратился к ним с длинной приветственной речью, из которой они не поняли ни слова, и, пока Веласко переводил, комендант бесцеремонно разглядывал японцев. Приветствие, переведенное Веласко, представляло собой набор высокопарных фраз, выражающих радость по случаю их прибытия, но по его смущенному лицу Самурай догадался, что приезд японцев не доставляет коменданту особого удовольствия.

По окончании церемонии гости были приглашены на обед. В столовой их ожидали жена коменданта и несколько офицеров, которые рассматривали японцев, как диких зверей, и переглядывались. Тародзаэмон Танака, боясь осрамиться, сердито поводил плечами, Кюскэ Ниси уронил на пол нож и вилку, которыми пользовался впервые.

За столом комендант и его жена вежливо расспрашивали посланников о далекой стране Японии, Веласко старательно переводил, но вскоре испанцы заговорили о своих делах и о японцах, не понимавших ни слова, совершенно забыли, будто их и не было.

В полном изнеможении посланники вернулись наконец на корабль. В Акапулько не было ни постоянного двора, ни монастыря, где бы они могли переночевать, поэтому сошедшим на берег купцам тоже пришлось возвратиться на корабль, в свою большую каюту. Посланники, достоинству которых — как они считали — нанесен серьезный ущерб, были рассержены. Вечернее солнце нещадно светило в окна, и в каюте стояла нестерпимая духота. Не успев войти, Танака сразу же отругал Ниси за недостойное поведение, без конца повторяя, что южные варвары обошлись с ними невежливо и во всем виноват Веласко.

— Я не уверен, что Веласко достаточно точно сообщил о намерениях Его светлости и Совета старейшин.

— Ругать Веласко теперь нет никакого смысла. — Мацуки, как обычно, всем своим видом показывал, что ему все было известно заранее. — Я понимал это с самого начала.

— Что понимали?

— Намерения Веласко. Подумайте сами. Ему просто невыгодно, чтобы все шло гладко, без сучка и задоринки. Быть просто переводчиком — такая перспектива его мало привлекает, слишком незначительная роль. Но если все время приходится преодолевать бесчисленные трудности, Веласко необходим — всегда и везде. Если мы сможем выполнить свою миссию только благодаря Веласко, то и Совет старейшин не сможет отвергнуть его требований.

Танака взорвался потому, что не смог унять беспокойства. Такое же беспокойство испытывал и Самурай. Он понял, что здешний комендант не имеет полномочий принять послание Его светлости и дать разрешение японским купцам вести торговлю, а по атмосфере, царившей во время обеда, догадался: в Новой Испании совсем не рады тому, что японцы переплыли море и появились здесь. При таких обстоятельствах, если даже они придут в Мехико, к вице-королю, с ними обойдутся точно так же, как здесь. Не исключено, что послание Его светлости вообще не примут, а купцы, погрузив свои товары на корабль, вернутся домой ни с чем. В таком случае посланники будут

опозорены, и придется навсегда расстаться с надеждой, что им возвратят их старые владения. А может быть, как предрекает Мацуки, также будут безвинно наказаны все остальные незнатные самураи.

Прошел день. На следующее утро Веласко, капитан, его помощник и посланники сели на лошадей, поданных по приказу коменданта, и покинули Акапулько, их слуги с пиками и знаменами шли пешком, сопровождая купцов и тяжело груженные повозки. Эта необычная процессия двинулась вперед под звуки холостых залпов провожавшего ее гарнизона форта.

Новая Испания, которую они увидели впервые, поразила их жарой, ослепительной яркостью и белизной. Вдали тянулась гряда гор, словно засыпанных солью, кое-где возвышались гранитные скалы, перед ними расстилалась бескрайняя пустыня, поросшая огромными кактусами. Им попадались глинобитные, крытые ветками хижины. Это были жилища индейцев. Полуголые дети, завидев приближающуюся процессию, поспешно прятались. Японцев поражали черные длинношерстные животные, которых пасли дети. Они никогда не видели ни таких животных, ни кактусов.

Горы тянулись нескончаемо. Солнце палило нещадно. Покачиваясь на лошади, Самурай вспоминал Ято. Там тоже скудость природы, но здесь она совсем иная. В Ято — зеленые леса, поля, протекает речушка. А здесь воды нет, из земли торчат какие-то колючие шишковатые растения. Ехавший рядом с Самураем Ниси сказал:

— Первый раз в жизни вижу такое.

Самурай кивнул. Он пересек бескрайнее море. А сейчас едет по непривычной для него пустыне. Все это казалось ему сном. Неужели он и в самом деле попал в страну, неведомую его отцу, неведомую его дяде, неведомую его жене? Не сон ли это? — подумал он.

На десятый день, незадолго до полудня, показалась деревня. На склоне горы точно рисинки были разбросаны белые домики, и среди них высилась церковь.

— Вот деревня, — указал пальцем Веласко с лошади, — которая радуется Господу.

По его словам, это была новая деревня, построенная для индейцев, коренных жителей Новой Испании, в ней испанские священники проповедуют индейцам христианское учение, они живут здесь, сообща владея всем, вклю-

чая землю. В Новой Испании такие деревни называются редукции¹ и теперь создаются повсеместно.

— Староста избирается самими жителями деревни, там нет ни трудовой, ни воинской повинности. Время от времени приезжает падре, но не только затем, чтобы нести Слово Божье; он обучает индейцев самым разным вещам: как ходить за скотиной, ткать, обучает испанскому языку.

Веласко посмотрел на японцев, пытаясь понять их реакцию. Деревня была одной из достопримечательностей, которые Веласко хотел показать японцам в Новой Испании. Он сам предполагал когда-нибудь создать в Японии подобную деревню, где бы не было ни трудовой, ни воинской повинности и где люди бы жили в достойной бедности и труде, следуя учению Господа. Однако купцы, которые без остановки шли с самого утра, были настолько измотаны, что смотрели на нищую деревеньку без всякого интереса и любопытства. Наконец путешественники добрались до нее — жители, с волосами до плеч, заплетенными в косы, испуганно столпились в конце мощенной камнем дороги и со страхом смотрели на вступающих в деревню японцев. Собаки залаяли, овцы разбегались с громким блеянием. Не успели японцы попить из колодца на площади и отереть пот, как к ним подошел приведенный Веласко старик и поздоровался.

— Я привел старосту.

Веласко обнял старика за плечи и подвел к японцам. В отличие от остальных жителей деревни на нем была зеленая соломенная шляпа, держался он скованно, как перепуганный ребенок.

Веласко, словно заставляя ребенка повторять урок из катехизиса, спросил:

— Все жители деревни христиане?

— Си², падре.

— Вы рады, что отказались от ошибочной веры предков и следуете учению Божьему?

— Си, падре.

Веласко разговаривал со старостой, переводя на японский свои вопросы и его ответы.

— Чему вы научились у падре, которые приезжают сюда?

¹ Территории, отводившиеся испанскими светскими и церковными властями для насильственного переселения индейских племен Латинской Америки.

² Да (*исп.*).

— Си, падре. Читать и писать. Разговаривать по-испански. — Староста отвечал, опустив голову, бубня под нос заученный текст. — Сеять зерно, обрабатывать поля, дубить кожу.

— Вы рады этому?

— Си, падре.

В деревне прокукарекал петух, голые ребятишки, столпившись в дальнем конце площади, опасливо следили за происходящим, напоминая судилище.

— Мы... — Веласко повернулся к японцам. — Мы создали в Новой Испании множество таких Божьих Деревень. Все индейцы, принявшие христианство, счастливы.

Он положил старику руку на плечо, словно демонстрируя их взаимную любовь и сочувствие.

— Впервые, наверное, видишь японцев?

— Но, падре.

Среди японцев раздались возгласы удивления. Даже без перевода они поняли, что означает «но, падре». Но они не могли поверить, что кто-то из японцев еще до них побывал в этой далекой стране. И те, кто отирал пот, и те, кто пил воду, — все стали прислушиваться к разговору Веласко со стариком, который все больше походил на спор.

— Старосте неведомы, я думаю, различия между китайцами и японцами. Возможно, это был китаец, — пожал плечами Веласко. — Но он утверждает, что два года назад в их деревню приехали падре-испанец с монахом-японцем. И этот монах якобы научил их выращивать рис...

— Может, спросить, как его звали? — предложил кто-то. — По имени легко определить, японец это или китаец.

Как ребенок, которого только что отругали, староста отрицательно качал головой. И сколько его ни спрашивали, ничего добиться не смогли. Он даже не помнил, к какому ордену принадлежал этот монах, откуда он приехал — из Мехико или из другого места.

Выезжать нужно было засветло. Староста угостил японцев едой, именуемой тортилья, — это были маисовые лепешки, напоминающие такие же японские, но сделанные из риса, в которые был завернут сыр, похожий на японский соевый творог тофу. Еда издавала резкий непривычный запах, и японцы с трудом глотали ее.

Снова выстроившись в цепочку, путники спустились с горы. Потянулся все тот же монотонный пейзаж. На пересохшей от палящих лучей солнца земле, точно надгробия заброшенных могил, высились агавы и кактусы.

В туманной дали виднелись лысые горы. Мошкара с громким жужжанием облепляла потные лица путников.

— Неужели где-то здесь и вправду живет японец? — отгоняя мошек, спросил Ниси, повернувшись к Танаке.

— Хотел бы я встретиться с ним, — сказал Самурай, оглядывая бескрайнее плато. — Но наше путешествие не увеселительная прогулка в горы. Мы не можем позволить себе отклоняться в сторону.

Примерно через два часа после того, как они покинули деревню, над одной из ближайших голых гор показался черный столб дыма. Капитан и Веласко остановили путников и некоторое время смотрели в ту сторону. Вдруг такой же столб дыма появился в другом месте. Издалека можно было различить маленькую фигурку обнаженного по пояс индейца, который, точно ловкий зверь, перескакивал со скалы на скалу.

Путники двинулись дальше. Обогнув гору, они увидели с десяток обгорелых хибарок, от которых остались лишь закопченные стены. Вокруг торчали черные, опаленные огнем голые деревья. И ни живой души.

— Я предполагал заехать в Таско, — сказал Веласко японцам, глядя на развалины. — Но, пожалуй, лучше переночевать в ближайшей редукции. — Он изобразил на лице свою обычную снисходительную улыбку. От него исходил еще более сильный запах, чем обычно. — А те дымы, я думаю, сигнальные костры индейцев, которые все еще не прониклись расположением к испанцам. Через семь дней, надеюсь, мы уже будем в Мехико.

Ночь мы провели в деревне Игуала. Нам пришлось сделать это потому, что всю дорогу нас сопровождали сигнальные дымы индейцев. То было дикое племя, не ведающее Бога, которое нас ненавидит. Опасаясь беды, мы решили не заезжать в Таско. Через неделю мы прибыли в солнечный Мехико.

Когда с холма перед нами раскинулся этот прекрасный город, японцы умолкли, потрясенные. Даже любопытные купцы и те притихли. Правда, холодный прием, оказанный японцам в Акапулько, неприятно поразил их, и я чувствовал, что среди них растет недовольство. Но все же посланники выстроили своих людей, и те с пиками и знаменами чинно сопровождали их.

Мы прошли через городские ворота и оказались на омытой дождем площади, где раскинулся рынок —

там толпились мужчины и женщины, продававшие свои товары. Их так поразила процессия японцев, которых никто до этого в глаза не видел, что люди, забыв о торговле, побросав товары, устремились за нами.

Вышедшие навстречу братья нашего ордена проводили нас в монастырь святого Франциска. Японцы, которым пришлось из жаркой низины подняться на гору к монастырю, очень устали. Они жаловались, что им трудно дышать — в атмосфере Мехико действительно мало кислорода, — у некоторых кружилась голова. После еды (испанская пища, по-моему, им мало подходит — они избегают мяса, запрещенного буддизмом, и ограничиваются рыбой и овощами) все отправились поспать. Посланники тоже выглядели изможденными и после ужина, поклонившись настоятелю Гуадалкасару и братьям, разошлись по своим комнатам.

— Минутку, — сделал мне настоятель знак, как только японцы удалились. — Нам нужно поговорить.

Когда мы вошли в келью, все убранство которой составляли лишь образ, соломенный тюфяк и Распятие на стене, на его лице впервые появилась растерянность.

— Мы сделали для вас все, что было в наших силах. Однако вице-король Акунья до сих пор не дал согласия принять японских посланников.

Получив письмо, отправленное мной через коменданта форта Акапулько, настоятель постарался убедить вице-короля и других влиятельных людей Мехико оказать японским посланникам подобающий прием. Однако вице-король до сих пор колеблется, не зная, следует ли дать им официальную аудиенцию.

— Причина в том... — Настоятель глубоко вздохнул, — что есть люди, противящиеся вашим планам.

— Я в этом не сомневался.

Даже не спрашивая, я прекрасно знал, кто выступает против. Это были местная знать и крупные торговцы, заключающие сделки с испанскими купцами из Манилы. Они опасались, что, если Япония, минуя Манилу, будет торговать непосредственно с Новой Испанией, это помешает росту их прибылей. А за всем этим, как настоятелю должно быть известно, стоят иезуиты, которых не радует проникновение в Японию нашего ордена.

— Они утверждают, что поданное вами ходатайство... полно лжи.

— В чем же?..

— Вы писали, что король японцев будет охотно допускать в страну миссионеров. Однако, по донесениям из Манилы, японцы не приветствуют христианство, следовательно, вы исказили факты...

— Политическая обстановка в этой стране неустойчива — это безусловно, — почти закричал я неожиданно для себя. — Там происходят серьезные междоусобицы, правитель, предпринявший поход в Корею, лишился власти, и новый сёгун укрепляет свое могущество. Без его одобрения мы бы не смогли предпринять это морское путешествие и добраться до Мехико.

— Что касается Японии... — Настоятель сочувственно улыбнулся мне, — вы знаете о ней гораздо больше, чем мы. Мы должны верить тому, что вы говорите.

Добрый настоятель высказал лишь опасение, что я могу стать посмешищем и к моим словам не будут прислушиваться. Глядя на этого слабого духом человека, я вспомнил оставшегося в Японии моего товарища, отца Диего. Неужели отец Диего, у которого всегда красные, будто заплаканные глаза, до сих пор не покинул Эдо?

Расставшись с настоятелем, я вернулся в предоставленную мне комнату и зажег свечу. Я предполагал, что наши противники будут плести интриги. Я и не надеялся, что все пойдет гладко. Иезуиты не лгут, что в Японии действительно начались гонения на христиан, а найфу и сёгун не одобряют деятельности миссионеров. Но это не означает, что мы должны отступить и отдать эту страну во власть дьявола и язычества. Миссионерство — та же дипломатия. Оно подобно завоеванию чужих стран. И миссионерская деятельность заставляет прибегать к хитрости и уловкам, временами к угрозам, а временами идти на уступки — если такие действия помогают распространять Слово Божье, я не считаю их постыдными. Ради распространения веры приходится иногда закрывать кое на что глаза. Завоеватель Новой Испании Кортес, высадившись здесь в 1519 году с горсткой солдат, захватил в плен и истребил бесчисленное множество индейцев. Никому не придет в голову

оправдывать его действия с точки зрения учения Божьего. Но не нужно забывать и о том, что благодаря этим жертвам сейчас огромное число индейцев следует христианскому учению, спасено от варварских обычаев и встало на путь, указанный Господом. Никому не дано с легкостью решить, что лучше: оставить индейцев с их дьявольскими обычаями или преподать им Христово учение, закрыв глаза на то, что это сопряжено с определенным злом.

Если мое ходатайство вызовет у вице-короля сомнение и он будет колебаться, следует ли ему дать аудиенцию японским посланникам, я, чтобы успокоить его, вынужден буду прибегнуть к хитрости. Именно для этого я припас неплохой козырь.

Я придумал такую хитрость. В течение трех дней я вместе с посланниками посещал влиятельных людей Мехико — это напоминало выпрашивание милостыни. Раздобревший от спокойной жизни архиепископ встретил нас радушно и с любопытством рассматривал посланников, молча сидевших с характерными для японцев непроницаемыми лицами. Поглаживая полной рукой грудь, он лишь из вежливости задавал вопросы о Японии — было ясно, что эта восточная странанисколько его не интересовала.

Вместо японцев, не умеющих говорить по-испански, я, как их представитель, должен был всячески убеждать его, сколь выгодна для Новой Испании торговля с этой страной. Например, корабельные снасти, порох, гвозди, железо, медь, ежегодно отправляемые из Севильи в Акапулько, гораздо дешевле приобретать в Японии, а японцы полны желания покупать шелк-сырец, бархат, шерсть, которые в Новой Испании весьма дешевы. Я убеждал его, что столь необходимое в Новой Испании олово добывается в большом количестве в Японии, близ Нагасаки, в Хирадо и Сацуме, убеждал, как много потеряет Новая Испания, если не установит торговых связей с Японией и вся торговля полностью окажется в руках Голландии и Англии.

— Однако в Японии, — архиепископ согнал с лица улыбку и снова стал потирать рукой грудь, — семнадцать лет назад начались гонения на христиан.

Я слышал, они продолжаютя до сих пор. Удастся ли посылать туда испанских миссионеров?

Я знал, что и в Новой Испании стало известно о двадцати шести мучениках веры, казненных в Нагасаки в 1597 году.

— Сейчас положение улучшается, — вступился я за японцев. — Новые правители Японии поняли, что торговля и миссионерская деятельность нерасторжимы, и Его светлость, направивший сюда своих посланников, получил разрешение властей не преследовать в своих владениях христиан. Если торговля его княжества с Новой Испанией будет процветать, остальные даймё последуют этому примеру и охотно примут миссионеров. Факт, что японские купцы, совершившие со мной это плавание, прислушиваются к Слову Господа.

Я ждал реакции архиепископа.

— Они хотят принять крещение?

Я встал со стула, поняв, что архиепископ наконец проявил интерес к моему козырю.

— Уверен, что примут.

— Где и когда?

— Здесь, в Мехико, в самом скором времени.

Посланники, не понимая, о чем идет речь, сидели в напряженных позах, все с теми же непроницаемыми лицами. Я был рад, что они не знают испанского и не понимают нашего разговора.

— Прошу вас, благословите этих посланников.

Архиепископ поднял руку и благословил японцев, и те, ничего не поняв, приняли это. Я надеялся, что раздобревший архиепископ уже завтра расскажет влиятельным людям о крещении японцев, слух распространится, и это, несомненно, изменит дурное мнение о Японии. Именно на это я и надеялся.

Вернувшись после визита в монастырь, я собрал купцов.

— Ваши товары, доставленные в Акапулько, вскорости будут привезены в Мехико.

Они обрадовались, но я тут же честно сказал, что продать их будет нелегко. Я им объяснил, что и сюда дошли сведения о преследовании христиан в Японии и власти Мехико не питают особого расположения к японцам. Повергнув их в уныние, я ушел.

После моего ухода купцы стали совещаться. Я предполагал — о чем. Молясь, да, именно молясь,

я ждал их ответа. Вскоре желтозубый купец, тот самый, который на корабле просил добиться для него одного привилегий в торговле с Новой Испанией, и несколько его товарищей робко вошли в мою комнату.

— Падре, — желтозубый купец заискивающе улыбнулся, — падре, все купцы хотят стать христианами.

— Зачем? — спросил я холодно.

— Потому что мы прониклись благодатью христианского учения.

Запинаясь на каждом слове, он пустился в долгие объяснения, что они чувствуют. Все произошло так, как я и предполагал. Я знаю, что моя хитрость будет осуждена многими добропорядочными христианами. Но для того, чтобы превратить Японию в Божью страну, обычные методы не подходят. Пусть эти купцы ради барышей, ради своих торговых сделок примут крещение, Бог все равно не оставит их. Господь никогда не отвернется от тех, кто хотя бы единожды назвал Его имя. Мне хочется верить в это.

Как я и предполагал, вернее, как я и рассчитал, известие о том, что японцы принимают крещение, от архиепископа дошло до других влиятельных лиц, передавалось монахами и в конце концов распространилось в городе. Каждый, кого я встречал в эти дни, расспрашивал меня, правда ли это. Точно паук, поджидающий жертву, которая должна попасть в сплетенную им сеть, я ждал, когда молва дойдет до вице-короля. И тогда, сгорая от любопытства, преисполненные удовлетворения жители Мехико станут свидетелями торжественного крещения японцев. Вот тогда-то... Тогда все поймут, что я, совершивший столь поразительное деяние, и есть именно тот человек, который должен стать епископом Японии.

«Господи, неужели то, что я делаю, достойно презрения? Я прибегаю к подобным уловкам только ради того, чтобы в один прекрасный день по всей Японии разнеслись восславляющие Тебя гимны, распустились цветы веры. А почва там настолько неблагоприятна и скудна, что приходится прибегать к хитростям. Кому-то суждено запачкать руки. И поскольку никто другой делать этого не хочет, я готов не колеблясь ради Тебя вывалиться в грязи».

Однако почему я так привязан к этой стране, к ее людям? Есть же на свете страны, где миссионерская деятельность намного легче. Может быть, Япония привлекает меня потому, что в моих жилах течет кровь предков, которые жаждали покорять далекие острова, далекие материки.

«Япония, чем неподатливее ты будешь, тем больше это поднимет мой боевой дух, я так привязан к тебе, Япония, будто на свете не существует никаких других стран — ты единственная».

«Ищите царства Божьего и правды Его». В день Святого Михаила в церкви при монастыре святого Франциска в Мехико настоятель Гуадалкасар крестил тридцать восемь японцев. В десять часов утра о предстоящем событии торжественно возвестил колокольный звон — он взмыл в безоблачное небо Мехико, и в монастырь сбежались толпы народа, чтобы увидеть это зрелище. Японцы выстроились в два ряда, каждый держал в руке свечу, и когда оказывался перед настоятелем, тот задавал один и тот же вопрос:

— Веруешь ли ты в Господа нашего, в Его учение и вечную жизнь?

— Верую, — отвечали они.

Множество людей, собравшихся в церкви, слушали эти слова — некоторые упали на колени, другие плакали, — но все как один были тронуты любовью к Богу, которой прониклись чужестранцы, и прославляли Господа. Снова раздался колокольный звон. Прислуживая настоятелю при свершении таинства, я тоже был потрясен до глубины души. Пусть тридцать восемь японских купцов крестились ради выгоды, ради торговых сделок, таинство проникнет в их сердца, всколыхнет их души — в этом нет никакого сомнения. Японцы один за другим становились перед настоятелем на колени, он кропил их святой водой, и они возвращались на место с просветленными лицами. Я от всей души молился за них.

Настоятель Гуадалкасар подготовил специально для них проповедь; он сказал, что в Новой Испании многие индейцы сейчас благодаря испанцам отказались от своих варварских обычаев и языческих верований и пошли по пути, указанному Богом. Так же и эти тридцать восемь японцев, отринув язычество,

встали на путь истинный. Вместе со всеми верующими он будет молиться, чтобы Япония как можно скорее стала страной Господа. Настоятель осенил себя крестным знаменем, шум в церкви мгновенно стих, все встали на колени и склонили головы.

Стоя у алтаря, я не спускал с посланников глаз. Им были отведены места в третьем ряду, но Мацуки среди них не было. Ниси следил за церемонией с неподдельным любопытством и интересом, Танака и Хасэкура, скрестив руки на груди и не поворачивая головы, лишь поводя глазами следили за происходящим. И только место Мацуки пустовало, свидетельствуя о его решительном, демонстративном протесте.

После церемонии я сказал Танаке и Хасэкуре, указывая на купцов, окруженных толпой и утопающих в море цветов:

— Может быть, вы думаете, что ваши купцы страдают? Нет, жители Мехико принимают их как друзей. Торговые операции пойдут у них теперь значительно успешнее.

Оба посланника молчали.

— Но этого мало. Я уверен, что сегодняшняя церемония послужит и тому, что вице-король Новой Испании даст согласие на широкую торговлю с Японией...

Моя издевка заставила Танаку отвести глаза, Хасэкура выглядел растерянным.

Благодаря рекомендации архиепископа, на которого крещение японцев произвело самое благоприятное впечатление, беседа вице-короля с посланниками состоялась раньше, чем я предполагал. Когда я сообщил им, что они будут приняты, посланники очень обрадовались — даже Мацуки первый раз за все время изобразил на лице некое подобие улыбки.

В субботу, в день встречи, посланники сели в экипаж, присланный за ними вице-королем, их сопровождали слуги с пиками и знаменами. Я ехал вместе с ними в экипаже. Молва о недавнем крещении японцев распространилась по городу, и по дороге в резиденцию вице-короля люди махали нам руками и громко приветствовали. Однако посланники держа-

лись напряженно, и даже приветственные возгласы не смогли смягчить их.

Когда экипаж въехал в ворота резиденции вице-короля, находящейся в центре Мехико, и, проследовав сквозь строй величественных гвардейцев, остановился у парадного подъезда, их напряжение возросло еще больше, а у младшего, Ниси, даже дрожали колени — я это почувствовал. В зале аудиенций, украшенном поблескивающими доспехами и пиками, их ждал вице-король и два его секретаря. Величественность вице-короля подчеркивали усы и эспаньолка, выделявшиеся на худом лице. Он недоуменно пожал плечами, когда посланники, не обратив внимания на его протянутую руку, по японскому обычаю лишь склонили головы.

Контраст между традиционным, сдержанным японским приветствием посланников и напыщенным, в испанском стиле, приветствием вице-короля был несколько комичен. Хотя по своему характеру оба эти народа совершенно различны, они одинаково привержены соблюдению ритуала, отличающимся показным почтением и напыщенностью. Вице-король выразил глубокую благодарность за то, что король Японии проявил заботу об испанцах, потерпевших кораблекрушение, и отправил их на родину, поздравил с благополучным прибытием японского корабля в Новую Испанию, пожелал процветания Японии и Новой Испании. После его многословного приветствия Хасэкура представил членов миссии и, благоговейно держа в воздетых над головой руках послание князя, направился к вице-королю. Оба, не замечая комичности происходящего, сохраняли полную невозмутимость.

— Мы сделаем все, чтобы японские посланники как следует отдохнули в Мехико, — сказал вице-король, но от ответа на главный вопрос уклонился.

Время шло, на лицах посланников появилось недоумение, и обладавший острым умом Мацуки, не вытерпев, заявив, что хотелось бы услышать ответ на послание Его светлости.

— Я не обладаю полномочиями, чтобы ответить на полученное послание, — в замешательстве сказал вице-король. — Но я твердо обещаю передать ваши пожелания в Мадрид.

Посланники удивленно посмотрели на меня. На

их лицах появилось беспокойство, как у детей, обращающихся за помощью к взрослому.

— Я думаю, японцам хотелось бы знать, когда придет ответ из Мадрида? — спросил я вместо посланников.

— Все зависит от возникших проблем, и, если принять в расчет время на обсуждение, я думаю, это займет примерно полгода, — пожал плечами вице-король. — Вам, святой отец, должно быть известно, что торговля Новой Испании с Востоком неотделима от миссионерской деятельности, так что следует учитывать и точку зрения Его святейшества Папы.

Разумеется, я знал об этом. Было мне хорошо известно и то, что вице-король не имеет полномочий разрешить торговлю с Японией. Именно потому я и приехал вместе с японскими посланниками в Новую Испанию. Однако я сделал вид, что обескуражен ответом вице-короля, и передал его японцам. Моя цель состояла в том, чтобы вызвать у них растерянность, поставить в затруднительное положение и вынудить действовать в соответствии с моим замыслом. Потому-то я и прибег ко лжи:

— Вице-король сказал, что ответ из Испании может прийти не ранее чем через год.

— Через год? Ждать целый год?

Кажется, мне удалось выбить у посланников почву из-под ног. Я обернулся к вице-королю, всем своим видом выражая смущение.

— Посланники считают, что полгода слишком большой срок. Они говорят, что сами отправятся в Испанию и передадут испанскому королю пожелание короля Японии...

— Никаких препятствий к этому нет...

Поняв, что вице-король сам желал бы поскорее избавиться от этих надоедливых японцев, я подлил масла в огонь:

— И можно рассчитывать на ваше содействие? Я имею в виду предоставление возможности поехать в Испанию.

— Если посланники пожелают, я препятствовать не буду. Но мне бы хотелось, чтобы вы объяснили им, сколь опасен путь из Мехико на восток Новой Испании.

— Чем же он опасен?

— Вам это не известно? Недалеко от Верак-

руса подняли мятеж индейцы. А дать охрану я не могу.

Я слышал об этом впервые. Для того чтобы попасть из Новой Испании в Испанию, переплыв Атлантический океан, нужно было прежде всего добраться до порта Веракрус. А тут, оказывается, в окрестностях Веракруса индейцы жгут деревни, разрушают гасиенды¹, убивают даже священников!

— Мы не можем оставаться здесь целый год, — наступал на меня ничего не понявший Танака. — Совет старейшин приказал нам вернуться к зиме.

— Я скажу об этом вице-королю.

Разумеется, я не перевел вице-королю слова Танаки. И стал быстро соображать, как поступить. Целью предпринятого мной путешествия было сделать так, чтобы наш орден, а не иезуиты, получил единоличное право распространения веры в Японии, а для себя добиться назначения епископом. Ради этого, презрев опасности, я должен отправиться в Испанию. Ведь рукоположить меня в епископы может лишь кардинал Испании.

— Зная об опасностях, японцы готовы ехать в Веракрус. Всю ответственность они берут на себя, — солгал я и на этот раз вице-королю. — Хотелось бы обратить ваше внимание на следующее обстоятельство. Хотя в Мехико и существуют противники установления торговых отношений с Японией, торговля с ней не лишена смысла. Как известно, наши враги Англия и Голландия изо всех сил стремятся к торговле с Японией.

Я горячо убеждал вице-короля, как до этого архиепископа, что, поскольку в Японии (по весьма низким ценам) можно получить большое количество добываемого там олова и серебра, протестантские государства Англия и Голландия все больше интересуются этой страной, но король Японии заинтересован в торговле не с испанской колонией на Филиппинах, а с Новой Испанией, и, наконец, что в торговлю Японии с Манилой непрерывно вмешиваются иезуиты, поэтому в дальнейшем предпочтительнее, чтобы в качестве посредника выступил наш орден.

— Я был бы вам весьма признателен, если бы вы как можно скорее сообщили в Испанию, что именно

¹ Усадьбы испанских землевладельцев.

францисканцы способствовали в Мехико крещению японцев.

Глаза вице-короля, до сих пор совершенно равнодушные, впервые сверкнули.

— Мой доклад не будет содержать для вас ничего дурного, — похлопал он меня по плечу. — Мне кажется, вы, падре, ошиблись в выборе жизненного пути. Вам следует быть не миссионером, а дипломатом.

Мне было искренне жаль посланников, в унынии покидавших резиденцию вице-короля, но я благодарил Бога и был полностью удовлетворен беседой. К сожалению, японцы были убеждены, что в Новой Испании их встретят с распростертыми объятиями, что послание Его светлости будет воспринято доброжелательно и с полным пониманием.

На улицах Мехико наш экипаж снова встречали приветственными криками.

— Иного выхода нет, — обратился я к удрученным японцам, — наверное, мне придется одному отправиться в Испанию. Надеюсь, я вернусь с хорошими вестями.

Они промолчали. И не потому, что сердились, — просто еще не знали, как поступить. Шаг за шагом они все дальше шли в избранном мной направлении...

Когда расстроенные посланники вернулись в монастырь и выходили из экипажа, от встречавшей их толпы отделился какой-то индеец и с силой потянул Самурая за рукав. У него были длинные почти до пояса косы, глаза блестели. Он что-то быстро зашептал остановившемуся в недоумении Самураю. Тот не разобрал в гомоне его слов, и тогда он повторил:

— Я... японец.

Пораженный Самурай не смог вымолвить ни слова. В деревне, где они ночевали по дороге из Акапулько в Мехико, говорили, что где-то здесь живет японец, но ему и в голову не могло прийти, что встретит его так скоро и в столь неожиданном месте. Точно наслаждаясь исходившим от Самурая и его одежды запахом Японии, мужчина застыл, крепко ухватившись за рукав. Потом застонал, и глаза его наполнились слезами.

— Я живу в деревне Текали, — быстро заговорил он. — Но очень прошу, не говорите об этом падре. Я ведь бывший монах, отрекшийся от христианства.

Заметив приближавшегося к ним Веласко, он поспешно сказал:

— Текали недалеко от Пуэблы. Запомните, деревня Текали, — и скрылся в толпе.

Растерявшийся вначале Самурай, наконец опомнившись, стал искать японца глазами и увидел его залитое слезами лицо — он смотрел на Самурая и улыбался.

Когда посланники вернулись к себе и Самурай рассказал о своем разговоре, глаза Ниси покраснели.

— Давайте поедем в эту Текали. Может быть, мы могли бы использовать его как переводчика.

— Ты думаешь, мы сможем поехать туда тайком от Веласко? — усмехнулся по своему обыкновению Танака. — Без него мы ничего не сможем сделать. Все идет так, как того хочет он.

— Потому-то нам и нужен собственный переводчик.

— Нет, нам он не подходит, — покачал головой и Мацуки. — Он же сам говорил, что отказался от христианства, и падре ничего не должен знать о нем.

Как обычно, когда происходили такие споры, Самурай молча сидел в уголке. Одной из причин, почему он помалкивал, было его косноязычие, играла здесь роль и нерешительность, свойственная людям из Ято. У них всегда брало верх сознание, что спорить друг с другом — значит прежде всего доставлять неприятность себе самому. Нужно сначала все как следует обдумать, а уж потом вступать в разговор.

— Выходит, мы связаны по рукам и ногам и должны слепо следовать указаниям господина Веласко?

На вопрос Ниси ни Танака, ни Мацуки ничего не ответили. Они не могли решить, как тут нужно поступить.

— Значит, мы должны здесь, в Мехико, дожидаться его возвращения?

Ниси не унимался, как бы в отместку за то, что Танака всегда ругает его.

— Господин Веласко сказал, что поедет в Испанию один.

— Нет, Веласко совсем не хочется отправляться в Испанию одному, — покачал головой Мацуки. — В глубине души он надеется, что мы поедем вместе с ним.

Посланники очень серьезно отнеслись к словам Мацуки. Хотя Самурая всегда раздражала манера Мацуки вести разговор так, будто собеседник глупец, и злила его постоянная насмешливость, но не признать его острый ум он не мог.

— Откуда вам это известно? — спросил Танака.

— Поставьте себя на место Веласко. Чем плох такой план: вместе с японскими посланниками прибыть в Испанию, пышно и торжественно вступить в столицу, показав всем, каких блистательных успехов он достиг. Он весь как на ладони — вспомните, как он буквально лопался от гордости здесь, в Мехико, при крещении купцов. Испания — родина Веласко. И если он привезет японских посланников к королю, ему удастся прославиться. Вот какова его цель.

— Значит, нам лучше не поддаваться на уговоры Веласко и не ехать с ним в Испанию? — Ниси вопросительно посмотрел на остальных.

— Однако, — пробормотал, будто разговаривал сам с собой, обычно молчаливый Самурай, — наша поездка в Испанию может помочь завязать отношения между Советом старейшин и Новой Испанией, а тогда...

Танака, сидевший скрестив на груди руки, кивнул.

— Хасэкура прав. Какие бы планы ни вынашивал Веласко, наша первая обязанность — выполнить возложенную на нас миссию.

— Об этом еще нужно подумать, все не так просто. — На лице Мацуки снова появилась улыбка. — Совет старейшин приказал нам как можно быстрее все сделать и вернуться на родину. Если мы поедem в Испанию, наше возвращение сильно затянется.

— Если затянется... даже и на два года, главное — успешно выполнить возложенную на нас миссию.

— Может быть, вы, господин Танака, готовы даже принять христианство, если это, как утверждает Веласко, будет способствовать успеху? — саркастически бросил Мацуки, зная особую неприязнь Танаки к христианству.

— А что в этом плохого? — вмешался Ниси. — Купцы ради своей выгоды приняли христианство. Если это послужит успешному выполнению миссии...

— Не говори глупостей. — Тон Мацуки поразил всех. Улыбку точно сдуло с его лица. — Ниси, никакие, самые благие цели не должны заставить тебя принять христианство!

— Почему?

— Ты ничего не понимаешь. — Мацуки с жалостью посмотрел на него. — Тебе ничего не известно о борьбе, происходившей в Совете старейшин. Ты вряд ли задумывался над тем, почему для этого путешествия выбрали нас, мэсидаси, самураев невысокого ранга.

— Я этого не знаю. А вам, господин Мацуки, что-нибудь известно?

Ниси и Танака вопросительно смотрели на Мацуки, ожидая ответа.

— Только об этом я и думал на корабле. И, кажется, догадался. Мне пришло в голову несколько объяснений.

— Каких же?

— Прежде всего, это делалось, чтобы покончить с просьбами мэсидаси о возврате старых владений. Нескольких они послали в очень трудное путешествие — и если мы погибнем, то это даже к лучшему. А если не погибнем, но и не выполним возложенной на нас невообразимо сложной задачи, они, в назидание остальным, обвинят нас в нерадивости и накажут. Таково намерение Совета старейшин.

— Глупости. — Танака, опершись о колени, встал с кровати. — Господин Сираиси твердо обещал, что, если мы, посланники, хорошо выполним свою миссию, нам будут возвращены старые владения.

— Господин Сираиси? — Мацуки снова улыбнулся. — Но Совет старейшин состоит не из одного господина Сираиси. Там есть люди, которые не одобряют действий Сираиси и его единомышленников. Например, господин Аюгаи. В отличие от господина Сираиси он терпеть не может Веласко и христиан. Господин Аюгаи с самого начала резко противился отправке Веласко переводчиком. Он убежден, что распространение христианства во владениях Его светлости станет в будущем источником серьезных бедствий.

— В таком случае почему даже найфу и сёгун дали разрешение на это путешествие?

— Господин Аюгаи считает, что это ловушка, подстроенная Его светлости сёгуном. Устроена она, он убежден, для того, чтобы рано или поздно уничтожить Его светлость, обладающего огромным могуществом, не уступающим могуществу крупнейших даймё. Именно поэтому Аюгаи и возражал против Веласко, изгнанного из Эдо. Но в конце концов сторонники господина Сираиси взяли верх, и после долгих споров было решено не посылать с миссией высших сановников. Вместо них выбрали нас, мэсидаси.

Мацуки говорил с такой уверенностью, будто лично присутствовал на заседании Совета старейшин. Его логичным рассуждениям не могли возразить ни Самурай,

ни молчаливый Танака, ни даже молодой Ниси. Все трое, потрясенные, буквально онемели.

— Это твои собственные догадки? — не вытерпел Танака.

— Конечно, мои собственные.

— Думаю, ты ошибаешься.

— Можешь верить или не верить — твое дело, — насутился Мацуки. — Но я обязан сказать господину Хасэ-куре и Ниси: не поддавайтесь одержимости Веласко. Стоит попасть в его сети, и мы неизбежно погибнем. Представьте себе, что к нашему возвращению господин Сираиси утратит свое влияние в Совете старейшин и его сменит господин Аюгаи. С нами поступят совсем по-другому. Во время нашего путешествия мы должны подготовить себя к любым переменам, которые могут произойти во владениях Его светлости.

У Самурая разболелась голова. Спор между Мацуки и Танакой все продолжался. Ему хотелось остаться одному. Тихонько покинув комнату, он прошел по коридору — сиеста еще не окончилась — во внутренний двор. Там на кресте, склонив набок голову, висел худой изможденный человек. Фонтан выбрасывал струи воды, падавшие вниз с тихим плеском. Вокруг яркими огоньками горели цветы, которых Самурай никогда не видел в Японии.

Прожив жизнь в крохотной долине Ято, которая была единственным ведомым ему миром, он понятия не имел о каких-то политических маневрах, о которых говорил Мацуки. Ему и в голову не могло прийти, что в Совете старейшин идет сложная тайная борьба, ему совершенно недоступная. Он участвовал в этом путешествии, полностью доверяя господину Сираиси.

Он смотрел на пылавшие огнем цветы и слушал плеск фонтана.

«Наверное, придется ехать в далекую Испанию, — прошептал он, вспоминая лицо жены. — У меня нет другого выхода, я обязан верить словам господина Сираиси».

В его душе вспыхнул протест против всезнающего Мацуки. Ему вдруг захотелось решительно возразить.

За его спиной послышались шаги. Тяжело дыша, к нему подошел Ниси.

— Сил нет.

— Все из-за этого Мацуки, — кивнул Самурай. — Он всегда обо всех думает плохо. Терпеть его не могу.

— Господин Мацуки сказал, что один из нас вместе с купцами должен вернуться на родину и обо всем доложить Совету старейшин, а остальные останутся в Мехико. Мы ведь уже выполнили свою миссию — передали вице-королю Новой Испании послание Его светлости. Те, кто останется здесь, будут ждать известий от Веласко, который отправится в Испанию, говорит он.

— Не выполнили мы своей миссии! Господин Сираиси сказал, что задача должна быть выполнена полностью. Я помню его слова. Я не собираюсь поддерживать Мацуки.

— Значит, вы поедете в Испанию? Мне бы тоже хотелось поехать. Может быть, удастся выполнить нашу миссию и собственными глазами увидеть неведомые страны, неведомые города... Так хочется узнать, сколь велик, сколь бескраен этот мир!

Самураю представилось море, где накатывают друг на друга бурлящие волны. Безбрежное море, где не видно ни клочка земли. Молодой Ниси мечтает увидеть мир. Но Самурая угнетала перспектива вступить в этот огромный незнакомый мир. Он устал. Грудь сжало от тоски, от неодолимого желания вернуться домой, в Ято, и он с завистью посмотрел на Ниси.

Во дворе появился Танака. Он пнул камешек — наверное, гнев его еще не остыл.

— Ну и хитрец, — обругал он Мацуки. Но и сам, видимо, не знал, на что решиться. Устало опускаясь на скамейку, заметил вдруг Самурая и Ниси. — Послушай, Хасэкура, что бы там ни говорил этот Мацуки, у нас одна-единственная задача — достойно выполнить возложенную на нас миссию. Не знаю, что происходит в Совете старейшин... Но я отправился в это путешествие только ради того, чтобы нам вернули старые земли.

Танака потупился, лицо его было печально, голос дрожал, казалось, он вот-вот расплчется.

Вечером Самурай зашел к Ёдзо — купцам и слугам, сопровождающим посланников, постелили солому прямо в коридоре, там они и спали.

Увидев Самурая, трое его слуг вскочили, и он, поманив их рукой, увел в конец коридора. Они заметили, что хозяин мрачен, и покорно, как собаки, ждали, что он им скажет.

— Мы обязаны продолжить путешествие. — Самурай

прищурился. — Снова переплыть море, чтобы попасть в далекую страну. — Самурай заметил, что Итискэ и Дайскэ дрожат. — Господин Мацуки и купцы останутся здесь, а в конце года на большом корабле вернутся в Цукиноуру, — выпалил он одним духом. — Я же и еще двое посланников... отправимся в Испанию.

Ёдзо молча смотрел на Самурая. Самурай знал, что независимо от того, как поступят Итискэ и Дайскэ, Ёдзо его никогда не оставит. Знал, что, подобно ему самому, Ёдзо никогда не пойдет наперекор судьбе.

ГЛАВА V

Я сделал все, что должен был сделать. Мехико я покидал без сожаления. Не только настоятель монастыря, принадлежащего нашему ордену, но и добросердечный архиепископ написали в Мадрид о моих заслугах в распространении веры, о том, что много японских купцов, внявших моим наставлениям, приняли крещение, а вице-король Акунья направил донесение королевскому советнику, в котором сообщал, что торговля с Японией не лишена смысла, поскольку может препятствовать проникновению в эту страну протестантских государств. Для предотвращения интриг иезуитов эти Два письма были ценнее любых рекомендаций. Я могу с чистой совестью утверждать, что мое пребывание в Мехико было успешным.

День отъезда приближается, погода прекрасная. Я отслужил мессу в церкви при монастыре и дал Святое причастие новообращенным. Конечно, они приняли христианство ради выгоды. Но независимо от того они теперь связаны с Богом. А тот, кто вверил себя Богу, никогда не сможет оставить его. Благодаря крещению японские купцы смогли распродать свои товары местным торговцам и закупили большую партию шерсти и тканей. Через четыре месяца, вернувшись с товаром в Японию, они получают немалые барыши.

— Падре, когда мы возвратимся в наш приамурский город, обязательно выстроим церковь и будем ждать вас, — улыбаясь говорили благодарные купцы.

Приятные слова. А тот желтозубый прошептал мне на ухо, что, если я помогу сделать так, чтобы вся

торговля шерстью с Новой Испанией оказалась в его руках, он готов отдавать нашему ордену десятую часть выручки. В общем, я не ошибся в своих расчетах. Мне стало радостно от одной мысли о превращении призамкового города в христианский, еще более процветающий, чем Нагасаки.

Однако не все шло гладко. Как я и ожидал, посланники сообщили, что отправятся со мной в далекую Испанию и лишь один Тюсаку Мацуки останется в Мехико и вместе с купцами вернется в Японию. Я предполагал, что он нашептывает посланникам много дурного обо мне, но удивило его решение на полпути отказаться от выполнения возложенной на него миссии. Хотя его действия будут, несомненно, осуждены Советом старейшин, он тем не менее торопится вернуться на родину — видимо, у него есть для этого какие-то причины. Мне даже кажется, что его отправили не в качестве посланника, а для того, чтобы следить за мной и доносить Совету старейшин. Японцы нередко прибегают к таким коварным методам.

С другой стороны, отсутствие Мацуки сослужит мне хорошую службу. Если останутся честный и прямолинейный Рокуэмон Хасэкура, напыщенный, но не такой резкий, как Мацуки, Тародзаэмон Танака и молодой Кюскэ Ниси, в предстоящем путешествии будет легко подчинить их своей воле. Рассчитывая на это, я всякий раз умиротворяю Танаку, когда тот возмущается поведением Мацуки.

Беспокоит меня не это, а мятеж, поднятый ацтеками как раз в тех местах, где проходит дорога на Веракрус. Вице-король сказал, что дать нам охрану не сможет.

Мятеж произошел по вине самонадеянных испанских колонистов, которых здесь называют энкомьендерос¹. Давно переселившиеся в Новую Испанию, они получили от короля разрешение владеть пахотными землями и пастбищами наравне с испанской знатью, а они, воспользовавшись этим правом, обрекли индейцев на непосильный труд, лишали несчастных

¹ Энкомьенда (букв.: попечение, покровительство) — особая форма сеньории в Испании, отдача тех или иных владений, поселений под защиту лиц, располагавших властью. В Латинской Америке — одна из форм эксплуатации индейцев. Указом короля 1503 г. индейцы передавались «на попечение» колонистам — энкомьендерос, которые могли взимать с них подати.

пеонов даже тех крохотных земельных наделов, которые они имели. Наш орден всегда выступал против энкомьендерос, теперешний мятеж как раз и явился результатом их произвола. Раньше это племя было мирным, и единственным их оружием были камни, но теперь у них есть даже ружья.

В любой завоеванной стране всегда находятся глупцы, подобные этим колонистам. Здесьним не хватило ума дать определенные выгоды индейцам и самим пользоваться ими. Не будет преувеличением сказать, что их провал сродни поражению иезуитов в Японии. Пороки в миссионерской деятельности, порожденные навязыванием собственной воли и пренебрежением интересами и чувствами японцев, здесь, в Новой Испании, приобрели иную форму, вылившись во вражду между энкомьендерос и индейцами.

К несчастью, наш путь должен проходить по тем местам, где вспыхнул мятеж. Но я японским посланникам ничего не сказал об этом и попросил монахов хранить молчание. Боялся, как бы посланники не отступились — что бы я тогда делал?

Последние дни я вспоминаю Послание к коринфянам и размышляю об опасностях, которым подвергался Святой Павел, странствуя со своими проповедями. «Много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море...», — писал апостол. Он прошел через все это, неся Слово Божие язычникам. Меня, как и Павла, не остановят ни бдение, ни голод, ни жажда, ни стужа, ни нагота. Потому что у меня есть Япония. После прибытия в Новую Испанию каждая молитва заставляла меня почувствовать с новой силой, что эти крохотные острова, напоминающие формой единорога, ниспосланы Господом для покорения, они — поле боя, где я должен сражаться.

За два дня до отплытия гостеприимный настоятель пригласил японцев на прощальный обед. Он был похож на пир в Кане Галилейской — купцы, напившись, пели песни. Звучавшие для нашего уха монотонно и заунывно, японские песни показались монахам похожими на индейские. Немного захмелев, японцы впервые за все время разоткровенничались — жаловались, что дышать в Мехико, расположенном

на большой высоте, трудно, высмеивали местную еду, отвратительный вкус оливкового масла. Среди посланников самым крепким оказался Танака, он много выпил, но совсем не опьянел; посланники ели, соблюдая японский этикет, чем приводили всех в восторг.

Прощальный обед закончился. Когда все братья, молитвенно сложив ладони, направились из трапезной в часовню, меня остановил Мацуки. Стараюсь проникнуть в мысли друг друга, мы стали прощаться.

— Падре, — сказал он мягко, — нам, наверное, не удастся встретиться еще раз.

— Почему же? После завершения миссии я тоже вернусь...

— Нет, в Японию больше не приезжайте.

— Почему же? — я решительно покачал головой.

— Падре. — Потупившийся Мацуки вдруг поднял голову и просительно посмотрел на меня. — Зачем, падре, вам нужны беспорядки во владениях Его светлости?

— Беспорядки? Ничего не понимаю.

— Мы... Нет, не только мы. Япония до сих пор жила спокойно, а вы, падре, явились, чтобы нарушить наш покой.

— Мы пришли не для того, чтобы нарушать ваш покой. Наоборот, хотим, чтобы вы обрели благодать.

— Благодать? — Лицо Мацуки исказилось, будто он смеялся сквозь слезы. — Ваша благодать нам не под силу. Япония воспринимает ее как нечто непомерно огромное. Слишком сильное лекарство может оказаться ядом. Высшее счастье, о котором вы, падре, говорите, для Японии яд. Приехав в Новую Испанию, я понял это. Новая Испания жила бы спокойно, не прибудь сюда испанские корабли. Благодать, падре, нарушила покой и в этой стране.

— В этой стране... — Я понял, что имеет в виду Мацуки. — Я не отрицаю, было пролито много крови. Но мы искупили свою вину. Индейцы многому от нас научились... Главное — они узнали путь к достижению высшей благодати.

— Вы и Японию, падре, хотите превратить в такую же Новую Испанию?

— Я? Нет, я не так глуп. Я хочу лишь, чтобы Япония получила выгоды, а мне было дано разрешение распространять там учение Христа.

— Япония с радостью будет перенимать у ваших,

падре, стран великие знания и мастерство. Но все остальное нам не нужно.

— Что вам даст одно наше мастерство? Что вам дадут одни наши знания? Их бы не было без стремления проникнуться дарованной Господом благодатью.

— Высшая благодать, о которой вы говорите, падре, — Мацуки повторил мои слова, — принесет немало горя нашим маленьким островам.

Ни я, ни он не хотели отступать. Но в конце концов Мацуки умолк и, с ненавистью посмотрев на меня, повернулся и ушел. Я понял, что он прав: с ним мы уже никогда не встретимся.

В день отбытия погода была ясная.

Купцы, собравшиеся у ворот монастыря, прощались с уезжавшими, желали счастливого пути. Трое посланников передали купцам, которые должны были вернуться домой раньше их, письма и подарки для родных. Самурай тоже прошлой ночью написал письма дяде и старшему сыну.

«Пишу кратко. У меня все хорошо, особых новостей нет. Ёдзо, Итискэ и Дайскэ тоже здоровы. К несчастью, еще на корабле умер Сэйхати. Будь внимателен к матери, помогай ей. Нужно бы еще многое сказать тебе, но я должен торопиться, чтобы успеть передать письмо».

Самурая мучило то, что он не выразил и сотой доли переполнявших его чувств. В его памяти всплыло лицо жены, которая, конечно, много раз будет перечитывать это письмо, адресованное Кэндзабуро.

Посланники и Веласко сели на лошадей, сопровождавшие их слуги вели тяжело груженных ослов. Настоятель и монахи вместе с купцами махали им на прощание. В тот момент, когда под лучами палящего солнца Самурай вдел ноги в стремя, к нему неожиданно подбежал Мацуки.

— Послушай, — он прижался к Самураю. — Береги себя, не забывай, что ты должен беречь себя. — Самурай удивился, а Мацуки продолжал: — Совет старейшин палец о палец не ударит, чтобы защитить нас, самураев низкого звания. С той минуты, как мы стали посланниками, нас втянуло в водоворот политики. Теперь ты можешь рассчитывать только на себя.

Самураю были не по душе эти коварные речи. «Я верю Совету старейшин!» — хотел он возмущенно крикнуть в ответ, но сдержался.

Сидя на лошади, он поклонился махавшим рукой мона-

хам и купцам. Среди них, скрестив руки на груди, стоял и Мацуки. От зависти у Самурая сжалось сердце. Они вернутся в Японию! Но, покорно принимавший все, что случалось в Ято, он и сейчас покорно подчинился своей судьбе. За ним, молча ведя ослов, следовали Ёдзо, Итискэ и Дайскэ.

Как и по дороге из Акапулько в Мехико, перед путниками расстилалась все та же пустыня, поросшая агавами и кактусами. По мере того как они спускались с плато на равнину, жара становилась все невыносимее. Индейцы, обрабатывающие поля, бросали работу, дети, пасшие овец и коз, останавливались и удивленно смотрели вслед необычной процессии.

В небе, не голубом, а скорее бесцветно-слюдяном от ярко светившего солнца, медленно плыла огромная птица. Это был впервые увиденный ими кондор. Пустыня сменялась маисовыми полями и оливковыми рощами, а потом снова потянулась пустыня, поросшая кактусами. Там, где были поля, всегда стояло несколько индейских глинобитных лачуг, крытых тростником, на крышах часто сидели огромные птицы.

Японцы проехали несколько прилепившихся к каменным холмам опустевших, полуразрушенных селений, от которых остались лишь каменные ограды. Сохранились и безлюдные, вымощенные камнем площади, где завывал обычный для этих мест обжигающе-сухой ветер. Слушая его завывание, Самурай вспомнил вдруг полные безнадежности слова Мацуки: «Теперь ты можешь рассчитывать только на себя».

Танака спросил, не от голода ли вымерли эти селения.

— Нет, не от голода, — ответил Веласко чуть ли не с гордостью. — Наш великий предок Кортес с горсткой солдат уничтожил всех индейцев на этих землях.

«Что же в этом хорошего? — подумал Самурай, покачиваясь на лошади. — Какой я безмозглый, думаю лишь о выполнении своей миссии. Будь здесь отец, он бы обязательно задал такой вопрос».

Показалось пересохшее русло реки, потом — голая, усыпанная огромными камнями гора. Когда они добрались до ее вершины, неожиданно у горизонта возникла еще одна гора — огромная, укрытая белыми облаками. Она была несравненно выше всех гор во владениях Его светлости. Молодой Ниси был так поражен, что даже закричал:

— Она же выше Фудзи?!

Веласко сочувственно улыбнулся.

— Разумеется. Ее название Попокатепетль.

— И вправду мир необъятен, — повторил пораженный Ниси уже однажды сказанные им слова.

Пока они, точно муравьи, спускались вниз, огромная гора все время была видна. Но, сколько они ни шли, она не приближалась. Уходя в поднебесье, она безмолвно наблюдала за миром людей. Глядя на эту высоченную гору, Самурай подумал, насколько мелки в этом бескрайнем мире мысли Мацуки. А сам он отправляется в этот бескрайний мир. Будь, что будет, — он отправляется в этот бескрайний мир, неведомый Мацуки.

На пятые сутки под вечер потные, обессилевшие японцы добрались до небольшого городка. Окружавшая его стена была видна издалека. Когда они приблизились к городку, воздух посвежел, стал доноситься аромат деревьев, благоухание цветов, запах жизни. Посланники, так долго сжавшие по безлюдной пустыне, залитой беспощадным солнцем, с удовольствием вдыхали доносившиеся из города запахи, надеясь хотя бы напиться вволю.

— Это город Пуэбла.

Солдаты, охранявшие городские ворота, завидев японцев, в панике скрылись. Веласко, подняв руку, остановил процессию и спешился, чтобы показать солдатам разрешение вице-короля, он не заметил, как посланники перергнулись. Пуэбла. Они уже слышали это название. Совершенно верно, его произнес тот самый японец, похожий на индейца. «Деревня Текали, недалеко от города Пуэбла. Деревня Текали». Он тогда несколько раз повторил эти названия.

Получив наконец разрешение, путники вошли в город — так же, как Мехико, он начинался с рынка. Прямо на земле, точно каменные изваяния, неподвижно сидели, скрестив ноги, длинноносые индейцы — мужчины и женщины. Они продавали овощи, фрукты, гончарные изделия, длинные сарапе¹, широкополые сомбреро, а между разложенными на земле товарами, звеня колокольчиками, бродили козы. Индейцы, увидев японцев, не удивились, приняв их за горцев. Самурай испытал щемящую тоску по Ято. «Что сейчас делают жена и дети?» — подумал он. Может быть, тоска его еще сильнее потому, что после долгого путешествия по безлюдной пустыне он добрался наконец до человеческого жилья.

¹ Мексиканские плащи с прорезью для головы, наподобие пончо.

Веласко повел японцев в монастырь святого Франциска. Японцы, уже привыкшие в Мехико к монастырским обычаям, пожимали руки вышедшим навстречу монахам, широко улыбаясь, хоть и не понимали ни слова. Им отвели просторную комнату, окна в ней были распахнуты, и через них вливалось благоухание цветов.

— Что будем делать? — тихо спросил Ниси Самурая, отряхиваясь от пыли. — Навестим того японца?

— Хотелось бы... Но мы обязаны помнить о нашей миссии, — полушепотом, чтобы не услышал Танака, ответил Самурай. — Я думаю, тот японец уже знает о нашем прибытии. Мне кажется, он сам скоро появится тут.

Наступила ночь. Поужинав, они легли спать, и сразу, как в Мехико, раздался благовест. Он доносился из кафедрального собора, возведенного тридцать лет назад на городской площади, и под этот колокольный звон японцы, уставшие от долгого путешествия по пустыне, заснули как убитые. Вскоре в коридоре послышались шаги — Веласко со свечой в руке заглянул в их комнату. Увидев, что они спят, он тихо удалился.

Во сне Самурай снова увидел Ято. Над озером низко висело свинцовое небо, в котором кружили снежинки. Самурай и Ёдзо, завернувшись в соломенные плащи, которые в Ято назывались кэра, в сапогах из соломы, стояли, затаив дыхание, у самого берега и смотрели на черную воду, местами схваченную льдом, припорошенным снегом. Сквозь сухие листья тростника виднелась стайка чирков. Ёдзо тронул Самурая за плечо и указал пальцем на лебедя вдаль, у одиноко торчавшего дерева, погружившего голову в воду. Это была перелетная птица, которую в их краях называли «белая птица».

Самурай кивнул, он слышал тяжелое дыхание Ёдзо, будто тот раздувал угасающие угли. Из какой страны прилетела сюда эта птица? — гадал он. Каждый год стая белых птиц, кружа в зимнем небе, неизменно появляется в Ято. Они прилетают из неведомых стран, из-за моря.

По знаку Ёдзо Самурай быстро заткнул уши пальцами. Но выстрел был слишком громким. Несколько десятков чирков взмыли ввысь. Белая птица тоже попыталась взлететь, но тут же упала в воду. Хлопая крыльями, она заскользила вдоль берега. На воде появились круги, звук ружейного выстрела тоже кругами расплывался в холодном небе. Хорошо, что промахнулся, подумал Самурай. В ушах оставался гром выстрела, в носу — запах пороха...

Предположение Самурая подтвердилось. На следующий день, вечером, когда посланники и сопровождающие их слуги пришли на рынок, неподалеку от монастыря, там оказался тот самый японец, внимательно наблюдавший за ними.

Некоторые из индейцев, подражая испанцам, были в сомбреро и кожаной обуви, большинство же — обнажены до пояса, толстые косы лежали на голых плечах. И разложенные на земле товары, и гортанный говор индейцев поразили японцев. Дайскэ насмешил всех, нахлобучив на голову сомбреро; Самурай вдруг заметил в некотором отдалении, у огромного пропыленного платана, того японца, с завистью смотревшего в их сторону.

— О! — Самурай быстро направился к нему. — Хорошо, что пришли. Почему к нам не заглянули?

— Я не могу там появляться. Поэтому с полудня дожидаясь вас здесь.

Танака и Ниси подошли к Самураю и бывшему монаху.

— Далеко отсюда Текали?

— Нет, совсем рядом, у озера за городом.

Как и в прошлый раз, он поглаживал одежду Самурая и Ниси и, словно вспоминая что-то, прикрыл глаза.

Ударили в колокола. Звонили к вечерне, и для японцев это было знаком, что пора ужинать. Веласко сказал им, чтобы они возвратились, когда зазвонит колокол.

— Нужно возвращаться, — приказал Танака. — Если опоздаем, скажут, что нарушаем порядок.

— Очень прошу вас, расскажите мне о Японии. Когда вы отсюда уезжаете?

— Завтра после обеда.

— Текали совсем близко. Перед рассветом на этой площади будет ждать индеец, который проводит вас ко мне.

— Не удастся, — безжалостно покачал головой Танака. — Мы приехали сюда, чтобы выполнить возложенную на нас миссию. Если с нами что-нибудь случится, никто другой этого сделать не сможет.

Бывший монах уныло кивнул. И, продолжая стоять у платана, грустно провожал глазами японцев, возвращающихся в монастырь.

Самурай проснулся от холода. В лунном свете Ниси осторожно, чтобы не разбудить остальных, натягивал гетры. Поймав взгляд Самурая, он застенчиво улыбнулся. Самурай сразу понял, куда тот собрался.

— Никаких хлопот я не доставлю. К утру вернусь.
— Ты же не знаешь языка. — Самурай бросил взгляд на спящего Танаку. — Как доберешься?

— Тот человек сказал, что пришлет провожатого.

У Самурая как живой стоял перед глазами бывший монах, который, глядя их одежду, говорил: «Очень прошу вас, расскажите мне о Японии». Хотя он прекрасно понимал и Танаку, считавшего самым важным выполнение миссии.

— Разрешите мне пойти! — Ниси встал.

Самурай завидовал его любознательности, молодости, не знающей страхов и компромиссов. Этих качеств недоставало Танаке, заботившемуся лишь о выполнении их миссии, да и ему самому.

— Ты решил отправиться во что бы то ни стало?

— Да.

— Тогда подожди. — Самурай приподнялся и внимательно посмотрел на храпевшего Танаку. Им руководило чувство протеста, восставшее против того, что было в Танаке и в нем самом.

— Пошли вместе, — поднялся он.

Тихо одевшись, Самурай на цыпочках вышел из комнаты. У них не было свечи, но луна, освещавшая коридор, помогла найти дверь во двор. Монастырь спал, двор, залитый голубоватым светом луны, благоухал резким ароматом цветов.

Они вышли из монастыря никем не замеченные, город еще спал. У дерева, к которому были привязаны ослы, вповалку, точно сваленная в кучу гряда тряпья, лежали индейцы. Один из них приоткрыл глаза и что-то произнес на непонятном языке.

— Текали... — Ниси, протянув ему подарок — коробочку с лекарствами, — повторил несколько раз: — Текали, Текали.

Индеец, взяв коробочку, почему-то понюхал ее.

— Вамос¹, — сказал он и отвязал трех ослов.

Они миновали спящий город и оказались за черневшей во тьме городской стеной.

Когда переправились через пересохшую речку, ночная тьма начала постепенно рассеиваться, на горизонте появилась розовая полоса. Когда они подъехали к озеру, полоса уже сильно разрослась. Вода его приобрела кроваво-красный цвет, из зарослей тростника с шумом выпорхнули

¹ Поехали (исп.).

птицы. Вдалеке появилась горная цепь, залитая золотыми лучами солнца.

— Пара аки ¹. — Индеец остановил ослон, у которых шел изо рта пар. — Текали.

Утреннее солнце осветило с десяток лачуг, крытых тростником. В дверях одной из них, черпая воду из бочонка, мылась индейка с длинными косами.

— Хапонесес, — крикнул Ниси, и только тогда она повернулась к ним. — Хапонесес. — Но женщина, существо из другой цивилизации, смотрела на них без всякого выражения и молчала.

Наконец яркие лучи солнца осветили находившиеся за лачугами поля сахарного тростника и маиса, предвещая дневную жару. Из домов стали выходить обнаженные до пояса индейцы, один из них окликнул японцев. Это был бывший монах.

— Как хорошо, что пришли, как хорошо, что пришли!

Он подбежал к ним и заговорил, брызгая слюной. Болтал он без умолку, точно человек, которому много лет запрещали говорить.

Он рассказал, что родился в Ёкосэуре в провинции Хидзэн. Еще в детстве лишился родителей, погибших во время войны, и его взял к себе священник-миссионер. Он обошел с ним весь остров. Когда начались гонения на христиан и миссионеры стали скрываться, священнику удалось посадить мальчика на корабль и отправить в Манилу — в семинарию. Он принял постриг, но именно с этого времени его стало охватывать все большее отвращение к духовенству. Знакомый матрос предложил наняться на корабль, отправляющийся в Новую Испанию, что он и сделал. Новая Испания представлялась ему чуть ли не Землей обетованной. После долгого тяжелого плавания он попал наконец в Мехико и некоторое время выполнял разные работы в монастыре, но и здесь не смог ужиться со святыми отцами и окончательно разочаровался во всем. В конце концов сбежал к индейцам и вот теперь живет здесь вместе с ними.

— И вы никогда не вернетесь на родину, в Японию? — спросил Самурай.

Бывший монах горько усмехнулся.

— У меня там нет родных. Если бы я и вернулся, меня бы никто не встретил. К тому же христиане...

— Но вы же отказались от христианства!

¹ Остановись здесь (*исп.*).

— Нет, нет. Я и сейчас христианин. Только...

Сказав «только», он умолк. Глаза монаха говорили, что его все равно никому не понять, сколько бы он ни объяснял.

— Только... я не верю в христианство, о котором рассказывают падре.

— Почему?

— До того как в Новую Испанию пришли падре, в этой стране творились страшные дела. Южные варвары отбирали у индейцев земли, сгоняли с родных мест, зверски убивали, а оставшихся в живых продавали в рабство. Куда ни посмотри — селения, которые индейцам пришлось покинуть. В них сейчас никто не живет, остались лишь стены и каменные ограды.

Самурай и Ниси вспомнили развалины, мимо которых они проезжали в пустыне. На площадях этих брошенных селений, превратившихся в груды развалин, заросших сорной травой, жалобно завывал ветер.

— Что поделаешь, война есть война, — пробормотал Самурай. — В любой побежденной стране происходит то же самое.

— Я говорю не о войне, — поморщился бывший монах. — Просто падре, которые прибыли в эту страну позже, забыли о несчастных индейцах... Хотя нет, не забыли. Они притворяются, что им ничего не известно. И рассказывают сказки о милосердии Божьем, о Божьей любви — вот что мне противно. Падре в этой стране произносят очень красивые слова. И больше всего боятся выпачкаться в грязи, которой здесь предостаточно.

— Поэтому вы и отказались от христианства?

— Нет, нет. — Бывший монах оглянулся. У лачуги за его спиной собралось несколько индейцев, неотрывно смотревших на него. — Мне не важно, что делают падре, я верю в своего собственного Иисуса. Этот Иисус обитает не в роскошных соборах, похожих на дворцы, он живет среди этих жалких индейцев — так я думаю.

Самурай, словно видя что-то бесконечно далекое, разглядывал бывшего монаха, который одним духом выложил то, о чем так долго молчал. С того момента, как они покинули Цукиноуру, и до сегодняшнего дня Самурай только и слышал, что о христианстве. В Новой Испании во всех церквях он видел коленапреклоненных мужчин и женщин и обнаженную фигуру жалкого худого человека, освещенную пламенем свечей. Бескрайний мир, с которым он столкнулся, казалось, состоял из тех, кто либо верил

в него, либо не верил. Однако у японца, выросшего в крохотной долине Ято, не возникало никакого интереса, никакой близости к этому человеку, именуемому Иисусом. До конца жизни эта религия останется для него чуждым обычаем чуждых ему стран.

Закончив свой рассказ, японец коснулся одежды Ниси и, погладив ее, воскликнул:

— О-о, пахнет Японией.

— Может, все-таки вернетесь? — Самураю стало жаль этого человека, которого уже невозможно было отличить от индейцев. — Купцы в конце года вернутся в Японию. Не хотите присоединиться к ним?

— Я уже слишком стар, чтобы вернуться. — Бывший монах потупился. — Я... останусь жить с индейцами — куда они, туда и я. Им нужен такой человек, как я, который облегчает страдания больных, помогает хоронить мертвых. И индейцы и я — люди, лишенные родины.

— Значит, мы уже никогда не встретимся?

— Индейцы не останутся у этого озера навсегда. Когда земля истощится, они переберутся в другое место. Все в руках Господа, может быть, когда-нибудь и увидимся.

Монах спросил у Самурая и Ниси, куда они направляются дальше.

— В Веракрус, — простодушно сообщил Ниси. — Конечный пункт их путешествия к восточному побережью. А там, как я слышал, снова сядем на корабль.

— В Веракрус? — переспросил монах испуганно. — Но ведь это же очень опасно.

— Опасно?..

— Ацтеки уничтожают испанские поселения, поджигают дома — одно из племен подняло мятеж, разве вам это не известно?

— Мятеж?

— Когда людей так тиранят... Даже мирные индейцы не могут вытерпеть.

Веласко ничего им не говорил. Они слышали об этом впервые. Самурай посмотрел на испуганное лицо Ниси и сжал его потную руку. После того как они выехали из Мехико, Веласко, сидя на лошади, рассуждал с какой-то особой самоуверенностью, и снисходительная улыбка не сходила с его лица.

— Об этом знают все. У ацтеков есть даже ружья и порох. Подумайте как следует, прежде чем отправиться в Веракрус.

— Мы должны ехать. — Точно подбадривая себя, Самурай снова повторил: — Мы должны ехать.

Как это ни странно, у него даже мысли не было возвратиться в Мехико. Все его колебания, возникавшие не раз из-за слов Мацуки, теперь исчезли, и он лишь укрепился в решимости ехать.

— Ты вернешься, Ниси?

— Если вы, господин Хасэкура, едете, я последую за вами.

Бывший монах проводил их до края поля. Пыльные листья маиса колыхались на ветру, дувшем с озера. В конце поля, как бог-хранитель деревни, стояло деревянное распятие. На кресте худой человек с косами, с длинным носом и покорными глазами был похож на индейца, проданного в рабство испанцами. У его ног виднелись похожие на слезы потеки воска от сгоревших свечей.

— Каждый вечер сюда приходят индейцы. И мужчины, и женщины рассказывают Иисусу о своих горестях, жалуются на свою судьбу.

Он засунул руку за пазуху, вынул четки из плодовых косточек и истертый листок исписанной бумаги.

— Мне нечего вам подарить. Возьмите хоть это. Я написал о Спасителе.

Отказаться было невозможно. У зарослей тростника на берегу озера их терпеливо ждал индеец с ослими. Глаза ослов почему-то были похожи на глаза бывшего монаха. Он что-то сказал провожатому на незнакомом языке.

Когда они вернулись в Пуэблу, солнце уже поднялось. Стоявшие на дороге индейцы заметили слезавших с ослов японцев и внимательно посмотрели на них. Стараясь, чтобы их не увидели, они вошли во внутренний двор и тихонько заглянули в свою комнату — Танака как ни в чем не бывало протирал ножны меча.

— Ходил в Текали? Я ведь сказал, чтобы не ходил.

Он осуждающе смотрел не только на Ниси, к которому были обращены его слова, но и на Самурая. Ниси рассказал ему, что индейцы подняли мятеж, о чем они узнали от бывшего монаха.

— Неужели господин Веласко мог подумать, что мятеж испугает нас?

Это привело Танаку в негодование.

— Он решил, что мы струсим. Пойду выясню у него самого. — Вложив в ножны меч, он поднялся.

— Не нужно, — покачал головой Самурай. — Господин

Веласко ловко оправдывается, этим дело и кончится. Что бы он ни сказал, мы все равно обязаны ехать.

Самурай по-прежнему был убежден, что это путешествие предназначено ему самой судьбой. Пока ему введома была лишь долина Ято, он не думал ни о чем ином, но теперь, он это заметил, в нем произошли перемены. Он вспомнил крохотное Ято, дядю, его бесконечные причитания у очага, Совет старейшин... Впервые после отъезда из Мехико он почувствовал, что не желает больше мириться со своей судьбой!

Японцы продвигались вперед очень медленно, точно муравьи, тащившие добычу. Правильнее даже сказать — не продвигались вперед, а медленно ползли по монотонному бескрайнему плато. Веласко и трое посланников ехали на лошадях, сопровождавшие их слуги, ведя тяжело груженных ослов, молча следовали за ними. На севере виднелась горная гряда, в небе, распластав крылья, кружили кондоры.

И Веласко и трое посланников знали, что до тех мест, где подняли мятеж индейцы, еще далеко. Монотонный пейзаж: усыпанные огромными камнями холмы, растрескавшаяся от жаркого солнца земля, пересохшая река, где лежали похожие на кости огромного животного белые стволы деревьев, — но наконец эта унылая выжженная равнина кончилась, впереди расстились маисовые поля. Как все это было похоже на мягкий японский пейзаж! Перед мысленным взором Самурая появилась долина Ято: водяные колеса гонят прохладную воду на рисовые поля. Остальные его попутчики, видимо, тоже представили себе эту родную картину, но ни словом, ни жестом не выдали себя. От жары и усталости у всех пропала охота разговаривать.

На пятый день после отъезда из Пуэблы, когда перешли через невысокий каменистый холм, внизу, прямо перед ними, открылось удивительное зрелище. Впереди расстились хорошо ухоженные поля, рядом стояли глинобитные хижины, окруженные соснами, которые они видели в этой стране впервые. В отличие от японских сосен у этих иглы были мягкие, но все равно сосна есть сосна.

Японцы издали восторженный крик и устремились к сосновой рощице, они ломали ветки, вдыхали их запах. Обхватив потными руками деревья, они наслаждались прикосновением к ним. Сосны издавали незабываемый запах Японии.

— В Я т о , — крикнул Итискэ, обращаясь к Д а й с к э , — сейчас как раз «проводы насекомых», верно?

Услыхав это, Самурай прищурился, будто рассматривал что-то вдаль. «Проводы насекомых» — праздник изгнания вредных насекомых; глубокой ночью с факелами в руках мужчины шагают из конца в конец деревни, с запада на восток, — таков обычай.

— Как хочется домой, — прошептал Дайскэ на ухо Итискэ. — Скорее бы вернуться.

Ёдзо прикрикнул на них:

— Дурачьё!

Но Самурай, подойдя к нему, покачал головой:

— Конечно, хочется домой. Когда удастся вернуться? Что за страна Испания? Куда мы едем? — я и сам не знаю, но надеюсь, наши труды не окажутся бесполезными.

Слушая Самурая, его люди стояли, опустив голову. Своей неподвижностью они были похожи на скульптурную группу. Вдруг из глаз Ёдзо полились слезы, он отвернулся, чтобы никто не увидел.

На седьмой день они подошли к небольшому городку — во всяком случае, это селение можно было назвать городком. То была Кордова¹. Только что прошел короткий ливень — в тени испанских домов за белыми заборами на ветру колебались яркие, огненно-красные цветы, по небу медленно плыли золотистые облака. На крики детей сбежались все жители Кордовы.

Когда путники вступили на крохотную городскую площадь, появились узнавшие об их прибытии алькальд и местная знать. Алькальд, один из энкомьендерос, обменявшись рукопожатиями с Веласко, стал внимательно рассматривать японцев, словно это были овцы, которых привел на продажу индеец. Но, совладав наконец со своим любопытством, любезно приветствовал их, сопровождая свои слова характерной для испанцев усиленной жестикуляцией.

— П а д р е , — обратился алькальд к Веласко, по-прежнему не отрывая взгляда от японцев, — не объясните ли вы нам, зачем пожаловали сюда эти восточные люди?..

— Вы, я надеюсь, получили письмо из Мехико, от вице-

¹ Город на Юго-Востоке Мексики, основан в 1617 г. (Вилья-де-Кордова).

короля? — возмущенно ответил задетый за живое Веласко. — Они являются представителями дипломатической японской миссии, и им, естественно, должен быть оказан прием как дипломатическим представителям.

Однако для дипломатических представителей японцы выглядели слишком жалкими. Во время долгого пути их одежда покрылась толстым слоем пыли, да к тому же еще они, безглаголиво морщась, хранили молчание.

— Мы хотели бы пригласить их на ужин, — произнес наконец алькальд, тихо посоветовавшись со своими подчиненными. Среди них не оказалось ни одного человека, кто бы знал, где находится Япония и что это за страна.

Самурай и остальные посланники подумали, что вместо ужина лучше бы поскорее лечь спать. Испанская пища, исключая Ниси, ни у Самурая, ни у Танаки не вызывала аппетита. Но Веласко все решил за них:

— Посланники с радостью принимают приглашение.

Слуг отвели на ночлег в здание городского собрания, а трое посланников и Веласко направились в дом алькальда. Обессиленные, не понимающие ни слова, они были вынуждены слушать бесконечные речи, но наконец принесли еду.

— Японцы мяса не едят.

Услыхав слова Веласко, алькальд и остальные испанцы удивленно посмотрели на Самурая и его спутников.

После ужина алькальд приказал принести из кабинета глобус. Ему хотелось узнать у Веласко, где находится страна, именуемая Японией. На глобусе, напоминавшем страусиное яйцо, в самом приближенном виде были изображены Китай и Индия. А Япония представляла собой полуостров в виде крохотной капли, пририсованной к Китаю с востока.

— Неверно, — возмущенно пожал плечами Веласко, не в силах больше выносить невежество своих соотечественников. В пренебрежении к Японии Веласко усмотрел насмешку над страной, которой он посвятил всю свою жизнь. — Япония совсем не такая.

— Каковы ее размеры, падре?

— Это небольшая островная страна. Пожалуй, не составит и пятой части Новой Испании.

— Выходит, она в пятьдесят раз меньше всех владений Испании, — засмеялся один из испанцев. — Почему тогда правитель Филиппин не покорит эту островную страну? Тогда бы падре было легче вести миссионерскую

деятельность. И мы могли бы получить там новые владения.

— Япония — страна маленькая, но воевать умеет, в этом она не уступит никакой другой стране. Японцев не покоришь, как здешних индейцев.

Не понимая ни слова, посланники не участвовали в разговоре и, борясь с зевотой, рассматривали глобус. Один из испанцев, с сомнением слушавший рассуждения Веласко о Японии, стал показывать японцам Испанию и ее колонии.

— Эспанья, си, Эспанья, — повторял он, будто обучал детей, и, указав наконец на крохотную капельку, не отделенную морем от Китая, сказал тихо: — А это Япония.

— Ничего-то вы не понимаете, — зло глянул на него Веласко. — Тот, кто сможет заходить в японские гавани, будет господствовать в Великом океане. Именно поэтому протестантские Англия и Голландия изо всех сил стремятся завязать дружественные отношения с Японией. Испания должна опередить их. Потому-то вице-король Акунья и просил Его величество короля Испании дать аудиенцию японским посланникам.

В столовой на мгновение воцарилась тишина. Разумеется, Веласко солгал, что вице-король просил короля об аудиенции, но слова его возымели действие. Для энкомьендерос Новой Испании слово «король» имело глубокий смысл.

Победоносно глядя на обессилевших японцев, Веласко заговорил мягко, выделяя каждое слово:

— Все эти люди... все эти глупцы были поражены, услышав, что вы встретитесь с королем Испании.

— С королем?.. А что такое король? — спросил Танака.

— Король — это вроде императора. Верховный правитель. В Японии, например, королем является найфу.

— И с этим королем мы действительно сможем увидеться?

— Почему же нет? — На лице Веласко появилась его обычная самоуверенная улыбка. — Вы ведь посланники Японии.

Измотанные долгим путешествием, японцы были потрясены этим неожиданным известием. Шутка сказать — мэсидаси, самураи низкого звания, которые не имеют права даже на аудиенцию у Его светлости, встретятся с королем Испании!

— Это правда?

— Полагайтесь на меня.

В какой-то момент сам Веласко поверил, что это вовсе не ложь, а чистейшая правда. Нет, то действительно была не ложь. Это была цель, которую он обязан выполнить.

— Посланники устали, — холодно сказал он алькальду у. — Они благодарны вам за теплый прием.

Однако алькальд остановил Веласко и спросил с тревогой:

— Падре, вы собираетесь завтра продолжить свой путь?

— Предполагаем.

— Вам известно, что дорога на Веракрус опасна?

— Индейцы враждебно настроены к вам, испанским энкомьендерос. — Веласко иронически посмотрел на собеседника. — Вряд ли они питают ненависть к посланникам островной страны, которая, как вы видите, так далека и мала.

Вернувшись в здание городского собрания, где их устроили на ночлег, посланники, хотя и были утомлены до крайности, долго не могли успокоиться. Их примет король!

— Если нам удастся встретиться с королем, — раздался в темноте, после того как свеча была погашена, взволнованный голос Нисси, — наша миссия будет выполнена.

— Конечно, если мы встретимся с королем, — ответил Самурай, повернувшись в его сторону. — Однако... не знаю, можно ли верить господину Веласко.

— Я тоже не слишком доверяю ему, — послышался со стороны распахнутого окна голос Танаки.

После этого воцарилась тишина, и все трое, лежа с открытыми глазами, погрузились в свои мысли. Они представляли себя на аудиенции у короля. Незнатные самураи смогут встретиться с королем могущественной страны! Это было так же невысказанно, как получить в Эдо аудиенцию у найфу или сёгуна. Радость переполняла их. Она была так велика, что заглушила сомнение. Но в конце концов усталость взяла свое, и они заснули мертвым сном.

Радость окрыляла посланников и на другое утро, когда они выезжали из Кордовы. Они и думать забыли об опасностях, которыми им грозил мятеж индейцев. Лишь Ве-

ласко время от времени в подзорную трубу рассматривал белые, точно обсыпанные мукой, далекие холмы. Над ними плыли обрамленные золотом облака.

Они выехали на усыпанную мелкими камнями равнину. По ней медленно скользили тени облаков. Путников обступали похожие на надутых стариков кактусы; вокруг потных лиц жужжа вились мошки.

Глядя на яркую линию горизонта, Самурай думал о море, к которому они направлялись. Думал об Испании, лежащей за этим морем. Думал о море и о странах, которых не видел никогда в жизни. Думал о превратностях своей судьбы. Он покорился своей новой судьбе.

Время от времени им попадались развалины заброшенных индейских храмов. Как объяснил Веласко, индейцы, как и японцы, в течение многих веков поклонялись солнцу. Основания храмов были сложены из красноватых вулканических глыб, на обломках каменных колонн, валявшихся вокруг, были вырезаны странные знаки, по обломкам бегали сверкавшие на солнце ящерицы.

После полудня у одной из таких развалин путники устроились на отдых. Они устало пили воду из бамбуковых фляжек, рассматривали окрестности, отгоняли надоедливых насекомых.

Перед ними расстилалась равнина, по которой по-прежнему скользили тени облаков. Им предстояло до вечера пересечь ее и остановиться на ночь в какой-нибудь усадьбе, где бы можно было переночевать. Вдалеке поднимался вверх столб песка. Через некоторое время усталые глаза путников различили, что это не песок, а желтый дым.

— Похоже, это сигнал...

Танака вскочил с обломка каменной колонны и приложил козырьком руку ко лбу.

— Нет, не похоже, — покачал головой Ниси.

Японцы помнили сигнальные дымы, которые они видели на голой горе недалеко от Игуалы. Этот столб дыма был слишком густой, к тому же ответных дымов не было видно.

— Я вижу пламя! — Веласко, отойдя в сторону, смотрел в подзорную трубу. Посланники напряженно ждали. — Похоже, выжигают лес около усадьбы. В этой стране часто... — Веласко с напускным спокойствием опустил подзорную трубу, — выжигают лес, освобождая землю под посевы.

— Господин Веласко, — сердито обратился к нему Та-

нака, — не нужно ничего от нас скрывать. Нам все известно.

От неожиданности Веласко покраснел и начал, заикаясь, оправдываться.

— Господин Танака, я скрывал это от вас из самых добрых побуждений.

— Довольно. — Танака сердито покачал головой. — Ваша излишняя забота нам в тягость. Мы не женщины и не дети. Мы понимаем, что это самый настоящий крестьянский бунт. Что вы видите?

— Горит усадьба.

Чтобы добраться до Веракруса, нужно было пересечь эту выжженную солнцем равнину — другой дороги не было, а огибать горную цепь значило потерять слишком много времени. Веласко предложил переночевать прямо под открытым небом, а рано утром отправиться дальше, но Танака решительно покачал головой.

— Индейцам не за что ненавидеть японцев. Бунт не имеет к нам никакого отношения.

— Нужно избегать опасности. Не забывать о выполнении возложенной на вас миссии! — возразил Веласко.

— Мы опытнее вас в сражениях, господин Веласко. Теперь вы должны положиться на нас, — торжествующе улыбнулся Танака. — Хасэкура и Ниси, я надеюсь, у вас нет возражений?

Самураю стало не по себе от напускной храбрости Танаки. Жаль, что здесь нет Тюсаку Мацуки, подумал он.

— Возражений нет, но я не думаю, что нам следует ввязываться в сражение, — возразил Самурай. — В словах господина Веласко тоже есть резон. Главное — наша миссия.

В тюках, навьюченных на ослов, было двадцать ружей, их достали, а троих слуг послали разведать обстановку. Все делалось по приказу Танаки.

Дым вдалеке окрасил небо в ярко-желтый цвет. По мере продвижения вперед стали различимы дрожащие, как крылышки мотыльков, оранжевые языки пламени. Временами слышали громкий треск, словно лопались стручки гороха.

— Может, это ружейная стрельба?

Танака, подняв руку, остановил путников и долго прислушивался. Потом, точно настоящий командир, значительно кивнул головой.

— Не беспокойтесь, это не ружейная стрельба. При пожаре всегда такой треск, — сказал он нравоучительно.

Он говорил со знанием дела, поскольку, в отличие от Самурая и Ниси, в молодые годы участвовал в сражениях Его светлости.

Путники достигли полей — посевы были безжалостно вытоптаны, крытые соломой хижины на банановых плантациях сожжены. Плантация была окутана дымом, как густым туманом. Пахло гарью. Вряд ли за этим дымом скрывались индейцы, но все же Танака спешился, взял у одного из своих людей ружье и с показной храбростью двинулся вперед. Из клубов дыма послышался его кашель.

— Ничего страшного, всего лишь горит амбар, — сказал он наконец.

Полыхал огромный амбар. Внутри все сгорело дотла, и теперь по обгоревшим опорам и балкам, точно маленькие человечки, плясали языки пламени. Временами раздавался тоскливый треск рушащихся балок.

Бывалый Танака внимательно осмотрел землю и заметил следы.

— Здесь проходили индейцы, — сказал он Самураю и Ниси и, взяв лошадь под уздцы, повернулся к растерянно осматривающемуся Веласко. — Что с вами? Перепугались, господин Веласко? — спросил он насмешливо.

Веласко лишь горько усмехнулся. Он струсил — такого позора с ним еще никогда не случилось.

— Пошли, — сказал Танака; теперь он приказывал не Веласко, а будто себе самому. — Вперед. А то скоро вечер.

Слыша, как сзади рушится горящий амбар, японцы осторожно пробирались через густые заросли деревьев. Между белесоватых стволов проглядывало знойное небо и выгнутые, как кошачьи спины, поросшие оливами холмы. Когда банановая роща кончилась, в лицо им ударили жаркие солнечные лучи. Под одной из оливок на холме на корточках сидело несколько грязных оборванцев. При виде японцев они вскочили, готовые бежать. Эта была индеанка с тремя детьми.

— Я падре! — громко крикнул им Веласко. — Я падре, вам нечего бояться!

Женщина и дети обернулись как затравленные звери.

— Вы что, не понимаете по-испански?

Женщина издала какие-то гортанные звуки, но Веласко ничего не понял.

— Тихо! — Танака остановил Веласко и внимательно прислушался.

Он один что-то услышал. Путники, замерев на жаре, в полном молчании неотрывно смотрели на холм.

Послышались шаги по траве. Через некоторое время показалась черная голова — человек вел себя явно настороженно. По его смуглому лицу текла кровь. Из высокой травы поднялось несколько вооруженных испанцев. Увидев японцев, они изумленно уставились на них, пока наконец не заметили Веласко.

— Я — падре! — Веласко поднял руку и направился к испанцам. После недолгого разговора он подозвал японцев: — Не беспокойтесь, это местный землевладелец и его слуги, они вышли встретить нас.

Веласко стал выяснять обстановку.

— Неужели мятежники добрались даже сюда?

— Нет, падре, — испанец покачал головой, — просто местные индейцы, услышав про мятеж, тоже взбунтовались, подожгли амбар, вытоптали поля, а сейчас прячутся где-то поблизости.

— Нам нужно добраться до Веракруса...

— Мы вас проводим. Японцы умеют обращаться с ружьями?

— Они стреляют, наверное, даже лучше, чем вы. Эти люди привыкли к сражениям.

Землевладелец и его люди посмотрели на японцев с сомнением. Сидевшая под оливой индеанка подняла голову и, обняв руками детей, что-то проверещала тонким голосом. Хозяин выбранил ее.

— Что она говорит?

— Ее младший брат... В общем, мы ранили его, и он умирает. — Мужчина пожал плечами. — Не знаю, зачем это ей нужно? Говорит, что, если вы падре, она просит вас соборовать его и помолиться за упокой души. — Он сплюнул и стер запекшуюся кровь, красовавшуюся на щеке, словно знак отличия. — Бунтуют, а когда припечет, к нам же бегут за помощью. Индейцы всегда так. Не обращайтесь внимания.

— Где умирающий?

— Не делайте глупостей. Они вас либо убьют, либо возьмут в заложники. Это же обычная их уловка. Подсылают женщин и детей, чтобы усыпить бдительность. И, обманув таким образом, неожиданно нападают.

— Я священник, — тихо ответил Веласко. — Если вы христианин, должны меня понять. У священника есть долг, который он обязан выполнить. Даже если речь идет об индейце.

— Все равно не нужно потакать им. Индейцам нельзя доверять.

— Я священник.

Лицо Веласко пошло красными пятнами. Он всегда краснел, когда пытался сдержать гнев или страсть.

— Оставьте, падре.

Но Веласко, не обратив внимания на его слова, стал упрямо взбираться на холм. Индейка, бросив детей, устремилась за ним, точно зверь, преследующий добычу. Ничего не понимавшие посланники двинулись следом.

— Стойте здесь, — крикнул им Веласко с середины склона. — Я сейчас не переводчик. Я иду выполнить свой долг священника!

Женщина и Веласко углубились в густую рошу. Там стоял запах прелых листьев, слышались крики птиц — и это напомнило Веласко отвратительный клекот стервятников, пожирающих падаль. Женщина ловко пробиралась сквозь заросли, время от времени оглядываясь на отстающего миссионера. Как ни странно, он не испытывал ни страха, ни тревоги. В кустах стоял полуголый черноглазый индеец. Женщина что-то сказала ему, и только после этого Веласко смог двинуться дальше и миновать рошу.

В ложбине лежал на спине такой же полуголый молодой индеец. Он задыхался. Рядом неподвижно сидела молодая женщина. Судя по одеянию, которое было на раненом, он был пеоном. На шею зияла пулевая рана; запекаясь кровь смешалась с грязью.

— По-испански понимаешь? — спросил Веласко.

Индеец тяжело дышал, но затуманившиеся, точно подернутые пленкой, глаза ничего не видели. Смерть уже проникала в его тело.

— *Nabeas requiem aeternam*¹, — прошептал Веласко, взяв испачканную кровью и грязью руку индейца. В эту минуту он не был неистовым проповедником, страстно желавшим распространения веры в Японии, он был обыкновенный священник, исполняющий свой долг.

— *Requiescat in pace*².

Словно закрывая последние врата жизни, Веласко закрыл остекленевшие, широко раскрытые глаза покойного. Глядя на жалкое лицо умершего, он вспомнил японского христианина, которому он отпускал грехи за грудой бревен, в Огацу, — оборванного, обсыпанного опилками японца.

¹ Да обретешь вечный покой (лат.).

² Да почует в мире (лат.).

Ветер гулял по Веракрусу, швырял в стены оштукатуренных домов клубками жухлой травы, гонял их по улицам; в облаках пыли штормящее море казалось пепельно-серым.

Уже дули муссоны. Обессилевшие от бесконечного ветра японцы, с трудом передвигая ноги, вступили в город. У городских ворот, точно так же, как в Мехико и Пуэбле, их ожидали, скрестив руки на груди, неподвижные, как каменные изваяния, монахи в нахлобученных капюшонах. Один из посланников сломал ногу и едва держался в седле, а один из слуг лежал в повозке, которую тащил осел. По пути в Веракрус на них напали индейцы.

Из окон их комнаты, отведенной им в монастыре, было видно бурное, оскалившееся белыми клыками море.

Самурай задумчиво смотрел на него. Как крохотны владения Его светлости по сравнению с этим бескрайним миром. А Ято или Курокава — просто песчинки. Но все равно, его предки отдавали жизнь ради таких песчинок.

В день отплытия из Цукиноуры Самурай, слушая скрип мачт, громкие крики птиц, чувствовал, что ему уготована новая судьба, чувствовал, что и в этом море, и в Новой Испании в нем произойдут невидимые глазу перемены. Что это за перемены? Словами этого не выразить, но для него было ясно одно: он станет другим человеком, не похожим на того, который жил в Ято. Куда поведет его судьба, как он изменится? — думал он со страхом.

Ветер завывал всю ночь. А к утру пошел дождь.

Мы прибыли в Веракрус, когда уже дули муссоны. Сейчас живем в монастыре францисканцев. Я думаю, что нам удалось благополучно избежать опасности только милостью Божьей, ибо сам Господь возжелал, чтобы я нес Слово Божие в Японию, куда я стремлюсь всей душой.

В день, когда мы выехали из Кордовы, я недалеко от одной усадьбы проводил в последний путь местного пеона-индейца. Этот юноша умер на моих руках. Я молился о его спасении. Я выполнил долг священника.

Остальные пеоны в благодарность проводили нас почти до самого Веракруса. Так мы обрели охрану и только благодаря этому избежали смертельной опасности.

Несчастье случилось за день до прибытия в Ве-

ракрус. Мы старались обходить стороной разоренные гасиенды.

Солнце палило нещадно, все были измучены до предела. Неожиданно возникавшие перед нами заросли кактусов казались нам индейцами.

Мы устроили привал. Я лениво наблюдал за полетом кондора, кружившего в вышине. В долине царила такая мертвая тишина, что мне стало как-то не по себе.

Вдруг из-за скалы в нашу сторону полетело что-то черное. Я подумал сначала, что это птица. Но это оказалась не птица. На вершине скалы появилось человек десять индейцев, державших в руках нечто похожее на пращи. Они еще издали заметили нас и, устроив засаду, теперь осыпали камнями.

Я не раз слышал, что таким способом индейцы могут далеко бросать камни. Когда наши предки покоряли Новую Испанию, индейцы сражались с ними точно таким же оружием. Я изо всех сил пытался удержать вставшую на дыбы лошадь, а японцы по приказу Танаки попрятались за кактусами.

Но один из них, менее проворный, упал. Это был слуга Танаки. Танака выскочил из-за кактуса, чтобы помочь ему. В ослепительных лучах солнца я увидел, как высокий широкоплечий индеец, целясь в него, крутит над головой свою пращу. Были отчетливо видны его белые зубы и длинная коса. Потом в Танаку полетел огромный, величиной с голову, камень.

Наши провожатые выскочили вслед за Танакой. Следующий камень упал рядом с ними. Они что-то кричали индейцам, стоявшим на скале. Может быть, объясняли, что это посланники — японцы, а не испанцы. И тут произошло чудо: индейцы исчезли со скалы, точно испарились.

Все было словно во сне. В долину вновь вернулись тишина и покой, по-прежнему нещадно палило белое солнце. Мы с японцами выскочили из-за кактусов и окружили раненого. У Танаки оказалась сломана нога, а у слуги — раздроблена коленная чашечка, она стала похожа на разломанный гранат, из раны струилась кровь. Он пытался подняться, но не смог, пришлось уложить его на повозку, он все время стонал и умолял хозяина:

— Простите меня... Прошу вас, не бросайте. А то как же я вернусь на родину?..

С трудом превозмогая боль, Танака успокаивал его:
— Не бросим мы тебя, не бросим.

Отношения между японским самураем и слугой напоминают отношения между патрицием и рабом в Древнем Риме, но в одном они отличаются: между самураем и его слугой существует некая нерасторжимая связь, выходящая за пределы, определяемые стремлением извлекать выгоду, отношения их напоминают родственные узы. Живя в Японии, я часто думал, что должен служить Господу, как японский слуга служит своему господину.

В общем, благодаря пеонам мы отделались этими двумя жертвами и избежали гораздо большей беды. Я не перестаю думать, что на то была воля Божья. Являя собой жалкое зрелище, мы вступили в Веракрус, но мои волнения на этом не кончились.

Веракрус — порт, в это время года насквозь продуваемый муссонами. Через два дня мы с Хасэкурой и Ниси, борясь с ветром, направились к коменданту форта Сан-Хуан-де-Улуа, расположенного за городской стеной. Мы просили разрешить взять нас на борт испанского военного корабля — в это время в порту несколько кораблей готовилось к отплытию, — а также чтобы нам прислали хорошего лекаря — осмотреть Танаку и его слугу. Я был уверен, что наша просьба будет немедленно удовлетворена, поскольку у меня имелось письменное распоряжение вице-короля.

В Сан-Хуан-де-Улуа дул такой неистовый ветер, что невозможно было дышать, море приобрело неопределенно-грязный цвет, корабли робко прятались за молот. Форт, напоминавший Акапулько, окружала серая крепостная стена; толстый комендант встретил нас приветливо. Он уже получил распоряжение вице-короля и поэтому, едва взглянув на предписание, спрятал его в стол.

— Падре, сюда пришло письмо от вашего дяди... — Он тут же вынул из ящика это письмо. — Я знаком с вашим дядюшкой.

Я даже не надеялся, что мой дорогой дядя дон Диего Кабальеро Молина так быстро ответит на письмо, которое я отправил ему, как только прибыл в Акапулько. Я бережно спрятал в карман письмо, завернутое в вошеную бумагу.

Комендант точно ребенок обрадовался мечу —

подарку японцев, и тут же разрешил нам сесть на корабль «Санта-Вероника», который готов был отплыть, как только немного утихнет ветер. Затем он извинился перед Хасэкурой и Ниси за то, что им пришлось пережить нападение индейцев.

Только поздно вечером, в монастыре, я смог прочитать письмо от дяди. Он писал, что получил мое письмо и что наша семья сделает все, чтобы помочь мне.

«Но ты, — писал далее дядя, — должен быть готов к тому, что тебе придется столкнуться с серьезным противником. Я понял это из послания японских иезуитов королю. Вместе с письмом я направляю тебе копию послания, и ты сам убедишься, сколь серьезны те обвинения, которые они выдвигают против тебя.

Даже до нас дошли слухи, что иезуиты намереваются после вашего прибытия в Мадрид созвать Собор епископов, дабы миссия японцев окончилась провалом. На Соборе будет устроен диспут между тобой и знаменитым отцом Валенте, который прожил в Японии тридцать лет. Я думаю, тебе не нужно напоминать, что отец Валенте сподвижник и ближайший помощник Его высокопреосвященства архиепископа Валиньяно, что он весьма сведущ в истории и снискал большое уважение высшего духовенства и знати, потому к диспуту с ним ты должен подготовиться с большим тщанием».

Сильные порывы ветра непрерывно били в мое окно. Я встал и, прижавшись лбом к стеклу, смотрел на площадь у монастыря. Там не было ни единой живой души. Лишь кое-где виднелись кучи согнанных ветром сухих листьев. Жалоба иезуитов, которую дядя приложил к письму, гласила:

«Мы уже сообщали, что в Новую Испанию направляется японская миссия, и если Вашему величеству будет угодно разрешить нам начать с конца, то мы хотели бы предостеречь: к попыткам японцев установить торговые связи нужно отнестись с большой осмотрительностью. Принадлежащий к Ордену святого Франциска отец Веласко, который, по-видимому, будет сопровождать миссию, представляется нам, по донесениям находящихся в Японии отцов Ордена Иисуса, человеком недостаточно рассудительным и часто предпринимает действия, выходя-

шие за рамки разумного. Король Японии продолжает преследование христиан, и мы, принадлежащие к Ордену Иисуса, считаем, что возможность свободно распространять веру в этой стране, на чем настаивает отец Веласко, крайне незначительна. Мы должны присовокупить к этому, что посулы японцев всего лишь приманка, на самом деле они стремятся лишь к получению торговой выгоды. Далее отец Веласко, не прибегнув к совету ни одного из находящихся в Японии наших миссионеров, по собственному почину побудил одного японского князя построить корабль и отправить выше упоминавшуюся миссию — с просьбой направить в его владения новых миссионеров, а если это случится, результат окажется самым плачевным: на небольшое число миссионеров и христиан, которые все еще существуют в Японии, обрушатся неисчислимые бедствия. Все его планы порочны, а речи полны преувеличения и лжи, и мы осмеливаемся просить Ваше величество отнестись к ним с величайшей осторожностью».

Ветер, ворвавшийся сквозь щель в раме, задул свечу, вернее, огарок. Но мне не хотелось снова зажигать его, и я в темноте, сжав ладонями лицо, старался припомнить лицо отца Валенте, с которым мне предстоит сразиться. Это имя знакомо каждому миссионеру, хотя бы однажды побывавшему в Японии, он автор «Истории евангелизации Японии», он обошел остров Кюсю и край Камигата, неся Слово Божье, ему отдали дань уважения сам Хидэёси и его вассалы, Юкинага Кониси и Укон Такаяма¹. Но только это не заставило бы меня задуматься так глубоко. Я был наслышан, что он весьма умен и изощрен в искусстве спора. Да, нужно последовать совету дяди и как можно лучше подготовиться к диспуту. Подобно солдату, который должен быть всегда готов к нападению врага, откуда и в какой бы форме оно ни последовало, я должен уметь доказать свою правоту, ответить на любые его вопросы, а своими привести его в замешательство. Я опустил голову на стол и так проспал до утра...

¹ Юкинага Кониси (1558—1600) и Укон Такаяма (1552—1615) — влиятельные даймё на Кюсю, принявшие христианство. После запрещения в Японии христианства Такаяма был сослан в Манилу, где и скончался. Кониси выступал против дома Токугава и в битве при Сэкигахаре был схвачен и казнен.

ГЛАВА VI

Мы поднимаемся вверх по Гвадалквивиру.

Плавание по Атлантическому океану заняло много времени, потому что наш корабль «Санта-Вероника» попал в жестокий шторм, сильно пострадал и в течение полугода ремонтировался в Гаване. Там, как это ни прискорбно, умер слуга Тародзаэмона Танаки. Тот самый, которого тяжело ранили в колено. После его смерти Танака впал в такое уныние, что на него жалко было смотреть. Словно потеряв родного сына, этот суровый, мужественный человек буквально почернел, я часто видел, как он отрешенно, неотрывно смотрит на море. Пережив еще две тяжелейшие бури, мы в конце концов, спустя десять месяцев после отплытия из Веракруса, прибыли на мою желанную родину, в Испанию, и вошли в порт Санлукар-де-Баррамеда.

Во время плавания у меня не выходило из головы предостережение дяди. Перед глазами неотступно стоял отец Валенте, с которым мне придется вести диспут на Соборе епископов.

Я представлял себе аскета — высокого худого человека со впалыми щеками. Его ум, острый, как меч, мне сразу же удастся увидеть в его сверкающих глазах. Мне казалось, что он тихим голосом станет задавать свои изощренные вопросы, чтобы найти мои уязвимые места, а найдя, выставит напоказ.

Я пытался представить себе те вопросы, которыми он будет атаковать меня. Наверняка спросит, каковы полномочия посланников. Усмотрит, конечно, противоречие в том, что найфу, преследуя христиан, в то же время отправляет миссию. Будет порицать за то, что я скрываю истинное положение с распространением веры в Японии, и не только скрываю, но и рисую радужные перспективы.

Перебирая в уме все мыслимые вопросы, которые он может задать, я, точно семинарист перед экзаменом, пробовал ответить на них. Но вдруг меня охватили возмущение и печаль. Почему они, служа Всевышнему, как и я, пытаются сломить мое стремление сделать Японию страной Господа? Почему они мешают мне?

И тогда я вспомнил о святом Павле, который вернулся в Иерусалим, и о его спорах с апостолами,

порицавшими его за то, что он обращал в веру язычников. Павла тоже поносили, злословили за его спиной, мешали ему те же единоверцы. Христиане из Иерусалима злобно утверждали, что Павел — самозванный апостол, поносили его за то, что он нес Слово Божье в другие страны, другим народам. Таковы же и иезуиты: они считают, что я не способен принести пользу в распространении веры в Японии.

Поднявшееся во мне возмущение еще можно было одолеть, но печаль разрывала сердце. Веря в одного Бога, молясь одному Господу нашему Иисусу, стараясь нести в Японию Слово Бога, мы враждуем, боремся друг с другом. Почему люди всегда столь безнравственны и своекорыстны? Почему даже мы, священнослужители, не только не становимся чище и лучше, но наоборот, безнравственнее простых мирян? Я почувствовал, что еще очень далек от покорности и терпения, от бесконечной доброты, которыми отличались святые праведники.

Прошлой ночью дождь колотил по палубе корабля, поднимавшегося вверх по реке. От шума дождя я проснулся. К моему великому позору, со мной случился мерзкий грех... Упав на колени, я стал молиться. Жалкая моя плоть! Я вдруг испытал страшное отчаяние — будто увидел свое отвратительное отражение в зеркале — и почувствовал, сколько яда скопилось в моем сердце. Плотское вожделение, возмущение иезуитами, непреклонная убежденность в возможности распространять веру в Японии — все это смешалось в моей душе, и на мгновение я даже утратил надежду, что Господь внимлет моим молитвам. Возникла даже мысль, что Господь указал на меня перстом, будто желая сказать, что за моими молитвами, моими надеждами стоит самое отвратительное, греховное, что может быть в человеке, — тщеславие.

«Нет, это не так, — отчаянно воспротивился я, — моя любовь к Японии и японцам беспредельна. Именно поэтому я хочу вырвать их из духовного оцепенения. Мне не будет прощения, если ради этой благой цели я как священник не отдам свою жизнь без остатка. Все, что я делаю, я делаю во имя Твое».

На столе лежало маленькое Распятие, и Господь,

раскинув руки, смотрел на меня печально и так же печально слушал мои стенания.

«Как же мне быть, Господи, неужели я должен отказаться от Японии? Неужели я должен оставить в безбожии японцев, одаренных талантом и силой? Принято считать, что этот народ тщательно оберегает особые свойства своей души быть ни холодной, ни жаркой. А я хочу... зажечь в них жар и заставить прийти к Тебе».

Существует лишь один способ противостоять отцу Валенте — заставить японских посланников в Мадриде принять христианство! Как были крещены японские купцы в Мехико. Тогда епископы убедятся, что я говорю правду. Так же, как было в Мехико...

Посланники наконец ступили на землю Европы. Они оказались в испанской Севилье, о существовании которой полтора года назад даже не слышали.

Была ранняя осень. На залитых ласковым солнцем полях стояли белые домики, и среди них виднелись устремленные в безоблачное небо шпили соборов. По реке сновали суденышки, на берегу, в лучах солнца, пламенели цветы. Их аромат разносился по всему городу, на белых подоконниках в окнах домов стояли цветочные горшки, за резными воротами виднелись мощенные изразцами дворики, где стояли скульптуры и вазы с цветами. Стены домов были украшены ярко-синим орнаментом, в комнатах полумрак и непривычный запах.

Это был первый испанский город, который они увидели. Огромный город потряс трех самураев — за всю свою жизнь они видели лишь призамковый город Его светлости и даже ни разу не побывали ни в Киото, ни в Эдо. В давние времена он был мавританским, но потом его отвоевали испанские христиане, рассказывал им Веласко¹. Посланники не представляли себе, где находится страна мавров и что сохранилось после них в этом городе. Они были потрясены роскошными дворцами, как, например, Алькасар, и растерянно молчали, подавленные грандиозностью соборов.

¹ Севилья была завоевана арабами (маврами) в VIII в. и входила в состав Кордовского халифата. Освобождена христианами в XIII в. во время Реконксты — «обратного отвоевания» испанских земель у мавров. Реконкиста завершилась в 1492 г. падением Гранады.

Каждый день они были заняты с утра до вечера — не то что в Мехико. Благодаря содействию семьи Веласко, влиятельных уроженцев этого города, посланников в экипаже возили к алькальду, их приглашали знатные господа и высшее духовенство. Они мужественно терпели непонятный язык и непривычную еду.

Однажды после полудня, когда они с колокольни огромного собора осматривали город, Веласко, указывая то на один шпиль, то на другой, объяснял: вон церковь святого Стефана, вон собор святого Петра, и вдруг заметил иронически:

— Да, это Испания, о которой столько говорят в Японии и, — и громко рассмеялся. — Во время своего путешествия вы увидели, сколь огромен мир, и можно смело утверждать, что в этом огромном мире самая богатая страна — Испания... Теперь вы здесь. В стране южных варваров.

Тародзаэмон Танака стоял скрестив руки и, чтобы не выдать своего потрясения, смотрел в землю. Лишь Кюскэ Ниси, достав кисть и бумагу, старательно записывал названия дворцов и соборов.

— Но самый большой город, с которым не может сравниться даже Севилья, — это столица Испании, Мадрид. Там вы встретитесь с королем Испании.

Веласко понимал, какая робость охватывает Танаку и Самурая. Для них, людей незнатных, хотя и именуемых посланниками, встреча с королем такой могущественной державы — слишком большая честь.

— Но существует человек, перед которым становится на колени даже король. Вам это известно?

Трое посланников молчали.

— Это король христиан, которого именуют Его святейшеством Папой. Попытаюсь объяснить на примере Японии: предположим, найфу — король Японии, тогда императора можно было бы, пожалуй, именовать Папой. Но Папа обладает несравненно большей властью, чем японский император. Однако даже сам Папа... всего лишь слуга. — Веласко с улыбкой посмотрел на посланников. — Вы, я думаю, и сами догадываетесь, о ком идет речь... Его образ вы видели повсюду в Новой Испании. Да и не только в Новой Испании. Не только в самой Испании. Во всех странах Европы Ему поклоняются, падают перед ним ниц, возносят ему молитвы...

В воскресенье Веласко совершенно преднамеренно привел трех посланников в собор святого Франциска. В тот день епископ Лерма служил торжественную мессу специаль-

но для них. С самого утра по мощеной мостовой один за другим следовали экипажи, направляясь в собор. Разодетая знать и купцы заполнили нефы, золоченые фигуры святых освещало множество свечей, звучала органная музыка. С украшенной орнаментом кафедры епископ Лерма благословил собравшихся и провозгласил:

— Сегодня к мессе вместе с уроженцем Севильи отцом Веласко пришли посланники из далекой Японии, они преодолели бурный океан. Сегодня мы помолимся за японских посланников и весь японский народ. Наши предки построили в языческих землях множество храмов и превратили их в Божьи страны, помолимся же, чтобы настал день, когда и в стране посланников восславят Господа нашего...

Верующие встали на колени, и хор запел:

Sanctus, sanctus, sanctus
Dominus Deus Sabaoth
Pleni sunt coeli et terra gloria tua¹.

Веласко прикрыл лицо руками и дал волю чувствам:

«О Япония! О Япония! — Этот возглас вырвался из глубины его сердца. — Услышь мой голос. О Япония! О Япония! Сколько бы ты ни пренебрегала Словом Божиим, сколько бы ни губила наших миссионеров, сколько бы ни проливала крови верующих, однажды ты все равно пойдешь за Господом. — Опустив голову, он стал молиться я. — Господи, во имя Японии... дай мне силы победить. Дай мне силы одолеть отца Валенте».

Служба окончилась, взволнованные люди окружили японцев, и толпа стремительным потоком вынесла их из собора. Испанцы хлопали по плечам растерявшихся японцев, жали им руки и не расходились до тех пор, пока епископ Лерма не увел Веласко и посланников в подземелье собора.

— Итак, сын мой, — обеспокоенно обратился к Веласко епископ Лерма, когда они пришли в полутемный сырой зал, куда не проникали приветственные крики. — Церемонии окончены. Пора вернуться к действительности. Этот успех не должен тебя обольщать. Обстоятельства складываются неблагоприятно. Специально, чтобы выслушать тебя, в Мадриде соберутся епископы, но это не будет способствовать твоим планам, не надейся.

— Я знаю, — кивнул Веласко, бросив взгляд на по-

¹ Свят, свят, свят Господь Саваоф, полны небо и земля славы Твоей (лат.).

сланников. — Но ведь вы сами, Ваше преосвященство, возносили молитвы за посланников и весь японский народ. Вы выразили надежду, что однажды Япония станет страной, где восславят Господа!

— Верно, я сказал «однажды». Но это не значит «сегодня». Даже сюда дошли слухи, что на протяжении двадцати лет в Японии преследуют миссионеров, казнят верующих.

— Обстановка меняется, — быстро заговорил Веласко, прибегая к тем же доводам, что и в разговоре с архиепископом в Мехико. — Иначе зачем было бы Японии направлять посланников в Испанию?

— Сын мой, иезуиты доносят, что обстановка, наоборот, становится все напряженной. Они утверждают также, что эти посланники всего лишь вассалы какого-то князя, а не официальные представители короля Японии... Мы не хотим, чтобы там лилась кровь наших миссионеров.

— Распространение веры — сродни сражению, — я уверен в этом. Я миссионер, сражающийся с Японией. Миссионер — это солдат, готовый умереть за Господа. Святой Павел не жалел своей жизни, обращая в веру язычников. Распространять веру — это труднее, чем говорить о любви к Господу, уютно устроившись в монастыре и греясь на солнышке.

— Ты прав. — От епископа не ускользнула издевка Веласко. — Я согласен, что распространение веры сродни сражению. Но ведь солдат обязан повиноваться своему полководцу! Это касается и тебя.

— Бывает, что полководец слишком далеко от места сражения и ему не известна обстановка на поле боя.

— Ты... — Епископ пристально посмотрел на Веласко. — Сын мой, ты слишком одержим своей идеей, остерегайся. Нельзя, чтобы одержимость надломил тебя.

Веласко покраснел, но промолчал — епископ был прав, в течение всей его долгой жизни старшие много раз предупреждали его об этом.

«Ну а что, если бы я не был так одержим? — подумал Веласко, — что бы я делал в этой восточной стране? О Японии, чтобы сразиться с тобой, я... я должен быть одержимым».

— Мы поедем отсюда в Мадрид. Я хочу обратиться с просьбой к архиепископу...

— С какой?

— С просьбой, чтобы король принял японских посланников...

Епископ Лерма, с сожалением посмотрев на Веласко, протянул ему руку для поцелуя. Потом повторил огорченно:

— Буду рад, если архиепископ поможет тебе... Но ты слишком одержим. Смотри не надорви свою душу.

Толпа рассеялась, епископ Лерма скрылся в своих покоех, японцы вернулись в монастырь, и лишь Веласко остался в безлюдном соборе и упал на колени перед алтарем. В соборе было тихо и полутемно — лишь необычно окрашенный слабый свет проникал сквозь цветные витражи, на алтаре мерцали свечи, и Христос, воздев руку, взирал на него. Именно таким он был, когда говорил своим ученикам: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари».

«Господи, — молился Веласко, сложив руки и глядя Христу в глаза. — Ты повелел во все уголки мира нести истину. Я посвятил свою жизнь тому, чтобы нести Твое Слово, я отправился в Японию. Неужели ты отвернешься от этой страны?»

Ответ же мне, Господи! Японию хотят сейчас лишить Тебя. Твоя церковь отворачивается от Японии. Епископы, архиепископы, кардиналы боятся ее, они не могут смириться с мыслью, что там и дальше будет литься кровь миссионеров, и хотят бросить на произвол судьбы оставшихся там верующих. Ответ мне, Господи. Должен ли и я подчиняться их приказу?

Господи, прикажи мне бороться. Я одинок. Прикажи мне бороться с теми, кто мешает, кто завидует мне. Я не в силах покинуть Японию. Эта крохотная восточная страна — единственная для меня, и я должен покорить ее, неся ей истину».

С его лба стекал пот, заливал глаза, но Веласко, подняв голову, неотрывно всматривался в лик Христа. Перед его мысленным взором проплывали лица японцев. Они насмехались над ним. Они были похожи на лица будд, которые он видел в святилище полутемного храма в Киото. Они словно шептали:

«Япония не хочет, чтобы приезжали падре. Япония не хочет, чтобы строились церкви. Япония может прожить и без Иисуса. Япония...»

«Иди, — послышалось вдруг Веласко. — Я посылаю вас как овец среди волков: будьте мудры как змеи и просты как голуби... И будете ненавидимы всеми за имя Мое,

претерпевший же до конца спасется... Будьте мудры как змеи».

Так сказал Иисус своим ученикам, посылая их к погибшим овцам дома Израилева. «Будьте мудры как змеи». Веласко, погрузив лицо в ладони, долго оставался недвижим. В этих словах содержалось то, что он должен делать. «Меня будут ненавидеть люди. Иезуиты. Севильские епископы. Но я поеду в Мадрид и на Соборе епископов буду бороться с иезуитами. Чтобы победить, я должен быть мудрым, как змея. Мое оружие — слово, мой главный довод — японцы, которых я привез. Епископы должны поверить, что мои слова — это слова японцев, мои желания — это желания японцев. А для этого...»

Веласко вернулся в монастырь и прошел в комнату японцев. Посланники со слугами стояли на залитом солнцем балконе и смотрели на поток людей и экипажей, лившийся вокруг Хиральды¹ — гордости горожан. На Гвадалквивире скопилось множество судов, доносились громкие, бодрые голоса торговавших купцов.

Увидев Веласко, слуги поклонились и тут же вышли. Веласко подошел к посланникам и, указав пальцем на суда, сновавшие вверх и вниз по реке, освещенной ласковыми лучами весеннего солнца, стал рассказывать, что отсюда отплывает множество судов в самые разные страны мира.

— Через два дня мы отправляемся в Мадрид. Для встречи с королем Испании.

— Для встречи с королем?.. Неужели это возможно?

Голос Танаки дрожал от волнения. Радость посланников, которые ни разу даже со своим князем не встречались, от мысли, что они могут удостоиться такой чести, ширилась, как поток, разливающийся по иссохшей земле в половодье.

— Должен сказать честно... Возникли непредвиденные осложнения... — После некоторого колебания он продолжал: — В Мадриде есть люди, не очень хорошо относящиеся к нам.

Посланники переглянулись, ожидая объяснений. Пока он говорил, Танака сердито смотрел в одну точку, а Самурай по привычке хлопал глазами, оба не произнесли ни слова. Понять по их невозмутимым деревенским лицам, о чем они думают, было невозможно, и лишь

¹ Башня в Севилье — символ этого города. Первоначально была построена как минарет арабской мечети.

молодой Ниси, в волнении скрестив руки, сжимал и разжимал кулаки. Видимо, они догадывались о разногласиях, возникших в Церкви, и о борьбе двух орденов за право распространения веры в Японии.

— Это привело к тому, что мне придется выступить на Соборе. Там будет присутствовать высшее духовенство, которое должно решить, прав я или те, кто клеветает на меня. — Веласко умолк. Потом едва слышно пробормотал про себя: — Я обязан победить.

Посланники не шелохнулись.

— Мои враги утверждают, что в Японии повсеместно запрещено христианство, что послание Его светлости, в котором он приглашает падре, — уловка. Чтобы рассеять их сомнения... Хорошо, если бы кто-то из вас принял христианство, тогда...

Лица Танаки и Самурая выразили полную растерянность. Веласко перешел в наступление.

— Если это произойдет, духовенство поверит мне. И убедится, что обещание Его светлости прекратить гонения на христиан и благожелательно встретить падре — не пустые слова. В противном случае испанское духовенство прислушается к тем, кто утверждает, будто в Японии убивают христиан и преследуют падре.

Самурай так на него посмотрел, что Веласко даже опешил, впервые увидев на его всегда покорном лице осуждение и даже возмущение.

— Падре, — голос Самурая дрожал, — почему вы не сказали нам этого в Новой Испании? Ведь вы и там уже обо всем знали.

— Я, честно говоря, не представлял себе, что дело примет такой оборот. Пока мы были в Новой Испании, иезуиты слали из Японии послание за посланием, стараясь помешать нашей миссии.

— Я... — простонал Самурай, — не приму христианства.

— Почему же?

— Не люблю христианства.

— Человек не может не любить того, чего он не знает.

— Даже если бы я и постиг его, уверовать все равно не смог бы.

— Не постигнув, уверовать невозможно.

Лицо и шея Веласко все больше краснели. Это бывало всегда, когда его охватывала страсть проповедника. Сейчас он снова был миссионером, обращающим в истинную веру неразумных.

— В Мехико японские купцы приняли христианство тоже не от чистого сердца, а только из корысти. Но и это хорошо. Тот, кто хоть единожды назвал имя Господа, приобретет к Нему.

Веласко услышал голос, шептавший ему:

«Что ты собираешься сделать? Ты хочешь крестить неверующих ради собственной выгоды? Это святотатственная дерзость. Крестив неверующих, ты побуждаешь Всевышнего взять на себя их грех».

Веласко пытался отмахнуться от назойливого голоса. Он отгородился от него строками Священного писания. Когда Иоанн рассердился, что неверующий именем Иисуса исцеляет больных, Иисус сказал ему: «Кто не против вас, тот за вас».

Самурай упорно молчал. Он не отличался силой духа, но в такие минуты становился необыкновенно упрямым. Таким же точно был и характер крестьян из Ято. Танака по-прежнему неотрывно смотрел в одну точку. Что же касается Ниси, то он с трепетом ждал решения старших. Наконец Самурай, точно сдвинув неподъемный камень, произнес непреклонно:

— Нет, не могу. Не могу стать христианином.

После ухода Веласко посланники сели на стулья и долго не двигались с места. В открытое окно проникал шум толпы. В полдень Севилья ненадолго замирает. Последобеденная сиеста.

— Господин Сираиси, — начал Ниси, вопрошающе глядя на поникших Танаку и Самурая, — говорил, чтобы во время путешествия при непредвиденных обстоятельствах мы следовали указаниям Веласко.

— Но, Ниси, — кашлянул Самурай, — не забывай, что с самого нашего отъезда из Японии и до сегодняшнего дня господин Веласко все время обманывает нас. Об этом говорил и Мацуки. Сначала он клялся, что стоит нам добраться до Новой Испании — и миссия наша будет выполнена, а когда мы прибыли туда, заявил, что, если не поедем в Испанию, окончательного ответа получить не сможем и, значит, миссию не выполним... Теперь же оказывается, что дела идут не так гладко, как он надеялся. И единственный выход — принять христианство. Я не верю в его искренность. Ты со мной не согласен, Ниси?

Самурай говорил так откровенно и много впервые.

Обычно каждое слово давалось ему с огромным трудом. Танака и Ниси долго молчали.

— Но если мы не будем полагаться на господина Веласко, нам совсем ничего не удастся сделать.

— На это он и рассчитывает. Единственное его стремление — пусть даже насильно, сделать из нас христиан.

— Но мы можем стать христианами только для видимости, тогда в этом нет ничего страшного.

— Видишь ли... — Самурай поднял голову и вздохнул. — Роду Хасэкура достались скудные земли в долине Ято, которые едва нас прокармливают. Но в эту долину, скрытую в горах, перенесен прах предков, прах моего отца. Я не могу один из всей семьи принять религию южных варваров, которая была неизвестна моим предкам, моему отцу.

Сказав это, Самурай заморгал. Он с особой остротой почувствовал, что в его жилах течет кровь многих поколений рода Хасэкура — он не может отрешиться от их обычаев.

— К тому же, — продолжал Самурай, — не нужно забывать о словах, сказанных Мацуки в Мехико. Веласко слишком одержим своей идеей. Мы не должны, потакая его одержимости, принимать христианство. Ты это помнишь, Ниси?

— Помню. Помню, но все же... — Ниси нерешительно и испуганно переводил глаза с Танаки на Самурая. — Совет старейшин считает, что будущее Японии не война, а торговля со странами южных варваров и Индией. Старейшинам прекрасно известно, что торговля со странами южных варваров невозможна, если будет преследоваться христианство. Значит, мы можем смело принять христианство, что послужит успешному выполнению нашей миссии...

— Ты готов принять христианство? — спросил наконец Танака.

— Не знаю. Я об этом хорошенько подумаю по дороге в Мадрид. Но во время нашего путешествия я понял, как бескраен мир. Понял, насколько богаче, могущественнее Японии страны южных варваров. Я решил изучать их язык. И, думаю, нам не следует отворачиваться от христианского учения, в которое верят в самых разных уголках этого обширного мира.

Самурай снова позавидовал молодой беспечности Ниси. В отличие от него и Танаки он без всякого наси-

ля над собой наслаждается путешествием, впитывает в себя все новое и удивительное.

Хотя Самурай решил полностью отдаться во власть уготованной ему новой судьбы, узы, связывавшие его с Ято и семьей, мешали ему — так и улитка не может покинуть свою раковину в минуту опасности.

— А как вы считаете? — точно ища спасения, обратился Самурай к сидевшему скрестив руки Танаке. Он всегда принимал эту позу в трудную минуту. Глядя на его толстые руки и могучие плечи, Самурай почувствовал, что в жилах Танаки течет такая же, как у него, кровь самурая низкого звания мэсидаси. Такая же, как у тех, кто свято хранит обычаи, завещанные предками.

— Я тоже не люблю христиан. — Танака тихо вздохнул. — Но, Хасэкура, я взял на себя эту миссию не потому, что получил указания Совета старейшин. А ради того, чтобы нам вернули старые владения в Нихоммацу. Только желание вернуть эти земли вынудило меня отправиться в непривычное морское путешествие, сносить жару чужих стран, есть пищу, которую и в рот-то нельзя взять...

Все это можно было сказать и о Самурае. Если господин Сираиси и господин Исида говорили правду, то после возвращения из трудного путешествия семье Хасэкура должны в награду вернуть владения в Курокаве.

— Если нам не вернут земли, — пробормотал Танака дрожащим голосом, — мне стыдно будет перед предками, перед моей семьей, я буду опозорен. Не люблю христиан. Но ради старых владений я готов есть землю.

— Это послужит выполнению нашей миссии, — вмешался Ниси.

— Мацуки говорил, чтобы мы не принимали христианство, — решительно покачал головой Самурай. — Правда, я не испытываю особой симпатии к Мацуки, но... нет, все равно не приму христианство...

Теперь они направлялись в Мадрид. Их путь на этот раз пролегал не по залитой жарким солнцем пустыне, как в Новой Испании, а по плодородной андалусской равнине, перерезанной красновато-коричневыми холмами и оливковыми рощами.

Холмы и оливковые рощи чередовались, как набегające волны. Холмы временами были совсем красные, а листья олив, трепеща на ветру, сверкали серебром, как

бесчисленные клинки. С приближением вечера земля быстро остывала.

Здесь тоже, как в Новой Испании, время от времени попадались белые, точно обсыпанные солью, деревеньки. Иногда они казались приклеенными к крутым склонам. На некоторых холмах угрожающе возвышались старые крепости.

Но когда оливковые рощи и красные земли кончились, до самого горизонта, выгибаясь дугой, потянулись поля. Далеко на горизонте виднелась маленькая игла, которая при приближении оказалась соборным шпилем. Он вонзался в голубое небо, утопая в нем.

— Это и есть Европа, — с гордостью сказал Веласко, придерживая лошадь. — Земля требует труда. Символ труда — шпиль, устремленный в небо, к Господу.

После выезда из Севильи он больше не заводил разговора о помощи, которую посланники должны оказать ему. И больше не настаивал на крещении. Но всю дорогу самоуверенно улыбался, считая это делом решенным. А посланники, как истинные дипломаты, боясь даже напоминания о крещении, сами не касались опасной темы.

Когда река Тахо, текущая среди полей, изменила свой цвет на коричневый, они въехали в город Толедо. Здесь тоже высился шпиль огромного собора, воздвигнутого на холме; путники увидели его еще издалека. Когда вечернее солнце клонилось к золотистому горизонту, крест на соборе ярко засверкал. Взмокшие от жары японцы молча направились к собору по крутой дороге, вымощенной камнями, провожаемые любопытными взглядами множества людей.

— Хапонесес! — крикнул кто-то из толпы, стоявшей вдоль дороги. — Ме э энконтрадо кон хапонесес антес!¹ — кричал добродушный, кривоzubый мужчина. Услышав его возглас, Веласко удивленно придержал лошадь и заговорил с ним.

— Этот человек, — объяснил Веласко посланникам, — утверждает, что когда-то, давно, он уже видел здесь японцев.

— Японцев?..

— Лет тридцать назад, говорит он, сюда прибыли, как и вы, с христианской миссией японские посланники с Кюсю, совсем дети — четырнадцати-пятнадцати лет. Вам об этом что-нибудь известно?

¹ Японцы! Я уже раньше встречался с японцами! (*исп.*).

Танака, Самурай и Ниси слышали об этом впервые. Они считали себя первыми японцами, попавшими в страну южных варваров. Но мужчина утверждал, что те японцы, тоже в сопровождении миссионера, лет тридцать назад побывали в Мадриде, в Толедо и даже удостоились приема у Его святейшества Папы.

Веласко все разговаривал с женщиной. Его, видимо, радовало, что окружающие с интересом прислушиваются к их беседе, и он даже торжественно посмеивался.

— Японские юноши посетили дом старого часовщика Ториано и остались очень довольны. Он говорит, что как раз в то время работал у этого старика.

Испанец, улыбаясь, приветливо кивал, указывая на себя пальцем. Он еще рассказал, что один из юношей заболел здесь тяжелой лихорадкой, но благодаря молитвам и хорошему уходу быстро поправился и его вместе с товарищами отправили в Мадрид.

Японцы с любопытством смотрели на залитую солнцем улицу, на дома. И не переставали удивляться, что еще задолго до них по этой же крутой улице шли их соотечественники и видели те же самые дома, окрашенные вечерним солнцем в розовый цвет...

— Совсем дети... Четырнадцати-пятнадцати лет...

Не только Танаке, но и остальным просто не верилось, что такое трудное путешествие могли совершить дети.

— Неужели они благополучно вернулись домой, в Японию? — спросил Ниси у Веласко.

— Разумеется, вернулись, — утвердительно кивнул тот. — Вы тоже благополучно вернетесь в Японию.

Японцы надолго умолкли. Неужели и они в самом деле вернутся на родину? Все думали сейчас только об этом. Наконец на их лицах стали появляться вымученные улыбки, которые скрывали слезы.

В день их прибытия в Мадриде шел дождь. Потоки воды залили площадь Кастилии, беззвучно стекая на улицу Алькала. Повозки ехали по мостовой, разбрызгивая грязь и воду.

В монастыре святого Франциска они беспробудно проспали целый день. Физическое и нервное напряжение, владевшее ими после прибытия в Испанию, наконец дало о себе знать, когда они добрались до Мадрида — цели своего путешествия. Монахи, понимая это, старались их не беспокоить, обходили жилые покои, где они отдыхали, и даже не звонили в колокол, отбивающий время.

Самураю приснилось, что он снова отправляется в пу-

тешестве. Лошади ржали, деревенские старики выстроились у ворот его дома, Ёдзо держал пику Самурая, Сэйхати, Итискэ и Дайскэ вели под уздцы трех навьюченных лошадей. Сев в седло, Самурай поклонился дяде. Позади стояла жена Рику, изо всех сил сдерживая слезы. Самурай улыбнулся старшему сыну Кэндзабуро и младшему — Гондзиро, которого держала на руках служанка. Почему-то у ворот его ждал господин Исида. Самурая казалось странным: неужели господин Исида специально приехал в Ято, чтобы повидаться с ним?

— Так в о т , — улыбнулся господин И си да , — на этот раз ты обязан во что бы то ни стало выполнить возложенную на тебя миссию. И тогда с возвращением земель в Курокаве все будет в порядке. — У Самурая перехватило дыхание — неужели ему еще раз придется предпринять это ужасное путешествие? Но уж такова моя судьба, подумал он, и нужно ей покориться. Как все крестьяне Ято, он давно привык к терпению и покорности...

Проснувшись, Самурай не сразу сообразил, что находится не в Японии, а в монастыре чужой страны южных варваров. В окно непривычного дома в чужом городе стучал дождь. Было тихо. Самурая стало тоскливо до слез.

Он оделся, стараясь не разбудить Ниси, и вышел в коридор. Заглянул в комнату слуг — на краю кровати сидел Ёдзо, а Итискэ и Дайскэ спали рядом сладким сном.

— Проснулся? — тихо спросил Самурай. — Я... видел во сне Ято.

— В Ято сейчас заготавливают дрова.

— Пожалуй.

Со времени их отъезда прошло уже полтора года. Самурай вспомнил о том, как два года назад, примерно в это время, он вместе с крестьянами рубил деревья. В молчаливом лесу, сбросившем листву, далеко разносился резкий стук топоров, врубавшихся в древесину. Кэндзабуро с младшим братом собирали в том лесу грибы.

— Нужно еще немного потерпеть, — пробормотал Самурай, глядя в запотевшее от дождя окно. — Если нам удастся выполнить здесь свою миссию... то сразу же вернемся в Ято.

Ёдзо, сидевший упершись руками в колени, кивнул.

— Конечно, если все пойдет как по маслу... Господин Веласко говорит, что для этого мы должны принять христианство... — Ёдзо удивленно поднял голову. — Ты... как?

— С тех пор как умер Сэйхати... — начал Ёдзо, но тут

же умолк. — В общем, что вы мне прикажете, господин, то я и сделаю.

— Что я прикажу? — Самурай грустно усмехнулся. — Ничего подобного роду Хасэкура никогда не приходилось делать. Дядя бы ни за что не разрешил.

Самурай стал размышлять о своем сне. Долина Ято с приземистыми крестьянскими домами, словно вросшими в землю. Усадьба Самурая, в центре, как бы объединяющая жителей долины. Все жили одинаково. Каждая семья имела одинаковые наделы, одинаково сеяла, одинаково праздновала. Когда кто-то умирал, все вместе хоронили усопшего. Самурай вспомнил гимн в честь Будды Амиды¹, который частенько напевал дядя, сидя у очага и поглаживая раненую ногу.

Будда Амида прошел десять превращений,
Прежде чем достиг нирваны,
И теперь ореол вокруг него
Освещает самые темные уголки бескрайнего мира.

Закончив пение, дядя обычно несколько раз повторял: наму амидабуцу, наму амидабуцу², и лицо его выражало умиротворение. Самурай и сейчас слышал голос дяди. Да, в Ято все взаимосвязано. Сам Самурай не пел этого гимна, но не мог отказаться от того, что почитали, во что верили отец и дядя. Отказаться означало предать родных, предать Ято.

Сев в экипаж, я отправился к своему двоюродному брату дону Луису. Его отец, дон Диго Кабальеро Молина, живший вместе с ним, бывший алькальд Севильи, и сейчас еще пользовался большим влиянием в церкви и при дворе, а дон Луис — Верховный инквизитор.

Когда я подъехал к их дому — видимо, там уже знали о моем приезде, — по лестнице мне навстречу бежали мужчины, женщины и дети. Дети бросились на шею, женщины обняли, мужчины пожимали мне руку. Они окружили меня, родственника, вернувшегося из неведомой восточной страны, и без конца расспрашивали о том, что мне довелось пережить. И в гостиной, и в столовой они внимательно слуша-

¹ Будда Амида (*санскр.* Amitābhā) — один из главных будд махаяны.

² Хвала Будде Амиде.

ли мои рассказы, как слушали бы рассказы наших предков-конкистадоров о завоевании неведомых стран.

Когда мы покончили с ужином, после беседы, продолженной в гостиной, дядя Молина подал мне знак глазами. И увел меня и сына в свой кабинет. Остальные, видимо предупрежденные заранее, не протестуя, тепло попрощались со мной.

Мы долго обсуждали, что следует сейчас принять. Худой, высокий дядя, вышагивая по комнате, объяснил мне, что пока не ясно, что меня ждет на предстоящем Соборе епископов. Дон Луис стоял вытянувшись, точно часовой, внимательно слушая нашу беседу.

— Ты говоришь, что распространение веры — это сражение, но в любом сражении могут быть случаи, когда приходится отступать. Сейчас наши епископы как раз хотят отступить из Японии. Если Собор примет решение не в твою пользу, то единственное, что мы, твои родственники, сможем сделать... это отправить тебя настоятелем монастыря, но не в Японию, разумеется, а в Манилу. Я очень надеюсь, что это удастся. Думаю, ни кардиналы, ни епископы не будут возражать.

Перестав топтать каблуками, дядя сел наконец в кресло и, сцепив руки, повернулся ко мне, чтобы увидеть мою реакцию.

— Я не совсем понимаю вас...

— Никто не хочет, чтобы ты подвергал себя опасности, даже ради Всевышнего. В Маниле ты сможешь гораздо лучше проявить свои способности.

Закрыв глаза, я вспомнил нищую лачугу в Эдо, где мы жили с Диего. В больнице, где мы лечили прокаженных, было всего три комнатки. Помещение кишело тараканами и крысами, рядом протекала грязная речка. В монастыре же будут разливаться трели птиц за окнами и не придется есть тухлую рыбу и прелый рис.

— Я миссионер, — пробормотал я, слабо улыбаясь. — Я рожден проповедником. Мое предназначение не в том, чтобы молиться в монастырском уединении, я обязан нести учение Господа в земли, где оно преследуется.

Дядя пожал плечами и вздохнул. Его реакция была точно такой же, как у епископа Лермы.

— Ты и в детстве был таким же. Еще совсем маленький бредил Колумбом...

— Если бы покойная матушка не пожелала, чтобы я учился в семинарии, я бы обязательно стал солдатом или моряком, — засмеялся.

— Матушка послала тебя в семинарию, чтобы хоть как-то смирить твою одержимость...

— В моих жилах течет кровь наших предков-конкистадоров...

Ни дядя, ни двоюродный брат, никогда не выдавшие Японию, ничего не знавшие о ней, не могли понять меня. В глазах брата я увидел неприкрытую тревогу. Поневоле вовлеченный в мои дела, он опасался, что это отрицательно скажется на отношении к нему и его семье высшей знати и духовенства в стране.

— Я хочу встретиться с архиепископом. Если бы король дал аудиенцию японским посланникам...

— Я уже разговаривал с секретарем архиепископа, — покачал головой дядя. — Он ответил, что все будет зависеть от решения Собора епископов. Архиепископ тоже не будет говорить с королем об аудиенции, наперекор их мнению. Этот вопрос выходит за рамки торговли... Он связан с распространением веры на Востоке. Но будем стараться.

Из слов дяди я понял, что архиепископ хочет избежать связанных со мной неприятностей. Я попрощался с дядей и братом, они проводили меня до экипажа.

Шел холодный дождь. По мощенной камнем дороге я ехал в монастырь. Фонари освещали лишь изображения Пречистой Девы, установленные вдоль дороги и в нишах домов, а на улице уже царил тьма и тишина. Убаюканный цокотом копыт, я закрыл глаза и стал мысленно представлять себе отца Валенте, с которым никогда не встречался. Как он будет возражать мне? Как будет нападать на меня? — гадал я. Из окна послышался громкий женский смех.

Я приехал в монастырь, открыл дверь, зажег свечу, по длинной галерее направился в свою комнату — и вдруг у дверей я увидел японцев.

— Что случилось?

Свеча осветила лица и кимоно трех посланников. Я заметил, что моя одежда намочена от дождя.

— Вы еще не легли?

— Господин Веласко, — официальным тоном обратился ко мне Хасэкура, — когда наконец состоится наша встреча с королем?

— Почему вы разговариваете со мной в таком тоне? Я отдаю этому все силы. Может быть, через месяц...

Держа свечу в руке, я объяснил им, что Собор епископов состоится в середине января. На нем я дам бой иезуитам. Слуги посланников уже спали, в доме было холодно. Я объяснил напряженно смотревшим на меня японцам, как влияет в этой стране Церковь на политику испанского двора.

— Хоть бы этот ваш диспут прошел успешно...

— Я надеюсь. Это решит и вопрос встречи с королем.

— Вы рассчитываете победить?

— Не знаю, — улыбнулся я. — Вы, самураи, вступаете же в сражение, даже если оно и не сулит вам победы. Таков и я.

— Господин Веласко, — Ниси сделал шаг вперед. — Если это поможет вам... я готов принять христианство.

Освещенное свечой лицо Танаки было лишено своей обычной самоуверенности.

— Господин Танака и господин Хасэкура, — спросил я, — вы тоже намерены сделать это?

Ни тот ни другой ничего не ответили. Но я почувствовал, что они уже не столь непреклонны, как во время нашего разговора в Севилье.

В день открытия Собора епископов тоже лил дождь. С крыши здания Суда священной инквизиции стекали потоки воды, вся мостовая была в темных лужах. Во двор, разбрызгивая воду и грязь, въезжал экипаж за экипажем. Привратники открывали дверцы, и епископы в развевающихся сутанах и красных шапочках, склонившись под зонтами, которые держали над ними привратники, исчезали в здании.

Двое прислужников в черных одеяниях, стоявшие у массивных дверей, провожали входивших епископов в зал. Веласко усадили лицом к ним, рядом с Валенте.

«Это и есть... отец Валенте?»

Веласко испытывал легкое удивление, глядя на маленького старичка, сидевшего чуть поодаль от него сложив

руки на коленях. Неужели этот старик с усталым лицом, сидящий прикрыв глаза, и есть отец Валенте?

Получив в Веракрусе письмо дяди, Веласко все время пытался представить себе своего будущего противника. В его воображении он представал совсем иным человеком, на лице которого написан острый ум и ирония. А рядом с ним сидел, понурившись, маленький старичок; казалось, жизнь едва теплится в нем. Но это не столько успокоило Веласко, сколько нанесло удар по его самолюбию. «Как много волнений из-за этакого немощного, невзрачного старика!» — подумал он.

Видимо, почувствовав взгляд Веласко, отец Валенте открыл глаза и посмотрел на него. Потом, сочувственно улыбнувшись, слегка кивнул. Позвонили в колокольчик. Это был знак начинать. Епископы, зловещие как грифы, рассаживались в зале напротив Веласко и отца Валенте, глухо покашливали, о чем-то тихо переговаривались, наклоняясь друг к другу.

Председательствовавший встал и начал читать бумагу. В ней говорилось, что Совет епископов Мадрида предполагает обсудить разногласия между орденами иезуитов и францисканцев о методах распространения веры в Японии и определить полномочия японских посланников, прибывших в Мадрид.

Пока его тихий голос звучал в притихшем зале, остальные епископы, неподвижные как мертвецы, мертвыми глазами рассматривали Веласко и отца Валенте.

— Попытаюсь обобщить возникшие вопросы, — заключил председательствующий, закончив чтение. — Пятнадцать лет назад папа Климент VIII издал буллу "Onerosa Pastoralis", в которой право распространения религии в Японии, предоставлявшееся прежде исключительно Ордену Иисуса, было предоставлено и другим орденам. Орден святого Франциска отправил в Японию одиннадцать миссионеров, среди них — присутствующего здесь отца Веласко. По его мнению, все неудачи в распространении веры в Японии, начиная с того времени, как в 1549 году Франциск Ксавье прибыл туда, связаны с ошибками иезуитов, но он утверждает, что положение может быть исправлено. Иезуиты же полагают, что причины трудностей в распространении веры в Японии иного рода: в жизни страны произошли перемены, в частности, внезапно сменился верховный правитель Японии. Поэтому хотелось бы услышать подробное изложение точек зрения обеих сторон.

Епископы, тихо посовещавшись, согласились с предложением. Все это время Веласко по своему обыкновению вызывающе смотрел на епископов, а отец Валенте по-прежнему сидел неподвижно, сложив руки на коленях.

Было названо имя Веласко, и он поднялся. Он почтительно поблагодарил за возможность поделиться своими мыслями о распространении веры в Японии и опытом:

— В течение полувека благодаря стараниям братьев Ордена Иисуса дело распространения веры в Японии успешно продвигалось вперед. Их заслуги поистине велики. Они действовали самоотверженно.

Веласко доставляло наслаждение воздавать хвалу тем, кто клеветал на него. Он очень хорошо знал, что это один из способов показать свою объективность. Не жалея похвал, он перечислял заслуги иезуитов. А когда в глазах епископов засветилось любопытство, сказал, подчеркивая каждое слово:

— Однако... Однако иезуиты, не желая того, совершили серьезную ошибку. Они даже представить себе не могли, к какому печальному итогу это их приведет.

Веласко повернулся к отцу Валенте. Но тот продолжал сидеть не шелохнувшись, прикрыв глаза, и было неясно, слушает он Веласко или нет.

— Ошибка состояла в том, что они считали, что Япония ничем не отличается от других стран. Однако Япония отличается от тех земель, которые завоевывали наши предки. Эта защищенная безбрежным океаном страна, хотя и нехристианская, сохраняет твердый порядок и имеет сильную армию. Японцы умны и ловки, у них высоко развито чувство собственного достоинства, и в ответ на оскорбление они, объединившись, точно пчелиный рой, наносят ответный удар. Для такой страны необходим иной способ распространения веры. Оскорблять японцев недопустимо. Раздражать — недопустимо. Однако братья Ордена Иисуса делали именно это.

Веласко умолк. Потом, убедившись, что на лицах епископов, которые еще совсем недавно смотрели на него мертвыми глазами, появились проблески интереса, потупился и спросил:

— Должен ли я приводить конкретные примеры?

— Именно для этого мы и собрались здесь, — кивнул один из епископов.

— Например, иезуиты завладели ненужной им землей в городе Нагасаки. Да, они получали с нее деньги для миссионерской деятельности, но у язычников-японцев это

вызывало беспокойство и подозрение. Мало того, среди иезуитов были и такие святые отцы, которые, движимые рвением в распространении веры, сжигали изображения будд, а ведь этим божествам поклоняется большинство японцев. Действительно, в Новой Испании разрушение местных храмов не мешало распространению веры. Но те же действия в Японии вызывают лишь возмущение тех, кто мог бы принять христианство. И вот, прослышав об этом, правитель, ранее поощрявший распространение христианства, начал гонения на христиан. Это было порождено в первую очередь подобными ошибками. Иезуитам не уйти от ответственности. Однако они закрывают на это глаза, твердя, что делают все возможное, хотя миссионерская деятельность в настоящее время и связана с огромными трудностями.

Выпалив это одним духом, Веласко снова почтительно склонил голову и умолк. Ему требовалась недолгая пауза, чтобы вызвать любопытство слушателей.

— Однако, — сделав ударение, продолжал он. — Однако... я надеюсь на успех миссионерской деятельности в Японии. ...Сейчас положение там неблагоприятное, это верно, но не все потеряно, я в этом убежден. Я не пустой мечтатель, забывающий о действительности, хотя именно в этом меня обвиняют иезуиты. Будь я бесплодным мечтателем, я бы не смог привезти сюда японскую миссию с посланием Его светлости.

Сидевший потупясь отец Валенте вдруг поднял голову. Веласко увидел на его лице горькую усмешку. Казалось, он с состраданием смотрит на жалкие усилия шута. Изво всех сил сдерживая раздражение, Веласко продолжал:

— Прибывшие посланники — нет, правильное сказать, весь японский народ хочет торговать с Новой Испанией. В этом их сила, но в то же время и слабость. Церковь не понесет никакого ущерба, содействуя получению ими некоторых выгод, а за это обретет свободу распространения веры на японской земле. Если мы не будем их унижать, гонения на христиан, несомненно, прекратятся.

В зале был слышен шум непрекращающегося дождя. Епископы, храня молчание, выслушали Веласко.

— Ради выгод японцы пойдут на все, — повторил Веласко. — Они отдадут нам свои души.

Дождь все лил. Самурай сел на кровать и растерянно обвел взглядом комнату. Это была точно такая же комна-

та, как в других монастырях, где им пришлось жить после Новой Испании. Простая кровать, простой стол, на нем фарфоровые, украшенные виньетками, кувшин для воды и таз. К кресту, висящему на голой стене, пригвожден жалкий, худой человек с опущенной головой.

Самурая снова охватило сомнение. «Почему они так почитают его?»

Он вспомнил, что некогда видел такого же вот преступника. Тот сидел на расседланной лошади, и его раскинутые в стороны руки были привязаны к толстой палке. Преступник был таким же жалким и грязным, как этот человек на кресте. У него тоже торчали ключицы, а живот точно прилип к спине от долгого недоедания, бедра обернуты куском тряпки, он с трудом удерживался на лошади, изо всех сил сжимая ее бока тонкими, как хворостины, ногами.

«Что бы сказали люди в Ято, если бы я стал поклоняться такому богу?»

Мысленно представив себе их недоумение, он почувствовал стыд. Самурай не был глубоко верующим человеком, как дядя, но, приходя в буддийский храм,不由自主но кланялся изображению Будды, а у синтоистского храма, рядом с которым протекал хрустально-чистый ручеек, всегда испытывал不由自主ное желание молитвенно хлопнуть в ладоши. Но он не чувствовал в себе готовности назвать богом этого жалкого, худого мужчину.

Оставшиеся в Новой Испании японские купцы, должно быть, думали так же, как и он. Но ради того, чтобы шла торговля, преклоняли колени в церквах и даже согласились, чтобы их крестили южные варвары. Вспомнив все это, он испытал к ним презрение, но одновременно и зависть. Презрение потому, что ради барышей они спокойно продали душу, а завидовал он их дерзости, смелости — ради барышей они не останавливаются ни перед чем... Но ведь и Ниси тоже говорит, что во имя выполнения нашей миссии он готов, хотя бы для видимости, принять крещение. Разумеется, он хочет сделать это не от чистого сердца, а лишь для видимости. Самурай тоже понимал, что ради Его светлости, ради выполнения миссии он обязан пойти на все. Понимал, разумеется, но решиться на такое был не в силах.

«Решиться на такое я не в силах...»

Стать христианином значило предать Ято. Ято — это мир не только тех, кто живет там. За всем, что происходит в Ято, следят предки. Покойный отец, покойный дед

Самурая останутся в Ято, пока жив род Хасэкура. Они никогда не позволят, чтобы Самурай принял христианство.

Отец Валенте медленно поднялся со стула. Он тоже поклонился епископам и сложил руки на груди. Потом заговорил хрипловатым голосом:

— Прожив тридцать лет в Японии, я своими глазами видел ошибки братьев нашего ордена, о которых говорил отец Веласко. И не собираюсь опровергать сказанное им. Наш орден действительно проявлял чрезмерное рвение. Иногда это вело к крайностям. Однако преследование христиан в Японии вызвано не только этими обстоятельствами. В словах отца Веласко содержится немало преувеличений. И в своих надеждах он чересчур смел.

Веласко сжал пальцы и через силу улыбался. Он должен был показать епископам невозможность и силу духа.

— Я обязан сказать... что посланники, которых привез сюда отец Веласко, не являются представителями короля Японии, именуемого сёгуном, их господин — всего лишь один из князей, владения которого находятся на востоке страны. Но даже если миссия отправлена с согласия короля Японии, она, по-моему, не может быть признана официальной, представляющей всю страну.

Отец Валенте прикрыл рот рукой и кашлянул. Он говорил спокойно, не делая эффектных пауз, чтобы привлечь внимание епископов, как Веласко. Наоборот, обрисовывал положение монотонным, невыразительным голосом. Но он с самого же начала нащупал уязвимое место Веласко.

— Отец Веласко говорил о выдающихся способностях японцев. Говорил, что они умны, что с ними нельзя обращаться, как с народами других стран, говорил об их хитрости и ловкости. Мы думаем так же. А потому хотелось бы, чтобы вы, Ваши преосвященства, учли следующее обстоятельство: поскольку прибывшая с отцом Веласко японская миссия не является официальной, ее посулам нельзя доверять. Какие бы заманчивые обещания о свободе распространения веры ни содержались в привезенном ими послании, японцы все равно их не выполняют. Вот в чем дело.

Умолкнув, отец Валенте снова несколько раз кашлянул.

— Мой многолетний опыт подсказывает, что мы имеем дело с очередной хитростью, на которую японцы великие мастера. Придумывать самые разные уловки, позволяющие выйти из самого сложного положения, — к этому они

прибегают сплошь и рядом. Например, во время войны, когда неизвестно, кто победит, японский дворянин делает двух своих братьев союзниками каждой из воюющих сторон. В этом случае, кто бы ни победил, его род может смело утверждать, что одержал победу. А за то, что один из братьев примкнул к вражескому стану, семья не несет никакой ответственности. Он сделал это по своей воле. Такая же уловка — решение отправить японскую миссию в Новую Испанию. Я утверждаю, что японцы нисколько не заинтересованы в распространении веры и обещание свободы миссионерской деятельности — всего лишь приманка, их истинные намерения совсем иные.

— Чего же они хотят? — спросил один из епископов, сидевший подперев подбородок рукой. — К чему стремятся японцы, кроме установления торговых связей с Новой Испанией?

— Они хотят узнать, где проходят морские пути через океан, выведать секреты мореплавания. Думаю, им стало многое известно во время этого плавания.

Епископы заволновались. Когда волнение несколько улеглось, их взгляды сосредоточились на Веласко, сидевшем с каменным лицом, вскинув голову. Он поднял руку, прося слова. Один из епископов кивнул. Веласко, весь красный, заговорил чуть дрожащим голосом:

— Вновь обращаюсь к вам, Ваши преосвященства. Мне бы хотелось, чтобы вы знали: в сегодняшней Японии ни один князь без разрешения короля не смог бы выпустить плененных испанцев. Мы же приплыли в Новую Испанию вместе с испанской командой, которой до этого запрещалось покидать пределы Японии. Это как раз и доказывает, что миссия из Японии была послана с согласия короля. О желании самого короля Японии торговать с Новой Испанией свидетельствует хотя бы то, что еще десять лет назад он направил такое же послание на Филиппины. Кстати, всем известно, что еще тридцать лет назад братья Ордена Иисуса, к которому принадлежит отец Валенте, выдав четверых малолетних бродяжек за детей знатных феодалов, привезли их в Рим как официальную миссию.

Веласко сел; со скрипящего кресла медленно поднялся отец Валенте. И на этот раз он сложил руки на груди и несколько раз кашлянул.

— Это верно... Король Японии действительно хочет установить торговые отношения с Новой Испанией. Но при этом он не допустит миссионеров — возьмите, к примеру, столицу: множество верующих сожжены заживо на костре,

миссионеры изгнаны. Ясно, что князь, которому подчинены посланники, тоже обязан будет последовать этому примеру. Хотя он и обещает защиту миссионерам и свободу распространения веры, это еще не значит, что король Японии думает так же.

— Вы... — перебил его, не поднимаясь со стула, Веласко. — Вернее, ваш орден оставил надежды, считая, что прекратить гонение на христиан невозможно. Но я... я убежден, что вызванную вами враждебность японцев к христианству удастся потушить.

Веласко возвысил голос почти до крика, совершенно забыв, что епископы внимательно наблюдают за ним. Отец Валенте, видя, как покраснел Веласко, снова горько усмехнулся.

— Удастся потушить? Не думаю, что это так просто.

— Почему?

— Потому что, по моему убеждению, японцы... я понял это, долго прожив там... они на редкость невосприимчивы к нашей религии. — Горькая, несколько ироничная улыбка исчезла с его лица, теперь он смотрел на Веласко с состраданием. — Японцы фактически лишены способности воспринимать все, что выходит за рамки человеческой природы естества — все, что мы считаем непознаваемым. За свою тридцатилетнюю миссионерскую деятельность я отчетливо понял это. Объяснить им бренность нашего мира не так-то просто. Именно потому, что они слишком привержены ему. Хуже всего то, что японцы наслаждаются бренностью этого мира. И это даже вдохновляет их поэтическое воображение. Ими движут непосредственные ощущения, и идти дальше них они не желают. Им даже в голову не приходит искать Бога. Им отвратительна сама идея разграничения человека и Бога. Если есть некое высшее существо, считают они, в конце концов, и человек может стать им. Возьмем, к примеру, их будд — буддой может стать каждый смертный, достигнув просветления.

Даже природа, которую мы отделяем от человеческого существа, воспринимается как нечто единое с человеком. Мы... оказались бессильны исцелить их от подобного заблуждения.

Епископы встретили эти неожиданные слова глубоким молчанием. До сих пор они не встречали миссионера, который говорил бы с такой скорбью.

— Их восприятие ограничено Природой и никогда не выходит за эти рамки. И в этих рамках их чувства удивительно тонки, но то, что над человеком, они постичь

не могут. Вот почему японцы не в состоянии представить Бога, отделенного от человека.

— В таком случае... — покачал головой один из епископов, не в состоянии понять того, о чем говорил отец Валенте, — во что же веруют японские христиане, число которых некогда достигало четырехсот тысяч человек?

Отец Валенте, не поднимая головы, ответил тихо:

— Не знаю. — Он уныло прикрыл глаза. — Когда их король запретил христианство, половина из них рассеялась как туман.

— Рассеялась как туман?

— Да, даже те, на которых мы надеялись, считали истинными христианами, стали отрекаться от веры — и примеров таких бесчисленное множество. Стоит князю отречься от христианства, как вслед за ним отрывается вся его семья, его вассалы, стоит отречься от веры старосте деревни, как сразу же почти все ее жители оставляют Церковь. И что самое удивительное, лица их не выражают при этом никакого раскаяния.

— Никаких мук совести?

— На карте, — пробормотал отец Валенте, не открывая глаз, — Япония своими очертаниями напоминает ящерицу. И только потом я понял, что не только лишь очертаниями, но и всей своей сущностью она такова. Мы же, миссионеры, были похожи на детей, радовавшихся тому, что оторвали ей хвост. А ящерица и без хвоста продолжала жить, и хвост в конце концов отрастал. Несмотря на шестидесятилетнюю миссионерскую деятельность нашего ордена, японцы нисколько не переменились. Наоборот, вернулись к своим корням.

— Вернулись к своим корням?.. Поясните, что это значит, отец Валенте!

— Японец никогда не воспринимает себя как самостоятельную личность. Мы, европейские миссионеры, не знали этого. Возьмите японца. Мы пытаемся обратить его в нашу веру. Но в Японии не существует независимой личности. За японцем — вся его деревня. Его семья. Мало того, за ним стоят его покойные родители, предки. Он неотделим от деревни, семьи, родителей, предков. Представляет некое целое с ними. Когда я говорю, что японцы вернулись к своим корням... В общем, я имею в виду, что они возвратились в мир, с которым нерасторжимо связаны.

— Мы вас не совсем понимаем, отец Валенте.

— Тогда разрешите привести вам всего один пример.

Когда первый миссионер в Японии Франциск Ксавье начал на юге страны свою деятельность, именно то, о чем я говорил, было самым серьезным препятствием, с которым он столкнулся. Японцы говорили: «Нет сомнений, учение Христа прекрасно. Но самому отправиться в рай, где нет наших покойных предков, — значит предать их. Мы неразрывно связаны с ними». Должен заметить, что это не обычное почитание предков. Это самое настоящее поклонение им. Шестидесяти лет не хватило нам, чтобы преодолеть его.

— Ваши преосвященства, — перебил Веласко, — сказанное отцом Валенте — ужасное преувеличение. Есть и в Японии мученики, отдавшие свою жизнь во славу Божию. Справедливо ли утверждать, что японцы не уверовали в Господа? Надежда на успех миссионерской деятельности в Японии не исчезла.

И тут Веласко выложил свой главный козырь:

— В этом вы можете убедиться хотя бы на том факте, что тридцать восемь японских купцов, которых я привез в Новую Испанию, крестились в церкви святого Франциска. А сейчас один из трех японских посланников, терпеливо ожидающих справедливого решения Ваших преосвященств, обещал мне, что здесь, в Мадриде, он станет христианином.

Слушая шум дождя, Самурай лежал на кровати, подложив руки под голову, и смотрел на обнаженного человека, висевшего на стене. В комнате были лишь он и этот человек.

Распахнув дверь, вошел Танака. На его одежде блестели капельки дождя.

— Устали? Ниси тоже вернулся?

Самурай поднялся и, скрестив ноги, сел на кровати. Они были в одинаковом звании, но Самурай проявлял уважение к возрасту Танаки.

— Нет, он все еще гуляет по городу под дождем. А мне стало невыносимо, что на нас все время глазят, и я вернулся, — с неудовольствием сказал Танака и, сняв меч, вытер мокрые ножны полкой кимоно.

И раньше, в Новой Испании, на них глазели ничуть не меньше, но здесь, в Испании, это стало совершенно невыносимо. Прохожие бесцеремонно подходили к ним, с удивлением касались их одежды и мечей и что-то говорили. Дети кланчили деньги. Сначала японцы смеялись, но постепенно им стало невмоготу.

— Наверное, диспут уже закончился? — пробормотал Танака, вытирая промокшие кожаные сапоги. Такие же сапоги купили себе в Севилье Самурай, Ниси и слуги.

— Думаю, еще не закончился.

— Я что-то беспокоюсь.

Самурай кивнул. Танака тоже уселся на своей кровати, скрестив ноги.

— Хасэкура, что мы будем делать, если Веласко проиграет диспут? С позором вернемся в Японию?

Самурай прищурился и промолчал. Он не знал, что ответить. Веласко говорил, что и аудиенция у короля, и вручение послания Его светлости — все будет зависеть от того, чем закончится сегодняшний диспут. После того как Веласко сегодня утром отбыл в экипаже, трое японцев не находили себе места от волнения. Самурай понимал, почему Ниси гуляет под дождем.

— Что же будет? Что же будет? — Танака не отрывал глаз от Самурая. — Для меня это невыносимо. Как я буду выглядеть в глазах родных? Я же им в лицо посмотреть не смогу — они ведь так надеются, что нам вернут старые владения!

Те же чувства испытывал и Самурай. Он смотрел на стекло, по которому бежали струйки дождя.

— Да, Хасэкура, — задумчиво пробормотал Танака. — Я, пожалуй, как и Ниси, приму христианство. Оно мне противно. Но в нашем положении... другого выхода нет. Так я считаю. В сражении, чтобы обмануть врага, приходится иногда склониться перед ним в покорном поклоне. Но сердце в этом не участвует. Именно это я сказал своему сердцу прошлой ночью.

— Тюсаку Мацуки...

— Стоит ли верить сейчас тому, что говорил Мацуки. Он утверждал, например, что Совет старейшин отправил нас в это путешествие, чтобы не возвращать самураям нашего звания принадлежавшие им в прошлом владения, но я не верю этому. Во время нашего путешествия меня поддерживало обещание господина Сираиси. По-моему, Мацуки покровительствуют противники господина Сираиси, вот в чем дело... А как думаете вы, Хасэкура?

— Стать христианином... даже если это только уловка... все равно, у меня такое чувство, что я как бы отворачиваюсь от рода Хасэкура, от предков...

— То же самое испытываю и я. И совсем не собираюсь отречься от веры предков. Она останется в моем сердце. Будет гораздо большим несчастьем, если

нам не удастся вернуть их земли.

Самурай чувствовал, что внутри у него все разрывается. Шум дождя напомнил ему сезон дождей в Ято. Дни бегут, а дождь не позволяет выйти на улицу, дом наполнен множеством запахов, сухие ветки в очаге дымят, дети кашляют — вот что такое сезон дождей в Ято. Земля раскисла от дождя...

— Подумайте, Хасэкура.

Самурай посмотрел на изображение человека, висевшее на стене. На их корабле, плывшем по безбрежному морю, купцы каждый день слушали истории, которые рассказывал о нем Веласко. Веласко говорил, что он умер, приняв на себя грехи человечества. Потерпевший поражение князь ради спасения своих верных вассалов кончает жизнь самоубийством, объяснил, улыбаясь, Веласко. Так же и он — умер ради того, чтобы вымолить у Бога прощение для людей. Значит, вместе с людьми он восстал против Бога? Нет, это не так. Он не совершил ничего такого. Он никогда не восставал против Бога. Он просто умер, пожертвовав собой ради людей.

Купцы, хотя и не верили этим фантастическим историям, кивали головой. Человек, о котором рассказывал Веласко, интересовал их не более, чем камень на обочине дороги. Камнем можно забивать гвозди, когда же необходимость в нем отпадает, его можно выбросить. Если поклонение э т о м у человеку поможет торговле с южными варварами, купцы готовы молиться ему, а потом — станет ненужным — выбросят.

«Какая же разница... между мной и торговцами?» — моргал глазами Самурай, задавая себе этот вопрос.

Жалкий, худой, униженный человек, которого можно спокойно выбросить, когда в нем пропадет нужда, человек, рожденный в далекой неведомой земле и умерший в далеком прошлом, — нет, он не имеет к нему никакого отношения, думал Самурай.

— Я не отрицаю факта крещения. — Отец Валенте, тяжело вздохнув, поднялся с кресла. Он тяжело дышал, будто ему было жаль нападать на Веласко. — Но мне неизвестно, насколько чисты были их помыслы.

— Что вы имеете в виду? — спросил тот же епископ.

— Я уже говорил. Когда начались гонения, половина японских верующих рассеялась как туман. А если гонения ужесточатся, то и другая половина, думаю, без колебаний

отречется от христианства. Чем обращать в веру новых, лучше подумать о том, как оборонить саму веру...

— Ваши преосвященства, — не дав договорить, перебил его Веласко, — мне бы хотелось возразить на эти оскорбительные слова отца Валенте, чтобы восстановить доброе имя тридцати восьми японцев и посланника, о котором я вам говорил. Весьма прискорбно слушать такие слова из уст священнослужителя. Он оскорбляет великое множество японских верующих, им же самим крещенных.

— Я их не оскорбляю. А говорю истинную правду...

— Даже если ваши слова — истинная правда, — воскликнул Веласко, — вы, кажется, забыли, что таинство крещения — это благодать, превосходящая человеческие побуждения. Даже если их помыслы были нечисты, Господь все равно не отвратит от них взора. Даже если Господь нужен им из корысти. Он никогда не оставит их. И вот... — Он умолк на мгновение. — Я вспомнил приведенные в Священном писании слова Господа нашего Иисуса, увещевавшего Иоанна. Когда Иоанн порицал человека, который именем Божиим исцелял больных, Господь сказал: «Кто не против вас, тот за вас».

И тут Веласко ощутил укол в сердце, точно грудь его пронзил острый клинок. Он знал, что японские купцы не верили его проповедям. Ему было известно, что крещение послужило их торговле, их барышам. И все же он закрывал на это глаза.

— Собор епископов не намерен выслушивать богословский спор о крещении, — заявил сидевший с краю епископ, подняв руку. — Мы должны решить, являются прибывшие сюда посланники официальными представителями Японии или личными представителями одного из князей. Но прежде необходимо выяснить, на что мы можем рассчитывать: кратковременными или длительными будут гонения на христиан в Японии?

— Речь не должна идти ни о кратковременности, ни о длительности гонений, — ответил Веласко спрашивавшему епископу. — В Эдо, где находится замок нынешнего правителя Японии, и в тех провинциях, которые находятся под его непосредственной властью, действительно преследуют христиан. Иезуиты полагают, что эти преследования и гонения будут продолжаться всегда, но мы так не думаем. Нынешний правитель не приемлет христианство, но в то же время он не настолько глуп, чтобы пренебрегать выгодами от торговли с Манилой и Макао. И если Новая Испания обеспечит ему большие выгоды,

чем Манила и Макао, он умерит жестокости — мы надеемся, что именно таковы его истинные намерения. Я уже много раз говорил об этом. Следовательно, предоставив определенные выгоды правителю Японии, мы получим пусть неполную, но свободу распространения веры — таково мое мнение. В наших руках добиться прекращения гонений.

Епископ, кивнув Веласко, обратился к сидевшему со сложенными на коленях руками отцу Валенте:

— Хотелось бы выслушать мнение отца Валенте.

— Гонения будут продолжаться, — откашлявшись, печально произнес он хриплым голосом. — Запрет на христианство, соблюдаемый сейчас лишь в некоторых провинциях, распространится на всю Японию. Если бы это происходило пятнадцать лет назад, еще можно было бы на что-то надеяться, потому что у нынешнего правителя Японии, о котором говорит отец Веласко, был могучий противник — Тоётоми. Но род Тоётоми утратил влияние, сейчас он еще держится в осакском замке, но в скором времени, видимо, с ним будет покончено. В Японии нет князя, который мог бы противостоять нынешнему правителю. Сёгун в самом деле стремится установить выгодные торговые связи, но предпочитает сближаться с протестантскими государствами. Протестанты обещали ему заниматься только торговлей, а не распространением христианства.

— И отсюда следует, — воскликнул Веласко, — что мы должны отдать Японию протестантам? Это же тот вопрос, с которым связано проникновение Испании на Восток...

Диспут затянулся, на улице стало темно. Епископы обессилели, они с трудом сдерживали зевоту, поводили затекшими плечами. Веласко тоже чувствовал неодолимую усталость. Он закрыл глаза и прошептал последние слова Христа:

«Отче! В руки Твои предаю дух Мой».

Спустившись по сырой лестнице, издававшей характерный для старых монастырей запах плесени, Самурай услышал монотонный хриплый голос:

«О бог урожая, добро пожаловать,
ты вовремя пришел...»

Самурай тоже знал эту песню. Сажая рис во владениях Его светлости, женщины, втыкая в землю рассаду, напе-

вали ее себе под нос. Стоя на лестнице, Самурай прислушивался к голосу, неумело выводившему мелодию. Человек, прислонившийся к серой стене, поспешно оборвал песню и, поклонившись, прошел в комнату. Это был слуга Ниси.

В конце коридора послышался сердитый голос: Ёдзо ругал Итискэ и Дайскэ.

— Мы все хотим вернуться! Сам хозяин старается побыстрее выполнить поручение... И нечего здесь свой нрав показывать!

Потом послышался звук оплеухи и плаксивые оправдания.

Стоя в темноте, Самурай слушал перебранку слуг. Конечно же, Ёдзо возмутился хныканьем Итискэ и Дайскэ, которым хотелось поскорее вернуться в Ято. Самураю до боли в груди было понятно и состояние Итискэ и Дайскэ, мечтавших о возвращении, и отчаяние Ёдзо, который вынужден был отругать их.

«Ради чего ты упорствуешь? — Самураю казалось, что он слышит чей-то голос у самого своего уха. — Из-за твоего упрямства слуги не могут вернуться в Ято. Ради выполнения своей миссии, ради этих людей ты должен хотя бы для виду принять христианство — неужели ты не можешь этого сделать?»

— Нечего здесь свой нрав показывать!

Снова раздался звук оплеухи, будто хлестнули мокрой тряпкой.

«Хватит, хватит же, нет сил терпеть! — прошептал про себя Самурай. — Нрав свой показывают не Итискэ и Дайскэ, а я!»

— Ёдзо, — позвал он тихим голосом.

Три серые фигуры повернулись в его сторону и в страхе склонили головы.

— Хватит ругать их. Ничего удивительного, что Итискэ и Дайскэ тоскуют по родине. Я испытываю то же самое. Все это время вижу во сне только Ято... Ёдзо, я, господин Танака и Ниси решили принять христианство.

Слова Самурая заставили слуг вздрогнуть.

— Мы делаем это для того, чтобы выполнить возложенную на нас миссию... А вы сделайте это, чтобы вернуться в Ято... Дело стоит того.

Ёдзо покорно посмотрел на хозяина.

— Я тоже готов принять... — еле слышно ответил он.

Пока епископы совещались, Веласко, сидя в жестком деревянном кресле приемной, беспрерывно бормотал:

«Отче! В руки Твои предаю дух Мой.

Отче! В руки Твои предаю дух Мой.

О Господи, не отврати своего взора от Японии. Ты носи свой крест и ради Японии, Господи, да свершится воля Твоя!

Япония. Коварная Япония. Все так, как сказал отец Валенте. У этого народа нет ни малейшего желания приобщиться к Предвечному, к тому, что выходит за рамки человеческой природы. Это верно. В этой стране никто не прислушивается к твоим словам. Это верно. Япония, делающая вид, что слушает тебя, согласно кивает, а в глубине души думает о чем-то своем. Это верно. Ящерица, у которой отрезают хвост, а он вырастает снова. Временами я ненавидел эти вытянувшиеся ящерицей острова, но тем сильнее становился во мне боевой дух, росло желание покорить эту недоступную страну».

Дверь в приемную со скрипом открылась. Появился вымокший под дождем дон Луис, с широкополой шляпой в руке. Тербя поля, он с жалостью смотрел на Веласко.

— Епископы только что отбыли.

— Есть ли хоть слабая надежда на победу? — спросил Веласко усталым хриплым голосом, не отнимая рук от лица.

— Не знаю. Его преосвященство Серон и его сторонники настроены против, а вот Его преосвященство Сальватьерра сказал, что, если даже японские посланники и не являются официальными представителями Японии, они тем не менее достойны быть принятыми со всеми почестями.

— Значит ли это, что он предложил аудиенцию у Его величества?

Луис пожал плечами.

— Во всяком случае, чтобы победить, тебе необходимо предпринять нечто такое, что тронуло бы сердца епископов.

— Если японцы примут крещение, это тронет сердца епископов?

— Не знаю. Нужно попробовать все, что только в наших силах. Мы постараемся помочь тебе.

ГЛАВА VII

Позади сидевших в первом ряду, лицом к алтарю, Тародзаэмона Танаки, Самурая и Кюскэ Ниси расположились их слуги, тоже готовые принять крещение вместе со своими хозяевами. Справа и слева от алтаря стояли дядя и двоюродный брат Веласко, которые должны были стать крестными отцами, а рядом с ними выстроились монахи в темно-коричневых рясах, перепоясанных вервием. Поскольку прихожанам разрешили присутствовать при крещении, даже задние скамьи были заполнены, но большая часть находившихся в церкви были либо родственники Веласко, либо приглашенные ими гости.

Танака сидел закрыв глаза. Ниси неотрывно смотрел на трепещущие, как крылышки мотыльков, огоньки свечей на алтарном столе. Сзади было слышно, как Ёдзо и его товарищи время от времени шмыгают носами и покашливают. Интересно, думал Самурай, что испытывает каждый из них.

Самураю казалось, что все происходящее — сон.

...Зима в Ято. Вместе с крестьянами он рубит деревья, снег лепит в лицо... Сидя у очага, он слушает причитания дяди и согласно кивает... Казалось, все это было давным-давно. Ему и в голову не могло прийти, что он окажется в далекой чужой стране и в этой христианской церкви, в окружении южных варваров, будет принимать крещение. Вот были бы потрясены дядя и жена Рику, если бы увидели эту картину, подумал он, но не мог даже вспомнить их лица.

Появились служки в алых одеяниях и белых накидках, со свечами в руках. Епископ с Веласко и вторым священником преклонили колени у алтаря. Японцы по знаку, поданному им крестными отцами, как их учили, тоже встали на колени на выщербленный мраморный пол.

Непонятная молитва на латыни длилась бесконечно. Глядя на огромный заалтарный крест, Самурай стоял лицом к лицу с пригвожденным к нему худым человеком.

«Я... не хочу поклоняться тебе, — виновато шептал Самурай, моргая глазами. — Не понимаю, за что почитают тебя южные варвары. Ты умер, взяв на себя грехи людей, но я не думаю, что от этого жизнь наша стала легче. Я знаю, что в Ято крестьяне всегда жили убого. После твоей смерти ничего не изменилось».

Самурай вспомнил зиму в Ято, когда холодный ветер гуляет в жалких лачугах. Вспоминая рассказы крестьян,

которые в голодные годы, подчистую съев все припасы, уходили из деревень в поисках пропитания. Веласко говорил, что этот человек спасет страждущих, но Самурай не понимал, что означает «спасет».

Последние несколько дней Веласко готовил Самурая и остальных японцев к таинству крещения. Он терпеливо рассказывал им о жизни Христа. Его рассказы были непонятны японцам и не рождали в их душах никаких чувств. Они с трудом сдерживали зевоту, а некоторые, опустив голову, дремали. Когда Веласко замечал это, на лице его появлялось раздражение, и, пытаясь сдержаться, он с трудом изображал улыбку.

Жизнь Иисуса, о которой рассказывал Веласко, казалась Самураю странной. Мать, не знаящая мужчины, родила его в хлеву. С самого своего рождения Иисусу было предназначено стать царем, который спасет людей; вняв зову небес, он удалился в пустыню и стал жить там, руководимый отшельником по имени Иоанн. Через некоторое время он вернулся на родину, обрел учеников, несметным толпам людей являл чудеса, учил, как им следует жить. У него появилось множество последователей, и это навлекло на него ненависть первосвященников, после многих невзгод он был безвинно приговорен к смертной казни. Иисус счел это волею неба и безропотно принял ее. А через три дня воскрес из мертвых и вознесся на небо.

Самурай не мог понять, почему даже такой умный человек, как Веласко, верит столь неправдоподобной истории. И не один Веласко — все южные варвары считают ее истинной! Это было выше его разума. Удивительно, что и в Японии находятся люди, верящие в такие нелепые выдумки.

— Вам всем прекрасно известно, как трудно человеку избгнуть греха. Вопрос в том, может ли человек спастись сам или же его спасет лишь тот, кого зовут Иисусом. Первосвященники в Иерусалиме, ненавидевшие Иисуса, ошибочно утверждали, что спастись можно самостоятельно. Однако христиане верят, что только с помощью Иисуса можно достигнуть рая. Иисус принял страдание во искупление тяжких наших грехов.

Рассеянно слушая Веласко, Самурай тайком поглядывал на сидевшего с закрытыми глазами Танаку, на Ниси.

«Все это ради нашей миссии, — звучал в его ушах голос Танаки. — Ожить после смерти — разве можно поверить в такое?»

— Вы страшитесь смерти. И сокрушаетесь о бренности

этого мира. Японские монахи учат о перевоплощении душ после смерти, которое они называют вечной цепью перерождений. Согласно же учению Христа, мы, подобно самому Иисусу, можем попасть в рай. Конечно, только благодаря его заступничеству, Иисус дарует нам силы подняться, воспарить над пучиной греха и вселяет надежду на вечную жизнь. Вот почему мы зовем его Господом, Пастырем добрым.

Тут Веласко неожиданно понизил голос и прошептал:

— Чего вы хотите — жить в мире, подчиняясь закону перерождения душ, или попасть в рай? Верите ли вы, что путь к спасению — умножение добродетелей, как утверждают японские монахи, или же, сознавая свое бессилие, будете уповать на милосердие Иисуса? Если вы сможете понять, какой путь единственно верный, ответ будет ясен.

Откуда Веласко знает, что небеса наделили Иисуса этой таинственной, чудесной силой? Он утверждает, что Иисус был наделен ею еще до рождения и то была воля Бога.

«Ради нашей миссии, — приказал себе Самурай. — Все ради нашей миссии».

Крестные отцы, сидевшие рядом с посланниками, встали и жестами показали Танаке, Самураю и Ниси, что они должны подойти к алтарю. Навстречу им вышли Веласко с чашей в руках, священник с серебряным сосудом и в центре — епископ.

Ярко-красные губы дородного епископа зашевелились, он о чем-то спрашивал Танаку, Самурая и Ниси. Веласко быстро перевел вопрос на японский и прошептал, чтобы они ответили: «Верую».

— Веруете ли вы в Господа нашего Иисуса Христа? — спросил епископ.

— Верую.

— Веруете ли вы в Воскресение Господа нашего Иисуса Христа и в жизнь вечную?

— Верую.

Каждый раз, по указанию Веласко, Танака, Самурай и Ниси хором, точно попугаи, повторяли «верую». Сердце Самурая раздирало раскаяние. Хотя он и уговаривал себя, что делает это не от чистого сердца, а ради выполнения миссии, его не оставляло горькое чувство, что сейчас, в эту самую минуту, он предаст отца, дядю, Рику. Это чувство было похоже на отвращение, испытываемое женщиной, лежащей в объятиях нелюбимого мужа, которому она к тому же не верит.

Все трое склонили головы, и епископ, приняв у священника серебряный сосуд, окропил их святой водой. Вода, стекая по лбу, залила глаза и нос Самурая и закапала в чашу, которую держал Веласко. Это и было крещение. Для Самурая и его товарищей оно было простым обрядом, для Церкви — священным таинством.

Jesus Deus, amor meus
Cordis aestum imprime
Urat ignis urat amor¹.

В ту минуту под сводами собора слышались тихие голоса, похожие на легкий шелест. Это молились верующие, возносившие хвалу Господу. Епископ протянул Танаке, Самурая и Ниси по зажженной свече, и в сопровождении крестных отцов, родственников Веласко, они вернулись на свои места. Самурай заметил, что находившийся рядом с ним Веласко со своей обычной улыбкой смотрит на молящихся и посланников.

«Только для виду, — грустно повторял Самурай, сложив руки. — Я говорил «верую» не от чистого сердца. И в конце концов забуду, что произошло в этот день. Что произошло в этот день...»

Слуги, вслед за своими хозяевами, тоже склонили головы над чашей.

Когда молящиеся поднялись, встали и посланники, когда молящиеся опустились на колени, то же самое сделали и они. Обряд крещения закончился литургией — епископ распротер руки над алтарем и, прочитав из Евангелия, склонился над хлебом и чашей. Это был обряд превращения хлеба в Тело Господне, а вина — в Кровь Господню, но для трех японцев, не понимавших смысла этого таинства, действия епископа казались странными и загадочными.

Стоявший рядом с ними на коленях Веласко пояснил тихим голосом:

— Этот хлеб — Тело Господне. Делайте то, что буду делать я. И примите с почтением хлеб и вино, которые даст вам епископ.

В церкви воцарилась тишина. Беззвучно епископ взял в руки небольшой белый хлебец. Монахи и верующие, стоя на коленях, низко склонили головы. Самурай и его товарищи, так и не уловив смысла происходящего, поняли

¹ Иисус, Господь, любовь моя
Умерь жар сердца
Да вспыхнет огонь, да вспыхнет любовь.

одно: для них наступает сейчас самый торжественный момент.

«Только для виду, — повторял про себя Самурай вместо того, чтобы молиться. — У меня нет никакого желания поклоняться этому жалкому худому человеку».

Завзвонили колокольчики. В полной тишине епископ опустил хлеб и, взяв чашу из чистого золота, вознес ее над головой. Это было мгновение, когда вино превратилось в Кровь Господню.

«Только для виду, — повторил Самурай, склонив голову, как сделали все остальные. — Ни во что это я не верю».

Самурай никак не мог понять, чем его все же так влечет к себе этот худой человек с пригвожденными к кресту руками. Раз он принял крещение лишь для виду, ему незачем без конца оправдываться перед собой. Почему он должен испытывать горечь? Почему он должен грустно думать о том, что предал отца, дядю и Рику?

Самурай заморгал глазами и чуть покачал головой, стараясь, чтобы Веласко и крестные отцы не заметили этого. Он пытался преодолеть тоску — все забудется, и не нужно принимать происшедшее так близко к сердцу.

Этим закончился долгий обряд крещения. Когда японцы направились к выходу, их забросали цветами. Веласко переводил поздравления окружающих.

— Пусть вся Япония станет страной Бога!

После обряда крещения каждый день моросил мелкий дождь, увлажняя камни крутых улиц Мадрида. Трое посланников в сопровождении Веласко наносили визиты влиятельным горожанам. В экипаже Веласко без конца твердил, как необходима была их помощь.

Неуютность, которую они испытывали во время визитов, напряжение, царившее за столом, — это бы еще полбеды, хуже было полупрезрительное отношение испанцев к Японии. Самурай и его товарищи чувствовали себя оскорбленными, понимая, что японцев приравнивают к индейцам Новой Испании.

— Мы рады, что члены японской миссии отказались от суеверия, именуемого буддизмом, и языческих богов, уверовав в нашего Господа.

Слыша такие слова, Самурай чувствовал в них спесь богатого, подающего милостыню нищему. Во всяком случае, ему не доставляло удовольствия такое презрение к Будде, в которого верили отец, дядя и Рику.

«Я не христианин, — говорил себе Самурай. — Я не со-

бираюсь поклоняться Христу, которого почитают эти люди».

Однако, приняв крещение, японцы вынуждены были ежедневно ходить к мессе. В холодном сумраке, еще до рассвета, звонили к заутрене, и они со свечами в руках вместе с монахами шли по длинной галерее в часовню. Над алтарем, освещенным тусклым пламенем свечей, раскинул руки жалкий худой человек. Священник служил мессу на латыни, а в конце воздевал над головой хлеб и потир. И каждый раз Самурай думал в этот момент о родине. Вспоминал, как навещал могилы отца и родных на одном из холмов Ято.

«Это не я. Я чувствую совсем другое», — говорил он себе.

— Ты не страдаешь из-за того, что пришлось стать христианином? — тихо спросил как-то Самурай у Ниси после мессы.

Ниси беззаботно засмеялся:

— И служба, и гимны, и органная музыка — все это так удивительно. Когда я слышу церковную музыку, я словно пьянею. Теперь я знаю: понять Запад, не зная христианства, невозможно.

— Значит... — Самурай снова почувствовал любопытство и зависть к молодости Ниси, не ведавшего сомнений и й. — Значит, ты в самом деле хочешь поклоняться ему?

— Поклоняться не хочу. Но... сама месса не вызывает у меня отвращения. Ничего подобного я не видал ни в синтоистских, ни в буддийских храмах.

Веласко торжествовал. Епископы благожелательно отнеслись к крещению японцев, и все громче раздавались голоса, что японскую миссию следует считать официальной. Веласко сообщил посланникам, что в результате этого в самом скором времени будет, видимо, назначен день аудиенции. И послание Его светлости будет принято, а содержащиеся в нем пожелания беспристрастно и благожелательно рассмотрены.

Если все это правда, то в самом скором времени удастся возвратиться на родину. Сердце Самурая переполняла радостная надежда, сродни той, которая обычно появлялась у крестьян Ято после бесконечной зимы, когда начинал таять снег, предвещая наступление долгожданной весны.

— Вам воздастся за то, что вы приняли крещение, — говорил Веласко со своей обычной улыбкой. — Господь вознаграждает тех, кто пребывает в лоне Церкви.

Мадридское духовенство, узнав, что прибывшие с другого конца света японцы приняли христианство, сразу же изменило к ним отношение. Мы каждый день наносим визиты, принимаем поздравления. Дело приняло благоприятный оборот.

Решение Собора епископов будет объявлено в ближайшие дни, и, как полагают дядя и брат, большинство епископов склоняются к тому, чтобы признать японскую миссию официальной, обращаться с посланниками с должным уважением и просить для них аудиенцию у короля. Но тем не менее отец Валенте и иезуиты пока хранят молчание. Не знаю, следует ли расценивать это тревожное молчание как признание собственного поражения.

— Они проиграли! Я склоняю перед тобой голову. — Дядя был в прекрасном расположении духа. — Чем больше препятствий, тем отчаяннее мы сражаемся — такова главная черта нашей семьи, но в тебе она проявилась особенно сильно. Я иногда думаю, что тебе следовало бы заняться политикой.

Он обнял меня за плечи, и у меня стало легче на душе.

— Возможно, я похож на Иакова — одного из учеников Господа, которого прозвали «сыном громовым».

Сегодня после короткого совещания в доме брата Луиса я пешком возвратился в монастырь. Поднимаясь по крутой, мощенной камнем улице, еще мокрой от недавнего дождя, я смотрел на плывущие по небу облака. У обочины сидели на бочках возницы и о чем-то разговаривали. Кроме них, кругом не было ни души, и я, чтобы возблагодарить Господа, по привычке стал перебирать четки.

Вот тогда это и случилось. Мне вдруг почудилось, что откуда-то доносится смех. Захлебывающийся женский смех. Я обернулся — улица была пустыня, возницы куда-то исчезли.

Меня охватило чувство опустошенности, словно все, чего я достиг, рассыпалось в прах. Мне казалось, я воочию убедился, что труды мои напрасны, замыслы бесплодны, все мои мечты — лишь порождение гордыни. Снова послышался захлебывающийся женский смех. Еще более громкий и вызывающий.

Я замер на месте. И посмотрел на небо, по которому плыли серые облака. В них, как мне показалось,

я увидел то, чего не видел никогда. Свое поражение.

И я подумал: не лишил ли меня Господь своей любви, не отвернулся ли от меня?

«Не введи нас во искушение, — молил я. — Ни сейчас, ни в час нашей смерти...»

О бог урожая, добро пожаловать,
Ты вовремя пришел,
Мы кончили работу.
Мы пели громко,
Чтобы ты скорее был с нами.

Танака, Самурай и Ниси сидели в креслах и слушали пение одного из слуг. Со дня отъезда у них еще никогда не было такого прекрасного настроения. До сих пор на их лицах можно было увидеть лишь усталость и разочарование. А теперь они светились радостью. Скоро их миссия успешно завершится, и можно будет подумать о возвращении на родину, уверенно сказал им Веласко, когда они провожали его в здание Суда священной инквизиции.

— Сейчас в наших местах праздник изгнания бед, — улыбнулся всегда хмурый Танака, повернувшись к Ниси. — В этот день все, кто должен остерегаться своего критического возраста¹, раскрашивают лица тушью. Так изгоняются беды, которые ждут их в этом возрасте.

— В нашей деревне тоже есть похожий обычай, — кивнул Ниси. — Юноши жгут соломенные веревки, мешают пепел со снегом, а потом ходят из дома в дом и этой жижей всем подряд мажут лица. Девушки стараются убежать, а потом говорят друг другу: «Цветы распустились. Год будет изобильным» — и устраивают веселую пирушку.

— Хорошо бы через год вернуться в Японию, именно в это время, — сказал Танака, потирая руки и склонив набок голову. — Тогда бы удалось попасть на праздник изгнания бед. Это, конечно, если все пойдет гладко, как обещает Веласко.

— Разумеется, все пойдет гладко, — повернулся Ниси к Танаке. — Сейчас, когда наше желание вернуться на родину вот-вот осуществится, мне, как ни странно, жаль покинуть эту страну. Честно говоря, мне хочется еще пожить здесь, выучить язык, увидеть много интересного, поучиться, и только тогда возвратиться домой.

¹ Критический возраст у мужчин — 25, 42, 60; у женщин — 19, 33, 37 лет. Считается, что в этом возрасте людей ждут несчастья.

— Завидую твоей молодости, — засмеялся Самурай. — Господин Танака и я только и мечтаем о том, чтобы поскорее вернуться на родину, снова насладиться рисом и мисо. Недавно я даже во сне это видел.

В зале Суда священной инквизиции Веласко сел, как и в прошлый раз, рядом с отцом Валенте. Напротив них торжественно, как и в тот день, восседали епископы в черных одеяниях. Зазвонил колокольчик.

Епископ, сидевший в центре, поднялся и, держа в руке желтоватый лист бумаги, зачитал решение Собора епископов.

«Обсудив сообщения, сделанные братом Ордена Иисуса Лопе де Валенте и братом Ордена святого Франциска Луисом Веласко, мы тридцатого января сего года, в соответствии с полномочиями Собора епископов, приняли следующее решение, которое сообщаем заинтересованным лицам и Совету Его королевского величества. Собор епископов рекомендует принять предложение брата Луиса Веласко признать японскую миссию официальной, оказать посланникам прием, соответствующий их положению, выделить средства на их содержание в период пребывания в нашей стране и обеспечить благополучное возвращение на родину. Мы также настоятельно рекомендуем Его королевскому величеству принять японских представителей и с должным вниманием отнестись к посланию, которое будет ими вручено».

Епископ читал решение, запинаясь на каждом слове. Отец Валенте, как и в прошлый раз, сидел опустив голову, время от времени покашливая. Он почему-то слушал с отсутствующим видом, будто все, что говорилось, не имело к нему никакого отношения. Веласко все время хотелось обернуться. Там, на местах для публики, сидели дядя, брат и другие родственники.

«Господи, благодарю теб я, — он сжал руки, лежавшие на коленях. — Благословенны дела Твои. Я нужен Тебе».

Однако он не испытывал бурной радости. Наоборот, ему даже казалось, что только что услышанное решение принято давным-давно и он его предвидел.

— Прежде чем настоящее решение будет окончательно утверждено, мы предлагаем выступить отцу Веласко и отцу Валенте и высказать свои возражения.

Епископ смотрел на них, свертывая бумагу. Его речь была обычной формальностью. В Суда священной инкви-

зиции после такой процедуры никто, как правило, не выражал несогласия.

Отец Валенте медленно поднялся. Епископы с недоумением смотрели, как он вынимает из кармана ряссы сложенный лист бумаги. Приложив руку ко рту и откашлявшись, отец Валенте печально проговорил:

— Прежде чем покорно принять решение Собора епископов, я просил бы дозволения прочесть послание отца Вивело, брата нашего ордена, присланное из Макао неделю назад.

Сидевший на председательском месте епископ принял сложенный лист бумаги и, разгладив его, стал читать про себя. Отец Валенте снова опустился на стул и, склонив голову, закрыл глаза.

Епископ передал письмо сидевшему рядом с ним. Они тихо посоветовались.

— Прошу вашего согласия прочесть это письмо вслух. — Епископ обвел взглядом присутствующих. — Я думаю, оно достойно того.

Он снова поднялся и, с трудом переводя дыхание, запинаясь на каждом слове, стал медленно читать:

— «Сообщаю о переменах в обстановке, сложившейся в Японии. Наши враги англичане клеветают на нашу страну. Король Японии, вняв их злобным речам, готовится к разрыву торговых отношений с Лусоном и Макао; он открыто объявил об установлении торговых отношений с Англией, разрешив им основать торговые фактории на юго-западе Японии, в Хирадо. Далее, правитель Тохоку — северо-восточной Японии, — сравнительно благосклонно относившийся к распространению веры в своих владениях, — тот самый могущественный князь, который направил своих посланцев в Новую Испанию, начал преследование христиан. Согласно полученным нами донесениям, там уже есть мученики веры, хотя их еще немного. По слухам, этот князь делает все для того, чтобы пресечь слухи, будто он намерен выступить против короля Японии».

Веласко услышал смех. Это был тот же самый захлебывающийся женский смех, который он услышал несколько дней назад на мокрой после дождя крутой улице. Смех взмыл в небо, по которому плыли серые облака. Тот же смех он услышал сейчас.

О бог урожая, добро пожаловать,
Ты вовремя пришел,
Мы кончили работу.
Мы пели громко,
Чтобы ты скорее был с нами.

Песня вдруг оборвалась.

В дверях появился Веласко — он был жалок. Взгляды японцев устремились на него.

— Господин Веласко! — радостно вскочил со стула Ниси. — Мы ждем от вас хороших вестей.

Веласко по обыкновению улыбался. Но на этот раз улыбка была грустная и потерянная.

— Уважаемые посланники, — промолвил он еле слышно, — возникло... обстоятельство, о котором я должен вам рассказать.

Самурай пристально посмотрел на него. Чтобы отогнать охватившее его дурное предчувствие, он повернулся к слугам, в почтительной позе сидевшим на полу. Все взгляды были прикованы к Веласко — они почувствовали, что произошло нечто непредвиденное.

— Что случилось, господин Веласко? — спросил Самурай дрожащим голосом.

Сделав знак Ниси, чтобы тот держал себя в руках, он пошел за Веласко, направившимся к двери. Танака двинулся за ними. Втроем они молча проследовали по коридору, слабо освещенному зимним послеполуденным солнцем, и вошли в комнату Веласко. Дверь плотно прикрылась — казалось, она уже никогда не откроется. Из комнаты слуг уже не доносилось ни смеха, ни песен.

В ту ночь в монастыре рано погасили свечи, жилые покои, где поселили японцев, были погружены во тьму; там царила мертвая тишина. В одиннадцать часов по холодным камням мостовой тяжело протопали шаги ночного сторожа в накидке с капюшоном, с жестяным фонарем в руке и огромной связкой ключей у пояса. Дойдя до угла улицы, он, будто что-то вспомнив, прокричал, обращаясь к спящим домам: "Han dado las once y sereno"¹.

ГЛАВА VIII

Пламя свечи, стоявшей на столе, колебалось, и по изможденному лицу Веласко скользили тени. Обычная для него самоуверенность сменилась растерянностью.

— Все наши надежды... — прошептал Веласко, — рассеялись в прах.

Трое посланников обреченно смотрели на трепещущее

¹ Пробыло одиннадцать. Все спокойно (*исп.*).

пламя свечи, готовое вот-вот потухнуть. Оно отчаянно билось, как мотылек, у которого иссякают последние силы.

— Остается только вернуться в Японию.

В ушах Самурая все еще тихо звучала песня в честь бога урожая, которую только что пели слуги. Они пели ее, опьяненные радостью предстоящего возвращения на родину. Скоро они вернутся в Ято. Но теперь положение резко изменилось. В Японии полностью запрещено христианство. Таким образом, сёгун отказался от торговли с Новой Испанией. И возложенная на них миссия, и утомительное путешествие лишились всякого смысла.

Долгое путешествие. Бескрайнее, огромное море. Выжженные равнины Новой Испании. Похожее на сверкающий белый поднос солнце. Голая пустыня, без единого листика — только кактусы и агавы. Продуваемые ветром города. Все эти картины одна за другой возникали перед его глазами, тускнели и постепенно исчезали. Ради чего, ради чего, ради чего? — эти слова как барабанная дробь монотонно звучали в его ушах.

Кюскэ Ниси расплакался. Еще совсем молодой, он плакал от горя и досады, плечи у него тряслись.

— Неужели все наши надежды рассыпались в прах? — тоскливо спросил Танака.

Веласко ничего не ответил. Этот южный варвар тоже пытался побороть свое отчаяние.

— То, что написано в письме, правда?

— Думаю, правда. Ни один падре не пошлет лживого донесения.

— Может быть, он неправильно понял?

— Я тоже так подумал. Но в далеком от Японии Мадриде нет возможности установить истину. Может быть, к Папе, в Рим, поступили иные сведения...

— Я готов ехать хоть в Рим, хоть на край света, — одним духом выпалил Танака.

Веласко отнял руки от лица.

— Вы согласны отправиться в Рим?

— Мне не известны намерения Хасэкуры и Ниси. Но я... но я... не могу с пустыми руками вернуться в Японию. Если суждено было возвращаться ни с чем, то лучше бы вместе с Мацуки сесть на корабль в Новой Испании, — простонал он. — Я поехал в Испанию, хотя путешествие было совсем не легким, помышляя лишь об одном — о возложенной на нас миссии. Нет, с пустыми руками я не могу вернуться в Японию. Я готов ехать... хоть на край света.

Самурай был потрясен словами Танаки. Он знал, как сильно желает этот человек получить назад свои старые владения, знал, что он взял на себя эту миссию, чтобы не обмануть надежды родных. Но Самураю казалось, что только сегодня он понял, насколько всепоглощающим, насколько страстным было это желание. Танака сказал, что готов ехать хоть на край света. А вдруг им не удастся выполнить поручение, куда бы они ни направились, куда бы ни добрались? Неожиданно в душе Самурая, точно огромная птица, мелькнуло тяжелое предчувствие. Если Танака не выполнит возложенную на него миссию, ему, чтобы получить прощение родных, останется лишь одно. Ничего иного такому прямодушному человеку не придумать. Только покончив с собой, он сможет рассчитывать на прощение за то, что не хватило сил выполнить миссию. Он делает харакири. Увидев лицо Танаки, Самурай попытался отогнать от себя мрачные предчувствия.

— А что предпримете вы, господин Хасэкура?

— Если господин Танака поедет, я тоже поеду, — ответил Самурай.

Веласко слабо улыбнулся.

— У меня сейчас странное чувство. До того как отправиться в путешествие и во время самого путешествия я осознавал, что мы с вами идем по разным дорогам. Честно говоря, у меня всегда было ощущение, что я связан с вами одной веревкой. Отныне нас будут поливать одни и те же дожди, продувать одни и те же ветры, мы будем идти плечом к плечу одним и тем же путем. Вот что я почувствовал.

Пламя свечи дрожало, зазвонил колокол, возвещавший, что день закончился. Самурай, закрыв глаза, думал о том, как он скажет слугам, что нужно продолжить путешествие. Ёдзо еще ничего, а вот какие мрачные лица будут у двух остальных — страшно подумать. Милый сердцу пейзаж Ято, запах родного очага, лица жены и детей уходили вдаль, будто уносимые отливом.

«Но завтра все равно придется им все сказать. А сегодня лягу спать и постараюсь забыть обо всем. Я очень устал».

Самурай снова видел сон о Ято. Сон, в котором те самые белые птицы летали в зимнем, покрытом облаками небе. Сделав огромный круг, они стали медленно опускаться на озеро. Ёдзо проворно вскинул ружье. Самурай не успел остановить его. Оглушительный выстрел разнесся по голому лесу, одна из птиц вздрогнула, закружилась и кам-

нем полетела вниз. Вдыхая запах пороха, Самурай сердито посмотрел на Ёдзо. Он хотел сказать, что тот напрасно загубил птицу, но сдержался. Зачем он ее убил? Ведь ей, как и им, предстояло возвращаться на далекую родину...

Мы с японцами похожи на кочевников, которые бродят по миру в поисках пристанища. Похожи мы и на путников, ищущих в кромешной ночной тьме огонек человеческого жилья. «Сын человеческий не имеет где преклонить голову» — эти слова Господа все время, с того дня, как мы покинули Мадрид, живут в моей душе.

После решения Собора епископов все разом переменилось — люди стали относиться к нам холодно. Теперь уже никто не приглашал, никто не посещал нас. Даже настоятель монастыря, где мы жили, отправил епископу петицию, что пребывание японцев в монастыре нарушает уклад монастырской жизни.

Только дядя и его семья еще заботились о нас. И, как ни странно, нашим другом стал один вельможа, раньше державшийся с нами весьма холодно. Его возмутило, что христиане-испанцы с таким безразличием относятся к японцам, принявшим ту же веру, и обратился к одному из могущественнейших людей в Риме — кардиналу Боргезе с просьбой оказать нам помощь. Дяде удалось подыскать для нас небольшое парусное судно, которое отплывало из Барселоны в Италию, и дать нам на дорожные расходы две тысячи дукатов, правда, при этом он поставил одно условие. Если Ватикан не удовлетворит просьбу японцев, я обещаю отказаться от своих планов и стану вести тихую жизнь настоятеля в каком-нибудь монастыре в Новой Испании или на Филиппинах.

Выехав из зимнего Мадрида, мы миновали безжизненную равнину Гвадалахара и направились в Барселону через Сарагосу и Серверу.

Дул холодный пронизывающий ветер. Видя, как японцы безропотно продолжают путешествие, я почувствовал, что боль, смешанная с раскаянием и угрызениями совести, разрывает мою душу. А бесстрастные лица посланников, на которых не отражалось никаких эмоций, наоборот, наводили на меня еще большую тоску. Я даже ощущал себя одним из

лжепророков израильских, который повел за собой народ в бесцельное, бессмысленное путешествие. Я не был уверен, что, когда мы прибудем в Рим, Папа примет нас и удовлетворит наши просьбы. И японцы, и я шли вперед, уповая лишь на чудо.

Мы были опустошены. И, словно кочевники, стремясь к неведомому источнику, день изо дня брели по выжженной пустыне. Они никогда не признаются даже себе, но в глубине души понимают, что князь и Совет старейшин, которым они безоговорочно верили, предали их. Так же и я страдал оттого, что Господь покинул меня и развеял в прах мои мечты. Известно, что между преданными и покинутыми рано или поздно возникает близость, они должны утешать друг друга, врачевать друг другу раны. Вот и я почувствовал духовную общность с японцами. Мне показалось, что между мной и посланниками родилось настоящее единство, которого раньше не было. До этого я пускался на разные хитрости, манипулировал ими для своих тайных целей, пользовался их беспомощностью — незнанием языка и полным неведением, что их ждет. Они тоже иногда пытались использовать меня для выполнения своей миссии. Помоему, теперь отчужденность, существовавшая между нами, исчезла.

Но неужели Господь в самом деле покинул меня? Глядя на расстилавшееся надо мной серое небо, я подумал об одиночестве, которое испытывал сам Иисус, покинутый Богом-отцом. Господа нашего тоже не прославляли и не возносили. А ведь он ходил за Иордан, обошел пределы Тирские и Сидонские, преследуемый людским неверием и насмешками. «И сегодня, и завтра, и на следующий день, — горько шептал, наверное, тогда Господь, — я должен идти». Раньше мысли об этом не волновали меня, но теперь, направляясь с японцами в Барселону, я всю дорогу думал, как было грустно тогда Христу.

И сегодня, и завтра, и на следующий день я должен идти. Но как японцы преодолеют свое отчаяние? Их наивная радость испарилась, они вынуждены предпринять новое долгое путешествие, посетить еще одну неведомую им страну. Ничего удивительного, что японцы разочарованы во мне, а может быть, даже ненавидят меня. Но они ни словом не обмолвились об этом. Я без конца укорял себя, видя, как они без

улыбок, лишь изредка перебрасываясь редкими словами, следуют за мной. В таком настроении мы прибыли в барселонский порт, сели на небольшое парусное судно и вышли в море — лил ледяной дождь.

На второй день после отплытия буря заставила нас укрыться во французском порту Сен-Тропез. Жители этого городка, пораженные экзотическим видом японцев, которых они еще никогда не встречали, тепло встретили нас и приютили в усадьбе местного землевладельца. Не в силах одолеть доброжелательное любопытство, владелец поместья, его жена и горожане весь день следили за каждым шагом японцев. Они касались одежды посланников, осматривали мечи и находили в них сходство с турецкими ятаганами. Чтобы позабавить собравшихся, Ниси, положив лист бумаги на лезвие меча, легким движением перерезал его пополам — все были потрясены. Дождавшись окончания бури, мы покинули Сен-Тропез, но в те два дня, которые нам пришлось там провести, на мрачных лицах японцев стали появляться, как солнце зимой, мимолетные улыбки.

Однако, когда городок скрылся из виду и перед нами снова раскинулось Средиземное море, сидевшие на палубе японцы опять помрачнели. Особенно Хасэкура, стоявший поодаль от остальных и молча смотревший на море; глядя на него, я понял всю глубину его безнадежности. Так обычно ведут себя японцы, когда смиряются с судьбой и принимают ее как неизбежность.

— Никто не знает, что будет завтра, — сказал я ему. — Может ли кто-нибудь утверждать, что, когда мы прибудем в Рим, положение не изменится к лучшему — так же как после дождя неожиданно выглядывает солнце? Я никогда не теряю надежды. Не теряю до последней минуты. Мы не можем проникнуть в промысел Божий, — тихо повторял я, вглядываясь в горизонт.

Этим я пытался подбодрить не Хасэкуру, а свою истрадавшую душу. По правде говоря, я сам уже не мог постичь промысел Божий. Я не понимал, хочет Он или нет, чтобы я нес Его Слово в Японию. Единственное, что я должен всегда помнить, — Божья воля неведома человеку. То, что нам кажется крахом, может оказаться краугольным камнем будущего успеха. Я повторял себе это в ежевечерней молит-

ве. Но мне не удавалось успокоить свое сердце, наполнить его надеждой.

«Боже, — взывал я из глубины души, — ответь мне. Неужели Ты хочешь, чтобы я отказался от Японии? Или Ты позволяешь мне до конца не терять надежды? Только это я и хочу знать».

Но ответом мне было молчание. В глубокой тьме Всевышний молчал. Временами слышался лишь смех. Захлебывающийся женский смех.

Бог — центр мироздания. Он творит свою историю, превосходящую хитросплетения истории человечества. Я знаю это прекрасно. Однако в его истории не было моих планов, моих мечтаний — не было самой Японии. Неужели я только мешаю ему?

Но даже Господь в своей жизни не раз испытал отчаяние, как сейчас я. На кресте он возопил: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты меня оставил?», так же как я сейчас, не сумев понять воли Бога. Но прежде чем испустить дух, он сумел превозмочь отчаяние. «Отче! В руки Твои предаю дух Мой», — обратился он к Богу с верой в Него. Я верю в это. И я хочу стать таким же.

— Господин Веласко, — обратился ко мне Хасэкура, прервав мои мысли. Голос его прерывался, как у грешника, который на исповеди открывает священнику страшную тайну. — Я давно хотел вас спросить... Если в Риме наши надежды не оправдаются, вы останетесь жить в Испании?

— Я... я вместе с вами вернусь в Японию. У меня теперь нет другой страны, кроме Японии. Япония для меня роднее страны, в которой я вырос. — Слова «для меня роднее» я подчеркнул особенно. — Я буду с вами до конца.

— Господин Веласко, вы, по-видимому, не придали значения моим словам? Что будет, если наши надежды в Риме рассеются в прах? — Хасэкура выложил то, что тяжелым грузом лежало на его сердце. — Тогда господин Танака... сделает себе характер. — Желая прервать разговор, он умолк, снова уставившись в серое море.

— Он христианин, — сказал я дрожащим голосом. — А Господь запрещает лишать себя жизни, которую Он нам даровал.

— Мы приняли христианство не от чистого сердца. Мы стали христианами не по собственной воле,

только ради выполнения долга, ради Его светлости.

Хасэкура был непривычно холоден. Я даже подумал, что он мстит мне.

— Зачем ему делать себе харакири? Это совершенно бессмысленно.

— Для господина Танаки это единственная возможность избежать позора. Как он покажется на глаза своим родным?

— О каком позоре вы говорите?! Я своими глазами видел, какие трудности всем вам пришлось одолеть, чтобы выполнить возложенную на вас миссию. И как свидетель могу подтвердить это господину Сираиси и Совету старейшин.

— Господин Веласко, — вздохнул Хасэкура, — вы просто плохо знаете японцев.

После ухода Хасэкуры я остался на палубе — с настроением еще мрачнее, чем темное море. Танака о чем-то беседовал со слугами. В его лице не было и намека на готовность совершить то, о чем только что говорил Хасэкура.

Через два дня после отплытия из Сен-Тропеза к вечеру вдали показалась Генуя. Это был залитый солнцем белый город, обрамленный горами. Посреди него высился древний серый замок. Указывая на город пальцем, я рассказывал посланникам и их слугам, что в нем родился Христофор Колумб, который бороздил моря в поисках золотой страны на Востоке, а на самом деле «золотая страна» — это Япония.

Вот она Генуя, лишь часть которой ярко освещена послеполуденным солнцем. Облокотившись о поручни, я, как Колумб, подумал о «золотой стране». Для Колумба это была страна сокровищ таинственного Востока, которую он должен был покорить, а для меня страной сокровищ была островная страна, где я должен посеять семена веры. Колумб искал «золотую страну», но так и не смог найти, а меня «золотая страна» отвергла.

«О Япония, как же ты сурова. Ты способна лишь отнимать, но не даровать».

В течение пяти дней мы плыли на юг вдоль итальянского побережья и подошли наконец к Чивитавеккье, морскому порту недалеко от Рима. Вошли в него ночью. Моросил дождь. На блестящем от

дождя причале, укутанном туманом, виднелись тени — нас терпеливо ожидало несколько человек с фонарями в руках и четыре экипажа. Их прислал кардинал Боргезе. Судя по тону приветствия, вежливому, но довольно холодному, я мог представить себе степень их замешательства. Нас разместили в принадлежащем кардиналу замке Санта-Севера, но там обращались с нами совсем не как с посланниками иностранного государства.

Было ясно, какого рода письма, какого рода указания относительно нас поступили из Мадрида. Ночами я почти не спал, обдумывая происходящее.

«Японские посланники держались скромно и почтительно. Они низкорослые, лица загорелые. У Танаки, Хасэкуры и Ниси короткие приплюснутые носы; волосы собраны в пучки белой лентой. По их объяснениям, это знак достоинства японского рыцаря. Выходя из замка, они облачались в бордовые японские платья, а в обычные дни носили монашеские рясы с маленькими воротничками и испанские шляпы. Опясывающие их мечи — большой и маленький — очень остры и чуть изогнуты. Во время еды они ловко пользовались двумя палочками и больше всего любили капустный суп с луком». (Из записок вдовы Косто из Генуи.)

То же недоверие, с которым на нас смотрели в Мадриде. Повторение тех же вопросов и тех же ответов. Последние несколько дней здесь, в Чивитавеккье, со мной беседовали секретарь кардинала Боргезе отец Коссудакудо и монсеньор дон Пабло алла Леоне. Наши мнения не совпадали ни в чем. Они заявляли, что распространение веры в Японии в настоящее время обречено на неудачу, посылка миссионеров туда невозможна; я же настаивал на том, что надежда еще не угасла, что успех дела зависит от предоставления японцам торговых выгод, что мы должны продемонстрировать отсутствие у нас недобрых намерений. Тогда они заявили, что Ватикан не вмешивается в политику королей и что даже Его святейшество Папа не может попрасть решения испанского монарха. На это я резко возра-

зил, что речь идет о распространении веры, и Папа не может отвернуться от японских христиан, оставшихся сейчас без пастыря.

Не знавшие языка посланники, конечно, не участвовали в наших дискуссиях и в холодном замке Санта-Севера выслушивали от меня отчет о происходящем. Мои самые оптимистические слова и предположения были бессильны вызвать улыбки на мрачных лицах Танаки, Хасэкуры и Ниси. Ничего удивительного. Слишком много раз их постигало разочарование. Ниси заболел. Даже он, всегда такой оживленный, не в пример остальным, любознательный, не мог побороть усталость души и тела. Я тоже был измотан до последней степени. Глядя на совсем детское лицо спящего Ниси, я подумал: будь что будет.

Нужно было ждать еще дня два-три, пока кардинал Боргезе примет решение. На пятый день я был приглашен к кардиналу на его виллу Полидоро. Мысль о том, что я предстану перед знаменитым кардиналом, самым влиятельным человеком в Ватикане, да еще и племянником папы Павла V, буквально парализовала меня; но в то же время я надеялся: а вдруг этот человек поймет, как я люблю Японию, поймет важность распространения веры в этой стране, — надежда была, правда, очень слабой, но она придавала мне силы.

Кардинал, в мантии и красной шапочке, ждал меня в кабинете, откуда открывался вид на тщательно ухоженный сад и пруд, где плавали утки. Я умышленно явился в выцветшей за долгое путешествие монашеской сутане. Чего мне было стыдиться? Так же как грязная, изодранная военная одежда указывает, что солдат побывал в кровопролитном бою, моя простая, потрепанная сутана, считал я, продемонстрирует трудности распространения веры в Японии, чего не пришлось испытать высшему духовенству Рима. Поэтому, встав перед ним на колени и почтительно поцеловав перстень на его руке, я вызывающе вскинул голову.

— Встань, сын мой.

Кардинал Боргезе сделал вид, что не заметил моего вызова. Он внимательно следил за мной, пока я поднимался, и заговорил спокойно и тихо, будто сам с собой.

— Ватикан всегда стремится к справедливости.

Мы полагаем, что нам известно, сколь трудное сражение за распространение веры в Японии вел ты и твой орден, во всяком случае, мы не принимаем безоговорочно наветов и нападок, которым ты подвергался лично.

Взмахнув рукавом мантии, он, чтобы продемонстрировать свое расположение, положил мне на плечо большую теплую руку. И, как мне показалось, ждал моего ответа.

— Мы горячо молились о том, чтобы ваши усилия в Японии принесли плоды. Именно мы в первую очередь молились о том, чтобы свет веры воссиял над Японией. — Кардинал умолк и внимательно посмотрел на меня карими глазами. — Но сейчас я хочу сказать тебе: будь терпелив. Я призываю тебя к терпению.

В какое-то мгновение я был готов поддаться его обаянию. В этих карих глазах, в голосе были отцовская грусть и любовь — кардинал прекрасно знал, какое впечатление на собеседника производит его игра. Но я сразу же догадался, что кардинал Боргезе не столько священнослужитель, сколько хитрый политик.

— Я хочу, чтобы ты понял, — уговаривал кардинал, не отнимая руки от моего плеча, — Ватикан не будет поощрять отправку миссионеров в страну, где преследуют христиан. Ведь и полководец никогда не пошлет солдат на бессмысленную смерть, зная, что на поле брани их ждет бесспорное поражение...

— Нет. — Я справился с душевным смятением. — Ваше высокопреосвященство, я убежден, что Япония не то поле боя, где нельзя надеяться на победу. Распространение веры в Японии не идет так, как нам бы хотелось, только из-за ошибок иезуитов. Кардинал улыбнулся.

— Ваше высокопреосвященство, миссионеры — не солдаты. Смерть солдат может быть бессмысленной, гибель миссионеров сеет в людях незримые семена. К вящей славе Господней.

— Ты прав. Апостол Петр, приняв мученическую кончину, тоже посеял в сердцах людей невидимые семена.

— И Господь не страшился смерти на Голгофе.

— Ты прав. — Кардинал несколько раз повто-

рил: — Ты прав. — Но вдруг улыбка исчезла с его лица, и оно посуровело. — Однако... мы живем в другие времена. Сын мой, мы — могучая организация. Мы ответственны перед христианскими государствами и народами. И потому обязаны сохранить порядок и обеспечить безопасность верующим в христианских странах.

— Но ведь и в Японии есть верующие. Ради того чтобы не угас огонек веры, иные христиане бросают дома, бросают имущество и скрываются в рудниках, в лесах.

Я вспомнил лицо того человека, который когда-то в Огацу робко попросил исповедовать его. Жив он сейчас или умер? Но я обязан и ради этого человека сказать кардиналу то, что должен сказать.

— У этих верующих теперь нет даже церкви. Нет и миссионеров, которые бы воодушевляли их, вселяли в них силу. Если Ватикан — мать, оберегающая своих верующих, неужели же у них нет права припасть к ее груди? Не напоминают ли они вам того агнца, отбившегося от стада, о котором сказано в Священном писании?

— Если ради отбившегося агнца подвергаешь опасности все стадо..., — грустно проговорил кардинал, — пастух вынужден покинуть агнца.

— Это напоминает мне слова первосвященника Каиафы. Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб. Именно так говорил в то далекое время Каиафа.

Да, для первосвященника Каиафы самым важным было сохранение порядка и спокойствия. И ради этого он принес в жертву Господа нашего Иисуса.

Кардинал отвернулся от меня. В красной шапочке, широкой мантии, он долго молчал. Я почувствовал, что вызвал гнев этого влиятельнейшего человека в Ватикане. Но отступить мне было некуда. Слишком упорно требует мир порядка и спокойствия.

— Ты прав. — Когда кардинал повернулся ко мне, на его лице уже не было гнева, а лишь усталость и печаль. — Сын мой, мне бы не хотелось защищать первосвященника Каиафу. Однако в то время у Иисуса были только ученики, а за Каиафой стояли общины. Человеку в положении Каиафы приходится ради защиты большинства покидать одного человека. Мы веруем в Господа, но за нами — ордены и сама

Церковь. Мы вынуждены поступать так, как поступал первосвященник Каиафа.

Я слушал не шелохнувшись. Мне и в голову не могло прийти, что услышу такое из уст самого кардинала. Грустно потупившись, он сказал тихим голосом, будто про себя:

— Я всегда... страдал от этого.

— Неужели в этом и заключается справедливость?

— Да.

— Ватикан всегда так поступает?

— Это неизвестно даже мне. Но именно я вынужден занять позицию Каиафы. Однако... не хотелось, чтобы вы думали, будто сердце мое не гложет печаль и горечь. Но кто-то должен взять на себя такую муку.

Кардинал поднял голову. Лицо, еще совсем недавно такое самоуверенное, стало жалким. Я не знал, что ему сказать, — меня все еще одолевало сомнение в его искренности. Никогда не думал, что кардинал может так открыто выражать свои чувства.

— Я, разумеется, знаю, что это противоречит учению Господа о любви к ближнему. Другие меня осудят. Но я свое мнение не изменю.

— Почему? Почему вы настаиваете на том, что противоречит учению Господа о любви к ближнему?

Я был очень взволнован и забыл, что предомной кардинал.

Кардинал с недоумением смотрел на меня, человека, потерявшего голову. Он погладил крест, висевший на груди, потом заговорил:

— Сын мой, неужели ты думаешь, что разрешить все мучительные вопросы можно лишь с помощью любви?

— Но Иисус учил любви.

— За это он и погиб. Как это ни печально, мы не можем не считаться с политикой. Ватикан не должен использовать средства, которые могут ослабить католические страны.

— Какое же это имеет отношение к распространению веры в Японии?

— Протестантские Англия и Голландия тоже стремятся в Японию. Именно поэтому нельзя допустить, чтобы в Японии питали неприязнь к католическим странам Испании и Португалии. Я считаю,

что для нас выгоднее, не раздражая правителей Японии, выждать некоторое время. Ватикан обязан, сопротивляясь протестантам, оберегать католические государства. Сын мой, пойми. Я всегда буду молиться за тебя и за Японию.

Низко поклонившись, я вышел из комнаты. Кардинал, отвернувшись от меня, смотрел в окно. Не знаю, о чем он думал в это время.

Японцы покинули замок Санта-Севера, стены которого, загаженные голубями, почернели от дождя и ветра. Поддерживая выздоравливающего Ниси, они медленно спустились на равнину. Самурай, возглавлявший шествие вместе с Танакой и Веласко, беспокоясь о своем молодом товарище, то и дело оглядывался и терпеливо дожидался отстающих. Во время путешествия по Новой Испании японцы, несмотря на нещадно палившее солнце, энергично продвигались вперед, воодушевленные надеждой, но сейчас, когда надежда рухнула, они едва волочили ноги. Ни один из них даже и не помышлял о том, что в Риме всем их невзгодам придет конец. Они прекрасно понимали, что, куда бы ни направились — в Рим или какое-то другое место, — путешествие их бессмысленно. Но в то же время они должны были довести это бесцельное путешествие до конца. Иначе они не смогут вернуться на родину. Путешествие, ведшее их от одной иллюзии к другой, близилось к концу.

Уже наступила весна. Обрамлявшие поля миндальные деревья были покрыты розовыми цветами. Оторвавшись от работы, крестьяне удивленно смотрели на необычную процессию. Они, видимо, принимали японцев в длинных одеждах наподобие арабских, с широкими поясами и с пучками, завязанными на затылке, за гостей тропических стран.

Ни белые цветы яблонь, ни пение птиц не трогали сердце Самурая. Он бы сейчас не смог наслаждаться даже весной в Ято. Погоняя лошадь, он следовал за Веласко. Интересно, сколько еще раз этот человек предаст их? Вселяемые им надежды всегда рассыпались в прах. Он внашал все новые и новые иллюзии, и они продолжали путешествие. Но измученное сердце Самурая было уже неспособно ненавидеть этого миссионера. Ему даже казалось — и Веласко, и сам он одинаково нуждаются в сочувствии.

Всякий раз, когда они проезжали деревню, их испуган-

но провожали глазами собравшиеся на обочине жители; солнце било прямо в глаза, но японцы двигались вперед, не обращая ни на что внимания. Они напоминали похоронную процессию.

Вечером, как это бывает обычно весной, пошел дождь, а когда он прекратился, они уже взобрались на вершину Старой башни. Вечный город был затянут дымкой: внизу сонно извивался Тибр, вдали виднелся холм Пинций, окруженный светло-зеленой рощей, беспорядочно теснились коричневые дома, небо пронзали шпили множества соборов.

Придержав лошадь, Веласко, словно исполняя долг, стал показывать: вон Колизей, вон Форум, — но японцы слушали его без всякого интереса и даже не кивали в ответ.

— А там — Ватикан, резиденция Папы.

Между коричневыми строениями виднелся белый купол, по круглой площади, точно муравьи, сновали люди. Японцы угрюмо молчали, казалось, они провели бессонную ночь и мечтали об одном — как бы выспаться.

Наконец они вступили в Рим. Они шли по мокрым после дождя мощенным камнем улицам, а вслед бежали дети. Вскоре к ним присоединились и любопытные взрослые. Японцы поднялись по длинной капитолийской лестнице и скрылись в аббатстве Ара-Цели. И уже не показывались оттуда. Люди распустили слух, что это прибыло посольство из Венгрии.

В течение Страстной недели Рим, усердно поливаемый весенними дождями, ждал Пасхи. В церквах в знак скорби алтари были задрапированы пурпурной материей, свечи потушены; в соборах служили молебны о воскресении Иисуса. Множество свечей горело лишь вокруг изображения Девы Марии, по вечерам в храмах собирались мужчины и женщины, чтобы помолиться об искуплении грехов. Но не было ни одного человека, кто бы видел, что из монастыря Ара-Цели выходили японцы.

В пасхальное утро, еще в предрассветных сумерках, на площади Святого Петра в Ватикане начали собираться толпы людей. Это были пришедшие издалека паломники и монахи. Они толпились у собора, терпеливо чего-то ожидая. Окутанные молочно-белым туманом, преодолевая пронизывающий утренний холод, паломники тихо молились. К тому времени, когда туман рассеялся, вся площадь оказалась заполненной до отказа, а на каменной лестнице

в ряд выстроились рослые гвардейцы в красных мундирах и серебряных шлемах, с пиками в руках.

В восемь часов ударил большой колокол. По этому сигналу зазвонили колокола во всех соборах Рима. Начался праздник Пасхи. У площади Святого Петра скопилось множество роскошных карет римских вельмож, приглашенных к торжественной службе. Они пробирались сквозь толпу и один за другим скрывались в дверях собора.

Незадолго до девяти часов правая и левая двери базилики распахнулись, монахи и паломники, собравшиеся у лестницы, отталкивая друг друга, ринулись вперед. Они тоже удостаются благословения Папы. Гвардейцы пиками сдерживали рвущуюся толпу, пытаясь навести порядок. Оставшиеся на площади должны были встать на колени прямо на мостовую.

Огромная базилика, разделенная внутри мраморной колоннадой, была набита битком — яблоку негде упасть. Кардиналы в митрах, украшенных золотом, сели у центрального алтаря и молча ждали выхода Папы. Золотой алтарь, до вчерашнего дня задрапированный пурпурной тканью, сегодня украшало множество серебряных подсвечников с горящими свечами. Кардинал Боргезе, возвышаясь над остальными, смотрел на замершую в молчании колена-преклоненную толпу. Но вот у входа в собор началось движение. Распахнулись центральные двери, через которые должен был появиться Папа. Зазвучал орган, и церковный хор запел: "Vidi aquam"¹. «Pontifice nostro, Pontifice nostro!»² — послышалось из дальнего конца собора, потом слова эти подхватил весь собор, они выплеснулись в толпу, стоявшую на площади, и слились в могучий возглас: «Pontifice nostro, Pontifice nostro!»

В этот момент точно корабль, рассекающий волны, возник папа Павел V. Он восседал в паланкине, который несли священнослужители, облаченный в белую мантию и тиару, подняв руку в знак благословения. Благословляя расступаящихся, склоненных верующих, он медленно продвигался в людском море к собору святого Петра.

"Oremus pro Pontifice nostro!"³ — хором провозгласили монахи, собравшиеся группой в этом людском море. Грязь, облепившая их монашеские рясы, свидетельствовала, что на празднование они прибыли издалека.

¹ Увидел я воду (лат.).

² Понтифик наш! (лат.).

³ Помолимся за понтифика! (лат.).

Папа повернулся в их сторону и осенил крестным знаменем. Увидев это, толпа пришла в движение. Жаждавшие благословения стали прорываться сквозь толпу, пытаясь приблизиться хоть на шаг к паланкину. Но паланкин Папы, плывший как корабль по морю, отесняя назойливых, продвигался к храму. Он медленно проплыл по ступеням базилики, и гвардейцы в красных мундирах сомкнулись, сдерживая рвущихся к Папе паломников. Центральные двери собора святого Петра проглотили паланкин.

В тот момент под огромными сводами собора лавиной прокатились могучие звуки хора, только и ждавшего появления Папы. Мощные басы неслись к куполу, отражаясь от стен.

Alleluia, Alleluia!
Confitemini Domino².

Когда паланкин проплывал по проходу между колена-преклоненными вельможами, священнослужителями и паломниками, молящиеся, чтобы узреть благословляющую руку Папы, простертую из белоснежных одежд, поднимали головы и сразу же опускали — точно колышущиеся колосья на пшеничном поле. Двенадцать кардиналов, символизирующие апостолов, стоя в первом ряду, встречали приближающийся паланкин, пламя свечей в десятках серебряных подсвечников на алтаре колебалось, все ждали начала торжественной службы, которую должен был служить Папа Павел V.

Вдруг слева от прохода несколько человек вскочили, подбежали к самому паланкину, и один из них прокричал какие-то непонятные слова — люди, заполнившие собор, ничего не поняли.

Папа поднял было руку, чтобы благословить их, но его остановили напряженные взгляды этих троих. Папа обратил внимание на то, что лица у них смуглые, как у арабов, носы маленькие и волосы собраны сзади в тугой пучок.

Он понял, что они с Востока. Но не знал, из какой страны. Они были в длинных одеждах, доходивших до пят, на ногах — необычные белые носки и не менее странные сандалии. Папа догадался, что один из них обращается к нему с какой-то просьбой, но не мог понять с какой.

¹ Господь да сохранит его (лат.).

² Аллилуйя, аллилуйя! Исповедуйтесь Господу (лат.).

— Мы японцы, — в беспамятстве кричал Танака. — Мы пересекли море, мы посланники из Японии.

Трое монахов пытались оттащить их от паланкина, но они упирались изо всех сил, и сдвинуть их с места было невозможно.

— Пожалуйста!.. — японцы вдруг лишились дара речи. Они смотрели на Папу, не в силах побороть охватившего их волнения. У них на языке вертелось слово «петиция», но выговорить его они были не в состоянии. Единственное, что они еще могли, — это плакать. Слезы лились по их смуглым щекам.

— Пожалуйста...

Монахи, убедившись, что трое восточных людей, которых они удерживали за плечи, стоят неподвижно, благоговейно склонив головы, отпустили их. Они поняли, что это не безумцы и что у них нет враждебных намерений.

Папа вопрошающе посмотрел вокруг, ища помощи среди тех, кто стоял на коленях. Он понимал, что чужеземцы о чем-то умоляют его. И хотел услышать, в чем состоит их просьба.

Веласко, стоявший в толпе, перехватил взгляд Папы, но не двинулся с места. И не произнес ни слова. Среди тех, кто заполнил собор, он один знал японский язык. Он один понял, что выкрикивали трое. Но что-то мешало ему подойти ближе, и единственное, на что он был способен, — неотрывно смотреть на дородного, невозмутимого Папу. На старика в белой мантии, с поднятой рукой, украшенной драгоценным перстнем. В душе Веласко звучал голос:

«Никому из вас не понять горя этих японцев. Никому из вас не понять моего горя, горя человека, сражавшегося в Японии».

Чувство, похожее на жажду мести, замкнуло его уста.

Понимая, что никто из присутствующих не объяснит, чего просят эти люди, Папа с грустью смотрел на них. Верующие всего мира ждали литургии, и ради этих людей с Востока папа не мог прервать церемонию. Ради одного агнца нельзя покидать все стадо. Он тихо приказал следовать дальше.

— Пожалуйста!.., — закричали ему вслед Танака, Самурай и Ниси.

Но паланкин удалялся. Папа, приветливо улыбаясь, осенял крестным знаменем молящихся. Каждый поднимал голову и тут же опускал ее. Перед алтарем кардинал Боргезе, склонившись, приветствовал паланкин...

В небольшой затемненной комнате собора святого Петра Веласко ждал кардинала Боргезе. Он не просил об этой встрече, его пригласил сам кардинал.

Комната, как и все остальные в этом помещении, была холодной и неудобной. Пол мраморный, на потолке — фреска, изображающая архангела Михаила с огромными крыльями и копьем в руке, но ей недоставало выразительности Микеланджело, а кроме того, она вся растрескалась.

Веласко не понимал, зачем он понадобился кардиналу. По Риму уже разнесся слух о бестактном поведении японских посланников, и, вполне вероятно, на него решили возложить всю ответственность за это, как на духовное лицо.

«Но разве бы я мог остановить их тогда?..»

Веласко, знавший лучше других, какие невероятные страдания выпали на долю японцев, не мог заставить себя выскочить из толпы и удержать их от выкриков. Ему самому хотелось вместе с ними воззвать к Папе. Хотелось высказать все свои горькие мысли. Хотя и оправданий не было, в глубине души он не чувствовал за собой никакой вины.

Вдали послышались шаги. В сопровождении молодого и, видимо, очень исполнительного священника в комнату устало вошел кардинал в красной шапочке и просторной мантии и сразу сел.

— Я понимаю, почему вы приказали мне явиться сегодня к вам, — извиняющимся тоном начал Веласко, склоняясь к холеной большой руке, протянутой ему кардиналом. — Бестактное поведение японцев — моя вина. Но, зная о страданиях, выпавших на их долю, я...

— Я пригласил тебя не для того, чтобы укорять, — прервал его кардинал. — Его святейшество Папа, узнав от меня о том, что произошло, выразил им свое глубокое сочувствие.

Веласко молчал, потупившись. Ему не нужны были сочувствие или сострадание. И посланники, и он сам прибыли сюда из Японии, с другого конца света, проделав долгий и трудный путь не ради сочувствия Папы.

— Я позвал тебя, — кардинал с грустью посмотрел на Веласко, — вот для чего. Если у тебя еще тлеет хоть малейшая надежда, я хочу, чтобы ты оставил ее.

— Я понял это еще раньше из ваших слов... и отбросил надежду. — Веласко почувствовал, что в его голосе проskalывают нотки протеста.

— Нет, ты еще не отказался от надежды, — сказал,

помрачнев, кардинал. — Это потому, что тебе не все ведомо.

Услыхав эти слова, священник, секретарь кардинала, протянул ему листок бумаги.

— Это письмо правителя Филиппин, полученное Ватиканом два дня назад. Прочти.

Взяв пожелтевший листок бумаги, Веласко устремил взгляд на пляшущие буквы. Пока он читал, кардинал молча потирал руки.

— Ты должен оставить свои надежды. Как сказано в этом письме, король Японии начал решительно изгонять из страны всех проповедников и монахов. Миссионерам строжайше запрещено ступать на японскую землю. И ты, и японские посланники... должны оставить надежды.

Письмо — официальный документ — датировано ноябрем 1614 года. «Губернатор Хуан де Сильва», — плясали в конце письма буковки, напоминавшие маленьких человечков. Закрыв глаза, Веласко, как ни странно, смог сохранить невозмутимость. Перед его мысленным взором возникла картина, как принимали решение на Соборе епископов, как председатель, похожий на черного грифа, читал Веласко письмо из Макао.

— Ватикан не хочет дальнейшего риска. Ватикан не может рекомендовать Испании и Португалии торговать с Японией, которая полностью запретила христианство и преследует верующих. В этих условиях послание, которое привезла японская миссия, лишено всякого смысла.

«Господи, да свершится воля Твоя, — Веласко попытался вспомнить молитву. — Если такова Твоя воля, я подчиняюсь. В Твоей истории нет моих замыслов. Я это ясно осознал».

Послышался смех. Захлебывающийся женский смех слышался издалека, из далекого далека.

— Они не переживут этого. — Слова сорвались с губ Веласко, как стекает лекарство с губ обессилевшего больного. — Когда узнают о том, что вы сказали, они умрут, — сказал он, обращаясь к кардиналу, подозрительно смотрящему на него. — Я думаю, у них не будет иного выхода.

— Почему? — В голосе кардинала слышалось не столько удивление, сколько раздражение. — Почему они должны это сделать?

— Они самураи. А японских самураев учат, что, потеряв честь, самурай обязан умереть.

— Они выполнили свой долг. К тому же христианам запрещено самоубийство.

Веласко с отвращением смотрел в лицо ничего не понимающего кардинала. Ненависть переполняла его и заставила прибегнуть к угрозе.

— Ватикан будет повинен в их смерти. Вы заставите их совершить самый тяжкий для христианина грех — покончить с жизнью.

— Ты бы не мог предотвратить это?

— Я... теперь уже не знаю, — покачал головой Веласко. — Только если вы... сможете сохранить им честь.

— Чего же ты хочешь?

— Я прошу аудиенции у Папы. Прошу, чтобы он отнесся к японцам как к посланникам...

— Даже если он примет их, пожелания японцев не смогут быть выполнены. Наша политика определена окончательно.

— Я не имею в виду выполнения пожеланий. Но японцы такие... жалкие. Единственное, о чем я прошу, — во имя их достоинства, во имя их чести дать им хотя бы аудиенцию... — На выцветшую монашескую рясу Веласко закапали слезы. — Я прошу... только об этом.

Настал день, когда Папа должен был принять японских посланников. Прослушав монастырскую мессу и позавтракав, они с помощью слуг облачились в привезенные с собой парадные одежды.

Экипаж, присланный кардиналом, уже ждал их у ворот монастыря. Поскольку аудиенция была неофициальной, эскорта не полагалось, однако черную лакированную карету, украшенную золотом, сопровождали два ливрейных лакея. Самурай, сев в карету вместе с Танакой, Ниси и Веласко, увидел в окно, как Ёдзо, стоявший среди провожавших их монахов и слуг, смотрит на него, сложив руки, будто молится одновременно всем божествам, и синтоистским и буддийским.

Он как бы ободрял Самурая, призывая его не терять надежды до конца. Что бы ни случилось, я всегда буду с вами, словно говорил он. Но у Самурая, отправлявшегося на аудиенцию, устроенную лишь для видимости, не было, да и не могло быть никаких надежд. Аудиенция была всего-навсего церемонией, означающей завершение их долгого путешествия.

От жеста Ёдзо у Самурая сжалось сердце — он едва сдержал слезы. Сейчас, когда его все обманули и поки-

нули, один лишь слуга, преданный ему с детских лет, достоин доверия. Он низко поклонился Ёдзо.

Карета тронулась. Слышался размеренный цокот копыт по мостовой. Танака, Самурай и Ниси молчали. Два месяца назад аудиенция у Папы показалась бы им честью, о которой можно только мечтать. Для таких незнатных самураев, даже не устаиваемых приема Его светлости, это было невероятным событием, недоступным их разумению.

Но теперь их уже ничто не радовало. Они не испытывали никакого волнения. Посланники знали, что аудиенция дана им благодаря ходатайству кардинала, удовлетворившего настоятельную просьбу Веласко. Им оказали эту милость для того, чтобы они смирились и отказались от своих планов. Этим и закончится их тяжкое бессмысленное путешествие. Их ждет обратная дорога, столь же безрадостная и долгая.

По обим сторонам улицы росли ряды деревьев. Цокот копыт становился все громче. Вдали, на фоне пасмурного неба, показался собор Святого Петра. Экипаж с улицы Паллеоне свернул на улицу Борго, а потом въехал на площадь перед Ватиканом.

— Когда выйдет Его святейшество Папа, — снова повторил Веласко, — трижды опуститесь на правое колено и припадите к его стопам.

При въезде в железные ворота их приветствовали гвардейцы в красных мундирах. Карета остановилась, человек в парике и длинных белых чулках бесстрастно распахнул двери и ледяным взором окинул Веласко и посланников в необычной парадной одежде.

Поднявшись по каменной лестнице, они прошли по коридору со сверкающим мраморным полом. С одной его стороны в ряд стояли покрытые патиной бронзовые статуи.

Два священника, ждавшие их в конце коридора, молча проводили гостей в приемную. Стены ее были расписаны фресками, на полу, застланном толстым ковром, стояли кресла с золочеными подлокотниками.

Все четверо ожидали звонка колокольчика. Им объяснили, что он возвестит о том, что они должны войти в зал аудиенций.

— Я пойду первым, — несколько раз, чтобы его хорошо поняли, повторил Веласко. — А вы, господин Танака, господин Хасэкура и господин Ниси, последуете за мной, друг за другом.

Им казалось, что прошло очень много времени. Танака и Самурай сидели в креслах, закрыв глаза. Ниси без конца

поправлял головной убор. После бесконечно долгого ожидания раздался звук колокольчика, и двери распахнулись.

— Успокойся, Ниси, — тихо сказал Танака. В его голосе слышалось сочувствие, обычно ему не свойственное.

По обеим сторонам зала кардинальских собраний стояло высшее духовенство. Трое японцев, возглавляемые Веласко, прошли сквозь строй красных мантий и красных шапочек. Они ощущали пронизывающие их взгляды. Вдали в кресле с высокой спинкой сидел Папа — только на нем была белая шапочка.

Невысокий полный человек приветливо смотрел на них добрыми глазами. В нем не было величественности короля королей. Папа поднялся с кресла — казалось, он сам вот-вот подойдет к ним.

Веласко остановился и встал на правое колено. Вслед за ним то же проделали трое японцев, но тут Ниси пошатнулся, и Самурай, видя это, поддержал его. Стоявший рядом с Папой кардинал Боргезе склонился к нему и что-то сказал.

— Можно читать... послание Его светлости, — поторопился Веласко растерявшегося Танаку.

Танака достал послание и взял его обеими руками.

— С нижайшим поклоном обращаемся к великому Владыке мира Его святейшему папе Павлу V. — Голос Танаки прерывался, Самурай даже видел, как у него дрожат руки. — Веласко, брат ордена святого Франциска, прибыл в нашу страну, чтобы проповедовать христианство. Посетив наши владения, он посвятил нас в тайны христианского учения, постигнув смысл которого мы без колебаний решили следовать ему... Однако в последнее время произошли серьезные перемены. Они создали некоторые препятствия... И мы... пока не в состоянии полностью выполнить свои намерения.

Голос Танаки все время прерывался. И каждый раз сердце Самурая сжимала тоска. Ведь высшее духовенство, присутствующее на аудиенции, не в состоянии понять ни слова из того, что читал японский посланник. Понимали лишь Самурай с Ниси и Веласко.

— Питая уважение и любовь к братьям ордена святого Франциска, мы полны желания строить храмы и отдавать все силы тому, чтобы укреплять добродетель. Мы с радостью сделаем все, что Ваше святейство посчитает необходимым для распространения веры Христовой. Мы с радостью предоставим средства и земли для строительства храмов.

Самурай едва сдерживался, чтобы не закричать: «Хва-

тит!» Он хотел, чтобы Танака прекратил дурацкое представление, перестал читать бессмысленное послание молча слушавшему человеку в белой шапочке. Хотя и он, и кардинал Боргезе, стоявший рядом с ним, кажется, без особого труда терпели это дурацкое представление.

— Новая Испания находится далеко от нашей страны, но мы тем не менее испытываем горячее желание завязать с ней отношения и весьма надеемся, что влияние Вашего святейшества поможет в осуществлении наших намерений.

Танака, запинаясь и заикаясь, закончил чтение; лоб его был покрыт потом. Веласко, дождавшись, когда Танака передаст послание, чтобы перевести его, сделал шаг вперед.

Но тут Папа неожиданно встал. По выработанной заранее процедуре это не было предусмотрено, поэтому в зале раздался легкий шум, священники разом повернулись к трону.

— Я . . . , — тихо произнес Павел V, слегка наклонившись вперед к Танаке, Самураю и Ниси. Голос его был грустен. — Я обещаю, что в течение пяти дней я буду возносить молитвы за Японию и каждого из вас. Я верю, что Бог не оставит Японию.

Папа сошел с трона и еще раз пристально посмотрел на посланников. Потом, благословив присутствующих, в сопровождении Боргезе и еще трех кардиналов скрылся в соседней комнате.

Сопровождаемые взглядами священников, посланники и Веласко вернулись в приемную. Тяжелые двери со стуком захлопнулись, и они обессиленно опустили в кресла. И задумались. В полной тишине Веласко сидел, сложив руки на коленях и опустив голову.

ГЛАВА IX

Давно не вел записей. Слишком горько было рассказывать о том, как рухнули наши надежды, как мы покидали Европу, скрывавшуюся вдали в дымке дождя.

На причале Чивитавеккьи нас провожал лишь один человек — секретарь кардинала Боргезе. Чтобы выразить свое расположение к японцам, кардинал передал через него трем посланникам свидетельства почетных граждан Рима. Для посланников, не соби-

равшихся когда-либо еще посетить эту страну, они были ничего не значащими бумажками. Папе было вручено бессмысленное послание, а кардинал в ответ вручил ничего не значащие бумажки.

В довершение, в Испании обошлись с нами весьма холодно. Нам приказали, не заезжая в Мадрид, направиться прямо в Севилью. Там нас тоже никто не встречал, кроме моей семьи, — японцы, лишившиеся всяких привилегий, превратились в жалких скитальцев. Мой орден и семья, предоставившие нам 3300 дукатов на обратный путь в Японию — у нас таких денег не было, — потребовали взамен, чтобы я отправился в монастырь Новой Испании или Манилы. В общем, я потерпел полное поражение.

Теперь я уже не знаю, чего хотел Всевышний. Долгое время старался убедить себя, что Он хочет, чтобы я нес Его Слово в Японию, — и я посвятил этому всю свою жизнь. Во имя этого я сносил любые страдания. Но теперь не только утратил веру в себя, но — страшно даже сказать — временами мне кажется, что Всевышний просто насмехается надо мной.

Путь от Чивитавеккьи до Севильи занял месяц. Плавание по Атлантическому океану заняло три месяца, дважды попадали в шторм. Все это время я чувствовал себя опозоренным, раздавленным. Но японцы в отличие от меня, казалось, быстро примирились с несчастной судьбой — иногда даже слышался смех, когда они все вместе собирались на палубе. Возможно, радовались, что их долгое тяжелое путешествие подходит к концу и они наконец снова смогут ступить на родную землю.

Из посланников лишь Кюскэ Ниси, как и в прошлое плавание, часто подходит к членам испанской команды и на ломаном испанском языке, помогая себе жестами, задает разные вопросы. Интерес этого юноши к культуре и ремеслу огромен, и он аккуратно записывает полученные сведения.

Тародзаэмон Танака теперь уже не ругает его. Он лишился своей обычной суровости и иногда снисходит даже до того, что хлопает в такт песне, которую поют слуги. В такие минуты даже представить себе невозможно, что он способен совершить поступок, которого опасается Рокуэмон Хасэкура. Кажется, мысль: «Я сделал все, что обязан был сделать» — вселила покой в сердце этого человека.

Лишь несколько японцев ходят к утренней мессе. Мне известно, что они приняли крещение не по велению сердца, а ради выполнения своей миссии, и все же, когда к заутрене приходит только один японец, я испытываю невыразимое чувство унижения.

Но один японец ходит к мессе каждый день. Чтобы его товарищи не заметили этого, он обычно появляется посреди службы и, получив Святое причастие, тотчас же исчезает. Он напоминает мне того, похожего на бродягу, христианина, которого я исповедовал за грудой бревен в Огацу.

Он не посланник. Ни Танака, ни Хасэкура, ни Ниси с самой аудиенции у Папы ни разу не пришли к мессе. Я не услышал от них ни слова осуждения, но своим отсутствием они откровенно выказывали отношение ко мне. Этот человек — Ёдзо, слуга Хасэкуры. Его глаза всегда по-собачьи испуганные, грустные. Поклявшись своему господину в верности, он никогда не покинет его. Вспоминая, как он в течение долгого путешествия не отходил от Хасэкуры, я подумал, что он не покинет и Господа...

Снова долго не брал в руки перо. Пережив две бури, мы наконец прибыли в Веракрус. Когда мы отплывали отсюда, здесь дули муссоны, сейчас ветра нет, но на улицах все равно ни живой души, пусто — как в наших отчаявшихся сердцах.

Ничего не изменилось. Мы остановились в том же монастыре на площади, неподалеку от него по-прежнему каждые два часа раздается звон колокола. Так же, как тогда, у коменданта крепости Сан-Хуан-де-Улуа на лбу след от головного убора, а на стене кабинета теперь красуется подаренный японцами меч.

Он пригласил нас на ужин. На нем присутствовали и офицеры с женами — они тепло приветствовали нас. Японцы тоже чувствовали себя свободнее, чем в прошлый раз, они даже пили вино и с аппетитом ели непривычную для них пищу. Наконец бесконечный ужин, сопровождавшийся глупейшими вопросами и пустой болтовней, закончился, и Танака от имени посланников церемонно поблагодарил за прием. Он сказал, что выполнить своей задачи они не смогли, но их радует хотя бы то, что удалось посетить много стран и земель.

Когда на обратном пути экипаж выехал на площадь недалеко от монастыря, они увидели в кабачке трех человек, в белой одежде и сомбреро, игравших на каких-то музыкальных инструментах. Танака вдруг тихо промолвил, что мотив напоминает ему песню, которую часто поют на его родине.

Вернувшись в монастырь, посланники разошлись по своим комнатам. Я зажег свечу и, сев за стол, написал два письма. Одно — в Севилью дяде, второе — настоятелю монастыря в Мехико, в котором просил его подыскать нам корабль, отправляющийся на Филиппины, чтобы японцы могли вернуться на родину, и сообщал, что я вместе с ними поплыву в Манилу и до конца своих дней останусь в монастыре.

Написав письма, я испытал удивительную умиротворенность. Одержимость моя бесследно исчезла, и меня объял покой, которого я не мог обрести с тех пор, как покинул Рим. Отложив перо и глядя на колеблющуюся пламя свечи, я думал о том, что моя долгая жизнь в Японии завершилась.

Впервые я услышал о стране, именуемой Японией, в 1595 году — в монастыре Сан-Диего, в Севилье. Меня уговаривали отправиться проповедником в Новую Испанию, но меня почему-то это не привлекало. Видимо, это было наследственное стремление к опасности. Мне не подходило лишнее риска распространение веры среди индейцев в мирной к тому времени Новой Испании.

В глубине души я всегда мечтал оказаться в стране, где преследуют верующих, и вести сражение, как солдат Господа. Меня постоянно корили за отсутствие добродетельного смирения и покорности.

Через два года я уже кое-что знал о Японии. Произошло это так: годом ранее поступило донесение от находившихся в Японии иезуитов, что правитель этой страны, именуемый тайко, начал преследование христиан. Двадцать шесть миссионеров и верующих японцев были отправлены в Нагасаки и сожжены на костре. Это событие обсуждалось даже в Севилье, и вот тогда-то я и подумал, что Япония именно та страна, где я должен жить до конца своих дней. В ушах моих звучал голос Господа, приказывающего своим ученикам: «Идите и несите благовестие».

В 1600 году папа Климент VIII издал буллу "One-

rosa Pastoralis", в которой всем Орденам дозволялось распространять веру в Японии, что до сих пор было разрешено лишь иезуитам.

Однако родные не согласились с моим желанием. Особенно женщины — мать и тетя — настаивали, чтобы я отправился в монастырь безопасной Новой Испании, и предприняли даже практические шаги, надеясь, что я изменю свои намерения.

В том же году я присоединился к группе миссионеров, которые направлялись на Филиппины, и двенадцатого июня взшел на борт отплывающего туда судна. Плавание было намного тяжелее нынешнего, но, пережив неисчислимые бедствия — бури, нехватку воды и пищи, болезни, — я в конце концов высадился в Маниле. Однако могут ли все эти тяготы сравниться со страданиями Господа, распятого на кресте?

Манила — первый увиденный мной восточный город был грязен, шумен и вульгарен. В невыносимой жаре — будто это была огромная плавильная печь — кричали, толкали друг друга испанцы, негры, местные жители — тагалы, китайцы. Братья нашего ордена уже совсем было отчаялись обратить в истинную веру китайцев, во множестве населявших этот город. Но благодаря тому, что в то время крещеных китайцев стали на десять лет освобождать от уплаты налогов — выгода немалая, — количество верующих среди них быстро возрастало, хотя справедливости ради надо сказать, что христианами они становились лишь по расчету. Даже приняв крещение, они не следовали христианским обычаям, жили, как все язычники, погрязнув в гадких суевериях, поклоняясь своим отвратительным божествам. По сравнению с китайцами, которых насчитывалось тысяч двадцать, японцев в Маниле было совсем немного, тысячи две, и большинство занималось торговлей. Среди них примерно двести приняли христианство.

Эти японские христиане научили меня своему языку, от них я узнал, что за народ японцы. Я увидел, что по сравнению с другими народами они гораздо сообразительнее и любознательнее. Они обладают таким чувством собственного достоинства, что даже испанцам до них далеко. Я не мог постичь — как они живут, не ведая истинной благодати.

В течение двух с половиной лет я самозабвенно

мечтал о Японии, грезившейся мне невообразимо прекрасной, подобной легкому летнему облачку. К тому времени прежний правитель Японии умер, власть перешла к роду Токугава, но преследование христиан продолжалось. Я слышал также, что миссионеры-иезуиты изгнаны с Кюсю и их миссионерская деятельность почти прекратилась. Всякий раз, когда подобные слухи достигали Манилы, я не только не унывал, наоборот, преисполнялся боевым духом.

В июне 1603 года счастливый случай представился. Правитель Филиппин решил направить посольство к японскому королю в ответ на его дружественное послание, и я был включен в его состав, но не в качестве проповедника, а как переводчик. Течение влекло наше судно на север, и через месяц я наконец увидел на горизонте возжеленную Японию. Над морем летали птицы. Множество рыбацких суденышек качалось на волнах, сверкавших в лучах летнего солнца. Через некоторое время вдали появились очертания острова, покрытого мягкими, пологими холмами. Это и была Япония. Казалось, в такой благодатной стране не могут преследовать христиан.

Однако стоило нам войти в бухту, как нас тотчас же окружили лодки. Надменный чиновник в сопровождении вооруженных ружьями солдат поднялся на борт нашего корабля. Нас, словно преступников, проводили под конвоем на берег, и после долгого ожидания на раскаленном побережье мы наконец убедили их, что являемся посланниками губернатора Филиппин. Высадились мы в бухте Адзиро, неподалеку от Эдо, где была резиденция правителя Японии.

Глядя сейчас на колеблющееся пламя свечи, я вспоминаю покрытый мягкими холмами остров, море, омывающее Японию. Она представлялась мне воплощением спокойствия и мира. Тогда я подумал, что эта земля достойна слов Господа: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю».

Однако подлинная Япония не была кроткой. Я вспоминаю старика, сидевшего в бархатном кресле во внутренних покоях эдоского замка, куда нас привели. Эдо — город, не уступающий своим порядком многим европейским столицам. Там, где живут даймё и самурай, тянутся длинные черные ограды, такой же черный ров окружает величественный угрожающе-мрачный замок. Внутренние покои замка, куда нас

привели, в отличие от королевского дворца в Мадриде, представляли собой хитроумное переплетение полутемных галерей, с множеством раздвижных перегородок, украшенных поблекшими золотыми рисунками. Пройдя по бесчисленным галереям, напоминающим ходы в муравейнике, мы наконец увидели невысокого старика лет шестидесяти, сидящего в бархатном кресле. Он принимал самого могущественного князя Японии — а тот, точно раб, ползал перед ним по полу и кланялся так низко, будто целовал землю. Старик пристально посмотрел на нас и что-то сказал. Вопросы задавал секретарь, стоявший шагах в пятидесяти от правителя. Из его слов явствовало, что правитель желает торговать не только с Филиппинами, но и с Новой Испанией, желает, чтобы в Японию приехали испанские рудокопы. Посланники обещали сообщить об этом в Маниле.

Посольство покинуло Японию, а я, переговорив с братьями нашего ордена, уже довольно давно живущими в Японии, остался в Эдо. Предлогом была необходимость завершить дела, не законченные посольством, а в дальнейшем выполнять роль переводчика. Японцы знали, что я христианский священник, поэтому секретарь строго напомнил мне, что правитель еще в 1602 году направил послание в Манилу, в котором сказано, что иностранцам разрешается жить в Японии, но воспрещается проповедовать чуждую Японии религию.

Но я не пал духом. Под предлогом строительства в Асакусе скромной больницы для прокаженных я вместе с двумя своими товарищами, ухаживая за больными, тайно распространял веру. Скрывавшиеся японские верующие стали приходить ко мне — с этого началась моя миссионерская работа, но такая осторожная деятельность не отвечала моим идеалам. Я все время помнил о старике в бархатном кресле в дальних покоях замка, жаждавшем завязать торговые отношения с Новой Испанией.

Я больше не буду сражаться с этим стариком. Япония, бывшая смыслом моей жизни, далеко — теперь мне не бывать в ней. Потерпев поражение, я плыву в Манилу, чтобы остаться там в монастыре, окруженном белыми стенами, с хорошо ухоженными

цветочными клумбами во внутреннем дворике. Изо дня в день я буду давать монахам ни к чему не обязывающие наставления, проверять счета, писать донесения. Добросердечный настоятель, благословляющий матерей, глядящий детей по головкам. Такова воля Господа.

Опустившись на колени, я прошептал: «Да свершится воля Твоя» — и почувствовал, как вспотели мои ладони. Я изо всех сил старался сдержать накалившую на меня ярость.

Неожиданно я заметил, что в дверях кто-то стоит.
— Что случилось, господин Хасэкура?

— Господин Танака покончил с собой, — не двигаясь с места, прошептал тот.

Хасэкура сказал это так буднично, словно напомнил, что пора трогаться в путь. Господин Танака... покончил с собой. Не вставая с колен, я неотрывно смотрел на пламя свечи, которую он держал в руках. Пламя дрожало. «Да свершится воля Твоя», но сегодня Твоя воля была для меня холоднее льда.

Хасэкура молча повел меня в комнату Танаки. На стенах темного коридора мелькали две тени. Мы молчали. Лишь в одной из дальних комнат горел свет, около нее стояли Ниси и несколько слуг. Мы вошли. На залитой кровью простыне, откинув голову, лежал Танака, у подушки валялись ножны и короткий меч, которым он вспорол себе живот. Возле подсвечника с горящими свечами сидели неподвижно двое слуг Танаки и неотрывно смотрели на хозяина, точно в ожидании его приказа.

Увидев меня, они молча встали, я не заметил в них никакого волнения, будто они давно были готовы к тому, что их хозяин покончит с собой. Мне даже показалось, что об этом было договорено заранее. В монастыре за исключением нас, кажется, никто не проснулся, никто не заметил происшедшего.

Мертвое лицо Танаки было умиротворенным. Суrowsость, неприветливость, которые часто можно было увидеть на нем во время путешествия, бесследно исчезли, оно стало спокойным, будто смерть освободила от всех тягот жизни, так долго мучивших его. Я даже подумал, что не Господь, а смерть дала ему успокоение.

Один из слуг хотел поставить у изголовья покойного маленькую статую Будды, но я, вспомнив, что

все-таки являюсь священником, а Танака принял крещение, сказал:

— Будда не нужен. Господин Танака христианин.

Слуга посмотрел на меня укоризненно, но тут же убрал Будду от изголовья и поставил на свое колено.

*Habeas requiem aeternam*¹.

Когда-то в банановой роще я читал ту же молитву, держа за руку раненого индейца. Но в отличие от него, Танака умер, совершив смертный грех. Церковь не разрешает хоронить самоубийц рядом с добродетельными христианами. Но мне это было все равно. Я знал о страданиях, выпавших на долю Танаки во время путешествия. Знал и о том, с какими мыслями скитались по свету Танака, Хасэкура и Ниси. Знал, почему Танака коротким мечом сделал себе хакакири. Так же как я не мог бросить индейского юношу, не мог оставить теперь и Танаку один на один со смертью.

*Requiescant in pace*².

Я закрыл невидящие глаза Танаки, словно закрывал последние врата жизни. Все это время слуги, Хасэкура и Ниси неподвижно стояли в углу, не сделав ни малейшей попытки помешать мне.

Немного спустя один из слуг отстриг у хозяина прядь волос и ногти и спрятал в мешочек, висевший у него на шее. Потом, выбросив окровавленную простыню, завернул тело в кусок чистого шелка. Хасэкура, проследив за всем этим, спросил меня:

— Утром нужно попросить прощения у падре и монахов. Помогите мне.

Японцы, по буддийскому обычаю, до утра сидели подле покойного. Я вместе с ними провел ночь у тела.

Наступило бледное утро. Получив разрешение настоятеля монастыря, мы похоронили Танаку рядом с индейским кладбищем, находившимся между городом и портом Сан-Хуан-де-Улуа. На церемонию не пришел ни один священник, ни один монах. Они не желали хоронить человека, совершившего столь тяжелых грех, как самоубийство. Из двух сухих веток я соорудил крест и воткнул его в могильный холм.

¹ Да обретешь вечный покой (*лат.*).

² Да почивают в мире... (*лат.*).

Утреннее солнце окрасило лес. Неподалеку стояли совершенно голые индейские дети — они сосали палец, неотрывно наблюдая за нами. Ниси присел на корточки, а Хасэкура стоял, выпрямившись во весь рост и закрыв глаза.

Вскоре прискакал комендант крепости Сан-Хуан-де-Улуа вместе со своим помощником.

— Они как индейцы. — Спешившись, он отер пот солба. — Отсталые народы любят кончать жизнь самоубийством.

— Для японцев смерть лучше, чем позор, — сказал я, осуждающе глядя на него. — Этот японский посланник был убежден, что, только умерев, он сможет считать свою миссию выполненной.

— Я не совсем понимаю..., — пожал плечами комендант. — Судя по вашим словам, падре, вы одобряете самоубийство, осуждаемое Церковью.

В его взгляде я прочел смущение и настороженность. Не исключено, в письмах из Испании ему сообщили, что я бунтовщик, предавший Церковь.

Да, я в полнейшей растерянности и отчаянии — не могу постичь воли Господа. Одолевает страх, что вера моя ослабнет.

Мое путешествие было предпринято лишь с одной целью — сделать Японию страной Господа. Но не таились ли тут своекорыстие и честолюбие? Неужели Господь проник в мои тайные умыслы и наказал меня?

— Церковь действительно считает самоубийство тяжким грехом, — прошептал я, потупившись. — Но мне не хочется думать, что Господь оставит японца, покончившего с собой... Не хочется так думать.

Комендант не разобрал моего хриплого шепота. Если Танака и совершил тяжкий грех, — виновен в этом я. Его привели к гибели мои честолюбивые планы. Танака достоин наказания, но прежде должен быть наказан я.

«Господи, не оставляй его душу. Или накажи меня за грехи мои».

«Огонь пришел Я низвесть на землю и как желал бы, чтобы он уже возгорался!»

Крещением должен Я креститься, и как Я томлюсь, пока сие совершится».

«Сын человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих». В мире существуют миссии, которые можно выполнить лишь ценой жизни.

Мы направляемся из Веракруса в Кордову. Небо над нами затянуто тучами, временами сверкает молния. Пустыня поросла агавами и кактусами самой причудливой формы. Мы молча продвигаемся по ней.

Сверкнула молния, и вслед за ней вдали громыхнул гром. Мое сердце тоже пронзила молния. Я обязан отдать жизнь ради служения людям — для этого священник живет на земле. Я вспомнил оборванного человека на берегу бухты Огацу, попросившего меня об отпущении грехов. Я должен служить ему, таким же, как он, японцам. «Сын человеческий пришел, чтобы послужить многим, — говорил я себе, едва передвигая ноги, — и отдать жизнь свою...»

Все, что творит Господь, имеет глубокий смысл. Смерть Танаки тоже не была бессмысленной — хотя бы потому, что объяснила мне это.

— Что с нами будет потом? — прошептал Ниси, сидя на кровати в отведенной нам комнате в городском собрании Кордовы и глядя в окно.

Комната была той же самой, в которой по дороге туда ночевали японцы, но тогда еще был жив Тародзаэмон Танака. Кроме этого, в комнате ничего не изменилось, на стене в слабом свете по-прежнему поблескивал жалкий худой мужчина с пригвожденными к кресту руками.

— Что значит «потом»?.. — спросил Самурай хриплым голосом.

Он чувствовал, что обессилел не только телом, но и душой. Ему было непереносимо грустно, тяжело думать о том, что будет потом.

— Я имею в виду, после того, как мы вернемся в Японию.

— Понятия не имею. Но мне кажется, Его светлость и члены Совета старейшин должны оценить

трудности и лишения, которые нам пришлось пережить.

— Хотя мы и возвращаемся ни с чем?

Самурай вспомнил, каким молодым, полным энергии был еще совсем недавно Ниси. Глаза на его сверкавшем белозубой улыбкой лице всегда блестили от любопытства, чему Самурай даже завидовал. Теперь этот блеск исчез, пропало оживление, лицо стало серым, как у больного.

— Если бы я мог, то остался бы в Испании учиться, — слабым голосом проговорил Ниси, повернувшись к свече. — Мир в самом деле необъятен. Но я даже помыслить не мог о таком возвращении.

Его слова неожиданно воскресили в памяти Самурая отплытие из Цукиноуры. Мачты скрипели, волны били о борт, морские птицы с громкими криками носились над самой палубой, корабль вышел в открытое море, и в эту минуту Самурай подумал, что теперь в судьбе его наступила перемена. В то время он еще не знал, что мир столь необъятен. Но сейчас, когда он уже увидел этот мир, не представлявший ему раньше столь необъятным, он испытал лишь безмерную усталость. Усталость, разъедавшую его душу.

— Не испугало ли и господина Танаку то, что будет потом?

— Что же его испугало?

— То, что Его светлость и члены Совета старейшин отвернутся от нас.

По своей обычной привычке Самурай заморгал. Ему было горько, даже страшно думать о смерти Танаки. Умерев, Танака сохранил честь в глазах своей семьи. Да и самому Самураю хотелось умереть, стоило представить себе осунувшееся лицо дяди, который, сидя у очага, ожидает его возвращения домой. Он завидовал Танаке, покончившему с собой. Но он не имел права умереть. Ради Ниси, ради слуг, перенесших такие тяготы, он обязан рассказать Совету старейшин всю правду о путешествии. И если необходим человек, который возьмет на себя эту обязанность, это следует сделать ему, считал Самурай.

— От нас не должны отвернуться, — с необычной для него твердостью сказал Самурай. — Бывают случаи, когда, даже отдав все силы, не достигаешь цели. Это и нужно будет сказать Совету старейшин.

Но в тайниках души он и сам не верил тому, что

говорил. Хотя углубляться в подобные мысли было страшно. Какой смысл задумываться над будущим? Самураю пришлось пережить горечь смирения.

В распахнутое настежь окно вливалась ночная прохлада. Запах земли напоминал Ято. Даже если и не вернут землю в Курокаве, у Самурая есть Ято, и этого ему достаточно. В отличие от отца и дяди его душа и тело были накрепко привязаны к Ято, а не к Курокаве.

— Не станет ли Совет старейшин порицать нас за то, что мы не привезли ответа от Папы? — мрачно спросил Ниси.

— Ладно, хватит. Все равно ничего не придумаешь. А если так, то и думать нечего.

Самурай, чтобы прекратить разговор, поднялся. И Ниси ему надоел, и хотелось пойти во двор подышать ночным воздухом, напоенным запахом земли.

Во дворе было так прохладно, что дневной жары, казалось, вообще не было. Несколько человек сидели на корточках и о чем-то разговаривали.

Это были Ёдзо и двое слуг. Ёдзо за что-то сердито отчитывал их.

— Не спится?

Слуги смущенно поднялись. Они исподлобья смотрели на хозяина, боясь, что тот слышал их разговор.

— Запах ночи напоминает Ято, верно? — Самурай засмеялся, чтобы успокоить слуг. — По ночам так пахнут земля и деревья в Ято. Теперь уже скоро... мы будем вдыхать этот запах.

Из недавней перебранки этих трех человек Самурай ясно осознал, что усталость и раздражение испытывают не только Ниси, но и слуги. И сказал себе, что хотя бы он обязан быть сильным и терпеливым.

На следующее утро они покинули Кордову. И снова перед ними жаркая пустыня. А когда она закончилась, опять потянулись посадки олив, лачуги индейцев, дома энкомбендерос с островежными крышами, как в Испании. Тот же пейзаж, что по дороге сюда. Но в глазах японцев уже не появлялось даже проблеска любопытства. Они понимали, разумеется, что каждый шаг приближает их к Японии, но почему-то даже это их не радовало.

Самурай обратил внимание, что с лица Веласко, покачивавшегося на лошади рядом с ним, уже давно

исчезла улыбка. Честно говоря, ему никогда не была приятна самоуверенная улыбка этого южного варвара. Она появлялась на его лице, когда он стремился подчинить японцев своей воле. И всякий раз Самурай, видя эту многозначительную улыбку, сомневался в искренности его намерений, но не единожды она его обманывала. После отъезда из Рима высокомерная улыбка исчезла с лица Веласко и место ее заняла задумчивость отрешенного от жизни человека.

— Теперь ничего не поделаешь, — начал было Самурай, обращаясь к Веласко, но тут же осекся.

Южный варвар, доставивший им столько горя, вызывавший их злость и даже ненависть, неотрывно смотрел на горы, покрытые тучами. Самураю стало жаль его. Он знал, что этот человек уже не сможет вернуться в Японию. Ему не удалось выполнить обещания, данного Его светлости и членам Совета старейшин.

В ворота серой крепостной стены, окружающей город Пуэбла, они вошли вечером, на десятый день своего путешествия. Так же, как и в прошлый раз, у крепостной стены шла бойкая торговля; индейцы, разложив на земле глиняную посуду, ткани, фрукты, сидели молча и неподвижно, как каменные изваяния.

— Господин Хасэкура, вы помните того японца?

— Бывшего монаха?

Еще до того, как Ниси задал ему этот вопрос, Самурай вспомнил соотечественника, с которым они встретились в Мехико. Бывшего монаха, живущего с индейкой в Текали в крытой тростником лачуге рядом с озером, которое было тогда залито кроваво-красными лучами утреннего солнца. Он еще сказал, что им вряд ли доведется встретиться еще раз.

— Я хотел бы еще разок сходить туда, на озеро, — тихо сказал Ниси на ухо Самураю, чтобы Веласко не услышал.

— Ехать туда бесполезно, я думаю. Он ведь сказал, что индейцы дважды не пашут одно и то же поле.

— Если и не встречусь с ним — неважно.

— Для чего же тогда ехать?

— Мне бы хотелось узнать, почему он... — Ниси горько улыбнулся, — почему у него нет желания вернуться в Японию.

— Неужели и ты хочешь остаться здесь?

— Тому, кто увидел бескрайний мир, в Японии будет трудно дышать. У меня сердце сжимается от одной мыс-

ли о Японии, такие, как мы, должны всю свою жизнь сидеть на одном месте. Но меня тоже ждут на родине.

Своеволие недопустимо. Их ждут. Так же думал и Самурай. В Ято живут дядя, домочадцы, крестьяне, которые надеются на его помощь — он ведь глава рода. Он, конечно, вернется в Ято. И будет, конечно, жить так же, как жил раньше. Второй раз ему уже вряд ли придется покинуть Ято и отправиться в бескрайний мир. Все, что с ним произошло, — сон. И лучше всего думать об этом как о сне, который непременно рассеется.

На следующее утро, еще затемно, Самурай и Ниси, всю ночь не сомкнувшие глаз, как и тогда, тихо вышли из монастыря. Дорогу они знали. Когда, миновав пустынный, еще спящий в прохладе город, они углубились в лес, небо стало розоветь. Птицы щебетали. Взбивая пену, лошади перешли вброд сверкающую чистотой горную речку. Озеро у Текали, освещенное пробивающимися сквозь густую листву деревьев лучами утреннего солнца, было, как и в тот раз, тихим, чуть слышно шелестел тростник. Спешившись, Ниси прикрыл рот рукой и позвал бывшего монаха — на его голос из дверей лачуги вышли несколько полуобнаженных индейцев. Они помнили Самурая и Ниси и улыбнулись им.

Наконец, едва держась на ногах и опираясь о плечо толстой жены, появился бывший монах. Он был болен и, щурясь от яркого утреннего солнца, прикрыл глаза — но, разглядев наконец Самурая и Ниси, вскрикнул от радости.

— О-о... вернулись? — Он протянул к ним руки, будто снова встретился с близкими родственниками, которых давно не видел. — Думал, мы больше никогда не увидимся... — Неожиданно он замолчал. И, начав задыхаться, прижал руки к груди. — Не беспокойтесь, сейчас пройдет.

Но приступ длился довольно долго. Солнце уже поднялось высоко, оно щедро залило озеро; наступила обычная здесь жара. Индейцы некоторое время издали наблюдали за ними, потом это им надоело, и они ушли.

— Как только найдется корабль, отплывающий в Манилу, мы вернемся на родину. Если вы хотите что-то послать знакомым в Японии...

— Нет-нет, ничего не нужно, — грустно улыбнулся бывший монах. — Если кто-нибудь узнает, что вы дружите с христианским монахом, у вас могут быть серьезные неприятности.

— Нам самим пришлось стать христианами, — стыдливо потупился Самурай. — Не от чистого сердца, но все же...

— И сейчас тоже не верите?

— Не верим. Мы сделали это только ради выполнения возложенной на нас миссии. Неужели вы верите в человека, именуемого Иисусом?

— Верю. Я вам уже говорил об этом. Но верю я не в того Иисуса, о котором толкуют падре. Я не могу быть заодно с падре, которые сжигали индейские храмы, толкуя о Слове Божьем, изгоняли индейцев из их деревень.

— Как можно почитать такого жалкого человека? Как можно молиться ему? Не возьму этого в толк...

В вопросе Самурая прозвучало искреннее недоумение. Ниси тоже, сидя на корточках и глядя на бывшего монаха, терпеливо ждал ответа. С озера доносились гортанные голоса стиравших индейцев.

— У меня тоже когда-то были подобные сомнения, — кивнул бывший монах. — Но теперь я верю в Него, потому что он единственный из всех людей прожил в этом мире самую удивительную жизнь. Ему были хорошо известны наши беды. Он не мог закрывать глаза на горести и страдания людей. Потому-то он и стал таким худым и неприглядным. Если бы он жил в величии и могуществе и был бы недоступен для нас, я бы не питал к нему тех чувств, которые питаю.

Самураю были непонятны эти слова бывшего монаха.

— Он сам прожил несчастную жизнь и потому понимает несчастных людей. Его смерть была жалкой, и потому ему ведомы горести людей, умирающих жалкой смертью. Он совсем не был могучим и красивым.

— Но посмотрите на церкви. Посмотрите на Рим, — возразил Ниси. — Церкви, которые мы видели, все до одной похожи на золотые дворцы, а дом, в котором живет Папа, украшен так, что здесь, в Мехико, этого и представить себе невозможно.

— Вы думаете, что такова была Его воля? — сердито покачал головой бывший монах. — Вы думаете. Он живет в этих разукрашенных церквях?.. Нет. Он обитает вот в таких хижинах. Да, я уверен, в бедных индейских лачугах.

— Почему?

— Потому что такой была вся его жизнь, — уверенно ответил бывший монах и, опустив глаза, повторил, будто говорил сам с собой: — Такой была вся его жизнь. Он

ни разу не посетил домов гордецов и богатеев. Он входил лишь в неприглядные, жалкие, бедные лачуги. Но сейчас епископы и священники в этой стране гордецы и богатеи. Они стали не теми людьми, которые ему нужны.

Бывший монах вдруг прижал руки к груди. У него начался новый приступ, и пока он не прошел, Самурай и Ниси молча смотрели на него.

— Ради меня индейцы остались здесь, на озере. Иначе, — он смущенно улыбнулся, — я был бы далеко от Текали. Иногда мне удастся увидеть среди индейцев Иисуса.

Отекшее серое лицо его ясно свидетельствовало, что дни его сочтены. Он и умрет у этого заросшего озера. И будет похоронен на краю маисового поля.

— Нет, я не могу без конца думать об этом человеке, — прошептал Самурай извиняющимся тоном.

— Это неважно. Даже если вы не отдадите ему своего сердца, он все равно отдаст вам свое.

— Я проживу и без этого.

— Вы в этом уверены?

Бывший монах с жалостью глядел на Самурая, тербя в руках лист. Солнце стало припекать, в камышах застрекотали насекомые.

— Если человек может жить в одиночестве, почему же тогда мольбы о помощи переполняют мир? Вы побывали во многих странах. Пересекли моря. И везде должны были собственными глазами видеть, как люди, стеная и плача, просят Его о чем-то.

Монах не ошибался. Во всех землях, во всех деревнях, во всех домах, где побывал Самурай, он видел изображение жалкого худого человека с раскинутыми в стороны руками и поникшей головой.

— Плачущий ищет того, кто будет плакать вместе с ним. Стенающий ищет того, кто прислушается к его стенаниям. Как бы ни менялся мир, плачущий, стенающий всегда будут взывать к Нему. Ради этого Он и существует.

— Я этого не понимаю.

— Когда-нибудь поймете. Когда-нибудь вы это поймете.

Взяв лошадей под уздцы, Самурай и Ниси попрощались с больным человеком, которого им уже не суждено было увидеть.

— Вы ничего не хотите передать своим близким на родине?

— Ничего не хочу. Мое сердце утешает Его образ.

Озеро сверкало в солнечных лучах. Лошади медленно брели вдоль его берега. Самурай и Ниси обернулись и увидели индейцев, которые смотрели им вслед. Среди них был и оборванный монах, опиравшийся о плечо женщины.

Третьего ноября. Чалко. Снова по той же пустыне мы направляемся в Мехико.

Четвертого ноября. Стоим под городской стеной у Мехико. Отправили посыльного, чтобы получить разрешение войти в город.

Отсюда видны улицы с высящимися шпилями соборов, белые стены. Среди врезающихся в лазурное небо шпилей — шпили Кафедрального собора, где японцы приняли крещение, монастыря, в котором мы жили.

Однако от вице-короля мы получили приказание, не заезжая в Мехико, проследовать прямо в порт Акапулько. Было сказано, что в Мехико ничего не подготовлено для приема, но каждому ясно, что это не более чем предлог, чтобы избежать встречи с японцами. Сделано это, несомненно, по указанию из Мадрида. Правда, настоятель францисканского монастыря в Мехико пожалел нас и прислал вина и еды. Двое монахов, которые привезли нам все это на ослах, передали мне письмо настоятеля. В нем он описал положение в Японии гораздо подробнее, чем мне сообщили в Риме. Это была копия донесения, посланного из францисканского монастыря в Маниле.

Гонения на христиан по всей стране начались через год после того, как мы покинули Японию. Это произошло как раз в то время, когда мы ждали отплытия из Гаваны. Именно тогда старик, сидевший в бархатном кресле, приказал изгнать из Японии не только миссионеров, но и множество верующих японцев и запретил по всей стране исповедование христианства.

Мы с посланниками тогда ничего об этом не знали. И, ничего не зная, настойчиво стремились в Испанию, к общей цели. Но мы строили призрачные замки.

В донесении говорилось, что, как только был издан приказ, миссионеров стали сгонять со всей Японии в Нагасаки. Наверное, среди них был и отец

Диего, с нетерпением ждавший моего возвращения в нашей лачуге в Эдо. Я представил себе дрожащего от страха, доброго, беспомощного товарища с красными, словно заплаканными, глазами, покидающего Эдо.

Миссионеров и японских монахов собрали в Фукуде, неподалеку от Нагасаки, и в течение почти восьми месяцев держали в грязных крытых соломенной лачугах. В Нагасаки начались беспорядки, жители разделились на тех, кто отрекся от христианства, и тех, кто продолжал тайно исповедовать его. Братья нашего ордена, доминиканцы и августинцы устроили двухдневное молебствие, а на Пасху прошли по городу с криками: «Мы мученики веры».

Седьмого ноября. Дождь. Сидевших под арестом восемьдесят восемь миссионеров и японцев посадили в пять джонок и выслали из Японии в Макао. На следующий день еще тридцать священников, монахов и японских верующих на утлом суденышке отправились в Манилу. Все они навсегда изгонялись из страны. На судне, направлявшемся в Манилу, находились также могущественные в прошлом военачальники, принявшие христианство, — князя Такаяма и Найто.

Читая донесение, я представлял себе сидевшего в бархатном кресле старика. В конце концов он все же одолел христиан, как Нерон апостолов. Но все равно мы победим в битве за человеческие души. Ему, видимо, не было известно, что, несмотря на жестокие преследования, японские верующие продолжали укрывать более сорока миссионеров. А те в свою очередь, зная, что их ждет неминуемая гибель, были преисполнены желания отдать свою жизнь ради этой страны, вытянувшейся в море наподобие ящерицы.

Они шли тем же путем, что и Господь. В мире, где правил первосвященник Каиафа, Господа предали и в конце концов распяли на кресте. Но он все же одержал победу в битве за души людей. Я тоже не признаю поражения.

Господи, укажи мне наконец, что я должен свершить.

Господи, да свершится воля Твоя.

Акапулько. В сверкающей бухте стоит галеон, на котором мы отправимся в Манилу. Мысы замыкают бухту с двух сторон, островки в бухте поросли оливами. Здесь теплее, чем в Мехико, расположенном на высокогорье.

Японцев поселили в казарме, они целыми днями спят как убитые. Все время спят и даже на улицу не выходят, точно изнурительное путешествие совершенно лишило их сил. Вокруг казармы тишина. И лишь резкие крики птиц, доносящиеся из бухты, временами нарушают ее.

Отплытие ожидается через месяц. Мы снова поплывем по Великому океану, будем бороться с волнами, сносить штормы и, если будет на то воля Господня, в начале весны достигнем Манилы. Я останусь там, а японцы подыщут корабль и вернутся на родину. Расставшись с ними, я, исполняя наказ дяди и Отцов ордена, буду жить в белокаменном монастыре с хорошо ухоженными цветочными клумбами...

Господи, укажи, что я должен свершить?

Господи, да свершится воля Твоя.

ГЛАВА X

Его разбудили до рассвета. Перед глазами, еще затуманенными сном, возникло лицо Ёдзо. Слуга улыбался, как заботливая мать, склонившаяся над ребенком, но Самурай сразу же понял — он хочет что-то сказать.

Самурай вскочил, точно подброшенный пружиной, и стал расталкивать спавшего рядом Ниси.

— Рикудзэн!.. — В это слово он вложил все свои чувства.

Японцы опрометью выскочили на палубу. Море было залито солнцем, и спокойная гладь казалась оранжевой. Вблизи виднелся знакомый остров. За ним в розоватом тумане высились горы, густо поросшие знакомыми деревьями. В знакомой бухте стояли небольшие суденышки.

Они долго молча разглядывали остров, бухту, суденышки.

Почему-то никто не радовался. И даже не плакал. Так долго ждали этой минуты, а теперь смотрели на род-

ной пейзаж будто во сне. Во время путешествия они много раз видели его в своих снах.

Марсовой-китаец, указывая на остров, что-то кричал. Может быть, сообщал о прибытии. Или объяснял, что это Цукиноура.

Все будто онемели. Они задумчиво смотрели на медленно плывущий перед их глазами родной пейзаж, не в силах справиться с нахлынувшими чувствами. Волны с шумом бились о борт корабля и рассыпались брызгами, сверкающими как осколки стекла. Птицы, точно оторвавшиеся от ветки листья, порхали, почти касаясь гребней волн.

В эту минуту в памяти Самурая из множества воспоминаний возникло одно — день отплытия. Тогда тоже скрипели мачты, волны ударили о борт корабля, птицы, как и сейчас, кружили над самым судном, и тогда он тоже неотрывно смотрел на море, где клыками вздымались гребни волн, и думал о том, что он вручает себя неведомой судьбе.

Действительно, судьба была неведома ему, но теперь уже конец, он вернулся. Почему же вместо радости в его душе лишь опустошенность и усталость? Он повидал так много, что теперь ему казалось, он не видел ничего. Он испытал так много, что ему казалось, он не испытал ничего.

— Чиновники! — раздался громкий крик. Из глубины бухты вышло небольшое судно, на котором развевался флаг с княжеским гербом. Стоя под флагом, низкорослый чиновник внимательно смотрел на их джонку. За судном следовало две лодки. Чиновник, козырьком приставив руку ко лбу, долго рассматривал японцев, которые тоже внимательно смотрели на него. Между кораблем и судном начались переговоры, и наконец чиновник решил сойти на берег.

Глазам прибывших, разместившихся в лодках, во всю ширь открывалась бухта Цукиноура. На мысе, далеко вдающемся в море, стояли полуразвалившиеся дома, крытые соломой. За ними виднелись небольшие красные ворота синтоистского храма с ярко-красным флагом. По дороге бежали дети. Да, это была Япония, японский пейзаж.

Вернулись!..

Только сейчас Самурай впервые почувствовал разрывающую сердце радость. Он невольно посмотрел на Ниси. Посмотрел на Ёдзо, Итискэ, Дайскэ.

— Японский... берег... — запинаясь произнес Ниси.

Когда они ступили на берег, заваленный морскими водорослями, набежала легкая волна, достигнув их ног. Наслаждаясь этим ощущением, они долго стояли в воде, закрыв глаза. Чиновники, выйдя из конторы, подозрительно смотрели на них. Вдруг один из них что-то закричал и побежал к ним; песок летел у него из-под ног.

— Вернулись?! — Он схватил Самурая и Ниси за руки, долго не отпускал. — Вернулись?!

Чиновникам ничего не было известно об их возвращении. Письмо, которое они послали с Лусона, где им пришлось прожить больше года из-за того, что не было попутного судна, не достигло Японии. И теперь чиновники, пораженные их неожиданным возвращением, не знали, что делать.

Царила тишина, так не похожая на оживленную суету в день отплытия. Самурая, Ниси и их слуг встречали лишь эти чиновники, наблюдавшие издали дети да волны, с грустным журчанием накатывавшие на берег. Самурай смотрел на море, где тогда покачивался на волнах похожий на крепость огромный корабль, на борт которого им предстояло подняться. А сейчас, насколько хватал глаз, простиралось спокойное море и не было видно никаких кораблей. Он вспоминал, как по берегу бегали носильщики, в бухте сновали тяжело груженные лодки. Теперь ничего этого не было.

В сопровождении чиновников они направились в храм, где ночевали в день отплытия. В храме с тех пор ничего не изменилось. Настоятель провел их в отведенную им комнату — увидев порыжевшие от солнца циновки, Самурай вдруг подумал о Танаке. На этих же циновках тогда спали Танака, Мацуки и он с Ниси. Теперь здесь нет Танаки и Мацуки. Могила Танаки в Веракрусе. В Японию вернулись лишь его волосы и ногти.

В их комнате постоянно толпились люди — чиновники заходили, выходили, снова возвращались. Отдохнуть было невозможно. Гонец, которого отправляли известить Совет старейшин об их прибытии, уже выехал из Цукиноуры. Самурай и Ниси были готовы к тому, чтобы на другой же день после получения указаний Совета старейшин отправиться в замок.

Им все было приятно. И специфический запах японского жилища, и привычная утварь, и еда, которая подавалась на низких столиках, — все было японским, родным — таким, как они мечтали все эти годы. Слуги, ко-

торых поселили в соседней комнате, даже плакали, глядя опорные столбы.

Настоятель и чиновники недоверчиво слушали рассказы Ниси о странах южных варваров. Им было трудно поверить, что бывают многоэтажные каменные дома, соборы, шпили которых устремлены высоко в небо. Было бесполезно объяснять, что представляет собой пустыня Новой Испании, где растут лишь агавы и кактусы — сколько ни иди по ней, одни агавы и кактусы.

— Мир... — Ниси улыбнулся, понимая, что ему все равно не поверят, — гораздо больше, чем можно представить себе здесь, в Японии.

После того как Ниси закончил свой рассказ, настоятель и чиновники стали рассказывать о том, что произошло в княжестве после их отъезда. Примерно в то время, когда Самурай и его товарищи покинули Рим, Японию потрясло огромное сражение. Род Токугава уничтожил род Тоётоми. К счастью, Его светлость ограничился тем, что послал лишь подкрепление, а сам в Осацком сражении не участвовал. Господин Исикава погиб. Примерно тогда же вернулись на родину купцы и матросы, совершавшие путешествие вместе с Самураем и его товарищами. Свой корабль они бросили на Филиппинах и приплыли на другом корабле южных варваров.

— Господин Мацуки тоже?

Чиновник кивнул. Он сказал, что Мацуки после возвращения на родину был назначен в сыскное ведомство Совета старейшин. Для самурая его звания получить такую должность — завидная карьера.

Самурай и Ниси хотели спросить, как обстоят дела с христианством. Им хотелось знать, имеет ли еще влияние в Совете старейшин господин Сираиси, отправлявший их в Новую Испанию. Но у обоих точно ком подступил к горлу, и они не смогли вымолвить ни слова. Мрачное предчувствие заставило их не задавать этого вопроса. А сам настоятель и чиновники не сказали об этом ни слова.

Наступила ночь. Самурай лежал рядом с Ниси, он был слишком взволнован и не мог уснуть. Издали доносился шум волн. Это была первая ночь после возвращения — спустя четыре года — на родину. Перед глазами Самурая возникла Ято, куда он должен вернуться через несколько дней. Морщинистое лицо дяди — он наверняка заплачет, — лицо Рику, которая будет молча смотреть на него, лица детей — они, конечно, сразу же бросятся к не-

му. Он вспомнил свое короткое письмо к ним. «Пишу в спешке. Мы прибыли в Цукиноуру. Все здоровы. Закончив дела, мы сразу же вернемся домой. Обо всем расскажу подробно...»

Ниси тоже ворочался с боку на бок, видимо, как и он, не в силах уснуть. Самурай кашлянул, и Ниси тихо сказал:

— Даже не верится... что мы вернулись.

— Мне т о ж е . — Самурай тяжело вздохнул.

На следующий день, после полудня, гонец вернулся. Он привез указание Совета старейшин.

Сидя в почтительной позе, Самурай и Ниси выслушали его. Чиновник сообщил, что им предписывается ждать в Цукиноуре прибытия старейшин, а до этого встреча и переписка с семьями запрещена.

— Кто дал такое указание? — спросил Самурай, побледнев.

— Господин Кагэясу Цумура.

Господин Цумура был одним из членов Совета старейшин, в который входили также господа Сираиси, Аюгаи и Ватари. Самураю и Ниси не оставалось ничего другого, как подчиниться приказу.

— Не беспокойтесь, — поспешил чиновник утешить Самурая и Ниси, — купцы и матросы подверглись такой же процедуре.

Это было выше их понимания. Всем было известно, что они отправились в дальние страны в качестве посланников Его светлости. Члены Совета старейшин это хорошо знали. Кроме того, было досадно, что с ними обращаются как с простыми купцами и матросами.

Мало того, в отличие от вчерашнего дня теперь в их комнату не заходил ни один человек. Было ясно, что они получили приказ поменьше общаться с прибывшими.

— Уж не под арестом ли мы?

Ниси зло смотрел вниз с веранды. Он чувствовал, что чиновники стали относиться к ним настороженно.

Сидя в комнате, щедро залитой вечерним солнцем, Самурай смог наконец сообразить, почему с ними так обращаются. Они не выполнили возложенную на них миссию. Но если бы им дали возможность как следует объяснить Совету старейшин, объяснить, что, несмотря на все свои старания, они не смогли этого сделать...

Утром, на третий день затворнической жизни в храме, в их комнату влетел чиновник, не появлявшийся все это время.

— Сегодня прибывает господин Цумура, — объявил он.

После полудня Самурай, Ниси и слуги выстроились перед храмом, чтобы встретить господина Цумуру. Наконец на дороге, ведущей от побережья к храму, послышались цоканье копыт и топот людей и показался господин Цумура с сопровождающими. Безмолвно проследовав мимо низко склонившихся Самурая и Ниси, они скрылись в храме.

Господин Цумура заставил себя ждать. Видимо, в храме он выяснял подробности их возвращения, сколько с ними было человек, их имена. Наконец вышел чиновник и вызвал Самурая и Ниси на дознание.

Они вошли в комнату, где величественно восседал господин Цумура. Их встретил пристальный острый и беспощадный взгляд сановника. Рядом сидело еще трое из его сопровождения, и Самурай узнал среди них худую фигуру Тюсаку Мацуки, с которым они расстались в Мехико. Избегая взгляда Самурая, в котором он прочел удивление, смешанное с радостью, Мацуки отвернулся.

— Ваше долгое путешествие было трудным. Мы уверены, что вы стремились как можно скорее вернуться на родину, и ценим это, — начал со слов благодарности господин Цумура. — Однако с прошлого года сёгун предписал тщательно проверять всех, кто возвращается в Японию из чужих стран. Это моя обязанность — вы должны понять.

После этого господин Цумура стал расспрашивать Самурая и Ниси, почему их судно, минуя Нагасаки и Сакаи, прибыло прямо в Цукиноуру. Они ответили, что их судно, разгрузившись на китайском острове Формоза, пошло на север, назад — в Новую Испанию.

Господин Цумура выспрашивал их, пытаясь выяснить, не было ли на судне миссионеров и монахов, не высадились ли они тайно в Японию.

— Н е т , — ответили они.

По тому, как держался этот сановник, по его вопросам Самурай в конце концов отчетливо понял, что в период их долгого отсутствия в княжестве начались жестокие гонения на христиан. Он колебался, должны ли они с Ниси честно признаться в том, что они приняли в Испании христианство.

— Что с Веласко?

— Мы распрощались с ним в Маниле.

— Что он собирается делать в Маниле? — настойчиво расспрашивал Цумура. — Не говорил, что снова придет в Японию?

Самурай решительно покачал головой. Он, разумеется, прекрасно помнил признания Веласко, но считал, что сейчас говорить о них не место.

— Княжеству Веласко больше не нужен. Сёгун запретил исповедование христианства во всей Японии. И тем, кто проповедует и распространяет христианство, Его светлость не разрешит появляться в своих владениях. Это относится и к Веласко.

Самурай почувствовал, что у него на лбу выступил пот. Почувствовал, как дрожат колени Ниси, в почтительной позе сидевшего рядом с ним.

— Приняли ли христианство кто-нибудь из ваших слуг?

— Н е т . — Голос Самурая звучал пронзительно.

— Вы уверены?

Самурай молчал потупившись.

— Ну что ж, на этом и покончим, — впервые улыбнулся Цумура . — Насколько мне известно, путешествовавшие вместе с вами купцы приняли христианство, но сделали они это ради торговых выгод, это была простая уловка, и я ограничился тем, что потребовал от них письменного отречения. Но вы самурай. И ваше поведение заботит меня значительно больше.

Самурай чувствовал на себе взгляд Мацуки, сидевшего рядом с Цумурой. Он с грустью вспоминал его слова, сказанные при расставании в Мехико. Мацуки по-прежнему старался не смотреть на него.

— Знайте, что взгляды Его светлости и позиция Совета старейшин изменились. Княжество больше не стремится к торговле с южными варварами и не станет добиваться каких бы то ни было привилегий. Его светлость отказался от мысли о торговле с Новой Испанией.

— Значит... — сказал Самурай сдавленным голосом, — причина, побудившая послать нас в Новую Испанию...

— Да, обстоятельства изменились. Ваше долгое путешествие в страны южных варваров, как я могу предположить, было трудным. Но Совет старейшин уже не нуждается в Новой Испании. И огромные корабли, способные пересекать море, тоже больше не нужны.

— Значит... наша миссия...

— Вы освобождены от выполнения миссии.

Самурай с трудом сдерживал дрожь в коленях. Он изо всех сил пытался не дать вырваться наружу воплю возмущения и горя. Старался держать себя в руках, чтобы не выдать охватившую его досаду и печаль. Господин Цуму-

ра как о безделице говорил о том, что их путешествие было совершенно бессмысленно, абсолютно бесполезно. Зачем же тогда они пересекали бескрайнюю пустыню Новой Испании, путешествовали по Испании, добрались даже до Рима? Он вспомнил горестные похороны Тародзаэмона Танаки в Веракрусе.

Ради чего умер Танака?

— Я . . . — Самурай по-прежнему сидел потупившись, — я и Кюскэ Ниси не представляли себе ничего подобного.

— Вы и не могли это представить себе. Совет старейшин не имел возможности сообщить вам об этом.

Если бы в комнате никого не было, Самурай бы громко рассмеялся — от бессмысленности того, что они совершили. В этот момент потупившийся Ниси, изо всех сил прижимая кулаки к коленям, мертвенно побледнев, закричал:

— Какими же глупцами мы были!

— Вы в этом не виноваты, — сказал господин Цумура сочувственно. — Запрет сёгуната исповедовать христианство все изменил.

— Я принял христианство.

Цумура удивленно посмотрел на Ниси, сделавшего такое признание. В комнате воцарилась напряженная тишина. И в наступившей тишине Мацуки впервые посмотрел на Самурая и Ниси.

— Это правда? — произнес наконец Цумура тихо. — Тогда...

— Это было сделано не по доброй воле. — Самурай решительно удержал Ниси, пытавшегося что-то выкрикнуть. — Мы думали, что это благоприятно отразится на выполнении нашей миссии.

— Вы, Хасэкура, тоже приняли христианство?

— Да. Но так же, как и купцы, не от чистого сердца.

Не проронив ни слова, Цумура сурово взглянул на Самурая и Ниси. Через некоторое время он сделал знак, и один из сопровождавших его чиновников поднялся и поспешно покинул комнату. Цумура тоже встал. Их одежды издавали шуршащий звук. Последним шел Мацуки, на мгновение он остановился и обменялся взглядом с Самураем и Ниси.

Оставшись одни, они долго сидели в прежней почти-тальной позе, опершись руками о колени. В комнате было тихо, слабый свет проникал со стороны веранды.

— Я . . . — Глаза Ниси были полны слез. — Я сказал то, чего говорить не следовало.

— Оставь. Все равно Совету старейшин рано или поздно это стало бы известно.

«Я прекрасно понимаю, почему тебе хотелось во весь голос закричать, что ты принял христианство, — хотел было сказать Самурай, но удержался. — Я и сам готов был выплеснуть переполнявшую меня досаду и горечь на господина Цумуру, на Совет старейшин, на стоящие за Советом старейшин могущественные силы».

— Что же теперь будет с нами?

— Не знаю. Решать господину Цумуре.

— Это... — Ниси улыбнулся сквозь слезы, — неужели это и есть вознаграждение?

«Нет, это наша судьба, — подумал Самурай. — И это было predetermined в тот момент, когда мы покинули Цукиноуру». Ему даже казалось, что он уже давным-давно знал, что все так и будет.

Оставив в Цукиноуре Ёдзо и остальных слуг, Самурай и Ниси последовали за господином Цумурой, чтобы доложить обо всем Совету старейшин и написать отречение от христианства. Это делалось по приказу господина Цумуры.

Замок Его светлости за время их отсутствия значительно разросся. Была сооружена новая белоснежная угловая башня, вход в замок преграждали теперь массивные главные ворота, доставленные сюда с Кюсю. Вошедшему в ворота дорогу преграждали несколько рядов укреплений: изогнутые, как мечи, каменные изгороди и неприступные, с многочисленными бойницами, стены. Самурай и Ниси провели в какое-то помещение.

Дощатый пол в комнате блестел темным лаком. Был еще день, но здесь царил полумрак и тишина, не было никакой мебели, лишь в дальнем углу виднелась почти вертикальная лестница.

— Теперь этот мрак для меня непереносим, — прошептал Ниси.

— В каком смысле?

— В Новой Испании и в Испании здания светлые, солнечные, не то что здесь. Мужчины и женщины разговаривают, смеются. А здесь нам нельзя свободно разговаривать, свободно смеяться. Мы даже не знаем, где находится Его светлость. — Ниси глубоко вздохнул. — Но пока мы живы, нам не уйти от этого мрака. Каждый живет здесь в соответствии со своим положением. Высшие санов-

ники — как высшие сановники, восначальники — как военачальники, простые самураи — как простые самураи.

— Может быть, мы увидели то, чего нам видеть не следовало?

Да, это была Япония. Замковые башни с крохотными, как бойницы, оконцами — они служат лишь тому, чтобы следить за приближающимися путниками; увидеть через них бескрайний мир невозможно. Самураю хотелось встретиться с господином Сираиси. Ему казалось, что ни господин Сираиси, ни господин Исида не обошлись бы с ним так сурово, как господин Цумура. Они бы поняли, почему посланникам не удалось выполнить свою миссию, у них нашлись бы теплые слова благодарности, они воздали бы им должное.

Тут раздался звук шагов, но появились не они, а господин Оцука из «Сюмон Аратамэ»¹, и с ним еще один чиновник. Этот старик, худой, как дядя Самурая, стал снова расспрашивать их, почему они приняли христианство.

— Потому что ни в Новой Испании, ни в Испании, не приняв христианства, мы не смогли бы выполнить свою миссию, — начал подробно объяснять Самурай. И закончил рассказом о Веласко, о смерти Танаки. — Все это мы сделали ради выполнения миссии, — воскликнул он, — Мы только для виду стали христианами. Наши слуги... То же самое.

— И сейчас совершенно не верите?

— Мы никогда не верили.

— Нужно обязательно указать это в письменном отречении от христианства. — Господин Оцука, с жалостью посмотрев на них, еще раз подчеркнул: — Именно это.

Чиновник положил перед ними бумагу и кисти и сказал, чтобы они писали отречение.

Водя кистью, Самурай вспомнил художого, жалкого человека с распростертыми руками. Человека, которого во время своего долгого путешествия он видел каждый день, каждую ночь в городах, куда они прибывали, в монастырях, где останавливались. Разумеется, он никогда не верил в этого человека. Не было у него и желания поклоняться ему. И вот теперь этот человек доставляет ему столько неприятностей. Он всячески старается изменить его судьбу.

¹ Секта «Сюмон Аратамэ» («Врата очищения») была учреждена в 1640 г. в столице и представляла собой своего рода «Святую инквизицию». В 1644 г. было решено усилить ее организациями в провинциях.

После того как они написали отречение, их повели в другое здание, где находился Совет старейшин. Но там не оказалось ни одного члена Совета, и вместо них рассказ Самурай и Ниси о путешествии деловито выслушали трое чиновников. Они не выразили ни сочувствия, ни благодарности за труды. Видимо, Совет старейшин распорядился именно так обращаться с ними.

— Господин Сираиси и господин Исида ничего нам не передавали? — не выдержал Самурай.

Один из чиновников холодно ответил:

— Нет, не передавали. — И добавил, что им не будет дана аудиенция. — Дальнейшее ваше общение признано нецелесообразным. Таков приказ Совета старейшин.

— Почему Совет старейшин считает, что господину Хасэкуре нельзя общаться со мной? — сжал кулаки Ниси.

— Принявшие христианство ни в коем случае не должны поддерживать между собой отношений — таково решение Его светлости, — заявил чиновник, криво улыбнувшись. Он сказал также, что они свободны и, переночевав в отведенной им комнате, могут отправиться по домам.

После этих слов Самурай и Ниси поняли, что их возвращение на родину доставило немало хлопот, и поэтому каждый старается поскорее от них избавиться. Они почувствовали также, что и члены Совета старейшин избегают встречи с ними. Их никто не проводил до главных ворот. Самурай и Ниси покинули замок с чувством, будто их вышвырнули. Мощенную камнем дорогу освещало солнце, пробивавшееся сквозь густую листву деревьев, росших по обеим ее сторонам; казалось, что бойницы холодно смотрят им вслед. Они не знали, где в этом замке находится Его светлость. Может быть, ему вообще неизвестно, что они вернулись в Японию?

Спускаясь от главных ворот вниз, Самурай вдруг сказал, будто разговаривая сам с собой:

— Да, земли в Курокаве... — Он вспомнил обещание господина Исида, что если их миссия будет успешно выполнена, то вопрос о землях в Курокаве рассмотрят благоприятно. Господин Сираиси и господин Исида наверняка знают об их возвращении. Почему же они не встретились с ними?

Даже вернувшись в отведенное им помещение, Самурай и Ниси не смогли разговаривать. Они уже ничего не понимали. Завтра они уедут обратно в Цукиноуру, а оттуда вместе со слугами вернутся каждый к себе домой.

— Неужели мы уже никогда не сможем увидеться? —

заморгал глазами Самурай. — Но если таково повеление Его светлости, придется подчиниться. Когда-нибудь они все поймут, я уверен в этом.

— У меня это просто в голове не укладывается. Такое обращение с нами Совета старейшин оскорбительно, — до самого вечера причитал Ниси.

Наступила ночь. Устроившись рядом с Ниси, который после ужина так и не поднялся со своего места и сидел, понуро опустив голову, Самурай при тусклом свете свечи писал дневник путешествия. За каждым иероглифом стояло множество воспоминаний, всплывали в памяти пейзажи, их цвета, запахи. В каждом иероглифе, в каждой строке заключались незабываемые ощущения, порой горестные. Пламя свечи колебалось и потрескивало.

Пришел посетитель. Его фигура, как тень огромной птицы, отразилась на стене, где оставили следы потеки от дождя. Это был Тюсаку Мацуки.

— Пришел попрощаться.

Мацуки стоял, прислонясь к стене, по привычке слегка отвернувшись в сторону. Он не смотрел им в глаза — возможно, чувствовал неловкость от того, что не разделил судьбу своих товарищей, а может быть, его удручало их жалкое положение.

Самурай и Ниси молчали, и Мацуки, словно оправдываясь, сказал:

— Теперь нужно делать вид, будто никакого путешествия вовсе и не было.

— Я не могу. — Ниси зло глянул на него. — Вы другое дело — вы служите в Совете старейшин. Сделали карьеру. А нам не удастся устроить свою жизнь так умело, как вы, господин Мацуки.

— Не будь ребенком, Ниси. Сколько раз я говорил тебе это. Еще на корабле. Без конца повторял, предупреждал, что мнения в Совете старейшин разделились, что господин Сираиси и господин Аюгаи по-разному смотрят на все это дело. Но ты никогда меня не слушал.

— А что случилось с господином Сираиси? — спросил Самурай, чтобы утихомирить спорящих. — Он еще возглавляет Совет старейшин?

— Нет, он больше не в Совете. Всеми делами княжества заправляет сейчас господин Аюгаи.

— Наверное, поэтому с нами и обошлись таким образом? Ни слова сочувствия, ни слова благодарности от

Совета старейшин мы так и не дождались, — криво усмехнулся Ниси.

Мацуки с холодным презрением глянул на него.

— Разве не в этом и заключается государственная мудрость?

— Что значит «государственная мудрость»?

— Новый Совет старейшин обязан отказаться от всего, что замышлялось господином Сираиси и старыми членами Совета. Обязан забыть все его начинания. И, как это ни печально, осудить, отвергнуть тех, кто претворял в жизнь эти начинания, даже если этим людям ничего не было известно об их сути. Такова государственная мудрость.

— Я, мелкий самурай, всего лишь мэсидаси... далек от всякой государственной мудрости. Я честно выполнил приказ, отправился посланником... — Ниси потупился, плечи его дрожали.

Мацуки отвернулся, чтобы не видеть этого.

— Послушай, Ниси. Неужели ты до сих пор думаешь, что был посланником? Неужели не понял, что служил лишь ширмой, — прошептал он сочувственно.

— Что значит «ширмой»? — воскликнул потрясенно Самурай.

Мацуки вздрогнул.

— Оказывается, в то время ни сёгун, ни Его светлость даже не собирались завязывать торговые отношения с Новой Испанией. Я узнал об этом, как только вернулся в Японию...

— Как это?

— Выслушайте меня до конца. У них и в мыслях не было приглашать в страну христианских монахов. Таким хитрым путем сёгун хотел разведать секреты строительства крупных кораблей, секреты кораблевождения. Он хотел выяснить, где пролегают морские пути южных варваров, именно с этой целью вместе с купцами было отправлено на корабле много матросов. А купцы и мы служили лишь ширмой для этого. Ширмой, чтобы у южных варваров не возникло никаких подозрений. Именно поэтому в качестве посланников были выбраны не люди высокого звания, а мэсидаси, мелкие самураи, возможная гибель которых никого особенно не волновала.

— Это и есть государственная мудрость? — в бешенстве стукнул кулаками по коленям Ниси. — И это вы считаете благородным?

— Да, именно в этом мудрость настоящего правителя.

Сейчас я в этом убежден. То, что четыре года назад считалось хорошим, сегодня может рассматриваться как плохое. Такова государственная мудрость. Мысли господина Сираиси о благоденствии владений Его светлости в то время для княжества были правильными. Сейчас же, когда сёгунат не хочет возвышения какого-либо одного княжества, мысли господина Сираиси стали непригодными. Теперь господин Сираиси изгнан из Совета старейшин, владения его урезаны. Все естественно. Такова государственная мудрость.

Самурай, как раньше Ниси, сжал руки и молча смотрел на пламя свечи. Если бы он не сжал их так крепко, что ногти впились в ладони, ему бы не сдержать охватившей его досады. Он вспомнил полные сочувствия слова господина Исиды. Его добрую улыбку.

— Даже самые незнатные самураи — все-таки лю ди , — простонал он, как раненый зверь. — Люди, несмотря на свое низкое звание!

— Да, государственная мудрость — вещь жестокая, как сражение. Если заботиться о мелких самураях, победить в сражении невозможно.

— Его светлость... тоже так считает?

Совет старейшин, его члены — это еще куда ни шло, но Самураю не хотелось думать, что и Его светлость разделяет подобные мысли. Он видел Его светлость лишь издали. Самураям низкого звания до него было не дотянуться. Но за Его светлость беззаветно сражалась вся их семья, в том числе отец и дядя. Немало из их рода отдали за Его светлость свои жизни. А ведь князь не так бессилен, как тот худой жалкий человек с распростертыми руками. Его светлости должно быть известно все.

— Его светлость? — пробормотал Мацуки сочувственно о . — Но ведь Его светлость и есть та самая государственная мудрость.

Под небом, сплошь затянутым тучами, деревья время от времени как бы вздрагивали, стряхивая на землю капли дождя. Крестьянин в соломенном плаще рубил в лесу ветки.

Самурай, сидя у очага, ломал сухие ветки. Дядя, устроившись рядом, не отрывал глаз от огня. Сухие ветки ломались с треском. Самурай бросал их в огонь. В очаге плясали языки пламени.

«Нужно делать вид, будто никакого путешествия вовсе и не было».

Самурай отчетливо помнил эти слова, сочувственно произнесенные Тюсаку Мацуки. Забыть, считать, что ничего вообще не было. Действительно, ничто другое не способно вернуть его истерзанной душе прежний покой. Сейчас уже бессмысленно страдать от того, что они были не уважаемыми посланниками, а всего лишь жалкой ширмой. Наконец-то он смог осмыслить слова Мацуки о разногласиях в Совете старейшин между господином Сираиси и остальными членами, понять, что господин Сираиси утратил свое влияние, понять, в чем состоит государственная мудрость. Ничего не поделаешь, решил он.

Самураю было тяжело смотреть на хмурое лицо дяди, возглавлявшего большие надежды на племянника. Жена Рiku лишь грустно улыбнулась. Она не спрашивала о том, что происходило в замке, что их ждет в будущем. И вела себя так, словно ничего не случилось. Но временами и его охватывала невыносимая тоска от одной мысли о доброте Рiku к нему.

— Господин Исида... — не вытерпел однажды вечером дядя, сидя рядом с Самураем, ломавшим сухие ветки. — От господина Исиды нет никаких вестей?

— В Нунодзаве сейчас жатва. Потом, я думаю, обязательно позовет к себе.

Даже господин Исида, непосредственный военачальник Самурая, не прислал ему письма после возвращения на родину. Казалось, будто и он тоже избегает их семьи. Самурай послал к нему Ёдзо, чтобы передать привет и попросить о встрече, но господин Исида ответил, что, когда такая возможность представится, он сам сообщит ему. Самураю была невыносима мысль, что теперь, когда от него все отвернулись, господин Исида тоже избегает встречи с ним.

«Мир бескраен. Но я больше не верю людям», — с грустью сказал Кюскэ Ниси, изо всех сил вцепившись в поводья, чтобы сдерживать досаду, когда они после возвращения из замка расставались в Цукиноуре. До сих пор в ушах Самурая звучал дрожащий от возмущения голос Ниси. Ничего не зная, ни о чем не догадываясь, они, выполняя чужую волю, скитались по бескрайнему миру. Сёгун использовал князя, князь использовал Веласко, Веласко в свою очередь обманывал Его светлость, иезуиты вели отвратительную борьбу с францисканцами, а они, втянутые, как в водоворот, в этот всеобщий обман, скитались по миру.

— А вдруг и господин Исида... отвернулся от нашей

семьи? — едва слышно прошептал дядя.

Раньше он никогда не говорил таким тихим голосом. Дядя, обессиленный, точно мотылек глубокой осенью, неотрывно смотрел на яркие языки пламени. Он весь как-то усох. Самурай, сам не веря в то, что говорит, изо всех сил пытался утешить старика. Рику, потупившись, слушала их разговор. Иногда, не в силах сдержать слезы от безмерной жалости к мужу, который вынужден был лгать дяде, она выходила из комнаты. А Самурай лгал без конца, чтобы хоть на один день продлить старику угасавшую жизнь. Единственным желанием дяди, навязчивой идеей было умереть на земле Курокава, на земле предков.

Когда Самураю становилось совсем невмоготу сидеть наедине с дядей, он, гоня от себя навязчивые мысли, работал вместе с крестьянами с утра до ночи. Теперь единственным утешением для него было взвалить на спину огромную вязанку дров и, преодолевая боль в спине, тащить ее по горной тропе до хижины углежогов. За ним молча следовал с такой же вязанкой дров Ёдзо в узких, едва не лопающихся штанах. После возвращения на родину Самурай ни разу не заговорил с ним о случившемся. Но когда они садились отдохнуть в долине, где траву нежно ласкали золотые лучи солнца, достаточно было видеть, как он молча смотрит в одну точку, чтобы без слов понять, что у него на душе.

«Ёдзо и его товарищей жаль еще больше, чем меня», — думал Самурай.

Самураю нечем было отблагодарить Ёдзо, Итискэ и Дайскэ за те тяготы, которые выпали на их долю во время путешествия. Совет старейшин не дал семье Хасэкура никакого вознаграждения. Может быть, Ёдзо и его товарищи завидуют погибшему Сэйхати? Он обрел свободу. А они, как и Самурай, по-прежнему обречены влачить жалкую жизнь.

Поздней осенью от господина Исиды прибыл посыльный. Самураю предписывалось приехать к нему для беседы.

Взяв с собой Ёдзо, он отправился в Нунодзаву. Вода во рву, окружавшем усадьбу господина Исиды, была мутной, в ней колыхались водоросли и гниющий тростник, они как бы символизировали горечь утраты хозяином власти в Совете старейшин.

— Спасибо, что приехал. — Покашливая, господин Исида смотрел на низко склонившегося Самурая. А тот,

подняв голову, увидел, как сильно постарел и осунулся его господин, — этот когда-то могучий человек напомнил ему дядю.

— Наверное... — грустно начал господин Исида после недолгого молчания. — Наверное, обидно тебе?

Самурай изо всех сил старался сдерживать нахлынувшие на него чувства. После возвращения на родину это были первые ласковые слова. Ему хотелось завывать в голос. Обидно... Потрясенный, он, опершись руками о колени, молча опустил голову.

— Но теперь... ничего не поделаешь. Пока тебя не было, положение изменилось, Его светлости пришлось отказаться от всех своих помыслов. Да и тебе... нужно выбросить из головы мысль о Курокаве.

Хотя Самурай уже был готов к этому, но стоило услышать такой приговор из уст господина Исиды, как перед глазами сразу же всплыло лицо дяди с беззубым ртом.

— И ни в коем случае не вздумай выражать недовольство. Объясни это как следует и дяде. Нужно считать благом, что хотя бы пока не тронули семью человека, принявшего христианство.

— Я это совершил... ради выполнения миссии.

Чуть не плача, Самурай старался убедить господина Исиду, что не верит в Христа и никогда не верил, а принял христианство только ради выполнения возложенной на него миссии.

— Но все же не забывай, что семьи Сэммацу и Кавамура за то, что приняли христианство, лишились своих земель.

— Господин Сэммацу и господин Кавамура?!

Он слышал об этом впервые. Эти семьи были гораздо родовитее Хасэкура. Особенно велики были заслуги господина Маготэя Кавамуры, который ведал осушительными работами и лесопосадками в княжестве, за что ему были пожалованы земли, приносящие доход свыше трех тысяч коку¹ риса — в Сарусаве, Хаямато и Окаги. Самурай не знал, что даже эта семья пострадала из-за того, что глава ее принял крещение.

— Имей это в виду, — предостерег господин Исида. — Теперь ты должен жить тихо и незаметно.

— Тихо и незаметно?!

— Да, чтобы не привлекать к себе внимания. Ни у кого не должно закрасться подозрение, что ты христианин.

¹ Единица веса (1 коку — 150 кг).

Я уже не смогу прийти тебе на помощь. Раньше Его светлость призывал род Исида, когда нужно было вести сражения, но времена изменились, теперь мы ему не нужны, и он отвернулся от нас. Я не жалею. Тебе же известно, что Его светлость являет государственную мудрость. — Господин Исида хрипло засмеялся, словно издеваясь над собой. — Ты в таком же положении. В тот год тебя сделали посланником и отправили в страны южных варваров, хотя ты и невысокого звания, а сейчас ты должен жить так, чтобы не привлекать к себе внимания. К сожалению, именно такое отчуждение, такие отвратительные отношения и бытуют между людьми — подумай об этом... Я позвал тебя сегодня специально... чтобы сказать это.

Самурай, потупившись, внимательно слушал унылый голос своего господина. Казалось, он обращается не к Самураю, а к самому себе лишь для того, чтобы сдержать переполнявшие его тоску и возмущение.

Вечером он покинул Нунодзаву. В ушах еще звучал хриплый голос господина Исида. Ёдзо покорно следовал за его лошадьёю. Самурай должен теперь жить в Ято тихо и незаметно, не привлекая к себе внимания.

Вернувшись ночью домой, он сказал дяде, которому еще ничего не было ведомо, что разговор шел о странах южных варваров. Хотя, по правде говоря, господин Исида не задал ни одного вопроса об этих странах, о том, как проходило путешествие. И не только господин Исида — никто в княжестве не проявил ни малейшего интереса к дальним странам.

— Ладно, пусть о землях в Курокаве он даже не упомянул. — Дядя прикрыл глаза, будто выражая этим покорность. — Но неужели и словом не обмолвился о вознаграждении?

— Сейчас ничего невозможно сделать. Он сказал, что придется подождать.

Самурай не считал себя вправе оборвать тонкую ниточку, еще связывающую дядю с жизнью. Он должен был говорить так, чтобы у того осталась хотя бы крупица надежды. Лгать было противно, и поэтому голос его звучал сухо. Лицо оставалось бесстрастным.

Когда все уснули, Самурай открыл шкатулку для писем — он не расставался с ней в течение всего путешествия. Шкатулку, которую много раз заливала морская вода, опалило жаркое солнце Новой Испании. Следуя совету господина Исида, он должен был предать огню

все, что хотя бы чуточку было связано с христианством. В ней лежали листки с записанными на них для памяти именами падре и монахов монастырей, в которых они побывали, и молитвами о благополучном путешествии, избрания святых, закладки для молитвенников. Они были ему не нужны, но он не выбросил их, думая, что, возвратившись домой, позабавит жену и детей.

Самурай порвал листки и картинки и бросил в огонь. Ведь Совет старейшин может посчитать эти бумаги крамольными и придерется к ним. Края листов завернулись, они стали темно-коричневыми, пробежало крохотное пламя — и все исчезло.

Глубокая ночь в Ято. Тому, кто не знает ночи в Ято, неведомы настоящая тьма, молчание тьмы. Тишина — не просто отсутствие звуков. Тишина — это шелест опадающей в лесу за домом листвы, раздающиеся временами резкие голоса птиц, тень на стене фигуры человека, сидящего у огня.

«Мир бескраен. Но я больше не верю людям», — повторял про себя Самурай слова Кюскэ Ниси, глядя на золу в очаге. «Теперь ты должен жить тихо и незаметно, чтобы не привлекать к себе внимания», — вспомнил он слова господина Исиды. Перед его мысленным взором возникли Ниси и господин Исиды, как и он сидящие в эту ночь безмолвно, понурившись.

Со дна шкатулки появилась небольшая пачка полуистлевшей бумаги. Ее отдал ему при расставании тот японец, который жил у озера в Текали. Этот человек, наверное, уже покинул Текали и ушел вместе с индейцами в какое-нибудь другое место. А может быть, умер. Мир бескраен, но везде люди страдают, как и здесь, в Ято.

Он всегда рядом с нами,
Он прислушивается к нашим страданиям и скорби,
Он плачет вместе с нами,
Он говорит нам:
Блаженны плачущие — ибо на небесах они утешатся.

«Он» — это тот худой жалкий человек, распростерший пригвожденные руки и уронивший голову на грудь. Закрыв глаза, Самурай вспоминал того человека, каждый вечер смотревшего на него со стен комнат, в которых он жил. Сейчас Самурай почему-то не испытывал к Нему ни презрения, ни отчуждения. Ему даже казалось, что этот достойный сострадания человек чем-то похож на него самого, горестно сидящего у очага.

Он скитался по миру, но навещал не высокомерных и знатных, а бедных и страждущих и беседовал только с ними. До утра Он сидел с умирающими и до рассвета держал их за руку, а потом страдал вместе с оставшимися в живых... Не для того Он пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих.

Здесь жила женщина, многие годы продававшая свое тело. Однажды она узнала, что Он пришел по морю. Она побежала туда, где был Он, и пошла рядом с Ним, не говоря ни слова и лишь плача. Ее слезы мочили ступни Его ног. И Он сказал: перестань плакать. Бог знает о твоих страданиях и о твоей скорби. Так что не страшись.

Точно обезумевшая, закричала птица — один раз, второй. Он сломал ветку и бросил в очаг, пламя слабо колыхнулось и стало пожирать сухие листья.

Самурай пытался представить себе, как японец в жалкой лачуге у озера исписывает страницу за страницей. Ночь там такая же непроглядно темная, как здесь, в Ято. Самураю казалось, что он смутно понимает, почему ему так необходимо было писать все это. Ему нужен был не тот бог, о котором твердят в церквях богатые падре, а человек, который бы защитил его и индейцев, покинутых всеми. «Он всегда рядом с нами. Он прислушивается к нашим страданиям и скорби, Он плачет вместе с нами...» Самураю померещился бывший монах, исписывающий своими каракулями страницу за страницей.

Приближалась первая зима после возвращения Самурая на родину. Из леса, окружавшего его дом, каждый день неслись сухие листья, и однажды он увидел в оголенном лесу голые, переплетенные сетью серебристые ветки.

Самурай, как и в прежние годы, вместе со слугами ходил в лес рубить деревья. Срубленные деревья шли либо на дрова и складывались вокруг дома наподобие высокой ограды, либо на выжиг угля — так всегда делали в Ято. В таком же, как у крестьян, коротком кимоно с узкими рукавами и в рабочих штанах, он с утра до ночи обрубал топориком сухие ветки, пилил деревья. Физический труд позволял ни о чем не думать. Ввалив на плечи гору хвороста и возвращаясь с Ёдзо и остальными домой, он в такт шагам всегда шептал про себя слова господина Исиды: «Тихо и незаметно, не привлекая к себе внимания, тихо и незаметно, не привлекая к себе внимания».

Во время работы, словно вспомнив что-то, он временно поглядывал на молча трудившегося Ёдзо. Как все

крестьяне в Ято, он никогда не выдавал своих чувств и, встречаясь взглядом с хозяином, смотрел на него без всякого выражения. Но Самурай знал: в глубине его глаз таится та же покорность.

Даже этому преданному человеку Самурай после возвращения на родину не рассказал о горькой обиде, которую ему нанесли. А Ёдзо ни о чем не спрашивал. Но он был уверен, что ему лучше, чем остальным, лучше даже, чем Рику, понятна печаль Самурая. И, пусть немного, его утешало то, что рядом был Ёдзо, разделивший с ним все тяготы долгого путешествия.

К тому времени в Ято уже были убраны просо и редька, и на голых полях, сверкая на солнце, стояли, точно буддийские монахи, скирды соломы. Увезут их — и до Нового года никаких дел, кроме выжигания угля, уже нет.

Однажды, когда и эта последняя работа, знаменующая конец осени, была закончена, Самурай увидел в небе Ято белых птиц.

Стоявший рядом с ним младший сын Гондзиро закричал:

— Белые лебеди.

— Верно, — кивнул Самурай.

Во время путешествия он много раз вспоминал этих огромных птиц.

На следующий день, взяв с собой Ёдзо, Самурай поднялся по горной тропинке к заросшему озеру у подножия горы. Этот холм, где когда-то стоял небольшой замок, густо порос кустарником; там и было озеро. Когда они подошли, оттуда взлетело несколько небольших уток.

Все это он уже видел в своих мечтах. На поверхности воды, освещенной неярким солнцем, плавали утки, они крикали, чистили клювы, а потом стайкой плыли к берегу. В некотором отдалении от них скучились кряквы с темно-зелеными шейками. В отличие от остальных уток они взлетали не стай, а поодиночке.

Лебеди плавали на другом конце озера, вдаль от остальных птиц. Время от времени они, покрутив головой, погружали ее в воду. А когда голова снова появлялась над поверхностью, в желтом клюве серебром сверкала рыбка. Устав плавать, они выбирались на берег и, широко раскинув крылья, чистили перья.

Он не знал, откуда прилетают сюда эти птицы и почему избрали крохотное озеро для своей зимовки; наверное, во время долгого путешествия некоторые из них погибают от голода.

— Эти птицы... — прошептал, прищурившись, Самурай, — они тоже пересекли безбрежное море и видели много стран.

Ёдзо, охватив руками колени, неотрывно смотрел на озеро.

— Пожалуй, и правда... путь был долгим.

На этом разговор прекратился. Самурай подумал, что больше ему нечего сказать Ёдзо. Горьким был не только путь этих птиц. Несладким было и его прошлое, и прошлое Ёдзо, хотелось сказать Самураю.

Поднялся ветер, по озеру побежала рябь, утки и лебеди тихо поплыли в сторону от берега. Склонив голову, Ёдзо сидел с закрытыми глазами — Самурай догадался: он старается сдерживать нахлынувшие на него чувства. Он даже подумал, что в профиль его верный слуга очень похож на того человека, который, склонив голову, был готов стерпеть любые мучения. «Он всегда рядом с нами. Он прислушивается к нашим страданиям и скорби...» Нет, Ёдзо никогда не оставлял Самурая, не оставит его и сейчас. Он всегда тенью следовал за ним. И ни разу и словом не обмолвился о горестях хозяина.

— Я думал, что стал христианином лишь для видимости. Чувство это не изменилось и сейчас. Но, поняв, что такое государственная мудрость, я стал временами думать о том человеке. Мне даже кажется, что я понял, почему его изображение в каждом доме в тех странах. Любой человек в глубине души хочет, чтобы рядом с ним всегда был кто-то, кто не предаст, не покинет — будь это даже приبلудная собака. Тот человек для каждого — вроде такой собаки. — Точно говоря сам с собой, Самурай повторил: — Да, тот человек вроде такой собаки, которая всегда с тобой. Это написал на своих листках японец из Текали. Он всю жизнь говорил это своим друзьям. Говорил, что сын человеческий пришел, чтобы служить людям.

Ёдзо наконец поднял голову и задумчиво посмотрел на озеро, стараясь понять слова хозяина.

— Ты веришь в Христа? — тихо спросил Самурай.

— Да, — ответил Ёдзо.

— Никому не говори.

Ёдзо кивнул.

— С наступлением весны перелетные птицы покинут наши места, а нам до конца жизни оставаться в Ято, — сказал Самурай веселым тоном, чтобы сменить тему разговора. — Ято — наш родной дом.

Побывал он во многих странах. Пересекал безбрежное

море. И вот вернулся к себе, где все те же нищие деревни и скудные земли, — это чувство все сильнее овладевало им. Так и должно быть. Бескрайний мир, множество стран, безбрежное море. Но люди везде одинаковые. Повсюду воюют, ловчат, хитрят. И в замке Его светлости, и в мире, в котором живет Веласко, — везде одно и то же. Самурай не просто увидел множество земель, множество стран, множество городов — он убедился, что над всеми властвует карма. Но над кармой возвышается тот худой жалкий человек с пригвожденными к кресту руками и упавшей на грудь головой. «Мы плачем в долине скорби и припадаем к Твоим стопам» — этими словами заканчивались записки монаха из Текали.

Чем отличается наша жалкая Ято от бескрайнего мира? Ято — это весь мир, так хотел сказать Самурай Ёдзо, но не нашел нужных слов.

Япония. Япония, где свирепствует буря гонений, где живет лишь вражда к Богу. Почему же мое сердце привязано к тебе? Почему же я мечтаю вернуться к тебе?

Двенадцатого июня. Я сел в китайскую джонку и покинул Лусон, где прожил год. Сосланные в Манилу японские верующие тайно собрали для меня деньги. На них я смог купить изъеденную термитами джонку и нанять матросов.

Мне неизвестно, что Господь наш Иисус подумает о моем безрассудстве. Я не могу понять, какова воля Господа: чтобы я до конца своих дней прожил в тихой Маниле или снова отправился в Японию, вести сражение? Но я уверен, что рано или поздно он даст мне знак. И да свершится воля Его.

Мой поступок безрассуден. Я решил вернуться в Японию, где преследуют христиан. В глазах людей это действительно может показаться безрассудством. Даже сосланные в Манилу японцы, узнав о моем плане, качали головами и говорили, что это безрассудство. Говорили, что это глупо, потому что не успею я высадиться, как меня схватят. Но если я веду себя безрассудно и глупо, то разве не столь же безрассудно поступил Господь наш, Иисус, отправившись в Иерусалим? Зная, что его убьют, он вместе со своими учениками отправился в Иерусалим. Господь знал, что умрет, но знал также, что смерть Его по-

служит людям. Нет большей любви, чем та, когда человек отдает жизнь за ближнего.

Я все время думаю об этом. Ближние, за которых я должен отдать свою жизнь, — не монахи, которые спокойно молятся в манильском монастыре, а японские верующие и тот человек в лохмотьях, просивший в Огацу отпущения грехов. «Успокойся. Настанет день, когда уже никто не будет смеяться над твоей верой», — поучал я его. Где он сейчас? Я обманул его. В Японии так и не настал день, когда верующие могли бы с гордостью говорить: я христианин. Но я не забыл этого человека. Из-за него я не смог остаться в Маниле.

Плавание продолжается. Море спокойное. Я каждый день молюсь о Японии. Молюсь о японских посланниках, с которыми расстался на Лусоне. Молюсь о том человеке в лохмотьях. Я полжизни был связан с этой бесплодной страной. Я пытался посадить там Божью лозу, но она не прижилась. Все равно эта земля — моя. Земля, которую я обязан покори́ть во имя Бога. Мое сердце приковано к Японии именно потому, что земля ее бесплодна.

На востоке показался скалистый остров. Крушась о скалы, волны, взбивая пену, рассыпаются мелкими брызгами. Я здесь уже плыл когда-то. Это южная оконечность Формозы. Вскоре мы минуем острова Рюкю, пройдем архипелаг Ситито, известный как самое гиблое место, и подойдем к южному побережью провинции Сацума.

Плавание по-прежнему проходит спокойно. Уже несколько дней думаю о последнем плавании святого Павла, описанном в «Деяниях святых апостолов». Павел во время последнего путешествия предвидел свои муки, но, даже зная о неминуемой гибели, все же направился в страну, где правил деспот Нерон. В «Деяниях» об этом сказано туманно, но между строчек можно понять, что Павел предвидел свою ужасную смерть.

С молодости меня почему-то больше всех апостолов, даже Петра, которого возлюбил Господь, влечет к себе Павел. Потому что он так же, как я, жаждал покорять. Мне даже кажется, у него были даже точно такие же недостатки, как у меня. Из-за своей

пылкости он мог обидеть других, в том числе и Петра. Защищая свою веру, он спорил с остальными апостолами. По-моему, я чем-то похож на него. Павел отвергал бездеятельность, нерешительность апостолов. Так же как я не могу простить иезуитам недопустимое малодушие, проявленное в распространении веры в Японии. Павла пытались оклеветать, очернить — и этим тоже моя судьба похожа на его. Только благодаря неустанным трудам Павла, его стремлению обращать в христианство язычников, вера Христова распространялась среди других народов. Вот и я: как бы ни клеветали на меня иезуиты, осмелятся ли они утверждать, что я ничего не сделал для распространения веры в Японии?

Сегодня, стоя на палубе, пронизываемой ветром, я много раз повторял поучения Павла, приведенные в конце «Деяний апостолов», особенно прекрасные слова из «Книги пророка Исайи», которые он цитировал:

Пойди к народу сему и скажи:
Слухом услышите, и не уразумеете;
И очами смотреть будете, и не увидите.
Ибо огрубело сердце людей сих,
И ушами с трудом слышат,
И очи свои сомкнули, да не узрят очами,
И не услышат ушами,
и не уразумеют сердцем,
и не обратятся, чтобы Я исцелил их.

Позавчера нас настиг шторм. Волны обнажили белые клыки, пенились, в снастях стонал ветер, небо покрыли свинцовые тучи. Китайцы забеспокоились, что шторм обрушится на нас у архипелага Ситито. Готовясь к худшему, я связал в узелок все самое необходимое — молитвенник, свои записи, хлеб и вино для причастия — и думал только о том, чтобы не выпустить все это из рук.

После полудня море разбушевалось, китайцы решили укрыться у острова Кутиносима, одного из островов архипелага Ситито, и направили джонку к берегу. Часа в три начался проливной дождь, поднялся ветер. Паруса надулись, джонка то взлетала на волнах вверх, то стремительно летела в пропасть между валами. Чтобы не смыло в море, пришлось привязаться веревкой и лечь ничком на палубу.

Шторм, длившийся четыре часа, порядком потрепав нас и отогнав джонку к Японии, утих. Руль

сломался. До самого утра нас носило по темному морю, и мы были бессильны что-либо сделать. Когда наступило тихое ясное утро, так не похожее на вчерашнее, на горизонте в спокойно переливавшемся в лучах яркого солнца море показался остров Кутиноси́ма. Нам помогли японские рыбаки, подплывшие к джонке на своих утлых суденышках.

Сейчас я нахожусь в рыбацкой хижине. Думая, что я купец, направляющийся в Боноцу, они накормили меня, дали одежду.

После шторма небо ярко-голубое, словно его выстирали. Остров — потухший вулкан, и прямо передо мной высится огромная гора с тремя вершинами. На отлогом берегу, усыпанном вулканическим пеплом, стоит тридцать рыбацких хижин — только эти рыбаки и живут здесь. И нет ни одного чиновника. Чиновники, по рассказам островитян, приезжают сюда раз в год из Сацумы — с проверкой архипелага Рюкю.

Ничего не ведающие островитяне обещали, как только я немного окрепну, отвезти меня в Боноцу, но китайские матросы сказали, что им удастся починить руль на джонке.

Вот я и вернулся. Четыре дня назад мы покинули Кутиносиму, и наконец передо мной Япония. Япония, которую во имя Господа я должен покорить.

Вскоре на востоке показалась конусообразная гора. Она напоминала маленькую Фудзи. Не знаю ее названия. Море ярко сверкало под жарким солнцем, побережье ослепительно белое и безлюдное. За ним холмы, густо поросшие кустарником, точно джунгли.

Некоторое время джонка двигалась вдоль побережья на запад, и тут в тени утеса я увидел с десятка неказистых домишек рыбаков. На берегу сушились три лодки. Слева громоздились черные вулканические глыбы — это был причал. Здесь тоже — ни живой души. Похоже, что разразилась эпидемия и все жители в страхе бежали отсюда.

Китайцы уговаривали меня высадиться, но я колебался. Мне почему-то была неприятна тишина, окутавшая деревушку. Казалось, что в темных рыбацких хижинах кто-то прячется и исподтишка

наблюдает за каждым моим шагом. Я даже подумал, что кто-то уже тайно донес властям о моем прибытии. Я знал, как коварны и ловки японцы.

Прошло довольно много времени. Все точно оцепенело от жары. В конце концов я решился высадиться и сказал об этом китайцам. Джонка стала медленно двигаться к причалу, я стоял на носу с узелком в руках (тем самым, с которым не расставался во время шторма), но тут из-за восточного мыса появилось судно. На нем развевался флаг с гербом здешнего князя, двое чиновников неотрывно смотрели на нас.

Стало ясно, что им уже известно о нашей джонке. Я поспешно выбросил в море узелок, чтобы не обнаружили молитвенник и вино для причастия. Скажу им, что я купец, направляющийся в Боноцу, что мы попали в бурю, судно повреждено и поэтому нас отнесло сюда.

Они стремительно приближаются к нам. Скоро решится моя судьба, определенная Господом. На все Его воля. Воспойте Господу, вся земля; пойте Господу, благословляйте в гимне Его...

Я предал себя в руки Его. Это не было слабостью или отчаянием, а только непоколебимой верой, которой научил нас Господь на кресте.

Меня схватили. Чиновники из Боноцу оказались не такими глупыми: мне не удалось обмануть их. Делая вид, будто поверили, что я купец, они посадили меня в тюрьму, пока не будет закончено дознание. В темнице уже было несколько человек, подозреваемых в принадлежности к христианству, и чиновники подслушивали все наши разговоры. Большой старик попросил соборовать его. Это и доказало им, что мы христиане.

Из тюрьмы в Боноцу меня перевезли в Кагосиму и там допрашивали до самой зимы, а после Нового года на судне отправили в Нагасаки. Сейчас я в Омуре, недалеко от Нагасаки. Из окна видно спокойное море.

Вместе со мной и японскими христианами здесь же находятся доминиканец отец Васкес и монах-японец Луис Сасада. Темница — это клетка из толстых бревен, в щели между ними можно просунуть

два пальца; в углу дверь, через которую к нам входят стражники, — она, разумеется, на замке.

Когда меня водили на допрос, я увидел, что тюрьма окружена двумя рядами остроконечных кольев, а между ними посажены колючие кусты терновника, чтобы никто не мог проникнуть снаружи. За оградой — крытая соломой лачуга стражников, дом начальника тюрьмы и кухня.

Изо дня в день мы получаем лишь рис с приправой из овощей и свежую или соленую редьку, иногда соленую рыбу. Стричься и бриться нам не разрешают, и мы стали похожи на отшельников. Стирать и мыться нам не позволяют, поэтому мы заросли грязью, но хуже всего то, что и нужду мы вынуждены справлять здесь же. Из-за этого стоит страшная вонь — дышать невозможно. Никаких свечей нам не дают, и вечерами сидим в полной тьме.

От отца Васкеса и прочих узников я узнал, что преследования миссионеров после моего ареста стали особенно жестокими. Недалеко от той деревни, где скрывался отец Васкес, пряталось еще восемнадцать миссионеров. Хотя их осталось немного, они продолжали свою проповедническую деятельность, но большая часть из них скрывалась в пещерах, а если случалось остаться на ночь в доме верующего, то они прятались в тайнике между специально сделанными для этого случая двойными стенами.

— Я тоже много раз ночевал в таких закутках, — сказал отец Васкес. — Спал там весь день, а ночью покидал дом и шел в другой — у нас было твердое правило: ночевать в одном и том же месте лишь один раз. Придя в дом, куда меня пригласили, я прежде всего исповедовал больных, потом, когда собирались верующие, наставлял их и отпускал грехи. И это продолжалось до того часа, когда все дома должны были запираться.

Он был предельно осторожен, но власти Нагасаки тоже не дремали. Подобно тому как первосвященник Каиафа вознаграждал Иуду за то, что тот предал Господа, японские власти вознаграждали доносчиков. А тех, кто укрывал у себя священников и монахов, казнили. Христиан подвергали страшным пыткам, не только чтобы заставить отречься от веры,

но и чтобы принудить их выдать скрывающихся миссионеров.

— Самое ужасное, — говорил отец Васкес, — что мы уже не можем верить даже своей пастве. Мы всегда опасались, что те, кому мы верили, отрекутся от нас. Поэтому я и верующим не рассказывал, где скрываюсь. Я знаю священников, которые были схвачены властями на следующий же день после того, как доверили свою тайну. Жить, никому не доверяя я, — это был сущий ад.

Я спросил, жив ли мой старый товарищ отец Диего. Я не мог забыть этого беспомощного, но добрейшего человека с красными, точно заплаканными, глазами.

— Отец Диего заболел и умер, — сказал Луис Сасада. — Это случилось, когда нас собрали в Фукуде, недалеко от Нагасаки, чтобы выслать из страны. Могилы нет. Чиновники сожгли труп и пепел бросили в море. Они делают это для того, чтобы в Японии не осталось даже праха тех, кто был христианином.

— Наверное, нас тоже скоро сожгут и пепел бросят в море...

Я покорно приму любую судьбу, уготованную мне Господом, подобно тому как плод вбирает в себя ласковые лучи осеннего солнца. Я не воспринимаю близкую смерть как поражение. Я сражался с Японией и ею же повержен... В памяти моей воскрес образ старика, сидевшего в бархатном кресле. Наверное, он думал, что победил нас. Но ему никогда в жизни не понять смысла того, что смерть Господа нашего на кресте перевернула мир. Видимо, он считает, что все вернется на круги своя, когда меня сожгут, а пепел бросят в море. Но это будет только началом. Подобно тому как смерть на кресте Господа нашего Иисуса явилась началом всех начал. Я превращусь в один из камней, которыми рано или поздно будет замощена японская трясина. Когда-нибудь уже другой миссионер, стоя на этом камне, превратится в еще один камень на японской трясине.

В темноте я молился за Хасэкуру и Ниси, с которыми расстался на Лусоне, за покойного Танаку. Где сейчас Хасэкура и Ниси, что с ними? — не знаю. Не знаю и того, сохранили они в своем сердце хоть капельку христианской веры или нет. С каждым днем меня все сильнее охватывает желание просить прощения за мои грехи перед ними — пусть они и про-

истекали из самых добрых побуждений и уверенности в своей правоте.

Я и впрямь прибегал к обману, уговорам, посулам, использовал их в собственных целях. Я и христианство заставил их принять ради своих честолюбивых целей. Но ведь благодаря этому они теперь воедино связаны с Господом. Одно это — великое утешение для меня. И поэтому вместе с глубоким раскаянием меня охватывает чувство радости. Господь не покинет их!

Господи, не оставляй Хасэкуру, Ниси и Танаку. Лучше возьми мою жизнь во искупление того, что я совершил. И, если это возможно, сделай так, чтобы они поняли, что все мои помыслы были чисты — я хотел нести свет их стране, Японии.

Отец Васкес заболел. Он уже давно говорил, что чувствует себя скверно, а три дня назад у него началась рвота, и он уже не вставал с постели. Я попросил, чтобы ему дали лекарство, но стражник принес лишь глиняный чайник со сваренными кореньями, а врача позвать отказался. Нам с Луисом Сасадой пришлось прикладывать ко лбу отца Васкеса полотенце, смоченное в грязной воде, чтобы его не так мучил жар.

Если нас казнят нескоро, то рано или поздно мы тоже заболеем. Хотя я готов к такой судьбе, временами страх смерти острой иглой пронзает сердце. Я в отчаянии, но все же не забываю, что и Господу был ведом страх близящейся смерти. Я все время думаю о Его страданиях. Пытаюсь представить себе, как Иисус, предчувствуя смерть, преодолевал страх.

Господь предсказал ученикам свою смерть:

«Крещением должен Я креститься, и как Я томлюсь, пока сие совершится».

«Какие же страдания придется мне вынести, пока сие свершится» — эти Его слова служат мне великим утешением.

Однако Господь, умерев, преобразил мир. Я, отдав жизнь Японии, пролив кровь за Японию, стану частью этого мира.

«Я свет миру». Это тоже слова Господа.

Япония, я тоже нес тебе свет. Тебе, занятой

лишь мирскими благами и мирским счастьем. Тебе, проворной как ящерица, добывающая пищу.

Япония, я пришел дать тебе свет. Сейчас тебе не понять, почему я сел на корабль и приплыл к тебе. Я снова пришел к тебе, чтобы умереть, — сейчас ты вряд ли способна понять, почему я это сделал. Сейчас ты вряд ли способна понять, почему Господь наш Иисус пришел в Иерусалим, где его поджидали враги, и принял смерть на Голгофе.

Но Господь никогда не покинет тех, кто хоть однажды произнес Его имя. Господи, не оставляй Японию. Лучше возьми мою жизнь во искупление того, что я совершил, и спаси эту страну.

Страх смерти. Днем, ухаживая за отцом Васкесом, я убежден, что готов принять любую судьбу, но с наступлением ночи — стражники не дают нам даже свечи — я слушаю во тьме, пропитанной вонью, стоны отца Васкеса — и душу разрывает страх смерти, разрывает острыми когтями. Я обливаюсь потом. Потом, подобным крови. Отче мой! Если не может чаша сия миновать меня, чтобы мне не пить ее, да будет воля Твоя!

Страх смерти. Поздно ночью отец Васкес умер. Жалкая смерть, совсем не подобающая этому выдающемуся проповеднику, приехавшему в Японию нести Слово Божье. Я и монах Луис Сасада проснулись от его звериного воя и стонов. Это были последние звуки, с которыми он оставил мир живых для вечной жизни. Я в темноте закрыл ему глаза (слава Богу, что не видел их) и стал читать молитву. Ту же, которую читал над телом индейского юноши и Та-наки...

На рассвете стражники завернули тело в циновку и унесли. Торчавшие грязные руки и ноги были тонкие как спицы. Вместе с Луисом Сасадой мы смотрели, как выносят тело отца Васкеса, и вдруг я постиг всю убогость земной жизни; это было как откровение свыше. Наша жизнь, сколько бы мы ни приукрашивали ее, сколько бы ни обманывали себя, жалка, как это грязное тело отца Васкеса. Даже Господу не удалось избежать мерзости этой жизни. Он принял смерть, покрытый потом и пылью. И смерть Его осветила земную грязь.

Я сейчас думаю даже, что все испытания, выпавшие на мою долю, ниспосланы Господом, чтобы я своими собственными глазами увидел и прочувствовал это. Думаю, что Господь хотел этого, чтобы уничтожить, — я взглянул жизни в глаза, чтоб я сам разрушил все то, что приукрашивал. Подобно тому как Его смерть осветила весь мир, моя смерть должна осветить Японию...

Тело отца Васкеса будет сожжено, и пепел брошен в море. Та же участь постигла многих миссионеров в Японии.

Сегодня нас снова допрашивали. Скорее даже не допрашивали — чиновник из Нагасаки предлагал отречься от христианства (японцы называют это «поворотом»). Но он и сам был уверен, что мы не совершим «поворота», мы и в самом деле не собирались этого делать. Но сегодня он выяснял у меня совсем другое. Он спрашивал, от чистого ли сердца приняли христианство Хасэкура и Ниси, совершавшие вместе со мной путешествие. Я, заботясь об их безопасности, ответил:

— Они приняли христианство ради выполнения возложенной на них миссии.

— Значит, их нельзя называть христианами? — спросил чиновник, пристально глядя мне в глаза.

Я промолчал. На человеке, принявшем крещение, почит Божья благодать. Посмотрев на меня, он что-то записал на листе бумаги.

— Не кажется ли тебе... что твой поступок безрассуден? — Уже собравшись уходить, чиновник с состраданием посмотрел на меня. — Если бы ты спокойно сидел на своем Лусоне, ты мог бы еще послужить христианству и людям... Вместо этого ты приезжаешь в Японию, чтобы тебя сразу же схватили и казнили — какой в этом смысл? Это же просто безумие.

— Нет, не безумие, — ответил я, улыбаясь. — Таков уж мой неумный нрав. Это похоже на то, что буддийские монахи называют кармой. Да, это именно карма. Так я себе представляю. Но я верую, что Господь возьмет мою жизнь во благо Японии.

— Как может бог взять твою жизнь для Японии? — удивленно спросил чиновник.

— Ваш вопрос и есть ответ, — сказал я, подчеркивая каждое слово. — Вы назвали мой поступок

безрассудным. Что ж, я вас прекрасно понимаю. Но почему же я, зная заранее, что задумал глупое дело, все же вернулся сюда? Зачем я совершил то, что кажется вам безумием? Я ведь сознавал это. Неужели я приехал в Японию лишь затем, чтобы просто умереть? — задумайтесь над этим. Одно то, что я умру, заставит вас задуматься над этим вопросом, это и есть смысл моей жизни.

— Не понимаю.

— Я жил... так или иначе я жил. И ни в чем не раскаиваюсь.

Чиновник молча вышел. Возвращаясь в тюрьму, я попросил стражника позволить мне посмотреть на море, он не возражал. Стоя у частокола, окружающего тюрьму, я неотрывно смотрел на зимнее море.

Море сверкало в лучах послеполуденного солнца. В нем было разбросано несколько совершенно круглых островков. И ни одного судна: мертвая тишина. Это была могила отца Васкеса, могилы многих других миссионеров. Скоро оно станет и моей могилой.

В Ято существовал обычай: когда выпадал первый снег, готовили пресные клецки, втыкали в каждую по три стебля мисканта и совершали приношение Будде. Потом клецки варили и ели всей семьей. Говорили, что тому, кто первым вытащил клецку из котла, улыбнется счастье. Рику тоже приказала служанкам поставить на огонь большой котел. Младший сын Гондзиро в ожидании угощения от души радовался — такого веселья давно не было в их доме.

На следующий день, однако, от господина Исиды прибыл посыльный, сообщивший, что по приказанию Совета старейшин Самурай должен не отлучаясь ждать его распоряжений.

Дядя, болевший с конца осени, опять взялся за свое: может быть, речь идет о землях в Курокаве? Или, возможно, Его светлость решил вознаградить за тяготы, которые пришлось пережить во время путешествия? Дядя считал, что нужно тайком послать слугу и все разузнать. Однако Самурай не надеялся на хорошие вести.

Через несколько дней прибыли двое чиновников. Войдя в чисто убранный дом, они пошли переодеваться. Самурай с помощью Рику тоже облачился в парадное кимоно с фамильным гербом и торжественно сел в гостиной.

Один из чиновников, устроившись на почетном месте, тихо произнес: «Приказание Совета старейшин» — и зачитал бумагу:

«Рокуэмон Хасэкура принял христианство в стране южных варваров, что является нарушением указа и должно быть наказано строжайшим образом. Согласно особому решению Совета старейшин ему предписано не покидать дом».

Самурай, низко склонив голову и опершись руками о пол, покорно выслушал приказ. Он чувствовал, что летит в бездонную пропасть. Но был так опустошен, что не испытал даже досады. Моргая глубоко сидящими глазами, он выслушал объяснения чиновника. Благодаря снисходительности господина Аюгаи и господина Цумуры ему лишь запрещено покидать Ято — в этом и будет состоять наказание. Чиновник добавил еще, что раз в год ему придется представлять Совету старейшин письменное отречение от христианства.

— Я вам сочувствую от всей души.

Выполнив возложенную на них миссию, чиновники почли себя обязанными высказать слова утешения. Один из них, сев на лошадь, сказал тихо:

— Строго между нами, Тюсаку Мацуки просил кое-что передать вам. Из Эдо сообщили Совету старейшин княжества, что в Сацуме схвачен Веласко. Если бы не это, решение относительно вас не было бы таким суровым.

— Господин Веласко? — снова заморгал глазами Самурай.

— Кажется, его отправили в Нагасаки, и он с другими падре находится в тюрьме в Омуре. Я слышал, что он еще не совершил «поворота».

После отъезда чиновников Самурай, не снимая парадного кимоно с фамильным гербом, остался сидеть в гостиной, где уже начала сгущаться темнота. Жаровня остыла, и было холодно. Самурай вспомнил слова чиновника и подумал, что тот высокомерный, самолюбивый южный варвар ни за что не совершит «поворота», никакие муки, никакие пытки не заставят его предать самого себя.

«Вот как, вернулся, значит, в Японию?..»

С той минуты, как они расстались, он знал, что это произойдет. Одержимая, горячая натура этого человека не могла вытерпеть тихой, спокойной жизни. Из-за своей одержимости и горячности он не раз обижал Самурая, Танаку и Ниси. Во время долгого путешествия Самурай

постоянно ощущал отличие этого южного варвара от них, японцев, и не мог внутренне сблизиться с ним.

Самурай почувствовал какое-то движение. Повернувшись, он увидел, что за раскрытой перегородкой в коридоре сидит Рику. Даже в темноте было видно, что ее плечи трясутся. Она изо всех сил сдерживала рыдания.

— Не беспокойся, — ласково сказал он ей. — Спасибо и на том, что род Хасэкура не прекратится, что Ёдзо и остальные слуги не подверглись наказанию.

С этого дня Самурай, когда все уже спали, подолгу сидел в одиночестве и смотрел, как огонь перебегает с одной ветки на другую. Что сейчас подделывает Ниси? Видимо, получил то же приказание, но связаться с ним невозможно. Перед его закрытыми глазами одна за другой проплывали картины, как он с Ниси и остальными попутчиками в сопровождении тяжело груженных лошадей пересекает Новую Испанию. Раскаленный диск солнца, поросшая кактусами и агавами пустыня, стада коз, поля, возделываемые индейцами. Неужели он и в самом деле видел все это? Может быть, приснилось? И он до сих пор видит этот сон? Нет, он помнит, что на стенах монастырских комнат, где их поселяли, всегда был жалкий худой человек с распростертыми руками и поникшей головой.

« Я , — думал Самурай, ломая сухие ветки , — преодолел два безбрежных моря, добрался даже до Испании, чтобы встретиться с королем. Но короля так и не увидел, а вместо него мне без конца показывали этого человека».

Тут Самурай вдруг вспомнил, что в странах южных варваров его называли Господом. Но во время путешествия он так и не смог понять, почему его называют то господом, то царем. И понял лишь то, что судьба свела его не с настоящим царем, а с обычным смертным, похожим на бродяг, побравшихся иногда в Ято.

Хотя Самурай находился под домашним арестом, Новый год в Ято отпраздновали. В каждом доме складывали в корзинку рисовые колобки с воткнутыми палочками для еды и ставили ее у алтаря, а в доме Самурая из поколения в поколение сохранялся обычай подносить божееству года еще и рисовые лепешки и украшать вход в дом сосновыми ветками, вставленными в вязанки хвороста.

На Новый год в доме Самурая всегда собирались родные, но сейчас обстоятельства помешали этому. Из-за болезни не было даже дяди, который приезжал всегда. Канд-

забуро — ему недавно отпраздновали совершеннолетие — как взрослый поздравил Самурая с Новым годом, чем очень его порадовал.

Но, так или иначе, Новый год есть Новый год. На крыше снег, мелодично падают капли с сосулек, свисающих с застрехи, со стороны конюшни слышатся радостные возгласы Гондзиро, скачущего на игрушечной лошадке.

Временами издалека доносятся ружейные выстрелы. В княжестве разрешена охота только на Новый год, и поэтому Кэндзабуро вместе с крестьянами отправился на озеро. Эхо от выстрелов долго разносилось над Ято.

Охотники принесли убитых уток. Среди тех, что они свалили в прихожей, был один лебедь.

— Я же просил не стрелять лебедей, — отругал Самурай Кэндзабуро.

Он вспомнил, что во время путешествия много раз видел во сне себя в окружении лебедей.

Тело лебеда уже окочнело. Когда он поднял его, на пол точно снежинки упало несколько перьев. На шее запеклась багровая кровь и грязь. Голова лебеда, которого держал на весу Самурай, бессильно свисала вниз, как у того человека. Глаза заволокла серая пленка. Самурай почему-то подумал о своей несчастной судьбе.

В конце месяца умер дядя. Самурай примчался в его дом — тело дяди было усохшее, крохотное, точно у ребенка, лицо — костлявое и морщинистое. Ну вот, теперь конец его непреодолимой жажде земель в Курокаве, подумал Самурай.

Похоронная процессия, в середине которой плыл гроб, по дороге, покрытой остатками снега, медленно двигалась к подножию горы. Гроб опустили в ту же могилу, где был похоронен отец, и засыпали землей, смешанной со снегом. Самурай отправил посыльного к их военачальнику, господину Исиде, чтобы сообщить ему о смерти дяди.

Ночами ветер с завыванием скреб наст, покрывавший долину Ято. Неожиданно прибыл посыльный от господина Исиды. Узнав о смерти дяди, он ни словом не выразил сочувствия — видимо, опасаясь, что это может не понравиться Совету старейшин. Поэтому, когда появился посыльный от военачальника, Рику подумала, уж не собираются ли освободить ее мужа из-под домашнего ареста, даже самому Самураю так показалось. Хотя Советом старейшин ему было запрещено покидать Ято, господин Исиде приказал явиться в Нунодзаву в сопровождении слуги.

Взяв с собой Ёдзо, Самурай отправился в путь. В до-

роге было холодно, и, хотя временами сквозь свинцовые тучи — казалось, вот-вот они разразятся снегом — проглядывало солнце, снежная пыль, срываемая ветром с деревьев, больно била по лицам. Направляя лошадь вдоль реки, покрытой толстым льдом, Самурай подумал: сколько раз он уже проделывал этот путь. Когда его призывали на службу, когда подавал прошения о возврате земель в Курокаве, когда после отказа с тяжелым сердцем возвращался домой. Дорога, связанная со множеством воспоминаний. И всегда он ехал по ней вместе с Ёдзо.

Время от времени Самурай, сидя на лошади, оборачивался и смотрел на молча следовавшего за ним Ёдзо. Он и сейчас ни на шаг не отставал от него, как и во все время их долгого путешествия.

— Замерз? — заботливо спросил Самурай слугу, на котором была лишь легкая шерстяная накидка.

В Нуодзаве было так же ветрено, но небо очистилось. Под голубым небом вдали тянулась белая цепь гор; поля, насколько хватал глаз, были покрыты снегом. Здесь, в отличие от Ято, обрабатываемых земель было много, и они хорошо орошались.

Ров вокруг усадьбы господина Исида замерз. С навеса крытого соломой дома, точно белые клыки, свисали сосульки. Оставив Ёдзо во дворе, Самурай вошел в приемную с деревянным полом: ждать ему пришлось долго.

— Року? — хрипло окликнул его господин Исида, усаживаясь на почетное место. — На твою долю выпало много испытаний, от души соболезную. Как только представится возможность, обязательно посету могилу твоего дяди. Но ты должен быть счастлив хотя бы тем, что род Хасэкура не прекратит своего существования.

«Для чего меня вызвали, чем я провинился?» — хотел спросить Самурай, но вовремя сдержался. Вопрос его был бы бессмыслен.

— Здесь нет твоей вины. Тебе просто не повезло. Князь... — Господин Исида умолк. — Если бы Его светлость отнесся к тебе иначе... ему бы ни за что не оправдаться, — тяжело вздохнул господин Исида.

— Оправдаться? — не понимая в чем дело, Самурай укоризненно посмотрел на своего военачальника. — Что вы имеете в виду, говоря «оправдаться»?

— Оправдаться перед Эдо. Сёгун сейчас взялся за крупные княжества — он старается сокрушить могущественных князей. Он обвиняет Его светлость в том, что он долгое время укрывал христиан, бежавших из района Кан-

то, что, поддавшись уговорам Веласко, в своем послании в Новую Испанию обещал приглашать христианских священников. Его светлость должен дать четкие объяснения всему этому.

Самурай, опершись руками о холодный пол, не промолвил ни слова. Большая капля пота упала с его лба.

— Тебе не повезло, ты оказался втянутым в высокую политику, а она переменилась. — Господин Исида тяжело вздохнул. — Прискорбно. Я, старик, лучше, чем кто-либо, понимаю, как это для тебя прискорбно.

Подняв голову, Самурай пристально посмотрел в глаза господина Исиды. В его сочувственных словах, ласковом лице он чувствовал фальшь. В хриплом голосе, тяжелом дыхании ощущалась ложь. Господин Исида не мог понять, какую обиду и горечь испытывает Самурай. Лишь делал вид, что понимает.

— Однако, Року, род Хасэкура не прекратит своего существования. Это обещали и Совет старейшин, и господин Аюгаи. — Господин Исида твердо повторил: — Для Кэндзабуро... я сделаю все, что только смогу.

Самурай не мог понять, почему вдруг старик заговорил об этом.

— Не обижайся.

— Я... и не обижаюсь.

— Поступило новое приказание Совета старейшин.

Сообщив это, точно освободившись от непомерного груза, господин Исида с трудом поднялся и ушел. Понеслись шаги. Появился чиновник Совета старейшин, уже приезжавший в Ято.

— Приказание Совета старейшин.

Низко склонившись, Самурай, как и в прошлый раз, слушал раздававшийся над его головой голос чиновника.

— Поскольку Рокуэмон Хасэкура перешел в чужеземную веру, необходимо новое дознание, для чего он обязан явиться в Совет старейшин...

Самураю почудилось, что за дверями в коридоре притаилось несколько человек. Наверное, там были люди, готовые схватить его, если он, догадавшись об истинном смысле приказания, решит оказать сопротивление.

Написав несколько слов жене и Кэндзабуро, он отрезал прядь волос и вложил ее в письмо. Потом обратился к находившемуся в той же комнате управляющему господина Исиды:

— Позови, пожалуйста, моего слугу Ёдзо.

Когда тот вышел, он оперся руками о колени и закрыл глаза. Чиновник Совета старейшин и господин Исида, несомненно, находятся в дальних комнатах, но в доме гробовая тишина.

Время от времени слышно, как по соломенной крыше, под собственной тяжестью сползает и падает вниз пласт снега. Когда звук падения замирает, тишина становится еще более гнетущей.

«Тебе не повезло, ты оказался втянутым в высокую политику, а она изменилась, — отчетливо звучал в его ушах голос господина Исиды. — Прискорбно. Я, старик, лучше, чем кто-либо, понимаю, как это прискорбно».

Как и в прошлый раз, чиновник добавил в конце, уже от себя:

— Хотя я выполняю лишь свой долг, но тем не менее мне очень тяжело.

Самурай сидел неподвижно. В доме удивительно тихо, его сердце стало бесчувственным. Новое дознание. Новое дознание — не более чем предлог. Все необходимые объяснения он уже дал господину Цумуре и господину Оцуке.

«Если бы князь отнесся к тебе иначе, ему бы ни за что не оправдаться перед Эдо», — снова зазвучал в его ушах голос господина Исиды.

Все было решено в самого начала, он двигался по заранее проложенной колее. И теперь летит в бездонную пропасть.

Новый пласт снега со скрипом сполз по крыше и упал вниз. Звук напомнил самураю скрип снастей. Его судьба была решена еще в то время, когда стонали снасти, над мачтами с громкими криками низко носились чайки, волны били в борт и корабль направился в открытое море. Теперь долгое путешествие привело его туда, куда и должно было привести.

Ёдзо, опустив голову, сидел во дворе прямо на снегу. Он, конечно, уже все знал от управляющего господина Исиды. Прищурившись, Самурай некоторое время смотрел на своего верного слугу.

— За всю твою службу... — только и мог он вымолвить, горло перехватило.

Ёдзо не расслышал, что пробормотал Самурай, то ли: за всю твою службу благодарю, то ли: за всю твою службу осуждаю. Продолжая сидеть опустив голову, он почувствовал неуловимое движение — видимо, хозяин вместе с управляющим господина Исиды собрался уходить.

Самурай увидел, что идет снег. Пляшущие в небе снежинки напомнили ему лебедей из Ято. Птиц, которые прилетают из дальних стран и снова улетают в дальние страны. Птиц, видевших множество стран, множество городов. Он почувствовал себя таким же, как они. И вот он отправляется в другую, неведомую страну...

— Теперь... сопровождать вас буду не я, — послышался неожиданно хриплый голос Ёдзо.

Самурай остановился, повернулся к нему и кивнул. Потом двинулся по темному, поблескивающему коридору в свое последнее путешествие.

День казни был назначен. Накануне Веласко и монаху Луису Сасаде разрешили под присмотром стражника помыться и надеть чистую одежду. По словам стражника, это была «особая милость властей». Их тела исхудали так, что торчали ребра. На последний ужин они получили, тоже в виде особой милости, кроме обычной миски овощей еще по одной тухлой рыбке. Это была их последняя еда, потому что, как объяснил стражник, по существующему правилу приговоренным в день казни завтрака не дают. Причина в том, что у некоторых приговоренных от страха начинается рвота.

— Есть какие-нибудь просьбы? — спросил стражник.

Веласко и Луис Сасада попросили чистой бумаги. Им нужно было написать предсмертные письма. При тусклом свете, проникающем сквозь решетку, Веласко написал следующее письмо братьям из монастыря на Лусоне.

«Приближается мой последний час. Благодарение Богу, ниспосылающему благодатные дожди Японии — этой бесплодной земле, покрытой скалами. Надеюсь, что вы простите мне мои прегрешения. В своей жизни я совершил немало ошибок. Как человек, не добившийся особых успехов и стремящийся разом решить все, я жду своей мученической смерти за веру. Пусть воля Божия свершается на дикой земле Японии — подобно тому, как она свершается на небесах. Простите меня за то, что я не смог до конца выполнить дело, вверенное мне Господом. Забудьте о тех обидах, которые я причинял вам своим тщеславием, своей гордыней. Пусть каждый из вас возделывает поле Господне, пусть окрепнут наши узы во славу Владыки Небесного».

Веласко подумал, что во искупление нанесенных им обид он обязан достойно встретить завтрашний день.

Когда они вручили письма стражнику, в темнице уже воцарилась обычная тьма и холод. Завтра в это время их не будет здесь, а в пустой тюрьме останется та же тьма и тот же холод; стоило Веласко подумать об этом, как он почувствовал себя оскорбленным.

Веласко и Луис Сасада молились, когда послышались приближающиеся шаги и зарешеченная дверь открылась. В колеблющемся пламени свечи появилась плоская рыба физиономия стражника.

— Заходи.

Послушная приказу стражника, огромная тень, склонившись, неловко вошла в камеру. Повернувшись к Веласко и Луису Сасаде, тень пробормотала:

— *Pax Domini*¹.

Из-за темноты им не были видны лицо и фигура нового узника, но от него исходил тот же запах, что и от них.

— Вы падре?

Хриплым голосом он назвал себя — брат Общества Иисуса Карвальо.

— Я сидел в тюрьме Судзуда. Завтра меня казнят вместе с вами.

Он рассказал, что скрывался недалеко от Нагасаки, но в конце прошлого года был схвачен, а теперь переведен сюда, и здесь его завтра казнят.

Веласко улыбался в темноте. Но это не была его обычная высокомерно-снисходительная улыбка. Его заставило непроизвольно улыбнуться открытие: он не испытывал ни малейшего злорадства от того, что перед ним иезуит. Один из тех, кто клеветал на него, старался поймать в ловушку, стремился воспрепятствовать осуществлению его планов. Но, хотя в их тюрьму попал иезуит, он питал к нему не ненависть, а жалость и сострадание. Все смыло чувство, что завтра они разделят одну судьбу — пойдут на смерть. Перед лицом смерти злоба и ненависть недостойны.

— Я... Веласко, — назвал он себя.

Отец Карвальо ничего не ответил. Его молчание лишь подтвердило, что ему известно и имя Веласко, и его прошлое.

— Не волнуйтесь, — мягко сказал Веласко. — Я теперь иначе отношусь к иезуитам. Завтра мы окажемся в одной обители.

Он попросил отца Карвальо исповедовать его. И опу-

¹ Мир во Христе (*лат.*).

стился перед ним на колени, вдыхая запах его дурно пахнущего тела. Он понимал, что Луис Сасада слышит каждое слово, но теперь его ничто не беспокоило.

— Из-за своего тщеславия, из-за своей гордыни я обижал людей. Именем Господа я пытался удовлетворить свое тщеславие. Я путал волю Божью со своей собственной. Иногда я даже ненавидел Господа за то, что Его воля не совпадала с моей. Я богохульствовал. Я тешил себя надеждой, что гордыня моя служит Всевышнему.

Отец Карвальо отпустил грехи и хрипло произнес:

— Ступай с миром.

Слушая его, Веласко вспомнил профиль человека, который исповедовался у него в Огацу. Где сейчас этот человек, что с ним случилось? Он солгал ему и теперь уходит из мира с этой ложью. Да, он должен умереть во искупление этой лжи. Несмотря на отпущение грехов, душа Веласко не обрела покоя.

Среди ночи Луис Сасада вдруг расплакался. Им снова овладел страх смерти. Как обычно, Веласко взял его худую руку и стал истово молиться Господу, чтобы все горести Луиса Сасады Он возложил на него. Отец Карвальо тоже встал рядом с ним на колени и стал молиться за дрожащего, рыдающего юношу. Вскоре в камере стало светать. Наступило утро казни.

Утро.

Светило солнце, но дул сильный ветер. Когда их вывели в тюремный двор, там уже были выстроены стражники и воины с пиками и ружьями, на ветру трепетало знамя князя Омура. Под ним в торжественной позе сидели на скамейках высшие сановники княжества, среди них — тот самый чиновник из Нагасаки.

Встав со стула, он назвал по имени каждого из трех осужденных и, склонившись, видимо, к старшему, что-то прошептал ему; пожилой, полный человек, развернув бумагу, зачитал смертный приговор.

Дул пронизывающий ветер. Видневшееся вдали холодное море катило пенившиеся свинцовые волны. Когда чтение приговора закончилось, стражники окружили осужденных и связали им руки. Каждому набросили веревку и на шею, но не затянули ее.

Процессия двинулась вперед. Чиновники — на лошадях, осужденные, стражники и воины пешком спускались по дороге, идущей через мандариновую рощу. Крестьянки, оставив работу, со страхом смотрели на них.

Пошатываясь, они спускались по крутой дороге, и тут

вдруг отец Карвальо запел "Cruces passus"¹.

Ни чиновники, ни стражники не прервали его.

Пройдя через мандариновую рощу, они оказались в городе Омура. По обеим сторонам улицы, вдоль которой тянулись крытые соломой дома, стояли мужчины с корзинами за спиной, женщины, прижимавшие к себе детей, безучастно смотрели на проходящую мимо процессию. Время от времени Веласко поддерживал Луиса Сасаду, у которого подкашивались ноги, и тот едва не падал на Веласко.

— Теперь уж скоро... Теперь уже скоро... Господь ждет нас.

Ряды зевак стояли вдоль всей улицы.

— Господи, прости и х . — Этими словами отец Карвальо закончил свое пение . — Они не ведают, что творят.

Город кончился, и ветер стал еще сильнее. Море было бурным. Ни одна лодка не отважилась отойти от берега. Жалкая сосновая рощица, высаженная для защиты от ветра, содрогалась.

Вдали показалась бамбуковая ограда. Вокруг нее тоже были выстроены воины с ружьями. Они пришли к месту казни, именовавшемуся Хокомбару.

Веласко, поглядывая на море, шел по песчаному берегу, усеянному ракушками и морской травой. Ветер бил в лицо. В заливе вдали виднелась синеватая гряда пологих гор острова Харио; волны, разбиваясь о скалы, тысячами брызг, словно туман, застилали остров. А над морем ярко сияло солнце. Это был последний кусочек Японии, который видели Веласко и его товарищи.

Ворота в ограде открылись. Процессия остановилась. У приговоренных к смерти лица, даже губы, побелели на сильном морском ветру. Посреди ограды стояли, точно палачи-великаны, врытые в землю три столба, и под каждым из них были сложены дрова и солома.

Стражники проверили, крепко ли связаны у осужденных руки, и к ним подошел чиновник из Нагасаки.

— Ну как, все еще не хотите совершить «поворот»? Это последняя возможность.

Оба миссионера решительно покачали головой. Луис Сасада, поколебавшись, тоже отказался.

Кивнув, чиновник сделал было несколько шагов, но, будто что-то вспомнив, снова подошел к Веласко и, потупившись, сказал:

¹ «Крест несущий» — строки из заупокойной молитвы (лат.).

— Могу сообщить вам по секрету: Хасэкура и Ниси, с которыми вы побывали в странах южных варваров, казнены как христиане.

На посиневших губах Веласко впервые появилась улыбка.

— О - о , — воскликнул он, повернувшись к отцу Карвальо . — Теперь я могу со спокойным сердцем последовать за ними.

Направляясь к столбам, все трое пели хором "Pater Noster". Палачи-великаны издали смотрели на них, замерев в ожидании. Поставив приговоренных к столбам, стражники крепко-накрепко привязали их. Ветер завывал все сильнее.

— Возродитесь в новой жизни , — закричали стражники и разбежались в стороны. Чиновники, спасаясь от ветра, стояли у самой ограда, наблюдая за казнью.

Один из солдат с факелом в руке поднес огонь к сложенному у столбов дровам и соломе. Забушевало пламя, раздуваемое ветром, взметнулись ввысь три столба дыма. Оттуда неслась молитва:

Libera me, Domine
De morte aeterna¹.

Голоса сначала были громкими, но, когда пламя разбушевало еще сильнее, умолк Луис Сасада, за ним — отец Карвальо, и слышался лишь шум ветра и треск дров. Вдруг прозвучал голос, доносившийся из белого дыма, окутавшего столб, к которому был привязан Веласко:

— Я... жил!..

Долго, все время, пока полыхало пламя, чиновники и стражники стояли в отдалении, ежась от холода. После того как огонь погас, показалось три дымящихся столба, на которых не осталось ничего. Стражники собрали пепел, ссыпали в мешок из рогожи и, положив в него камни, бросили в море.

Набежавшая пенистая волна слизнула мешок и, отступив, протащила его дальше. Так продолжалось много раз. Наконец вода поглотила его. Будто ничего не произошло, зимнее солнце заливало пустое побережье и расстилавшееся за ним море, по которому, свистя, гулял ветер. За бамбуковой оградой не было ни чиновников, ни стражников.

¹ Избавь меня, Господи, от вечной смерти (лат.).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сюсаку Эндо пользуется репутацией одного из самых блестящих писателей современности. Его называют «японским Грэмом Грином», сопоставляя при этом не только содержательную сторону и направленность, но и масштаб творчества обоих писателей.

В Советском Союзе имя Сюсаку Эндо известно давно: в 1958 году вместе с Хироси Номой и Сэем Ито он принял участие в Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки, его произведения переводились у нас в 60-е годы. Более того, нам принадлежит приоритет в переводе таких значительных произведений Эндо, как антивоенный роман «Море и яд», повести «Супружеская жизнь» и «Женщина, которую я бросил», рассказы «В больнице Журден» и «Младшая сестра». Эти произведения, серьезные и содержательные, яркие по своему художественному воплощению, были восприняты с интересом. Об этом говорит, в частности, и то, что все они впоследствии вышли на языках народов СССР: «Супружеская жизнь» — на узбекском, литовском, казахском, «Женщина, которую я бросил» — на литовском и латышском, а роман «Море и яд» — на эстонском, армянском, грузинском.

И тем не менее нынешнюю публикацию все же следует считать своего рода знакомством, ибо на этот раз Эндо впервые предстает перед нами как писатель, разрабатывающий свою главную и излюбленную тему на чрезвычайно интересном и почти неизвестном у нас материале. Речь идет об одном из самых драматических периодов японской истории, связанном с проникновением в эту страну христианства.

* * *

Сюсаку Эндо (род. в 1923 г.) принадлежит к поколению писателей, которых в Японии называют «третьими новыми» (дайсан-но синдзин). К ним относят примерно десяток авторов. Кроме Эндо наиболее весомо заявили

о себе Сётаро Ясуока, Дзюнноскэ Ёсиюки, Нобуо Кодзима, чьи имена известны в Советском Союзе по переводам. Откуда такое название? Они действительно принадлежали к третьему послевоенному поколению писателей. «Первыми» и «вторыми» называли в зависимости от времени вступления в литературу писателей «послевоенной группы» (сэнго-ха). Однако следующих за ними молодых литераторов нарекли не «третьей послевоенной группой», а «третьими новыми». Тем самым подчеркивалось, что они в отличие от своих предшественников принципиально по-новому воспринимают и отражают мир.

По возрасту «третьи новые» были близки писателям «послевоенной группы», много общего включал в себя жизненный опыт тех и других, но литературные дебютанты чувствовали себя людьми иного времени.

«Третьи новые» пришли в литературу в середине 50-х годов, когда Япония, преодолев разруху, перешла к высоким темпам промышленного роста. С приближением эры научно-технической революции бурно развивались средства массовой коммуникации, в особенности телевидение. Оживилась литературная жизнь: увеличилось число периодических изданий, росли тиражи книг и журналов, учреждались литературные премии.

Старт «третьих новых» был заметным. Многие из них были удостоены премии Акутагавы, присуждаемой за литературный дебют. При вступлении в литературу они выглядели довольно монолитной группой, у них находили общие черты. Так, например, говорили об отсутствии интереса к политике, о том, что они придавали больше значения мастерству, чем масштабности поставленных проблем. Однако подобные суждения не бесспорны, во всяком случае, в отношении Эндо их нельзя признать полностью справедливыми. С первых шагов в литературе он отличался тем, что пытался поднимать проблемы социально значимые.

В дальнейшем судьбы этих писателей сложились по-разному. Особым своеобразием отмечен путь Эндо. Будь то аннотация к его произведениям, статья в литературном словаре или журнальная рецензия — всегда и везде упоминается, что Эндо католик. Действительно, это обстоятельство исключительно важно с точки зрения того, как сложилась его жизнь в литературе.

Чтобы правильно понять особенности творчества писателя, необходимо обратиться к истокам.

Эндо никогда не был баловнем судьбы. Трехлетним ребенком вместе с отцом и матерью он оказался в Дайре-

не, в Маньчжурии. Как ни мал был Сюсаку, многоликий и разноязычный город не мог не оставить следа в его памяти. (Любопытная деталь: американский переводчик романа Эндо «Вулкан» включил в словарик терминов японского быта слово «печка» — в транскрипции *reschika*, — объясняя его как «отопительный прибор, используемый в Маньчжурии». Конечно, печку в Маньчжурию завезли русские: немалое число эмигрантов проживало тогда в Дайрене. Не исключено, что маленький Сюсаку играл и с русскими детьми.)

Вскоре семья распалась, родители развелись. Мать, забрав двоих сыновей, вернулась в Японию. По примеру сестры, ревностной католички, она крестилась. В одиннадцатилетнем возрасте, побуждаемый матерью и теткой, крещение принял и Сюсаку.

Эндо всегда был слаб здоровьем, благодаря чему избежал военной службы, но его юность и молодость, прошедшие на голодные военные и первые послевоенные годы, были омрачены постоянным недомоганием.

Так или иначе, Эндо удалось — надо думать, не без помощи католической миссии — закончить университет Кэйю, один из самых престижных в Японии, по отделению французской литературы. Уже на студенческой скамье он проявил интерес и способности к литературному труду: опубликовал несколько статей, успешно пробовал свои силы на редакторской работе в издательствах.

В 1950 году он получил стипендию для продолжения образования во Франции и занялся изучением французской католической литературы в Лионском университете.

Три года жизни за границей стали для Эндо серьезнейшим испытанием. Тяжелое заболевание легких надолго приковало его к больничной койке. Болезнь препятствовала занятиям, это приводило его в отчаяние. Угнетало безденежье. Здесь, во Франции, испытанию подверглось не только тело, но и душа: впервые в жизни Эндо осознал свою принадлежность к нации-агрессору, принесшей народам мира страдания. Один из его героев рассказывает: «В Лионе, у пансиона на улице Пуля, меня каждый день поджидал инвалид. Каждый день, когда я возвращался из университета, он, стуча костылями, ковылял ко мне через улицу. И, посмотрев на меня своими прищуренными печальными глазами, молча отходил».

Однажды, под влиянием минуты, рассказчик заговорил с инвалидом: «Когда он подошел, я вдруг вытащил из кармана сто франков и протянул ему:

— Выпей, папаша.

Но он грустно улыбнулся и покачал головой.

— Вы японец?

— Да...

Инвалид глубоко вздохнул. Одна штанина его поношенных брюк свободно болталась...

— Вы потеряли ногу? — попытался я выразить сочувствие. — Несчастный случай?

— Нет! В Индокитае, в концлагере, меня пытал японский солдат».

Эта сцена позаимствована из рассказа «В больнице Журден», однако нет сомнений, что здесь Эндо воспроизводит собственный опыт.

Одиночество, особенно тягостное в чужой стране, изнуряющая болезнь, постоянное чувство вины перед окружающими только за то, что ты японец... Можно себе представить, как нелегко приходилось в те годы Эндо. И при этом погруженность в творчество таких сложных авторов, как Франсуа Мориак, Жорж Бернанос, Поль Клодель. Писатели-католики, они создали произведения глубоко противоречивые, это отражало в первую очередь их собственные внутренние противоречия, но исповедуемые ими религиозные истины вступали в конфликт с действительностью. Острые нравственные проблемы, трагическая по преимуществу окрашенность их произведений... Перед молодым японцем стояли трудные, почти непосильные задачи.

Несомненно, общение с творчеством этих писателей дало Эндо мощный импульс — великое искусство всегда стимулирует и обогащает. Но существовал и другой, имевший для него особое значение результат: Эндо осознал свое призвание, найдя тему, по его выражению «принадлежавшую исключительно ему». Японец-католик, он ясно понял свое отличие от тех писателей, кто существовал «внутри» христианской культуры.

Специфичность его позиции — «человек со стороны» — таила в себе непредсказуемые возможности, ведь пограничная ситуация, стык, ошибка всегда во всех сферах материального и духовного чреватые высечением искры, открытием, рождением нового качества. Небезынтересно в этой связи наблюдение: «Вторжение инородного начала (расового или культурно-сословного) обычно только и делает большого человека полновластным хозяином национальной культуры».

Советский литературовед Н. Вильмонт, которому при-

надлежит это высказывание, приводит в подтверждение своей мысли много примеров. Думаю, здесь достаточно будет упомянуть Пушкина, потомка арапа Петра Великого, и Льва Толстого, графа, которого Ленин назвал «первым подлинным мужиком в русской литературе».

Далее находим удивительно точное сравнение: «Надо думать: слишком неразреженно-почвенное противоречит полету духа (как слишком плотно уложенные дрова не дают разгореться огню)».

Не потому ли это так, что все разрозненно-национальное только яркие ипостаси общечеловека и что „лишь человечество в своей совокупности, — по выражению Гёте, — представляет истинного человека“»?

Сюсаку Эндо — писатель разносторонний, с успехом пробовавший себя во многих литературных жанрах, интересующийся широким кругом проблем духовного бытия. Но на «своей» теме он сосредоточился до такой степени, что она стала доминирующей в его творчестве.

Что же, феномен Эндо — японец-христианин, пишущий на религиозные темы, — уникален? Отнюдь нет. Довольно много христиан было, например, среди тех писателей, которые пришли в литературу в конце XIX — начале XX века. (Вслед за отменой запрета христианства в 1865 году — а в особенности после буржуазной революции 1867 года — началось его активное распространение в стране, поскольку с христианством связывались достижения западной цивилизации, представление о свободе личности, принципах гуманизма. Предпочтение отдавалось протестантству: его пуританская строгость наилучшим образом соответствовала требованиям новой нравственности. С другой стороны, протестантство издавна занимало более прочные позиции в стране. В отличие от католиков — испанцев и португальцев, протестанты — англичане и голландцы, — ограничиваясь рамками торговли, не стремились обратить население Японии в «истинную» веру, поэтому между ними и японскими властями конфликтов идеологического характера не возникало.)

Одним из характерных был пример известного писателя Токутоми Рока (1868—1926). В ранней юности он крестился, учился в христианском колледже. Однако, покинув стены колледжа, надолго забыл о своей вере. В зрелом возрасте пережил духовный кризис, и это вновь привело его к религии. На этот раз импульс оказался очень сильным. Рока даже совершил паломничество к святым местам. В его маршрут вошла Ясная Поляна. Но Ро-

ка, автора книги о Толстом, последователя великого писателя, привела в Ясную Поляну не жажда литературного ученичества, как можно было бы ожидать, а стремление «услышать слово истины из уст величайшего пророка современности».

Вновь обретенная вера вызвала перелом в творчестве. В его книгах — настойчивое обращение к библейским сюжетам и образам, цитаты из Священного писания. Впадая по временам в экстатическое состояние, Рока описывает райские видения. Себя он видит мессией... Но в истории японской литературы Рока остался как писатель-реалист, тогда как попытка творчески освоить религиозный материал не привела к успеху.

Можно было бы вспомнить и других писателей, так или иначе касавшихся проблем христианства вообще и японского христианства в частности, — очень интересна, например, новелла Рюноске Акутагавы «Усмешка богов». Однако это не изменит того положения, что Эндо, разносторонний и плодовитый автор, единственный из всех японских писателей, «прозвучал» главным образом благодаря тем произведениям, в которых разрабатываются проблемы христианства. Дело тут, конечно же, в материале, в ракурсе его рассмотрения, в авторской позиции. Феномен Эндо, безусловно, уникален и в том отношении, что он профессионально знает культуру и литературу католицизма, долго жил вне Японии в католической среде, общался с ее представителями.

Исследование темы японского христианства привело Эндо к проблеме духовного взаимодействия Японии и Европы, шире — Востока и Запада. Это, так сказать, объективный аспект его творчества. Существует и субъективный. Размышляя над собственной религиозностью, Эндо нашел метафору, которую часто использует в статьях, публичных выступлениях, интервью. Он называл свою веру «плохо пригнанным костюмом западного покроя», в который его обрядила мать в детстве, когда он был крещен и наречен Павлом. Ощущая христианство как нечто заимствованное, несвойственное японскому религиозному сознанию, Эндо, по его собственному признанию, делал попытки избавиться от своей веры, но всякий раз терпел неудачу, не в состоянии отринуть то, что казалось ему чуждым. Католичество вошло «в плоть и кровь», стало частью его самого.

Осознав бесплодность этих попыток, Эндо сформулировал стоящую перед ним нравственную задачу как не-

обходимость «своими руками переделать плохо сидевший европейский костюм в японское кимоно». Запомним эти слова, они, в сущности, ключ ко многому в творчестве писателя.

В романах, с которыми вы познакомились, обнаруживаются все уровни рассмотрения проблем взаимодействия культур, начиная от воссоздания конкретных событий до отступлений философского характера, вобравших в себя глубоко личные раздумья и сомнения автора.

И «Молчание» и «Самурай» основаны на действительных событиях.

История японского посольства в Мадрид и Рим, предпринятого в 1613 году, лежит в основе романа «Самурай». Японцам необходимо было разведать, на самом ли деле эти государства столь сильны и богаты, как об этом рассказывали миссионеры. Соответствовало действительности и то, что осторожный сёгун, не выступавший до тех пор открыто против христианства, остался и на этот раз как бы за кулисами событий: посольство было отправлено от имени одного из вассальных княжеств. Достоверно отражено в романе соперничество иезуитов и францисканцев.

Действующие лица в романах либо исторические личности и выступают под своими подлинными именами, как Самурай — Рокуэммон Хасэкура, либо имеют прототипы, подобно отцу Веласко (в жизни — Луис Сотэло). Прототипом Себастьяна Родригеса («Молчание») также послужил один из португальских миссионеров. История веротступника отца Феррейры изложена в полном соответствии с фактами биографии этого реально существовавшего человека. Его письмо в Ватикан, многие данные, приводимые в тексте романа, подлинные.

События, воссозданные в «Самурае», происходят на три десятилетия раньше того, что описано в «Молчании», где воспроизведена ситуация, имевшая место около 1643 года. Почему же в таком случае в нашем издании эти произведения помещены в «обратном порядке»? Для этого есть серьезные основания (не говоря уже о резонах формальных: «Молчание» написано в 1966 г., «Самурай» — в 1980 г.). А именно — если в «Молчании» разрабатывается тема «Япония — христианство», то в «Самурае» она становится шире — «Япония — христианский мир». К тому же идеи, заявленные в «Молчании», нашли более глубокое развитие в «Самурае».

Чтобы скорректировать впечатления, полученные от

чтения романов в смещенном временном порядке, остановимся несколько подробнее на истории христианизации Японии.

В 1549 году в Кагосиму, город на южной оконечности острова Кюсю, прибыл иезуит Франциск Ксавье, возглавлявший португальскую миссию, с намерением начать здесь проповедь христианства. О том, как он был встречен, можно судить по его письму: «Люди, с которыми мы здесь познакомились, гораздо лучше всех тех, с кем до сих пор нам приходилось сталкиваться, и я считаю, что среди язычников нет нации, равной японцам».

Среди первых приняли крещение феодалы прибрежных княжеств, заинтересованные в выгодной заморской торговле. Более всего они стремились заполучить огнестрельное оружие, обладание которым давало серьезные преимущества в постоянных междоусобных войнах. Князья не только сами с рвением восприняли новую веру, но принуждали к этому и свою самурайскую дружину и крестьян. Сопrotивление буддийского духовенства не в силах было сдержатъ напор «христовой братии». Лишившись паствы, многие буддийские храмы и синтоистские святилища пришли в упадок, а некоторые из них даже были разрушены бывшими прихожанами, обретшими теперь «истинную» веру. Вскоре население целых районов на Кюсю стало по преимуществу христианским. Иезуиты оказались полновластными хозяевами земель в Нагасаки, где они даже взимали налоги и вершили суд. Такие районы миссионеры использовали как плацдармы для расширения своего влияния в стране. А оно, несомненно, расширялось. Христианство укоренилось среди высшей знати, военачальников, крупных чиновников, распространилось на главный японский остров — Хонсю. Число христиан по всей Японии достигло, по самым скромным подсчетам, трехсот тысяч, что составляло около двух процентов всего населения страны. Для сравнения скажем, что на острове Кюсю в то время проживало сто тысяч человек. Через тридцать лет после Ксавье другой иезуит — Алессандро Валиньяно, — нисколько, как можно видеть, не разочаровавшись в японцах, писал о них почти в тех же выражениях, что и его предшественник: «Люди здесь благородны, учтивы и чрезвычайно воспитанны, и в этом они превосходят все другие известные нам народы».

Казалось, триумфам не будет конца. Однако очень скоро ситуация резко изменилась, чужеземная религия оказалась под запретом, на христиан начались гонения.

Особая секта пропускала через «Врата очищения» всех подозреваемых, заставляя их попирать ногами распятие или специальные таблички с образом Иисуса Христа или Девы Марии. Тех, кто упорствовал, подвергали пыткам. Гонители стремились не столько физически уничтожить адептов христианства, сколько заставить их отречься. Массовое отступничество дискредитировало бы саму идею. Часто обычная казнь — обезглавливание, сожжение на костре или распятие — окружала ореолом мучеников веры, которые шли на смерть с пением религиозных гимнов, сопровождаемые толпами. И тогда, чтобы продлить страдания жертвы и тем самым дать время для раскаяния, стали изобретать все более жестокие пытки: «водяной крест», особо изуверскую пытку «ямой»; во время сожжения на костре дрова раскладывали в некотором отдалении от жертв, так что страдальцев как бы поджаривали на медленном огне. Обо всем этом вы уже знаете из прочитанного.

Продуманная, изобретательная в средствах кампания по искоренению христианства длилась столетие. В этом процессе бывали периоды относительного затишья, но в целом политика по отношению к христианству была устрашающе последовательной. Кульминацией жестокости стало подавление крестьянского восстания в Симабаре (1637), проходившего под христианскими лозунгами. Оно было буквально утоплено в крови.

Борьба была полностью завершена к концу XVII века. После этого немногочисленные «лампады веры» продолжали слабо теплиться в крохотных общинах, где религиозные обряды отправлялись в глубокой тайне.

Причины столь резкой перемены отношения сёгуната к христианству заключались в том, что иностранное присутствие и влияние в стране было признано чрезмерным. Действительно, предприимчивость святых отцов, не знавшая предела, привела к тому, что началась фактическая колонизация Японии. Но правительство не желало такой участи для своей страны. Меры были приняты самые радикальные: не ограничиваясь сведением счетов с католическими падре, японцы пошли дальше, провозгласив лозунг самоизоляции. Вплоть до середины XIX века смертная казнь грозила любому японцу, который пытался покинуть пределы страны, любому иностранцу, если он ступал на ее землю. В единственной торговой фактории, которая была оставлена в Нагасаки для связей с внешним миром, голландские купцы жили фактически под до-

машним арестом в атмосфере подозрительности и страха. Ничто, даже немалые выгоды, какие сулила международная торговля, не поколебало решимости сёгуната закрыть страну, чтобы уберечь ее от христианской заразы. Островное положение Японии способствовало успеху такой политики. Так проблема взаимоотношений Японии с христианством оказалась напрямую связанной с ее положением в мире.

Историческая драма завершилась, но интерес к этому периоду не угасает. Судьба христианства в Японии не только трагична, но и загадочна. Какова была бы его участь, не будь оно подвергнуто гонениям? Над этим размышляют историки и богословы, философы и писатели, однако убедительного ответа пока не дано. Да и возможен ли он в принципе? Проблема чрезвычайно сложна, слишком много данных необходимо учитывать при ее решении. Но главное — активные действия против христианства нарушили естественный ход событий, отсюда следует, что любой ответ может быть только предположительным.

Эндо уделяет этой проблеме много внимания: кроме «Молчания» и «Самурая» она так или иначе разработана и в других его произведениях — пьесе «Золотая страна», рассказе «Ундзэн», романе «Вулкан», наконец, в «Жизни Иисуса», своеобразной интерпретации Евангелия.

На первый взгляд вопрос о том, как могла бы сложиться судьба японского христианства при благоприятных условиях, решается писателем однозначно: «Не гонения и казни уничтожили христианство. Оно умерло, потому что не может здесь выжить...» В подтверждение этой мысли Эндо находит впечатляющий образ: Япония — трясина, в ней не может укорениться дерево христианства. Идея несовместимости христианской доктрины с японским менталитетом проходит путь от аллегии: «Саженьцы не принимаются на болоте: они загнивают с корней; потом желтеют и облетают листья» — до постулатов: «У японцев не было и не будет идеи Бога», «Японцы фактически лишены способности воспринимать все, что выходит за рамки человеческой природы естества — все, что мы считаем непознаваемым».

Другими словами, декларируется невосприимчивость японцев к христианству. Речь идет о своего рода аллергии, которую можно сопоставить с несовместимостью некоторых групп крови. Однако весь культурно-исторический опыт страны свидетельствует о необычайной способности японцев к усвоению инородного. Образно говоря, у них

такая группа крови, которая позволяет организму без ущерба взаимодействовать с донорской кровью любой группы. Это подтверждается чередой заимствований в сфере духовной, не говоря уже о материальной. Достаточно вспомнить важнейшие сущностные моменты, например освоение иероглифической письменности, состоявшееся, кстати, вопреки системе японского языка, или мирное сосуществование буддизма и синтоизма. Или возьмем явление более близкое нам по времени — Япония буквально на наших глазах легко овладела принципами буржуазной демократии, словно стерев в своей исторической памяти всякие представления об авторитарности общественной системы собственного прошлого.

В истории страны не найти примера явного неприятия какого-либо феномена инокультурной традиции. Почему же предполагается, что христианство могло бы стать исключением в этом смысле?

Многое прояснится, если взглянуть на проблему с другой стороны: искать причину не в Японии, «почве», а в христианстве, «саженцах», и в тех методах, какие применяли «садовники».

Общеизвестно, что внедрение христианства подразумевало отрицание предшествующих религиозных систем, а вместе с ними и ценностей культурного и исторического опыта японцев. Так, например, предавались огню буддийские святыни. Стоит ли удивляться, что христианство потерпело неудачу? Читатель вправе спросить: о какой неудаче идет речь? Ведь триумфальное шествие религии Христа по Японским островам было прервано насильственно... Эндо, однако, к триумфам склонен относиться скептически: «Японцы верили не в христианского Бога, а в собственное творение», считает, что они расправились с богом так же, как «паук с попавшейся бабочкой: они высосали из него плоть и кровь, оставив безжизненный остов». Так, выраженная символически, возникает идея приспособления чужой веры к своим потребностям. Надо сказать, что она выглядит более плодотворной, чем идея несовместимости.

Благодаря Эндо мы словно воочию видим, как проходил сам процесс приспособления.

Вначале японцы плохо поняли разницу между учением Христа и буддизмом, потому что князья второпях отдавали под церкви буддийские храмы, даже не перестроив их. Затем «из-за неточностей в переводе» японцы приняли Господа за божество Солнца, которому издревле поклоня-

лись. Потом исковеркали слово «Дэус», спутали его со словом «Дайнити» — Великое Солнце. Наконец, не видя разницы между Дэусом и Дайнити, извратили христианского Бога, приспособив его к себе, а потом и вовсе сотворили новое божество. В результате, по словам Феррейры, «в храмах, построенных нами, люди молились не нашему Богу, а своему, непонятному божеству». (Заметим попутно, что синто-буддийский синкретизм трактуется как искони существующий, между тем буддизм на Японских островах появился не ранее VI века.)

Во всем этом я вижу, как работает механизм заимствования, свойственный японской традиции, универсальный принцип, действующий с поразительной неотвратимостью. Его суть — приращение на основе имеющегося, но ни в коем случае не отрицание предшествующего. Усвоение вплоть до полного освоения, приводящее к возникновению качественно нового явления. Похоже, чтобы «запустить» механизм заимствования, японцам необходимо нащупать в незнакомом что-то свое, неуловимо напоминающее давно известное по аналогии или противоположности, как плюс и минус, черное и белое, тепло и холод: стоит упомянуть одно из пары, тут же по ассоциации возникает мысль о другом.

Заимствования, как правило, претерпевали и претерпевают в Японии столь серьезную трансформацию, что, становясь достоянием ее собственной культуры, нередко в результате представляют собой нечто противоположное исходному материалу или идее. В точности так, как говорит Иноуэ: «Христианство, которое вы принесли нам, перестало быть христианством; оно — совершенно новая религия». А стало быть, триумфы веры — иллюзия.

Такого рода суждения принадлежат вероотступникам. Иноуэ, как вы помните, в прошлом тоже исповедовал христианство. Выражают ли они мнение самого Эндо? Думаю, что голос каждого из персонажей должно воспринимать как внутренний голос автора. Их попеременное звучание отражает и самый процесс творческого поиска, и диалектику авторского мышления и противоречивость мировоззрения Эндо. Но при этом он, несомненно, тяготеет к позиции Феррейры и Иноуэ (в «Самурае» — Валенте). Это видно хотя бы из того, как показаны их антиподы, — «апостольский подвиг» Родригеса оплачен кровью других: «Он приехал сюда посвятить свою жизнь японцам, однако на деле все выходило наоборот: это они принимали смерть ради него». Но если Родригес

все же прозревает и тем оправдан, то Веласко, одержимый честолюбием и гордыней, ведает, что творит, и потому он осужден автором.

Эндо не раз высказывал мысль о том, что японскому религиозному сознанию наиболее близка христианская идея сострадания, милосердия, любви и терпимости. По его мнению, один из главных просчетов иезуитов состоял в том, что они не учили этого и других подобных моментов. Если прибегнуть к метафоре Эндо, то они облекали японцев в неудобную европейскую одежду, не умея перекроить ее в привычное кимоно. Но был еще один весьма важный просчет — чрезмерная настойчивость в осуществлении благих замыслов.

«Когда человеку навязывают то, что ему совершенно не нужно, это горе-благодеение. Христианская вера — такой же подарок. У нас есть собственная религия. И мы не нуждаемся в чужеземном учении. Я тоже изучал в семинарии догматы веры. И по правде сказать, не нашел в них ничего, что могло бы пригодиться японцам». Слова эти произносит один из тех, кто лишь промелькнул на страницах «Молчания», оставшись безымянным, но чей голос важнее других, ибо это — глас народа. О навязчивости католических падре говорит и представитель власти Иноуэ — вспомним его притчу о нелюбимой жене. Естественной в таких условиях была бы реакция сопротивления, но японцы, склонные избегать конфликтов, сделали вид, что подчинились воле миссионеров. На самом деле они поступили как ящерица, сбрасывающая хвост, чтобы сохранить себя.

Япония — ящерица, даже по своим очертаниям на карте напоминает юркое пресмыкающееся. Этот образ возникает в «Самурае».

И в этом романе тема японского христианства занимает значительное место, и здесь вопрос — нужна ли стране чужеземная вера? — решен однозначно. Мы располагаем свидетельствами обеих сторон — и миссионеров, и японцев. Вполне очевидно, что иллюзий не питают ни те, ни другие. Миссионер Веласко готов смириться с тем, что японцы, которых он крестил, неискренни в принятии веры, ведь независимо от того, что их на это подвигло, они теперь связаны с Богом...

Действительно, для обращенных им японцев крещение было всего лишь способом достичь желанной цели: наладить торговлю с европейцами, а потому Христос для них «не больше, чем камень на обочине дороги. Камнем мож-

но забивать гвозди. Когда же необходимость в нем отпадает, его можно выбросить». Этим проблема «Япония — христианство» в романе не исчерпывается: напряженный диспут ведут между собой иезуиты и францисканцы.

Японцы же озабочены совсем другим. Действующих лиц в романе, а вместе с ними и автора волнует вопрос: какое положение занимает Япония и ее народ среди других стран и народов?

Роман «Самурай» можно рассматривать как вклад Эндо в тот бум «национального самосознания», «национальной идентичности», который охватил Японию в 60—70-е годы. Тогда появилось множество сочинений разного толка о японцах, их традициях, культуре, самобытности. Особое внимание привлекали проблемы образа мышления и поведения японцев, их национальный характер.

Если судьба нации, так же как и отдельной личности, заложена в ее характере, то можно понять, почему так пристально вглядывается Эндо в соотечественников. Он выделяет черты, присущие, по его мнению, большинству японцев: кротость, терпение, трудолюбие, стойкость, изворотливость... Касается проблем «роевого сознания», сравнивая японцев до пчелами, то с муравьями: «Эти люди точно муравьи. Они не останавливаются ни перед чем. Миссионер представил, как муравьи, когда перед ними возникает лужа, жертвуя собой, превращаются в мост, по которому их товарищи перебираются через нее. Японцы — и в самом деле полчище упорных черных муравьев». Однако настойчивее всего звучит мотив приспособляемости. Эндо, похоже, абсолютизирует эту черту, видя в ней главное, чему японцы обязаны своим положением в мире. В сущности, речь идет об умении примениться к обстоятельствам, подчинить их себе и воспользоваться выгодами ситуации. Мы бы, пожалуй, назвали лицемерным напутствие, каким провожают Самурая в заморские края: «Там живут иначе, чем в Японии. Чтобы выполнить миссию, ты не должен упорно следовать японским обычаям. Если то, что считается белым, у южных варваров считается черным, принимай за черное. Если в глубине души ты не согласен, обязан делать вид, что согласен». Так что же — беспринципность или мудрость? Та самая, которую проявляли японцы, становясь христианами ради «мирской выгоды»? Кстати, это выражение лишено привычного для нас негативного оттенка, скорее следует понимать его как «здоровый смысл» или «практичность».

«Японцы принимают лишь религию, которая приносит

мирские выгоды — будь то богатство, победа в войне или избавление от болезни, но совершенно безразличны к сверхъестественному и вечному».

Но как сочетать с этим фанатизм японских христиан, погибавших за веру? На этом следует остановиться особо. Обратите внимание — мученическую смерть в романе принимают крестьяне, те, кто находится в самом низу социальной лестницы. (И Самурай, как это настойчиво подчеркивается автором, плоть от плоти народа — отсюда и его «безымянность», но есть разница между ним, обреченным на смерть силой обстоятельств, и теми, кто шел на гибель добровольно.)

И для японских крестьян, охотно «примыкавших» к Христовой вере, очевидна «мирская выгода»: миссионеры помогали бедным, устраивали приюты для сирот, больницы и школы для народа. Того самого народа, по отношению к которому собственные правители проводили политику, определявшуюся словами: «Крестьянам нельзя давать жить, но и убивать их нельзя».

Именно так — между жизнью и смертью — существовали японские крестьяне. Они «гораздо беднее самых нищих крестьян, каких можно встретить где-нибудь в глухом углу Португалии. Даже самые зажиточные едят рис — пищу богачей — всего лишь два раза в год. Обычная же еда их — батат, редька и другие овощи, а пьют они обычно подогретую воду... Почти все дома крыты соломой, зловонные, грязные... Подати взимаются с исключительной строгостью, должников беспощадно наказывают...». Эти наблюдения приводят Себастьяна Родригеса к верному выводу: «На протяжении веков эти крестьяне трудились, поистине словно рабочий скот, и, как скот, умирали. И если наша вера распространилась в этом краю столь же быстро, сколь влага впитывается в пересохшую почву, то лишь потому, что она даровала истерзанному народу теплоту сострадания и участия». Мучительная жизнь или мученическая смерть — такова была альтернатива. Многие предпочли беспросветности земного существования надежду на «храм параисо».

Но не одни тяготы бытия приводили к тому, что крестьяне погибали на кострах. Ведь как бы голодно и холодно им ни жилось, но и для них вставало солнце, и у них бывали радости и светлые минуты. К тому же суровый аскетизм в Японии всегда возводился в ранг добродетелей.

Ну а если жизнь все же делалась невыносимой, всегда

оставалась возможность расстаться с нею. (Замечу, кстати, что в Японии в средние века существовал едва ли не культ самоубийства, была разработана его этика и эстетика. Харакири — вспарывание живота на поле брани из опасения попасть в руки врага, «самоубийство вслед» — привилегия приближенных главы феодального клана в случае его смерти, наконец, «двойное самоубийство» влюбленных, лишенных возможности соединиться в этом мире... Правда, все эти ритуальные способы ухода из жизни не имели отношения к простолюдинам.)

Совершенно очевидно, что причиной фанатичной стойкости японцев, погибавших за веру, была не только безысходность существования, но и этические установления. В первую очередь — моральный долг, который предписывал следовать за вышестоящим, будь то феодальный князь или староста деревни, а во-вторых, завет предков, ведь существовало несколько поколений японцев, унаследовавших чужеземную религию как веру отцов. (Кстати, этический принцип срабатывал и в противоположном случае: «Стоит князю отречься от христианства, как вслед за ним отрекается вся его семья, его вассалы, стоит отречься старосте деревни, как сразу же почти все ее жители оставляют Церковь».)

Можно не сомневаться, что Эндо предельно достоверен в описании крестьянского быта; он и в этом верен принципам документализации — художественной особенности японской литературы, которая прослеживается на всем протяжении ее развития. Этот принцип выражается в использовании подлинного документа или стилизации под него, в скрупулезной датированности разного рода — временной, пространственной, социальной, в информационной избыточности и в предельной достоверности деталей быта. В тексте различимы следы буддийского миропонимания. Можно обнаружить приверженность традициям эгобеллетристики и ощутить образность, присущую литературам Дальнего Востока. Все это делает романы Эндо несомненным достоянием национальной литературы.

Однако, не рискуя впасть в преувеличение, можно назвать Эндо и самым «европеизированным» из современных японских писателей. Но, замечу, не единственным. В последнее время в японской литературе все больше дает себя знать тенденция сближения с европейской манерой письма, точнее — отход от традиционной японской. Случается, что только реалии быта да имена позволяют атрибутировать произведение как принадлежащее перу авто-

ра-японца. В первую очередь сказанное относится к сочинениям модернистского толка, но не только к ним.

Похоже, что на наших глазах происходит очередное освоение японцами плацдармов в иной культурной традиции. И в этом процессе Эндо выступает как лидер. Он — один из немногих, кто отважился на воссоздание духовного мира европейца и сделал это, на мой взгляд, мастерски. Отец Веласко, например, написан с такой художественной убедительностью, что, если бы Эндо вздумалось назвать свой роман «Миссионер», а не «Самурай», его нельзя было бы упрекнуть в отсутствии оснований для этого.

Исторические факты, лежащие в основе романов Эндо, таковы, что, если бы он просто последовательно изложил их, его книги все равно держали бы читателя в напряжении. Их занимательность была бы сравнима лишь с приключенческой литературой или детективом. Воистину прав Гофман: «Все, что на самом деле случается, это и есть самое невероятное. Нет ничего поразительней и безумней, нежели действительная жизнь». Но Эндо не историк и не летописец, а писатель, беллетрист, и его романы, несмотря на тесную привязку к историческим событиям и фактам, художественные произведения. Их реалистичность не подлежит сомнению, но в то же время они буквально пронизаны иносказаниями, аллегориями, символами. Молчание Бога, вещие сны Самурая, запахи Японии, белый лебедь из далеких неведомых краев...

Самый значимый и трагический символ — крестный путь Себастьяна Родригеса, уподобленный восхождению на Голгофу. Множество узнаваемых деталей и прямых сентенций не дает нам забыть об этом сходстве. Но финал пути Родригеса страшен своей бессмысленностью: он проводит оставшиеся годы жизни, утратив все, даже имя, обреченный на вечную муку. То, что привело его на землю Японии, кажется теперь бывшему священнику не только бессмысленным, но и фальшивым. В этом — скрытый пафос романа.

Разносторонность дарования Сюсаку Эндо ставит нас перед необходимостью выбирать из целого ряда направлений, которым можно следовать, повествуя о нем самом, его книгах, его героях. Заманчивой кажется идея сопоставить творческую манеру Эндо и Грэма Грина. Или, например, проследить трансформацию образа Феррейры, к судьбе которого Эндо обращается в разных произведениях. Можно прочитать «Молчание» так, как это сделал

постановщик фильма по роману, увидевший в нем прежде всего нравственную проблему личности: человек перед лицом выбора — гибель во имя идеи или предательство ради спасения жизни...

Возможно ли это даже в обширном комментарии? Вопрос, безусловно, риторический... И я расстаюсь с читателем, сожалея, что удалось сказать далеко не все, о чем хотелось, представляя столь значительные произведения японской литературы.

Л. Громковская

СОДЕРЖАНИЕ

МОЛЧАНИЕ *

<i>ПРОЛОГ. Перевод И. Львовой</i>	7
ГЛАВА I	14
ГЛАВА II	24
ГЛАВА III	30
ГЛАВА IV	42
ГЛАВА V	70
ГЛАВА VI. <i>Перевод Г. Дуткиной</i>	88
ГЛАВА VII	103
ГЛАВА VIII	128
ГЛАВА IX	140
ГЛАВА X	144
<i>ПРИЛОЖЕНИЕ</i>	156

САМУРАЙ

ГЛАВА I. <i>Перевод В. Гривнина</i>	165
ГЛАВА II	192
ГЛАВА III	212
ГЛАВА IV	245
ГЛАВА V	270
ГЛАВА VI	299
ГЛАВА VII	333
ГЛАВА VIII	343
ГЛАВА IX	366
ГЛАВА X	385

<i>Л. Громковская. ПОСЛЕСЛОВИЕ</i>	429
--	-----

Сюсаку Эндо

МОЛЧАНИЕ. САМУРАЙ

Редактор *Г. Б. Дуткина, Л. Г. Губарева*
Младший редактор *И. И. Голосовская*
Художник *В. И. Кириллов*
Художественный редактор *С. Е. Барабаш*
Технический редактор *Г. И. Немтинова*
Корректор *Г. Н. Иванова*

ИБ № 4421

Сдано в набор 22.03.88. Подписано в печать 14.02.89.
Формат 84x108^{1/32}. Бумага книжно-журн. Гарнитура тип. Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 23,94.
Уч.-изд. л. 26,22. Тираж 50 000 экз. Заказ № 407.
Цена 2 р. 90 к. Изд. № 3819

Издательство «Радуга» В/О «Совэкспорткнига»
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Москва, 119859, ГСП-3, Зубовский бульвар, 17

Можайский полиграфкомбинат В/О «Совэкспорткнига»
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Можайск, 143200, ул. Мира, 93